

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

РАЯНОВ
Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

АЗЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

ЮДИН
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

АЗНАГУЛОВА
Гузель Мухаметовна

доктор юридических наук, доцент (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДЬЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The Journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI № ФС77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.

The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff. Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. RAYANOV

Doctor of Law, Professor

Editorial councilmembers

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilon A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Guzel M. AZNAGULOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

RU

6 Предисловие к выпуску

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ИНЫМИ
ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

- 8 **Валькирия Н.В.**
Духовно-нравственное просвещение
как средство противодействия
преступности молодежи
- 15 **Гаврилов Б.Я.**
О влиянии трудов профессора
Л.Л. Каневского на исследование
современных проблем
предварительного следствия
- 24 **Головин А.Ю., Акиев А.Р., Головина Е.В.**
Дистанционное вовлечение
несовершеннолетних в преступную
деятельность как объект
криминалистического исследования
- 31 **Дронова О.Б.**
Средства индивидуальной
мобильности как источник
повышенной опасности в механизме
дорожно-транспортного происшествия
- 37 **Иванова Е.В., Дьяконова О.Г.**
Использование специальных знаний
при расследовании преступлений,
предусмотренных статьями
242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса
Российской Федерации
- 49 **Карагодин В.Н.**
Расследование преступлений лиц
молодого возраста как объект
криминалистических исследований
- 56 **Макаренко И.А.**
Развитие идей профессора Л.Л. Каневского
в современной криминалистике
- 60 **Милованова М.М.**
Особенности установления обстоятельств,
подлежащих доказыванию в процессе
расследования диверсий на железнодорожных
объектах, совершенных несовершеннолетними
- 68 **Муратов К.Д., Муратова Н.Г.**
Тактика очной ставки с участием
несовершеннолетних в условиях применения
цифровых технологий: продолжение идей
профессора Льва Львовича Каневского
- 74 **Подольный Н.А.**
Криминалистическая профилактика
преступлений, совершаемых молодежными
организованными группировками

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

EN

6 Introduction to the issue

**CRIMINALISTIC PROBLEMS OF
THE EFFECTIVENESS OF COMBATING
CRIME AND OTHER OFFENSES
AMONG YOUNG PEOPLE**

- 8 **Valkiriya N.I.**
Spiritual and moral education
as a means of counteracting
youth crime
- 15 **Gavrilov B.Y.**
On the influence of professor
L.L. Kanevsky's works on the study
of modern problems
of preliminary investigation
- 24 **Golovin A.Y., Akiev A.R., Golovina E.V.**
Remote involvement of minors
in criminal activity as an object
of criminalistic research
- 31 **Dronova O.B.**
Personal mobility equipment
as a source of increased danger
in the mechanism of a traffic accident
- 37 **Ivanova E.V., Dyakonova O.G.**
Using specialized knowledge in the
investigation of crimes under articles
242, 242.1, 242.2 of the Criminal code
of the Russian Federation
- 49 **Karagodin V.N.**
Youth crime investigation as an object
of criminalistic research
- 56 **Makarenko I.A.**
The development of professor L.L. Kanevsky's
ideas in contemporary criminalistics
- 60 **Milovanova M.M.**
Specifics of establishing the circumstances
to be proved in the investigation of sabotage
at railway facilities committed by minors
- 68 **Muratov K.D., Muratova N.G.**
Confrontation tactics involving minors
in the context of using digital technologies:
continuation of the ideas of professor
Lev Lvovich Kanevsky
- 74 **Podol'nyy N.A.**
Criminalistic prevention of crimes
committed by youth organized groups

- | | | | |
|--|--|--|---|
| 81 | Полстовалов О.В. Криминалистическое обеспечение профилактики, расследования и раскрытия преступлений, совершаемых блогерами: контуры видовой характеристики | 81 | Polstovalov O.V. Criminalistic support for preventing, investigating and detecting crimes committed by bloggers: type characterization outlines |
| 90 | Славгородская О.А. Роль допроса свидетелей при расследовании преступлений несовершеннолетних | 90 | Slavgorodskaya O.A. The role of witness examination in the investigation of juvenile crimes |
| 96 | Халиков А.Н. Функция предупреждения преступлений при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних | 96 | Khalikov A.N. Crime prevention function in the investigation of criminal cases involving minors |
| 103 | Чебурёнков А.А. Криминалистические проблемы установления негативного влияния взрослых на несовершеннолетних с целью вовлечения их в совершение преступлений | 103 | Cheburenkov A.A. Criminalistic problems of determining the negative influence of adults on minors with a view to involving them in the commission of crimes |
| 115 | Шайкова М.В. Использование специальных знаний в области полиграфологии в целях установления криминалистически значимой информации в отношении несовершеннолетних | 115 | Shaikova M.V. The use of special knowledge in the field of polygraphology in order to establish criminalistically significant information regarding minors |
| 122 | Шишкина Е.В. Значение данных о динамике и распространенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, для их расследования | 122 | Shishkina E.V. The relevance of data on the dynamics and prevalence of crimes committed by minors for their investigation |
| 129 | Юматов В.А., Полякова А.В. Особенности идентификации огнестрельного оружия по следам на пулях, подвергшихся агрессивному воздействию | 129 | Yumatov V.A., Polyakova A.V. Features of identification of firearms by traces on bullets aggressively exposed |
| ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ | | PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES | |
| 137 | Лушников А.М. Индивидуальные трудовые споры и «Экономический анализ права» при их разрешении: свет и тени | 137 | Lushnikov A.M. Individual labor disputes and «Economic analysis of law» in their resolution: light and shadows |
| 148 | Мальй А.Ф., Токарева И.Н. Понятие процесса конституционализации в контексте развития правовой системы Российской Федерации | 148 | Malyy A.F., Tokareva I.N. The concept of the constitutionalization process in the context of the development of the legal system of the Russian Federation |
| 154 | Пестрикова А.А., Сморчкова Л.Н. Информированное согласие как правовое средство регулирования медицинских отношений | 154 | Pestrikova A.A., Smorchkova L.N. Informed consent as a legal means of regulating medical relations |
| 163 | Пучков О.А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития | 163 | Puchkov O.A. Law in the mirror of high technology: comparative analysis of legal development trends |

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

173 Аминев Ф.Г., Замятин С.А.
Сравнительный анализ основных положений несудебной и судебной экспертизы проектной документации строительных объектов

183 Кутузов А.В.
Криминалистическая идентификация с использованием систем распознавания лиц: состояние проблемы и потенциальные пути ее решения

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

192 Скирда М.В.
К вопросу об имплементации типовых стратегий организации объединенных наций по снижению рецидива преступности в национальное законодательство (на примере Российской Федерации)

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

203 Дехерт А.А.
Сравнительно-правовой анализ регламентации процессуальных издержек по законодательству России, Беларуси и Казахстана

209 Ушакова В.В.
Формы и приемы взаимодействия органов предварительного следствия с подразделением по делам несовершеннолетних

CRIMINAL LAW SCIENCES

173 Aminev F.G., Zamyatin S.A.
Comparative analysis of the main provisions of non-judicial and judicial examination of construction facilities design documentation

183 Kutuzov A.V.
Forensic identification using facial recognition systems: state of the problem and potential ways to solve it

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

192 Skirda M.V.
On the implementation of the un model strategies on reducing reoffending in national legislation (case study of the Russian Federation)

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

203 Dekhert A.A.
Comparative law analysis of the regulation of procedural costs under the legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan

209 Ushakova V.V.
Forms and methods of interaction between preliminary investigation bodies and the juvenile affairs unit

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Уважаемый читатель!

30 апреля исполнилось 100 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессора, основателя кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий и научной школы проблем расследования преступлений несовершеннолетних Льва Львовича Каневского. Лев Львович сражался за независимость России на фронтах Великой Отечественной войны, работал в органах следствия и одним из первых среди преподавателей Института права получил ученую степень. Он оставил после себя наследие не только в виде множества трудов, но и талантливых учеников, которые развивают его научные идеи.

Статьи в главной теме – это дань памяти нашему выдающемуся коллеге. В этом выпуске мы попытались собрать тех авторов, которые были знакомы и работали с Львом Львовичем, защитили под его руководством диссертации, имели и продолжают поддерживать тесное сотрудничество с представителями уфимской научной криминалистической школы, а потому считаем правильным передать слово коллеге Льва Львовича – ученому-криминалисту Надежде Павловне Майлис.

*Гизатуллин Ирек Альфредович, главный редактор,
кандидат юридических наук*

Высокий профессионализм следователя –
залог успеха в раскрытии преступлений.
Л.Л. Каневский

РОЛЬ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Л.Л. КАНЕВСКОГО В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Имя видного ученого, талантливого и прозорливого криминалиста Льва Львовича Каневского, внесшего большой вклад в раскрытие, расследование и предотвращение преступлений, совершенных несовершеннолетними, прочно вошло в историю российской юридической науки. Бесспорно, он принадлежит к когорте выдающихся ученых-юристов, которые стояли у истоков советской и российской криминалистической науки и многие годы определяли основные направления ее развития. Многочисленные труды профессора Л.Л. Каневского и поныне остаются научной базой для разработки современных средств и методов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений несовершеннолетних.

В работах Л.Л. Каневского с позиций системного подхода рассматриваются теоретические проблемы криминалистической методологии, информационного обеспечения и повышения эффективности расследования преступлений несовершеннолетних на основе анализа всех этапов их раскрытия, организационно-управленческие и нравственно-психологические начала в деятельности следователя.

При рассмотрении проблем расследования преступлений несовершеннолетних Л.Л. Каневский должное внимание уделял психологическим особенностям несовершеннолетних преступников, особенностям проведения различных следственных действий с их участием – допроса, следственного эксперимента и др. Особенно важен этот аспект в современных условиях, когда несовершеннолетние хорошо владеют навыками использования компьютерной техники, могут уничтожить важную для следователя информацию и тем самым противодействуют раскрытию и расследованию преступлений. Компьютерную грамотность несовершеннолетних используют взрослые, вовлекая их в совершение правонарушений или в организованную преступную группу.

При расследовании преступлений несовершеннолетних следует учитывать многие составляющие, прежде всего личность преступника, его психологический статус, влияние социальной среды, неблагополучие в семье, доступность наркотиков и алкоголя, региональные особенности, обстановку, в которой преступления совершаются, и многие другие. Поскольку вопросы противодействия преступлениям несовершеннолетних до настоящего времени недостаточно разработаны, последователи и ученики Л.Л. Каневского должны продолжать исследования в этой области.

Изучая проблемы расследования преступлений несовершеннолетних, Л.Л. Каневским не оставлены без внимания и такие вопросы, как совершенствование подготовки и повышения следователем своего профессионального уровня. Это важное направление особенно актуально и в настоящее время. Следователь должен знать современные возможности изъятия и исследования новых видов электронной информации, запечатленной на различных объектах в компьютерных системах и средствах, или, в случаях недостаточности собственных знаний, пригласить соответствующего специалиста.

Несомненный познавательный интерес представляет книга Л.Л. Каневского «Капля крови. Записки криминалиста». Это серия очерков о сложных преступлениях, которые расследовал сам автор и другие следователи, об их тесном взаимодействии с оперативными сотрудниками уголовного розыска и судебно-экспертными учреждениями. Для установления истины по делу необходимо использование специальных знаний, которые применяют специалисты и эксперты-криминалисты. Как известно, на месте происшествия всегда остаются различные виды следов, результаты исследования которых имеют важное доказательственное значение для раскрытия и расследования преступлений. Правильное изъятие следов (повреждений) на месте происшествия, сохранение отобразившейся в них информации (признаков объектов) всегда способствует качественному проведению судебных экспертиз.

Говоря о трудах Л.Л. Каневского, нельзя не отметить стиль его работ, который заключается в простоте изложения сложных теоретических понятий.

Как видный ученый, Каневский Л.Л. оставил огромное научное наследие, которое востребовано и широко используется в настоящее время. Несомненно, его ученики продолжат пополнять теоретические основы расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, с применением современных технологий.

*Майлис Надежда Павловна, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры оружиеведения и трасологии
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ИНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

CRIMINALISTIC PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS OF COMBATING CRIME AND OTHER OFFENSES AMONG YOUNG PEOPLE

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.1

Original article

ВАЛЬКИРИЯ Наталья Ивановна
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия,
e-mail: ni_malykhina@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-6679-8422>

VALKIRIYA Natalya Ivanovna
Baikal State University, Irkutsk, Russia.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ МОЛОДЕЖИ

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION AS A MEANS OF COUNTERACTING YOUTH CRIME

Аннотация. Отсутствие или искажение духовно-нравственных ориентиров молодежи в значительной степени влияет на формирование ее деструктивного мышления и поведения. В настоящее время вопросы духовности и нравственности все чаще стали подниматься и обсуждаться в научном сообществе. Особую актуальность данная тематика приобретает при исследовании причин и условий преступности в молодежной среде и определении путей их выявления и устранения. Цель: аргументировать необходимость и важность духовно-нравственного просвещения как средства противодействия преступности в молодежной среде, разработать предложения по эффективной реализации данного направления. Методы: диалектический метод, комплекс общенаучных и специальных методов научного познания (анализа, синтеза, сравнения, аналогии, моделирования и др.). Результаты: в целях противодействия преступности молодежи предлагается создание программы (либо основ) духовно-нравственного развития общества, в которой будут раскрыты и систематизированы знания по вопросам духовности и нравственности с акцентом на изложение и пояснение законов духовного мира, а также уточнен перечень мероприятий по различным направлениям, способствующих овладению, развитию, сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей в молодежной среде.

Abstract. The lack or misinterpretation of spiritual and moral guidelines of young people significantly affects the formation of their destructive thinking and behavior. Nowadays, the issues of spirituality and morality have been increasingly raised and discussed in the scientific community. This topic acquires particular relevance when studying the causes and conditions of youth crime and determining ways to identify and eliminate them. Purpose: to justify the need and importance of spiritual and moral education as a means of counteracting youth crime, to develop proposals for the effective implementation of this direction. Methods: dialectical method, a set of general and special methods of scientific knowledge (analysis, synthesis, comparison, analogy, modeling, etc.). Results: in order to counteract youth crime it is proposed to create a program (or framework) of spiritual and moral development of society, which will disclose and systematize knowledge on spirituality and morality with an emphasis on the presentation and explanation of the basics of the laws of the spiritual world and specify a list of activities in various directions that contribute to the mastery, development, preservation and strengthening of spiritual and moral values among young people.

Ключевые слова: противодействие преступности, молодежь, духовность, нравственность, духовно-нравственные ценности, духовно-нравственное просвещение

Keywords: crime counteraction, youth, spirituality, morality, spiritual and moral values, spiritual and moral education

Для цитирования: Валькирия Н.И. Духовно-нравственное просвещение как средство противодействия преступности молодежи / Н.И. Валькирия. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 8–14.

For citation: Valkiriya N.I. Spiritual and moral education as a means of counteracting youth crime. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 8–14 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.1.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно борьба с преступностью определяется как сложная, целенаправленная, системная деятельность, включающая три подсистемы: «общую организацию борьбы, предупреждение преступности и правоохранительную деятельность» [1, с. 380]. Общеорганизационные, предупредительные и правоохранительные меры направлены на противодействие преступности в целом и преступности молодежи в частности.

По нашему мнению, в первую очередь в процессе борьбы с преступностью в молодежной среде следует уделять повышенное внимание вопросам духовности и нравственности, поскольку именно они составляют основу жизнедеятельности человека, в том числе предопределяя различные модели поведения в обществе. Невладение в достаточном объеме информацией либо искаженные представления о духовности и нравственности во многом обуславливают обесценивание истинных знаний о них, что, как следствие, во многом предопределяет деструктивное мышление и поведение молодежи.

На сегодняшний день данные вопросы лишь частично нашли отражение в работах по предупреждению преступности несовершеннолетних и молодежи и в большинстве случаев определены в качестве констатации фактов о необходимости проведения мероприятий, направленных на духовно-нравственное развитие человека [2; 3].

Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств.¹

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 384.

В соответствии с Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. данная социально-демографическая группа включает лиц «в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)»², что предопределяет необходимость разработки широкого спектра направлений по духовно-нравственному просвещению молодежи в целях противодействия преступности.

О НЕОБХОДИМОСТИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Тема духовности и нравственности в аспекте необходимости воспитания, просвещения молодежи как в целом, так и, например, в различных образовательных учреждениях в настоящее время все чаще упоминается и развивается в научных исследованиях, что свидетельствует о положительной тенденции нарастания интереса к вопросу о духовно-нравственном развитии общества [4; 5; 6].

О важности духовно-нравственного просвещения молодежи в целях противодействия преступности свидетельствуют, в частности, результаты многочисленных научных исследований, отражающие отсутствие либо искажение духовно-нравственных ориентиров в личностных характеристиках лиц указан-

² Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

ной группы, совершающих буллинг/кибербуллинг, убийства, изнасилования, преступления экстремистской направленности, террористического характера и пр.

Особую актуальность рассматриваемая тематика приобретает в условиях развития цифровых технологий, использование которых в настоящее время оказывает колоссальное деструктивное влияние на психику молодежи. Влияние на психику осуществляется посредством психотехнологий, применение которых позволяет негативно воздействовать на подсознание, эмоции и менять в нужном, а именно деструктивном, направлении модели мышления и поведения молодого человека, который, к примеру, активно пользуется интернет-ресурсами. Манипуляционное воздействие осуществляется через рекламу, фильмы, музыку, компьютерные игры, программы развлекательного характера и т. д.

В качестве примера укажем в систематизированном виде психические особенности молодых лиц, совершивших вооруженные нападения в образовательных учреждениях, выявленные разными учеными: неуверенность, замкнутость, депрессивность, наличие проблем в общении со сверстниками, заниженная самооценка, отстраненность от реальной жизни на фоне активного времяпрепровождения в виртуальной среде, искажения эмоционально-волевой сферы, наличие обиды на жизнь, сверстников и учителей, мстительность, наряду с чувством одиночества желание обратить на себя внимание, демонстрация превосходства над людьми, желание убивать без повода, склонность к самоубийству [7; 8; 9] и т. д. В данном случае следует отметить связь скулшутинга и буллинга, где последний выступает одним из мотивационных факторов, предопределяющих совершение в школах массовых убийств [10, с. 586].

О ПОНЯТИИ ДУХОВНОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ

Нравственность неразрывно связана с духовностью: «нормы и принципы нравственности получают идейное обоснование и выражение в идеалах добра и зла, являющихся категориями духовности» [11, с. 16]. Духовность определяет высшие, «вертикаль-

ные», устремления человека (стремление к осмыслению мира и себя в нем, духовному росту, повышению уровня осознанности и т. д.), а нравственность является сферой ее «горизонтальных» устремлений, то есть отношений с людьми и обществом.

Нравственность – это «внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. п., которые проявляются в отношении к людям и природе».³ Нравственность регулирует поведение и сознание человека во всех сферах общественной жизни, это проявление духовности в поведении человека, в его взаимоотношениях с окружающим миром.

Нравственность рассматривается как структурный компонент духовности, «степень гармонизации в ее сознании и поступках общечеловеческих ценностей, выступающих в виде норм поведения ... нормы духовного поведения, регулирующие личные и общественные интересы, взаимоотношения личности и окружающего мира таким образом, чтобы при этом были обеспечены и общее, и личное благо» [12, с. 33–34].

Термин «духовность», в отличие от понятия нравственности, еще не нашел однозначного толкования в силу многогранности его значения в религии, философии, культурологии, психологии. Тем не менее в самом обобщенном виде его можно сформулировать как свойство природы самого человека, противопоставляемое его телесной сущности; состояние человека, отражающее целостность и гармонию его внутреннего психического мира, стремление к идеалу, самосовершенствованию, высшим ценностям, находящимся за пределами индивидуального существования человека, и т. д. В своей работе О.Ю. Голубева отмечает, что «духовность является пространством, где формируется и развивается личность; составными элементами духовного пространства могут выступать: моральные нормы, система духовно-нравственных ценностей, духовная культура» [13, с. 756].

Вопросы нравственности и духовности находятся в непосредственной взаимосвязи с законами духовного мира (духовны-

³ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 659.

ми законами), которые издавна прописаны, в частности в религиозной, например православной, литературе. Однако многими они либо не соблюдаются, либо не воспринимаются, как представляется, по причине того, что в должной мере не пояснены и не раскрыты (в том числе последствия несоблюдения данных законов) доступным для восприятия обывателем языком.

Последствия нарушения законов духовного мира

О существовании не только физического, но и духовного мира как компонентов окружающего нас мира известно давно. Однако в отличие от законов физического мира, раскрывающих особенности его закономерностей и свойств, исследованию законов духовного мира и последствиям их нарушения не уделяется должного научного внимания.

По справедливому замечанию доктора технических наук, академика Академии военных наук А.В. Руденского, «эта односторонность, мировоззренческий флюс современного общества, является питательной средой формирования ложных представлений, ложных ценностей, совершения негативных деяний; необходимо отчетливо представлять, что нарушение законов мира духовного может приводить к столь же тяжелым последствиям, как и нарушение законов мира физического; без знания законов духовного мира и неотвратимости их действия любое достижение человеческого разума может быть обращено во вред» [14, с. 5].

В своей работе ученый акцентирует внимание на ошибочно сложившихся в современном обществе представлениях о смерти, которая, в понимании многих людей, заканчивается после прекращения функционирования физического тела человека. Подобного рода заблуждения формируют у большинства людей уверенность в том, что какие-либо действия можно «спрятать» от мира и после смерти физического тела все они тоже исчезнут, за них не нужно будет нести никакой ответственности. Такое ограниченное восприятие и понимание смысла существования человека предопределяет соответствующий образ его жизнедеятельности, основанный на стремлении удовлет-

ворить свои материальные потребности любыми методами и средствами, при этом проявляя эгоизм, обман, лицемерие, манипуляции, насилие и иные формы деструктивного отношения и поведения при взаимодействии в обществе. Однако убеждения о возможности остаться безнаказанным за совершенные человеком негативные действия – это всего лишь иллюзия [14, с. 6–7].

Рассматривая вопросы построения духовного мира, процессы, происходящие в нем, А.В. Руденский выделяет три главных следствия, отражающих неизбежность ответной реакции окружающего мира на любое действие: «1) неотвратимость ответной реакции (любой импульс, внесенный в мир, неизбежно предопределяет ответную реакцию и соответствующее воздействие на его источник); 2) бессмертие личности (человек имеет не только физическое тело, но и душу, которая, являясь носителем всех мыслей человека, его чувств, ощущений, памяти и т. д., сохраняется навечно, в том числе после распада физического тела); 3) неизбежность ответа за все свои действия (любые действия, совершенные человеком при жизни, неотвратимо отражаются на состоянии его души)» [14, с. 6], а также, заметим, на событиях в его жизни, состоянии не только психического, но и физического здоровья и др.

По нашему мнению, разъяснение законов духовного мира – первоочередная задача духовно-нравственного просвещения молодежи, поскольку именно они расширяют представления о духовной составляющей материального мира, о смысле существования человека, о неотвратимости действия законов духовного мира (неотвратимости наступления последствий жизнедеятельности человека, как позитивных, так и негативных) и т. д. Следует заметить, что в литературе в числе основных детерминант преступности всегда отмечается духовный кризис и падение традиционных нравственных ценностей [6, с. 62; 15, с. 50], что, в свою очередь, как видится, во многом и предопределяет возникновение иных причин и условий преступности. Считаем, что именно нарушение законов духовного мира является одной из первопричин возникновения преступности, в частности преступности

молодежи, в связи с чем данным вопросам следует уделять особое внимание.

**Основная цель
духовно-нравственного просвещения
молодежи в целях противодействия
преступности и ключевой
способ ее достижения**

Основная цель духовно-нравственного просвещения молодежи – смена существующей идеологии развития общества, основанной на культуре потребления, на новую и прогрессивную, базисом которой будет являться духовно-нравственное развитие. В контексте рассматриваемой тематики решение этой проблемы будет способствовать главному – снижению уровня преступности молодежи. Реализация данного направления предполагает распространение и разъяснение знаний о духовности и нравственности, о законах духовного мира и последствиях их несоблюдения.

Вследствие широкого возрастного диапазона молодежи как социальной группы достижению данной цели и решению поставленных задач будет способствовать в первую очередь разработка, к примеру, программы либо основ духовно-нравственного развития общества с уточнением и раскрытием вопросов о понятии духовности, нравственности, духовных и нравственных ценностей и т. д., с акцентом на изложение и пояснение основ законов духовного мира, а также содержащих конкретный перечень мероприятий, способствующих овладению, развитию, сохранению и укреплению указанных ценностей.

В настоящее время данные вопросы в определенной части прямо либо опосредованно отражены, например, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴, Основах государственной культурной политики⁵, Федеральном законе «О молодежной политике

4 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5 Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в Российской Федерации»⁶, Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г.⁷, Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период 2025 г.⁸ и др., положения которых требуют конкретизации, дальнейшей разработки и развития для достижения цели, обозначенной в настоящей работе в рамках рассматриваемой тематики.

Наибольшую сложность в этой деятельности на сегодняшний день представляет раскрытие информации о законах духовного мира в силу ее недостаточной научной проработанности, что обусловлено существующей идеологией общества потребления, в связи с чем «необходима немедленная организация серьезных научных исследований в области познания законов духовного мира; эти исследования в настоящее время гораздо более важны, чем исследования, направленные на дальнейшее развитие военнотехнического потенциала, на которые во всем мире расходуются колоссальные средства» [16, с. 8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Духовно-нравственное просвещение определяется нами как одно из приоритетных направлений в деятельности по противодействию преступности молодежи. Именно духовно-нравственное просвещение определяет основы внутреннего состояния, межличностного взаимодействия и во многом причины поведения в молодежной среде.

Деструктивное поведение молодежи в значительной степени обусловлено либо ис-

6 О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

7 Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года (вместе с «Планом мероприятий на 2021–2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года») : распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 12.11.2020 № 2945-Р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

каженными представлениями о духовности и нравственности, либо владением минимальным уровнем знаний в данной сфере, главной причиной чего является существующая концепция развития общества, основанная на максимальном удовлетворении не духовных (самопознание, самосовершенствование и т. д.), а материальных потребностей (нужда в материальном благополучии). В связи с этим основной целью духовно-нравственного просвещения молодежи в работе определена смена действующей идеологии общества потребления на иную, ориентированную на духовно-нравственное развитие человека

и способную существенно повлиять на снижение преступности молодежи.

Поддерживая и развивая предложения А.В. Руденского о необходимости и важности расширения представлений о действии законов духовного мира в целях противодействия преступности молодежи, мы предлагаем создать программу (либо разработать концепцию) духовно-нравственного развития общества с акцентом на изложение и пояснение основ законов духовного мира, что во многом будет способствовать овладению, развитию, сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей в молодежной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2005. – 912 с.
2. Филиппова Е.О. Предупреждение преступности: учебное пособие / Е.О. Филиппова. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2019. – 127 с.
3. Зайко Т.М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты : монография / Т.М. Зайко. – Тамбов : Консалтинговая компания «Юком», 2017. – 85 с.
4. Макарова М.В. Духовно-нравственное просвещение курсантов / М.В. Макарова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2007. – № 3 (30). – С. 30–33.
5. Костюк Ю.А. Духовный потенциал современной молодежи: актуальные проблемы и возможные пути решения / Ю.А. Костюк, Д.Б. Казанцева // Акмеология. – 2014. – № 4. – С. 125–129.
6. Мамалова Х.Э. Духовно-нравственное развитие молодого поколения / Х.Э. Мамалова, Т.Х. Абдулазимова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 61–63.
7. Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации / Е.В. Михайлова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 1 (80). – С. 20–25.
8. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминологическая диагностика / В.Д. Никишин // Lex Russica. – 2021. – Т. 74, № 11. – С. 62–76.
9. Кочои С.М. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях: уголовно-правовая и криминологическая оценка / С.М. Кочои, К.З. Трапаидзе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, вып. 4. – С. 910–926.
10. Волчецкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 578–591.
11. Петракова Т.И. Духовно-нравственное воспитание школьников в ценностном контексте современного образования / Т.И. Петракова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 15–20.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. (ed.). Criminology. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2005. 912 p.
2. Filippova E.O. Crime prevention. Orenburg State University Publ., 2019. 127 p.
3. Zayko T.M. Measures to combat juvenile and youth crime: legal and psychological-criminological aspects. Tambov, Ucom Publ., 2017. 85 p.
4. Makarova M.V. Spiritual and moral education of cadets. *Psichopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2007, no. 3 (30), pp. 30–33. (In Russian).
5. Kostyuk Ju.A., Kazantseva D.B. Spiritual – moral potential of the contemporary youth. *Akmeologiya = Acmeology*, 2014, no. 4, pp. 125–129. (In Russian).
6. Mamalova Kh.E., Abdulazimova T.Kh. Spiritual and moral development of the young generation. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of Science, Culture and Education*, 2019, no. 2 (75), pp. 61–63. (In Russian).
7. Mikhailova E.V. Criminological characterization of armed attacks in educational institutions of the Russian Federation (school shooting). *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2021, no. 1 (80), pp. 20–25. (In Russian).
8. Nikishin V.D. The Columbine (School Shooting): Essence, legal qualifications, forensic diagnostics. *Lex Russica*, 2021, Vol. 74, no. 11, pp. 62–76. (In Russian).
9. Kochoi S.M., K.Z. Trapaidze. Armed attacks and murders in educational organizations: Criminal law and criminological assessments. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 4, pp. 910–926. (In Russian).
10. Volchetskaya T.S., Avakyan M.V., Osipova E.V. The criminological description and prevention of school shootings and cyberbullying in Russia and abroad. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 578–591. (In Russian).
11. Petrakova T.I. Spiritual and moral education of schoolchildren in the value context of modern education. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 5, pp. 15–20. (In Russian).

12. Коваль Н.А. Духовность как условие формирования нравственных норм личности / Н.А. Коваль // Государственно-правовые исследования. – 2020. – Вып. 3. – С. 33–37.

13. Голубева О.Ю. Развитие личности в духовном пространстве / О.Ю. Голубева // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 118 (04). – С. 746–757.

14. Руденский А.В. О необходимости развития научных исследований в области действия законов духовного мира / А.В. Руденский // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 4. – С. 4–8.

15. Шевелева С.В. Криминология : учебное пособие / С.В. Шевелева, А.А. Гребеньков, В.Е. Новичков / отв. ред. А.А. Гребеньков. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2011. – 298 с.

12. Koval N.A. Spirituality as a condition for the formation of moral standards of an individual. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State Legal Research*, 2020, iss. 3, pp. 33–37. (In Russian).

13. Golubeva O.Yu. Personality development in the spiritual space. *Nauchnyj zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*, 2016, no. 118 (04), pp. 746–757. (In Russian).

14. Rudensky A.V. On the need to develop scientific research in the field of the laws of the spiritual world. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2010, no. 4, pp. 4–8. (In Russian).

15. Sheveleva S.V., Grebenkov A.A., Novichkov V.E.; Grebenkov A.A. (ed.). *Criminology*. Southwestern State University Publ., 2011. 298 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валькирия Наталья Ивановна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института правовых исследований.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkiriya Natalya Ivanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Institute of Legal Research.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.04.2024.
The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.04.2024.

Научная статья
УДК 343.1, 343.2
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.2

Original article

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич
Академия управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

GAVRILOV Boris Yakovlevich
Academy of Management of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia.

О ВЛИЯНИИ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Л.Л. КАНЕВСКОГО НА ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

ON THE INFLUENCE OF PROFESSOR L.L. KANEVSKY'S WORKS ON THE STUDY OF
MODERN PROBLEMS OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Аннотация. В статье отражены основные положения, разработанные доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации Л.Л. Каневским, оказавшие значительное влияние на исследовательский потенциал современного состояния предварительного следствия, в особенности на производство расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и с их участием. Рассматривается роль отдельных уголовно-процессуальных институтов в борьбе с преступностью на современном этапе развития уголовного судопроизводства, предложены пути их совершенствования с позиции законодателя и правоприменителя. Отмечается влияние взглядов Л.Л. Каневского на фундаментальные труды представителей научного сообщества, а также на состояние уголовно-процессуального законодательства и внесение в него изменений, регламентирующих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, в частности вопросы обязательного участия педагога или психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних. С учетом этого обосновывается необходимость внесения в УПК РФ ряда изменений, в числе которых расширение участия педагога или психолога в производстве отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних, совершенствование регламентации процессуальных сроков расследования и содержания обвиняемых под стражей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, педагог, психолог, несовершеннолетние, разумный срок уголовного судопроизводства, сроки предварительного следствия и содержания подозреваемых (обвиняемых) под стражей

Для цитирования: Гаврилов Б.Я. О влиянии трудов профессора Л.Л. Каневского на исследование современных проблем предварительного следствия / Б.Я. Гаврилов. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 15–23.

Abstract. The article reflects the main provisions developed by L.L. Kanevsky, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, which had significant impact on the research potential of the current state of the preliminary investigation, in particular, the investigation of crimes committed by and involving minors. The article considers the role of some criminal procedure institutes in combating crime at the present stage of development of criminal proceedings, the ways of their improvement from the position of the legislator and law enforcer are proposed. Note is taken of the influence of L.L. Kanevsky's views on the fundamental writings of representatives of the scientific community, as well as on the state of criminal procedure legislation and its amendments, regulating the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, in particular, the compulsory participation of an educator or psychologist in investigations involving minors. In view of this, it is necessary to introduce a number of amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, including expanding the participation of an educator or psychologist in the conduct of certain investigative actions involving minors and improving the regulation of procedural time limits for the investigation and detention of accused persons in custody.

Keywords: criminal proceedings, educator, psychologist, minors, reasonable period of criminal proceedings, terms of preliminary investigation and detention of suspects (accused) in custody

For citation: Gavrilov B.Ya. On the influence of Professor L.L. Kanevsky's works on the study of modern problems of preliminary investigation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 15–23 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.2.

© Гаврилов Б.Я., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Развитие научной мысли, совершенствование законодательного вектора, а также предложения правоприменителей о совершенствовании ряда институтов уголовно-процессуального права определяют современное состояние уголовного судопроизводства, акцентируя внимание на тенденциях развития общественных отношений в настоящее время, что обусловлено изменениями направленной жизнедеятельности социума. При этом эффективность осуществленных мероприятий следователем (дознавателем) находится в прямой пропорциональной зависимости от качества нормативного регулирования и функционирования конкретных уголовно-процессуальных институтов.

В данном контексте уместно отметить мнение известного советского и российского криминалиста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Л.Л. Каневского, который писал: «Следственную ситуацию нельзя ограничивать только внешней или внутренней стороной процесса предварительного следствия. Ее характеризует совокупность взаимосвязанных элементов, отражающих как обстановку, так и состояние самого следствия» [1, с. 21].

Однако, несмотря на наличие достаточного количества доктринальных разработок, включая ряд работ автора настоящей публикации [2; 3; 4], посвященных как теоретическим, так и практическим аспектам совершенствования уголовного судопроизводства, законодательные реалии в части изменения структуры функционирования отдельных институтов уголовно-процессуального законодательства представляются явно недостаточными. Решение видится в преодолении мнения представителей научного сообщества, субъектов правоприменительной и законодательной деятельности о неизменности положений таких процессуальных институтов, как возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения, возвращение судом уголовного дела.

В этой связи автор с позиций члена рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ по подготовке в 1998–2001 гг. проек-

та УПК РФ ко второму и третьему чтениям, а также правоприменителя, посвятившего более 30 лет уголовно-процессуальной деятельности в органах предварительного следствия и органах дознания, вполне обоснованно ставит вопрос об оценке эффективности ряда уголовно-процессуальных институтов современного законодательства (нормы, регламентирующие начало производства по уголовному делу, сроки предварительного следствия, процессуальный порядок предъявления обвинения и др.) и выдвигает предложения по их реформированию. При этом автор отмечает, что за почти 22 года действия УПК РФ в него были внесены изменения более чем 300 федеральными законами, за что Кодекс подвергается критике со стороны ученых и практических работников.

ПРИЧИНЫ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Переходя к изложению основных причин внесения в УПК РФ значительного количества изменений, необходимо отметить, что после принятия Кодекса на протяжении трех лет представителями Государственной Думы РФ, Минюста России, правоохранительных и судебных органов и научной общественности был осуществлен мониторинг, охвативший более половины субъектов Российской Федерации, по результатам которого в УПК РФ достаточно оперативно еще до вступления его в действие и в последующий период был внесен ряд весьма значимых изменений, обуславливающих не только появление новых процессуальных институтов, но и существенных изменений конкретных уголовно-процессуальных норм.

При этом необходимо акцентировать внимание на том, что большая часть внесенных в уголовно-процессуальное законодательство изменений обуславливалась необходимостью приведения отдельных положений УПК РФ, непосредственно затрагивающих права и свободы человека и гражданина, в соответствие с Конституцией РФ, потребностями правоприменительной практики.

Одновременно следует отметить, что отдельные поправки в УПК РФ не были вызва-

ны необходимостью, а в ряде случаев носили характер контрреформ. В их числе модернизированная форма возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, а фактически – на следствие, возвращение к форме обвинительного заключения по УПК РСФСР и ряд других. На это указывали и автор [4], и профессор В.П. Божьев [5], и другие представители научного сообщества [6].

Одной из основных причин, по мнению автора, столь значительного количества изменений обусловлено тем, что при подготовке проекта УПК РФ законодатель отказался от включения в него ряда предложений, выдвигаемых автором и членами указанной рабочей группы при Комитете по законодательству. Среди них необходимость дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, введение в состав участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения начальника специализированного подразделения дознания и ряд других, реализованных лишь в последующие годы путем внесения изменений в УПК РФ [4].

Инновационным представляется предложение профессора А.С. Александрова, обосновавшего идею отказа от предварительного следствия путем введения альтернативы в виде прокурорского дознания (что имеет место, например, в уголовно-процессуальном законодательстве Германии). Помимо этого, из англосаксонской системы правосудия наряду с осуществлением адвокатского расследования он предложил материализовать в российском законодательстве право гражданина на возбуждение уголовного иска при отказе в этом государственного органа [7], что позволило бы гражданам реализовать конституционное право на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ), поскольку на сегодняшний день в отношении половины регистрируемых сообщений о преступлениях (всего ежегодно их поступает в среднем 10–11 млн) органы предварительного расследования и органы дознания принимают решения об отказе в возбуждении уголовного дела (см. табл. 1). Вместе с тем от 20 до 40 % таких постановлений прокурорами признаются незаконными и необоснованными и отменяются.

Таблица 1

Сведения о количестве принятых процессуальных решений о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении дела¹

| Показатели | 2006 | 2016 | 2021 | 2022 | 2023 |
|--|--------|--------|--------|--------|--------|
| Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн) | 10,7 | 11,6 | 11,6 | 11,9 | 11,8 |
| Возбуждено уголовных дел (млн) | 3,3 | 1,85 | 1,67 | 1,62 | 1,6 |
| В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях | 30,8 % | 15,9 % | 17,9 % | 13,6 % | 13,5 % |
| Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн) | 4,5 | 6,8 | 5,7 | 6,0 | 6,2 |

Однако в условиях современного состояния уголовно-процессуального законодательства реализовать это не представляется возможным.

Помимо указанного, одной из детерминант значительного количества внесенных

в УПК РФ изменений явились потребности правоприменителей, о которых говорилось автором еще до принятия УПК РФ. Подобным

¹ Статистическая отчетность. Экспресс-информация [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 06.03.2024).

изменением стало образование Следственного комитета РФ² с предшествующим ему выведением в 2007 г. следователей из системы органов прокуратуры³. Следствием указанных изменений явилось: 1) изъятие у прокурора права на принятие процессуальных решений о возбуждении уголовного дела; 2) появление ранее неизвестных УПК РФ участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (в 2007 г. – начальник подразделения дознания; в 2015 г. – начальник органа дознания)⁴; 3) исключение из перечня полномочий прокурора руководства органами предвари-

тельного следствия с их передачей руководителю следственного органа с сохранением за прокурором надзорных полномочий.

Стоит отметить, что указанные изменения имели в значительной степени положительный эффект, о чем свидетельствуют статистические данные (см. табл. 2), по результатам анализа которых прослеживается тенденция к повышению уровня процессуального контроля за деятельностью органов предварительного следствия, что обусловило многократное сокращение количества оправданных и реабилитированных судами.

Таблица 2

Сведения о количестве лиц, оправданных судом, в том числе на 1000 обвиняемых, по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей⁵

| Период | Количество оправданных судом лиц, в том числе на 1000 обвиняемых, по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей | | | |
|--------|---|--------------------------------|---------------------------------|--------------------------------|
| | следователи МВД | из них содержалось под стражей | следователи прокуратуры и СК РФ | из них содержалось под стражей |
| 2006 | 1372–2,0 | 524 | 1885–18,0 | 954 |
| 2013 | 509–1,3 | 250 | 654–5,8 | 411 |
| 2021 | 371–1,2 | 101 | 630–6,5 | 241 |
| 2022 | 372–1,3 | 71 | 665–6,6 | 290 |
| 2023 | 308–1,1 | 46 | 550–5,6 | 240 |

2 О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В свою очередь, с позиций детерминизма как взаимосвязи и взаимной определенности всех явлений и процессов освобождение органов прокуратуры от осуществления процессуального контроля за деятельностью органов следствия предопределило повышение уровня их надзорной деятельности, определяющего сущность данного федерального органа власти и являющегося его исключительной компетен-

5 Сведения о числе лиц, оправданных судом, в том числе на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей за период с 2006 по 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 10.03.2024).

цией. Анализ статистических данных позволяет констатировать значительное увеличение количества возвращенных прокурорами уголовных дел для дополнительного рассле-

дования, а также многократное сокращение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (см. табл. 3).

Таблица 3

Сведения о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ⁶

| Период | Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования | | | | Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ | |
|--------|---|--------------------|----------------------------------|--------------------|--|--|
| | следователям МВД | удельный вес (в %) | следователям прокуратуры и СК РФ | удельный вес (в %) | всем органам расследования | в том числе следователям/уд. вес (в %) |
| 1999 | 21249 | 2,7 | 1102 | 1,4 | 41340 | 34209–4,0 % |
| 2006 | 18373 | 3,3 | 1286 | 0,8 | 35930 | – |
| 2020 | 17563 | 3,3 | 1902 | 2,0 | 6021 | 4166–1,2 % |
| 2021 | 17507 | 6,0 | 1847 | 2,1 | 6315 | 4518–1,2 % |
| 2022 | 15709 | 6,0 | 1769 | 2,1 | 5846 | 4216–1,2 % |

Влияние взглядов Л.Л. Каневского на разработку доктринальных положений и нормативно-правовое регулирование

Большой вклад в разработку его последователями доктринальных положений и нормативно-правовое регулирование, выражающееся в выработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части производства отдельных следственных действий, выражающих сущность и определяющих тенденции развития конкретных уголовно-процессуаль-

ных институтов, внес доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Лев Львович Каневский. Так, он указывал, что результативность допроса во многом зависит от психических качеств участвующих в этом общении лиц, наличия или отсутствия психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом. Под психологическим контактом Л.Л. Каневский понимал состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга [1, с. 112–113]. Данная позиция нашла отражение в процессуальных правилах допроса несовершеннолетних. Так, в УПК РФ в целях установления психологического контакта с несовершеннолетним закреплено обязательное участие педагога (ст. 191, 280, 425),

⁶ Сведения о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором следователям МВД, прокуратуры и Следственного комитета РФ и возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в период с 1999 по 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 10.03.2024).

в то время как УПК РСФСР 1960 г.⁷ указывал лишь на факультативное участие педагога по усмотрению следователя или прокурора либо по ходатайству защитника (ст. 159, 285, 397), при этом участие психолога не предусматривалось. УПК РФ в первоначальной редакции закрепил обязательное участие педагога в следующих случаях:

– допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет, а в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых – в возрасте до 16 лет;

– допрос несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, независимо от возраста.

Участие психолога как альтернатива педагогу в УПК РФ предусматривалось лишь при производстве допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

Необходимо также отметить влияние научных трудов Л.Л. Каневского на продолжение исследований поднятых им проблем современными представителями научного сообщества, что прослеживается в диссертационных работах С.В. Тетюева, рассмотревшего допрос несовершеннолетнего обвиняемого на стадии предварительного расследования [8]; А.Н. Бычкова, осветившего участие педагога в уголовном судопроизводстве [9]; Г.А. Мироновой, исследовавшей проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу показаний несовершеннолетнего потерпевшего [10]; К.А. Авалиани, осветившей особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [11]; И.С. Кошелевой, рассмотревшей организацию первоначального этапа расследования убийств, совершенных несовершеннолетними [12], и др.

Воззрения Л.Л. Каневского до настоящего времени находят отражение и в аспекте развития уголовно-процессуального законодательства. В частности, в ст. 191 УПК РФ, изначально регулировавшую особенности проведения допроса несовершеннолетних, Федеральным

законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ⁸ были внесены изменения в части расширения случаев обязательного участия педагога на ряд иных, помимо допроса, следственных действий, а именно на проведение очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Помимо того, обязательное участие педагога законодатель предусмотрел и при производстве указанных следственных действий в отношении несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, не достигшего 16 лет (ранее – 14 лет), а также страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, независимо от возраста.

Кроме того, данным законом введено правило о возможности участия психолога вместо случаев обязательного участия педагога, что также в определенной степени следует из научных предсказаний Льва Львовича, согласно которым «одним из важных организационных вопросов предварительного следствия по делам несовершеннолетних является вопрос о подборе специалистов, привлекаемых следователем в процессе расследования. Участие специалиста ... будет способствовать всестороннему исследованию личности несовершеннолетнего преступника» [13, с. 9]. Безусловно, специалистом признается и педагог, однако в ряде случаев для эффективности таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний в целях получения необходимой юридически значимой для расследования уголовного дела информации, требуются специальные знания в указанной области.

Развивая научное наследие Л.Л. Каневского в области совершенствования уголовно-процессуального законодательства при допросе несовершеннолетних и учитывая указанные законодательные изменения 2013 г. в части редакции ст. 191 УПК РФ, представляется необходимым обеспечить установление психологического контакта следователя (дознателя) с допрашиваемым несовершеннолетним в целях получения достоверных и правдивых сведений, имеющих значение

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

для раскрытия и расследования преступлений, путем расширения перечня случаев обязательного участия педагога или психолога в следственных действиях с участием несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

Так, при сравнительно-правовом анализе ст. 191, 280 и 425 УПК РФ представляется логичным не ограничиваться обязательным участием педагога или психолога на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних потерпевших, свидетелей, подозреваемых (обвиняемых), «страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии» путем изменения в ч. 1 ст. 191 и в ч. 3 ст. 425 УПК РФ указанной формулировки на «имеющих физические или психические недостатки». Также, исходя из анализа положений ст. 191 и 425 УПК РФ, следует обеспечить обязательное участие педагога или психолога не только при производстве допросов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), но и таких следственных действий, как очная ставка, проверка показаний и опознание.

По справедливому замечанию Л.Л. Каневского, «хотя несовершеннолетний обвиняемый и является самостоятельным субъектом процессуальных прав и обязанностей, тем не менее он нуждается в помощи при их реализации» [1, с. 133–134]. В этой связи стоит отметить, что не только несовершеннолетние потерпевшие и свидетели могут в силу возрастных особенностей быть «закрытыми» в рамках производства отдельных следственных действий, что препятствует выстраиванию нормального конструктивного диалога при взаимодействии со следователем (дознавателем), но и подозреваемые (обвиняемые), не достигшие совершеннолетия. Данный аспект оказывает влияние на качество расследования, выяснение причин и условий, способствующих совершению лицом преступления, выявление иных эпизодов преступной деятельности.

Кроме того, как в свое время отмечал Л.Л. Каневский, интуитивные догадки не являются основанием для принятия какого-либо принципиального решения по делу, нужны фактические данные, их логический анализ [1, с. 161], так и автор настоящей публикации, рассматривая проблематику уголовно-про-

цессуального законодательства и выдвигая предложения по совершенствованию УПК РФ, не интуитивно приходит к определенным выводам, а учитывает тенденции развития общественных отношений, обуславливающие изменения в правоприменительной практике. Так же как и Л.Л. Каневский, утверждавший, что к решению проблем выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними, необходим комплексный подход, в связи с чем данная деятельность, по его мнению, должна осуществляться на всем протяжении расследования, носить плановый характер и реализовываться в процессе проведения следственных действий, истребования документов, проведения обследований и др. [1, с. 249], автор настоящей статьи придерживается в своих исследованиях необходимости комплексного подхода к выработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

К их числу автор настоящей публикации относит ряд следующих предложений:

– исключение из ч. 5 ст. 162 УПК РФ, закрепляющей срок предварительного следствия, положения, противоречащего ст. 61 УПК РФ, о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, согласно ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 10 апреля 2010 г. № 68-ФЗ⁹ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11, ограничен 4 годами¹⁰. Сегодня положения ч. 5 ст. 162 УПК РФ не содержат ограничений относительно сроков предварительного следствия, за исключением сроков давности уголовной ответственности, что влечет нравственные и физические страдания, возможные утрату имущества и упущенную выгоду для тех или иных участников процесса [14, с. 126]. Наглядным свидетельством является ежегодное превышение установленного двухмесячного срока предварительного

⁹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

следствия более чем по 40 % уголовных дел и более чем по каждому третьему уголовному делу, расследуемому в форме дознания¹¹;

– внесение изменений в ч. 1 ст. 109 УПК РФ, регламентирующую первоначальный двухмесячный срок содержания обвиняемых под стражей, что обусловлено значительным увеличением с 5 суток (в редакции УПК РФ 2001 г.) до 10–30 суток срока для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного процессуального решения (ч. 1 и ч. 11 ст. 221 УПК РФ), а также «передачи» 14 суток из двухмесячного первоначального срока содержания обвиняемых под стражей для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. При сравнительно-правовом анализе законодательства европейских стран установлено, что этот срок составляет от 120 до 180 суток. Так, по уголовно-процессуальному законодательству Итальянской Республики первоначальный срок содержания под стражей установлен в 6 месяцев, с возможностью его сокращения судом при наличии обращения

11 Статистическая отчетность. Экспресс-информация [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 13.03.2024).

стороны защиты или прокурора [15, с. 119]. При этом указанные первоначальные сроки предварительного следствия и содержания под стражей в действующий УПК РФ «перешли» из УПК РСФСР 1922 г.;

– ряд иных предложений в части реорганизации институтов возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения, дознания в сокращенной форме, о чем автором изложено в ряде публикаций [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в связи со сложившимися изменениями в правовой, социально-политической и экономической сферах жизни российского общества и государства на сегодняшний день существует потребность в разработке нового концептуального подхода к уголовно-процессуальной политике. Для удовлетворения указанной потребности необходим вектор законодательной инициативы, обеспеченный доктринальными разработками, исключающими догматический подход к ныне существующим (перечисленным в статье и другим) институтам уголовно-процессуального права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск, 1991. – 283 с.
2. Гаврилов Б.Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 51–56.
3. Божьев В.П. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.
4. Гаврилов Б.Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7–14.
5. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.
6. Россинский С.Б. Предварительное расследование по уголовному делу: в чем его предназначение? / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 6. – С. 31–35.
7. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России / А.С. Александров // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. – № 5 (5). – С. 7–10.

REFERENCES

1. Kanevsky L.L. Criminalistic problems of investigation and prevention of juvenile crimes. Krasnoyarsk, 1991. 283 p.
2. Gavrillov B.Ya. Indictment in pre-trial proceedings: does it have a basis to its reorganization? *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 4 (44), pp. 51–56. (In Russian).
3. Bogiev V.P., Gavrillov B.Ya. Whether the refusal to initiate a criminal case corresponds to the ideology of modern criminal law policy of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 2 (78), pp. 74–78. (In Russian).
4. Gavrillov B.Ya. XX years of the Russian criminal procedure law: whether it meets the scientific views and requirements of the law enforcement officer. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 6, pp. 7–14. (In Russian).
5. Bogiev V.P. «Silent revolution» of the Constitutional Court in criminal proceedings of the Russian Federation. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2000, no. 10, pp. 9–11. (In Russian).
6. Rossinskiy S.B. Preliminary investigation in a criminal case: what is its purpose? *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2023, no. 6, pp. 31–35. (In Russian).

8. Тетюев С.В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования: процессуальный аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Тетюев. – Челябинск, 2006. – 299 с.
9. Бычков А.Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Н. Бычков. – Ижевск, 2007. – 227 с.
10. Миронова Г.А. Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г.А. Миронова. – Омск, 2022. – 228 с.
11. Авалиани К.А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : дис. канд. юрид. наук / К.А. Авалиани. – Кемерово, 2009. – 237 с.
12. Кошелева И.С. Организация первоначального этапа расследования убийств, совершенных несовершеннолетними : дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Кошелева. – Саратов, 2006. – 209 с.
13. Каневский Л.Л. Организация расследования и тактика следственных действий по делам несовершеннолетних : учебное пособие / Л.Л. Каневский. – Уфа, 1978. – 88 с.
14. Нуриев И.Н. Моральный и имущественный вред как последствие нарушения разумного срока предварительного расследования / И.Н. Нуриев // Сибирское юридическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 124–129.
15. Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальное законодательство: современное состояние и меры по совершенствованию / Б.Я. Гаврилов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (55). – С. 115–124.
16. Гаврилов Б.Я. Роль современного законодательства уголовно-правового комплекса в обеспечении гуманизации уголовно-правовой политики: мифы и реалии / Б.Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 7. – С. 9–16.
7. Alexandrov A.S. About Nizhny Novgorod doctrinal model of criminal procedure law of evidence of Russia: «no one but we». *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii = Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Law*, 2015, no. 5 (5), pp. 7–10. (In Russian).
8. Tetyuev S.V. Interrogation of a minor accused at the stage of preliminary investigation: procedural aspect. *Cand. Diss. Chelyabinsk*, 2006. 299 p.
9. Bychkov A.N. Participation of an educator in criminal proceedings. *Cand. Diss. Izhevsk*, 2007. 227 p.
10. Mironova G.A. Testimony of a minor victim: problems of formation, research and use in evidence in a criminal case. *Cand. Diss. Omsk*, 2022. – 228 p.
11. Avaliani K.A. Features of pre-trial proceedings in criminal cases against minors. *Cand. Diss. Kemerovo*, 2009. 237 p.
12. Kosheleva I.S. Organization of the initial stage of the investigation of murders committed by minors. *Cand. Diss. Saratov*, 2006. 209 p.
13. Kanevsky L.L. Organization of investigation and tactics of investigative actions in juvenile cases. Ufa, 1978. 88 p.
14. Nuriev I.N. Moral and property harm as consequence of violation of reasonable time of preliminary investigation. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2017, no. 3, pp. 124–129. (In Russian).
15. Gavrilov B.Ya. Criminal procedure legislation: current state and measures for improvement. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 1 (55), pp. 115–124. (In Russian).
16. Gavrilov B.Ya. The role of modern legislation of the criminal law complex in ensuring the humanization of criminal law policy: Myths and realities. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2023, no. 7, pp. 9–16. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Борис Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavrilov Boris Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 25.04.2024.
The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 25.04.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.3

Original article

ГОЛОВИН Александр Юрьевич
Тульский государственный университет,
Тула, Россия,
e-mail: golovintula@rambler.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-1761-2473>

GOLOVIN Alexander Yuryevich
Tula State University, Tula, Russia.

АКИЕВ Арби Русланович
Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: melhi530@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

AKIEV Arbi Ruslanovich
Saint Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia.

ГОЛОВИНА Елена Витальевна
Тульский государственный университет,
Тула, Россия,
e-mail: golovinatula@rambler.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-6819-0212>

GOLOVINA Elena Vitalievna
Tula State University, Tula, Russia.

ДИСТАНЦИОННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

REMOTE INVOLVEMENT OF MINORS IN CRIMINAL ACTIVITY AS AN OBJECT OF
CRIMINALISTIC RESEARCH

Аннотация. Анализ статистических данных и многочисленных примеров из правоохранительной практики свидетельствует о трансформации способов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, а именно об увеличении случаев такого вовлечения с использованием современных цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий. Целью работы является исследование криминалистических признаков дистанционного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный, а также ряд других методов научного познания: анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, описания. Результаты: авторами обосновывается вывод о необходимости рассмотрения действий по дистанционному вовлечению несовершеннолетних в преступления как самостоятельного объекта криминалистического исследования. Отмечается, что указанные действия нередко выступают элементом механизма организованной преступной деятельности, совершаемой и координируемой с территориями других государств. Анализируются субъекты, способы, средства и условия дистанционного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, а также сокрытия таких действий. Сформулирован ряд требующих опера-

Abstract. The analysis of statistical data and numerous examples from law enforcement practice indicates the transformation of ways of involving minors in criminal activity, namely, an increase in cases of such involvement using modern digital and information and communication technologies. The purpose of the paper is to study the criminalistic signs of remote involvement of minors in criminal activity. The dialectical, logical, systemic, as well as a number of other methods of scientific cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, description form the methodological basis of the study. Results: the authors substantiate the conclusion that it is necessary to consider the actions of remote involvement of minors in crimes as an independent object of criminalistic research. It is noted that these actions often act as an element of the mechanism of organized criminal activity committed and coordinated from the territory of other states. The subjects, methods, means and conditions of remote involvement of minors in criminal activity, as well as concealment of such actions, are analyzed. The article formulates a number of scientific and applied tasks that require prompt solution in the study and development of

© Головин А.Ю., Акиев А.Р., Головина Е.В., 2024

тивно́го решения научных и прикладных задач по изучению и разработке криминалистических средств и методов расследования и предупреждения дистанционного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Ключевые слова: преступление, преступная деятельность, несовершеннолетние, вовлечение, дистанционные технологии, механизм преступления, субъект преступления, способ преступления, задачи криминалистики, цифровые технологии

Для цитирования: Головин А.Ю. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования / А.Ю. Головин, А.Р. Акиев, Е.В. Головина. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 24–30.

criminalistic means and methods of investigation and prevention of remote involvement of minors in criminal activity.

Keywords: crime, criminal activity, minors, involvement, remote technologies, mechanism of crime, subject of crime, method of crime, tasks of criminalistics, digital technologies

For citation: Golovin A.Yu., Akiev A.R., Golovina E.V. Remote involvement of minors in criminal activity as an object of criminalistic research. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 24–30 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.3.

ВВЕДЕНИЕ

2024 год – год столетия со дня рождения отечественного ученого-криминалиста профессора Льва Львовича Каневского – основателя научной школы расследования и предупреждения преступной деятельности несовершеннолетних. Научные труды Л.Л. Каневского [1; 2 и др.] и плеяды его учеников заложили теоретический фундамент ряда направлений криминалистического и криминологического обеспечения борьбы с преступностью среди молодежи. В год памяти выдающегося исследователя перед криминалистикой и правоохранительной практикой вновь стоят вызовы в области противодействия преступности среди молодежи, требующие оперативного и системного реагирования.

Так, количество преступлений в России, совершаемых несовершеннолетними или с их участием, остается достаточно высоким. По данным официальной правовой статистики, в 2023 г. 2,7 % от общего числа преступлений было совершено несовершеннолетними или при их соучастии. Общее количество таких преступлений за указанный период составило 27 325. Из 750 465 выявленных лиц, совершивших преступления в 2023 г., несовершеннолетних – 22 340 человек. Также за 2023 г. было зарегистрировано 1118 случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий¹.

1 Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. [Электронный ресурс] // МВД РФ : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.04.2024).

Во многих случаях несовершеннолетние вовлекаются в совершение преступлений с использованием современных цифровых и телекоммуникационных технологий, то есть дистанционно. Ресурсы сети Интернет, социальные сети, мессенджеры все чаще становятся эффективным средством воздействия на молодежь при формировании у нее общих установок на противоправное поведение, а также средством вовлечения конкретных лиц в совершение преступлений различных групп и видов.

Приведем несколько новейших примеров из следственной практики, получивших освещение на официальных ресурсах правоохранительных органов и в средствах массовой информации, показывающих, помимо прочего, особенности вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений на территории России.

Так, в Самаре был задержан 15-летний подросток, у которого после ознакомления с ресурсами в сети Интернет о действиях террористических формирований, совершавших публичные расстрелы в школах, возник умысел совершить теракт с поджогом в одной из школ города. Подозреваемый пытался изготовить самодельное оружие, прятал в тайнике четыре бутылки с зажигательной смесью².

В Санкт-Петербурге был задержан 16-летний подросток, осуществлявший техническую поддержку деятельности зарубежных

2 В Самаре задержан подросток, подозреваемый в подготовке теракта в школе [Электронный ресурс] // Следственный комитет РФ : сайт URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1814362/> (дата обращения: 01.04.2024).

колл-центров, ведущих мошенническую деятельность. По указаниям криминальных кураторов, находящихся на территории Украины, он осуществлял действия по поддержанию функционирования оборудования для подмены номеров, используемых в преступной деятельности. Контакт с этим подростком был установлен преступниками через теневой сегмент сети Интернет. Криминальное вознаграждение за соучастие в преступлениях ему выплачивалось ежемесячно в криптовалюте. Несовершеннолетний подозреваемый арендовал квартиры, которые менял каждую неделю в целях сокрытия преступной деятельности. В ходе расследования были установлены еще два несовершеннолетних соучастника, совершавших схожие действия в интересах транснационального преступного формирования³.

В Железнодорожке двое подростков 14 и 16 лет выступали курьерами телефонных мошенников, обманывавших пенсионеров. Они забирали у жертв деньги и переводили их через банкомат заказчикам, осуществляющим свою деятельность с территории недружественных государств. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и последующая координация их действий осуществлялись через социальные сети и мессенджеры⁴.

В Красноярском крае трое несовершеннолетних, действуя по заданию неустановленных лиц, полученному через мессенджер, совершили диверсию – поджог двух релейных шкафов на железнодорожном перегоне⁵. Практически аналогичное по своему механизму деяние было совершено двумя 17-летними молодыми людьми в Подмоскowie. Способ вовлечения их в преступную деятельность и последующей координации

³ Подростки обслуживали колл-центры украинских мошенников в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Вести.ru URL: <https://www.vesti.ru/article/3850075> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Курьерами телефонных мошенников все чаще становятся несовершеннолетние [Электронный ресурс] // Вести – Красноярск. URL: <http://www.vesti-krasnoyarsk.ru/news/obshchestvo/post-42782/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Трех несовершеннолетних обвиняют в поджоге двух релейных шкафов на железной дороге в Красноярском крае [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственный комитет РФ : сайт. URL: <http://sledcom.ru/press/smi/item/1814364/> (дата обращения: 02.04.2024).

действий все тот же – контакт с заказчиком через популярный мессенджер⁶.

Такие примеры можно продолжать, их количество растет, и все они указывают на фактически сформировавшийся способ вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, преимущественно организованную, – дистанционное деструктивное воздействие со стороны преступников на подростков с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Это обстоятельство обуславливает необходимость изучения и описания с криминалистических позиций дистанционного вовлечения несовершеннолетних в совершение преступных деяний.

ДИСТАНЦИОННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЕЕ МЕХАНИЗМА

Познаваемая криминалистической наукой преступная деятельность с участием несовершеннолетних многогранна и многоэлементна. Она может быть представлена в виде системы различного рода криминальных деяний, совершаемых в составе преступных групп или организованных преступных формирований более высокого уровня. Такая деятельность может иметь транснациональный характер, организовываться и управляться с территории других государств (как правило, недружественных). В совершение подобной преступной деятельности стали активно вовлекаться несовершеннолетние граждане России, а также несовершеннолетние граждане других государств, проживающие на территории нашей страны.

При этом механизм преступной деятельности, сопряженной с вовлечением в нее несовершеннолетних и молодежи в целом, постоянно совершенствуется. Преступниками с этой целью активно используются новейшие достижения научно-технического прогресса, технологии передачи информации и коммуникации, приемы социальной инженерии и иного психологического воздействия.

⁶ В Подмоскowie задержали подростков за поджог релейного шкафа [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231222/podzhog-1917402290.html> (дата обращения: 02.04.2024).

Отдельные аспекты влияния контента сети Интернет на преступное поведение несовершеннолетних выступали объектом комплексных научных исследований в уголовно-правовых науках, в частности в криминологии [3; 4]. Однако – и здесь нами разделяется позиция профессора И.А. Макаренко – средства и методы получения информации о личности несовершеннолетнего и его поведении, а также наиболее эффективные способы ее использования в уголовном судопроизводстве главным образом разрабатываются именно криминалисткой. «Уголовно-правовое и уголовно-процессуальное исследование информации о личности заключается в постановке задачи, а детализированное и конкретизированное решение этой задачи предлагается криминалисткой» [5, с. 42].

Необходимо отметить, что механизм и способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений ранее неоднократно выступали объектом внимания ученых-криминалистов. В частности, эти вопросы рассматривались в диссертационных и монографических исследованиях, проведенных В.К. Гавло и О.В. Яцечко [6], Д.В. Флоря [7], А.М. Сажавым [8], Е.В. Сокол [9], О.В. Поликашиной [10] и некоторыми другими авторами. Большинство перечисленных исследований, несмотря на несомненную значимость сделанных авторами выводов и предложений, были проведены в первом десятилетии текущего столетия, в связи с чем вопросы использования современных информационно-телекоммуникационных технологий в механизме вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений либо не получили должного изучения, либо (например, в работах Е.В. Сокол) были упомянуты с учетом развития таких технологий на тот период времени.

Современный уровень развития цифровых и телекоммуникационных технологий, их массовая распространенность, доступность и разнообразие, простота установления связи между пользователями независимо от места их нахождения обеспечили их активное использование практически в любом возрасте, включая подростковый и детский. Результаты социологических исследований показывают, что на территории России 99 % подростков в возрасте 14–17 лет регулярно пользуются ресурсами сети Интернет, 97 % имеют хотя бы один аккаунт в социальных сетях, 97 % имеют смартфо-

ны, 58 % – ноутбуки, 43 % – стационарные компьютеры, 42 % – планшетные компьютеры⁷. Неудивительно, что цифровые и телекоммуникационные технологии заняли существенное место в жизни несовершеннолетних, включая информационную сферу, общение, развлечение и др. К сожалению, широкие возможности рассматриваемых технологий позволяют использовать их в качестве средств совершения противоправных деяний, включая вовлечение несовершеннолетних в преступления.

Виды преступной деятельности, в которые таким образом вовлекаются несовершеннолетние, достаточно разнообразны. В их числе преступления против личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка, экстремистской и террористической направленности, диверсии, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ.

Таким образом, рассматриваемое дистанционное вовлечение выступает неотъемлемым и необходимым для достижения преступного результата элементом механизма деятельности как преступников-одиночек, так и организованных преступных формирований разной криминальной направленности, совершаемых ими отдельных преступлений. Такое вовлечение представляет собой закономерно реализуемый преступниками комплекс действий с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий, необходимых для общей реализации преступного замысла и направленных на приискание (подбор) несовершеннолетних, возбуждение и укрепление посредством оказания явного или скрытого психологического воздействия у них желания совершать конкретные преступления (участвовать в их совершении) в интересах воздействующего субъекта или других лиц, в том числе преступных формирований.

СУБЪЕКТЫ, СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ДИСТАНЦИОННОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность обладает

⁷ 99 % подростков в РФ имеют доступ к Интернету, 97 % пользуются соцсетями – исследование [Электронный ресурс] // Интерфакс Образование. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/10586/> (дата обращения: 03.04.2024).

рядом криминалистически значимых особенностей криминального поведения субъектов таких действий, способов, средств и условий приискания (подбора) несовершеннолетних и оказания на них психологического воздействия.

Субъектами дистанционного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность могут выступать лица, непосредственно участвующие в совершении преступлений, либо члены организованных преступных формирований, которые в рамках распределения криминальных ролей осуществляют подбор и (или) последующее воздействие на несовершеннолетних.

В новейшей следственной практике встречаются примеры, когда выполнение «вербовочных» функций в отношении несовершеннолетних под определенные преступные цели осуществляется под «криминальный заказ» лицами (группами), специализирующимися на подобных действиях. Такие наемные «специалисты» после дистанционной психологической обработки подростка «передают» его криминальному заказчику для дальнейшего использования в преступной деятельности. Примером тому – действия О., который с территории стран ЕС через различные сетевые ресурсы вовлекал подростков на территории России в преступную деятельность (суицидальные группы, сетевые террористические группы, пропаганда и провокации массовых убийств, в том числе в учебных заведениях, ложные сообщения об угрозах террористических атак – так называемый сватинг). В числе проверяемых органами следствия версий – действия О. по вовлечению в преступную деятельность несовершеннолетних по заказу спецслужб недружественных государств⁸.

Способы приискания (подбора) несовершеннолетних, как правило, также носят дистанционный характер и предполагают активное использование в этих целях различных ресурсов сети Интернет, в том числе его теневого сегмента, социальных сетей, мессенджеров, чатов компьютерных игр и сопутствующей сетевой индустрии.

Указанные действия могут быть направлены на неограниченный круг подростков,

сопровождаться пропагандой насилия, национальной, религиозной, политической и иной ненависти и вражды к другим социальным группам, суицида, криминальных и других социально-деструктивных субкультур. В дальнейшем в отношении несовершеннолетних, проявивших интерес к указанным ресурсам, идеям или поведению, могут реализовываться различные меры индивидуального дистанционного психологического воздействия с целью вовлечения их в конкретные преступления или иное антиобщественное поведение. Несовершеннолетние во многих случаях не обладают надлежащим знанием законодательства, необходимым жизненным опытом и способностью своевременно распознать и защититься от криминального воздействия и попыток вовлечения в преступную деятельность.

В целях вовлечения молодежи в преступную и другую противоправную деятельность все более активно используются компьютерные игры и сопутствующие сетевые ресурсы. Так, общение с несовершеннолетними может вестись во внутриигровых чатах или связанных с играми закрытых сетевых ресурсах (группах), куда предлагается вступить пользователю игры и где происходит его дальнейшая информационная и психологическая обработка. Подобное общение, происходящее между несовершеннолетними и преступниками во внутриигровом пространстве, сложно контролируется и выявляется. Более того, криминальные технологии воздействия на молодежь через компьютерные игры постоянно совершенствуются. В частности, создаются игровые цифровые продукты, в том числе клоны популярных компьютерных игр⁹, имитирующие совершение террористических актов, массовых убийств и других преступлений, вовлекающие пользователя в игровой процесс по их совершению, оказывая деструктивное воздействие на его сознание и отношение к такого рода явлениям.

Кроме того, в целях вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность преступниками может вестись сбор сведений о конкретных лицах по открытым

⁸ Игла – в куклы: подстрекатель школьных убийств скрывается в Германии [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1672835/ivan-petrov/igla-v-kukly-podstrekatel-shkolnykh-ubiistv-skrivaetsia-v-germanii> (дата обращения: 02.04.2024).

⁹ В ФСБ заявили, что террористы создают клоны компьютерных игр с имитацией терактов [Электронный ресурс] // Газета. https://www.gazeta.ru/tech/news/2021/06/23/n_16144208.shtml?updated (дата обращения: 03.04.2024).

данным в социальных сетях или на других интернет-ресурсах (OSINT-разведка), составление баз данных подростков (в том числе по определенным регионам России и населенным пунктам), склонных к девиантному или суицидальному поведению, имеющих конфликты со сверстниками или находящимися в сложном материальном положении.

Также могут совершаться действия по созданию условий, облегчающих психологическое воздействие на несовершеннолетних. Например, полученные в ходе общения в социальных сетях фотографии или видеозаписи подростка интимного содержания могут в дальнейшем использоваться для угроз распространения этих материалов в случае отказа несовершеннолетнего выполнять требования преступника. Преступниками могут быть похищены денежные средства со счета (карты) несовершеннолетнего или доступ к «прокачанному» аккаунту в компьютерной игре, с обещанием возврата после совершения подростком определенных действий в интересах заказчика. Такие примеры можно продолжать. Кроме того, на несовершеннолетнего может оказываться воздействие путем уговоров, убеждений, обмана или иного манипулирования, выплаты или обещания вознаграждения (прощения или списания долга) за соучастие в преступлении, запугивания и угроз жизни и здоровью подростков или их близких.

Во многих случаях для дистанционного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность разрабатываются или подбираются «методички», содержащие набор типовых приемов рассматриваемого криминального воздействия.

Криминалистически значимым при дистанционном вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность является фактор сокрытия личности субъекта, совершающего такие действия. Используя компьютерные и телекоммуникационные технологии, преступники могут действовать анонимно, под вымышленными именами (никнеймами) или специально разработанной криминальной легендой под цели психологического воздействия на несовершеннолетних. При этом может реализовываться весь спектр способов и приемов сокрытия преступной деятельности в цифровой среде. Более того,

такие лица могут дистанционно контактировать с несовершеннолетними с территории недружественных государств, с правоохранительными органами которых взаимодействие в настоящее время либо полностью отсутствует, либо крайне затруднено. Неудивительно, что такие лица во многих случаях так и остаются неустановленными в ходе предварительного расследования преступлений, совершенных с соучастием дистанционно вовлеченных в них несовершеннолетних.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений в настоящее время необходимо рассматривать как самостоятельный объект криминалистических исследований. Все большее распространение случаев дистанционного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность обуславливает необходимость оперативной постановки и решения криминалистикой ряда научных и прикладных задач:

- дальнейшее научное изучение и описание элементов и признаков действий по дистанционному вовлечению несовершеннолетних в преступления, формирование их криминалистической характеристики;

- разработка частной методики расследования вовлечения несовершеннолетних в преступления и иную антиобщественную деятельность с использованием цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий, а также совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений различных групп и видов, сопряженных с дистанционным вовлечением в их совершение несовершеннолетних;

- криминалистическое прогнозирование появления новых способов и средств вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность с учетом дальнейшего развития цифровых, информационных и телекоммуникационных технологий;

- разработка и реализация мер криминалистического предупреждения (профилактики) дистанционного вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, а также других преступлений, в совершение которых таким способом вовлекаются подростки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования преступлений несовершеннолетних : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Л. Каневский. – Москва, 1984. – 32 с.
2. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1991. – 288 с.
3. Кузнецова Е.В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Кузнецова. – Курск, 2019. – 25 с.
4. Турунова М.Н. Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / М.Н. Турунова. – Санкт-Петербург, 2023. – 242 с.
5. Макаренко И.А. Цели и методы исследования информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого / И.А. Макаренко // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2 (36). – С. 38–41.
6. Гавло В.К. Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) / В.К. Гавло, О.В. Яцечко. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 196 с.
7. Флоря Д.Ф. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.Ф. Флоря. – Москва, 2002. – 195 с.
8. Сажаев А.М. Методика расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.М. Сажаев. – Омск, 2004. – 18 с.
9. Сокол В.Ю. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / В.Ю. Сокол, Е.В. Сокол. – Краснодар : КРУ МВД России, 2009. – 183 с.
10. Поликашина О.В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершении преступлений и антиобщественных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Поликашина. – Москва, 2004. – 26 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Головин Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности;

Акиев Арби Русланович – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики;

Головина Елена Витальевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Golovin Alexander Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Justice and Law Enforcement;

Akiev Arbi Ruslanovich – Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of Criminalistics;

Golovina Elena Vitalievna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Justice and Law Enforcement.

Статья поступила в редакцию 13.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.04.2024. The article was submitted 13.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.04.2024.

REFERENCES

1. Kanevsky L.L. Criminalistic problems in the investigation of juvenile crimes. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1984. 32 p.
2. Kanevsky L.L. Criminalistic problems of investigation and prevention of juvenile crimes. Krasnoyarsk University Publ., 1991. 288 p.
3. Kuznetsova E.V. Prevention of delinquent behavior of minors produced by Internet content. *Cand. Diss. Thesis*. Kursk, 2019. 25 p.
4. Turunova M.N. Countering the influence of the Internet on the criminal behavior of minors. *Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2023. 242 p.
5. Makarenko I.A. Goals and methods of investigation of the information about personality of the underage accused. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2014, no. 2 (36), pp. 38–41. (In Russian).
6. Gavlo V.K., Jacechko O.V. Criminalistic methods of preliminary investigation and trial of involvement of a minor in the crime commission (Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow, YurLitinform Publ., 2011. 196 p.
7. Florya D.F. Investigation of the involvement of minors in committing crimes. *Cand. Diss.* Moscow, 2002. 195 p.
8. Sazhaev A.M. Methodology for investigating the involvement of a minor in the commission of antisocial actions. *Cand. Diss. Thesis*. Omsk, 2004. 18 p.
9. Sokol V.Yu., Sokol E.V. Investigation of the involvement of minors in committing crimes. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2009. 183 p.
10. Polikashina O.V. Investigation of the involvement of minors in committing crimes and antisocial actions. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2004. 26 p.

Научная статья
УДК 343. 98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.4

Original article

ДРОНОВА Ольга Борисовна
Волгоградская академия МВД России,
Волгоград, Россия,
e-mail: nio-va@rambler.ru,
http://orcid.org/0000-0003-4604-1644

DRONOVA Olga Borisovna
Volgograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Volgograd, Russia.

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

PERSONAL MOBILITY EQUIPMENT AS A SOURCE OF INCREASED DANGER IN THE
MECHANISM OF A TRAFFIC ACCIDENT

Аннотация. Расширение видового разнообразия транспортных средств, используемых населением для передвижения по дорогам и территориям общего пользования, предусматривает необходимость индивидуализации и стандартизации ряда организационных и технических аспектов их эксплуатации. В частности, особого внимания требуют регламенты использования средств индивидуальной мобильности, которые относятся к категории высоковостребованных, особенно среди лиц молодежного возраста. Ежегодно с наступлением весенне-летнего периода возрастает количество ДТП, совершенных лицами, управляющими данными видами транспортных средств. Цель статьи: рассмотреть территориально-временные, субъектные и иные элементы криминалистической характеристики преступлений, при совершении которых средства индивидуальной мобильности как источники повышенной опасности выступали в качестве орудий противоправной деятельности. В рамках исследования применялся ситуационный и системно-структурный анализ при изучении судебно-следственной практики рассматриваемых преступлений, в результате чего были выделены корреляционные связи ряда элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием средств индивидуальной мобильности. Изучение информационно-аналитических данных ГИБДД МВД России, а также сведений, предоставленных шеринговыми компаниями, позволили сделать вывод о возрастных и территориально-временных обстоятельствах механизма ДТП, совершенных с использованием средств индивидуальной мобильности.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности, дорожно-транспортное происшествие, электросамокат, кикшеринг

Abstract. The increasing variety of vehicles used by the general population for travelling on public roads and territories makes it necessary to individualize and standardize a number of organizational and technical aspects of their operation. In particular, regulations on the use of personal mobility equipment, which is in high demand, especially among young people, require special attention. Every year, with the advent of spring and summer period the number of road accidents committed by persons driving these types of vehicles increases. The purpose of the article is to consider territorial and temporal, subjective and other elements of the criminalistic characteristics of crimes in which personal mobility equipment as a source of increased danger acted as instruments of unlawful activity. The study applies the universal dialectical method, as well as methods of situational and system-structural analysis, when examining the forensic practice of the crimes in question. As a result, the article highlights the correlations between several elements of the criminalistic characteristic of crimes committed using personal mobility equipment. The study of the information and analytical data of the traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as information provided by sharing companies, leads to the conclusion on the age and territorial and temporal circumstances of the mechanism of traffic accidents committed using personal mobility equipment.

Keywords: personal mobility equipment, traffic accident, electric scooter, kicksharing

Для цитирования: Дронова О.Б. Средства индивидуальной мобильности как источник повышенной опасности в механизме дорожно-транспортного происшествия / О.Б. Дронова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 31–36.

For citation: Dronova O.B. Personal mobility equipment as a source of increased danger in the mechanism of a traffic accident. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 31–36 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.4.

ВВЕДЕНИЕ: ПРАВОВОЙ И ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕГЛАМЕНТ ЭКСПЛУАТАЦИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

За последнее десятилетие на дорогах и общественных территориях, предназначенных для движения пешеходов, значительно увеличилось видовое разнообразие компактных средств передвижения, оснащенных двигателями. К ним относятся электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства. В течение длительного времени передвижение на них не регламентировалось правилами дорожного движения (далее – ПДД), отсутствовали и обязательные технические требования к конструкции устройств, приводимых в движение посредством источников электрической энергии, оснащенных системой самобалансирования.

Востребованность средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ) у населения, особенно у лиц подросткового и молодежного возраста, неизбежно приводит к развитию аварийных ситуаций, которые в ряде случаев становятся причиной смерти или наступления иных последствий для жизни и здоровья лиц, передвигавшихся на них, а также иных участников дорожного движения.

В настоящее время в ПДД включено определение транспортного средства, не относящегося к категории механических, которое предназначено для индивидуального передвижения человека в возрасте от 7 лет. Законодатель предусмотрел в нем не только общий подход к техническим параметрам рассматриваемых транспортных средств, имеющих одно или несколько колес (роликов), передвигающихся посредством использования двигателя¹,

¹ Средство индивидуальной мобильности – транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей). Абзац введен постановлением Правительства РФ от 06.10.2022 № 1769.

но и оговорил пределы допустимой скорости, запрет перевозки грузов в случаях, если груз выступает за пределы транспортного средства более чем на 0,5 м, а также возможность эксплуатации только одним пользователем, одежда которого должна иметь световозвращающие элементы и обеспечивать видимость этих предметов водителями других транспортных средств. Также в 2022 г. был принят Национальный стандарт ГОСТ Р 70514-2022 «Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний». Данный технический регламент устанавливает требования к безопасности эксплуатации СИМ, маркировке и сопроводительной документации данной категории средств передвижения, которые должны способствовать снижению риска нанесения ущерба как лицам, ими управляющим, так и третьей стороне.

Однако принятие указанных документов не повлекло для владельцев СИМ обязательств по прохождению процедур их регистрации, технического осмотра, страхования ответственности. Несмотря на то что передвижение на СИМ приравнивается к вождению и, соответственно, лицо, управляющее им, перестает быть пешеходом, обязанность по получению прав на управление данной категорией транспортного средства по-прежнему отсутствует. При этом с 14-летнего возраста лица, управляющие СИМ, могут передвигаться со скоростью не более 25 км/ч практически везде (по тротуарам (при весе средства не более 35 кг), пешеходным, велосипедным и велопешеходным дорожкам, а также в пределах пешеходных зон, по обочинам, правому краю проезжей части дороги и т. д.), за исключением автомагистралей.

Удобство, компактность, простота управления, минимальное количество ограничений на использование СИМ делают их высоковостребованными средствами передвижения, особенно в весенне-летний период.

АНАЛИЗ ВОСТРЕБОВАННОСТИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ РАЗЛИЧНЫМИ ПОЛОВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Отсутствие требований к регистрации СИМ не позволяет выявить общее число таких эксплуатируемых средств. Об этом можно судить лишь по общим цифрам их ввоза на территорию нашей страны. Только в 2022 г. в Россию было ввезено 350 тыс. электросамокатов и иных средств, относящихся к рассматриваемой категории. Они находятся в личной собственности или предоставляются в краткосрочную аренду кикшеринговыми компаниями, оборудование которых широко представлено на открытых пространствах больших и малых городов.

Согласно данным сообщества шеринговых сервисов наиболее активными пользователями кикшеринга являются лица мужского пола (58 % от общего числа пользователей) в возрасте 25–34 года (21 %), далее идет возрастная категория 35–44 года (15 %), от 18 до 24 лет (11 %), на возрастную категорию 45 лет и старше приходится 11 % пользователей-мужчин. Женская группа пользователей (42 %) сервисов кикшеринга представлена следующими возрастными категориями: 35–44 года – 14 %, 25–34 года – 9 %, 18–24 года – 5 %, остальные пользователи (45–55 лет и старше) – 14 %². Однако эти данные не могут быть признаны полностью репрезентативными. Аренда СИМ предусматривает необходимость использования личного аккаунта, который оформляется на совершеннолетнего, в этой связи многие подростки авторизуются в кикшеринговых сервисах с использованием данных родителей. То есть аренда СИМ в реальности может осуществляться подростками и молодыми людьми.

Изучение общей территориальности поездок на арендованных СИМ показало, что преимущественно они используются в качестве альтернативных средств маршрутного транспорта. Согласно данным наиболее популярных операторов кикшеринга («Яндекс

² Аудитория шеринговых сервисов приросла на 10 % в 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/27582/4906837/><https://www.volgograd.kp.ru/daily/27582/4906837/?erid=LjN8KHrYH> (дата обращения: 21.03.2024).

GO», Whoosh, «Юрент» и др.) из десяти поездок девять осуществляются в пределах 2 км по наиболее востребованным транспортным маршрутам. При этом средняя продолжительность поездок составляет 10 минут, на них приходится 80 % случаев аренды, на оставшуюся часть приходится 10 % поездок до 20 минут, остальные превышают данный временной интервал. Анализ временного периода наибольшей востребованности СИМ показал, что самым активным временем аренды является утреннее (с 6 до 10 часов) и вечернее время (с 16 до 20 часов)³.

Общие цифры использования населением кикшерингового оборудования превышают 250 млн поездок в год. По данным сервисных компаний, аварийность на дорогах с участием СИМ не превышает показателей одного случая на 400 тыс. поездок. Между тем, согласно данным МВД России, в 2023 г. с участием СИМ произошло более 2700 аварий с пострадавшими, что составило 2,7 % от всех ДТП, зарегистрированных на территории страны⁴. Прогнозные показатели аварийности на дорогах, связанные с использованием СИМ, сформированные в рамках научных исследований, тоже демонстрируют неблагоприятные цифры: «количество ДТП и число раненых к 2030 году превысит 2000, а число погибших может составить более 50 человек»⁵.

ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Среди всех видов СИМ чаще всего в ДТП участвовали электросамокаты, которые в 47,3 % случаев находились в частной собственности физических лиц, а остальные

³ Количество поездок в сервисе кикшеринга «Юрент» выросло на 134 % – до 61 млн. В 9 из 10 поездок самокаты используются как транспорт [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-10-03_kolichestvo_poezdok_v_servise (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2023 года. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. С. 31.

⁵ Состояние и тенденции безопасности дорожного движения в РФ в 2011–2020 годах: аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. С. 196.

были арендованы. В результате данных преступных действий погибли более 30 человек, среди которых трое несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, тяжкие телесные повреждения получили более 2700 человек, в числе которых более 900 детей в возрасте до 16 лет. Согласно данным ГИБДД основными участниками таких ДТП являются лица в возрасте до 20 лет (42 %). Анализ возрастной характеристики пострадавших позволяет констатировать, что в основном это лица от 16 до 25 лет⁶.

Наибольшее число погибших приходится на ДТП, совершенные с участием СИМ, находящихся в частной собственности (20 человек), остальные источники повышенной опасности принадлежали хозяйствующим субъектам.

Изучение технических характеристик СИМ, участвовавших в ДТП, которые повлекли 48,4 % погибших и 69,6 % раненых, показал, что преимущественно (69,6 %) их электродвигатель имел мощность до 0,25 кВт. Управление СИМ с мощностью электродвигателя от 0,25 до 4 кВт повлекло совершение 30,2 % ДТП, которые стали причиной более половины (51,6 %) погибших и почти трети (30,1 %) раненых. Остальные ДТП произошли с участием СИМ с мощностью электродвигателей, превышающей 4 кВт, при их совершении получили ранения 8 потерпевших.

Изучение территориальности совершения ДТП с участием СИМ показало, что в большинстве случаев они происходили на тротуарах, пешеходных дорожках, пешеходных зонах (26,1 %). Незначительно реже местами происшествий являлись регулируемые пешеходные переходы (22,8 %), выезды с прилегающих территорий (13,3 %), нерегулируемые пешеходные переходы (11,9 %), внутридворовые территории (11,2 %) и т. д. Изучение материалов следственной практики позволяет сделать вывод о том, что в преимущественных случаях ДТП с участием СИМ произошли вследствие их малой заметности в транспортном потоке, которая осложнялась неожиданным появлением данных транспортных средств для других участников дорожного движения и слабой предсказуемостью поведения лиц, ими управляющих.

⁶ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2023 года. С. 32.

Особо следует подчеркнуть, что наибольшее число погибших (30 человек) управляли СИМ, один был пешеходом, переходившим проезжую часть дороги вне пешеходного перехода. Это наглядно свидетельствует о необходимости введения обязательного обучения правилам управления СИМ и выдачи соответствующего удостоверения, на что неоднократно обращалось внимание в научных исследованиях [1, с. 410; 2, с. 170; 3, с. 60; 4, с. 45] и на практических семинарах-совещаниях, проводимых по вопросам повышения безопасности участников дорожного движения. Следует отметить, что ряд предложений в настоящее время в тестовом порядке уже реализуются. Так, в Москве в пилотном режиме проходит апробацию приложение кикшеринговых компаний, посредством которого проверяется наличие у потенциального арендатора СИМ знаний ПДД. Однако механические ответы на 10 типовых (нередко повторяющихся) вопросов не гарантируют последующее надлежащее поведение лиц, управляющих СИМ. Необходимо принятие более действенных мер организационного характера, регламентирующих возможность использования СИМ ограниченной категорией пользователей [5, с. 52] в строго отведенных для этого местах. Создание математических моделей организации территорий возможной эксплуатации СИМ и их интерпретация позволит сформировать условия для снижения ДТП [6, с. 235]. В случае продолжения практики их повсеместного использования следует распространить на СИМ опыт страхования общегражданской ответственности водителей, которая будет индивидуальной у владельцев СИМ и открытой у кикшеринговых компаний. Дополнительно следует обеспечить индивидуализацию транспортного средства посредством установки на него государственных номеров, которые будут фиксироваться камерами аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Данная мера позволит повысить информационное обеспечение процессов установления обстоятельств совершенного преступления, в частности определения количества и половозрастных особенностей участников ДТП, последовательность механизма развития противоправного деяния и иные факторы.

Изучение типичных способов совершения ДТП с участием СИМ показало, что в 7 случаях,

повлекших смертельный исход для лиц, управлявших электросамокатами, были совершены наезды на СИМ, двигавшиеся в попутном направлении по краю проезжей части, при этом в одном ДТП зафиксирована гибель двух лиц, передвигавшихся на одном транспортном средстве. 6 человек, погибших в ДТП, пересекали проезжую часть по пешеходному переходу без соблюдения требований спешивания, пятеро погибших передвигались на запрещающий сигнал светофора. В 5 ДТП лица, управлявшие СИМ, не справились с управлением (3 случая – при движении по проезжей части, 2 – по тротуару или в пешеходной зоне), в результате чего происходили опрокидывания электросамокатов, повлекшие причинение травм, несовместимых с жизнью⁷.

Наибольшая доля нарушений, допущенных лицами, управлявшими СИМ, повлекших тяжкие последствия, пришлась на несоответствие скорости конкретным условиям движения (25 %), несоблюдение очередности проезда (23 %) и иные.

Изучение материально-фиксированной обстановки мест рассматриваемых видов ДТП показало, что в большинстве случаев в распоряжении субъектов расследования имеется лишь информация, зафиксированная камерами городской инфраструктуры и видеорегистраторами других участников дорожного движения. Дополнительным информационным источником являются показания свидетелей, очевидцев и непосредственных участников, которые, являясь весьма субъективным материалом, требуют производства дополнительных проверочных действий. Такой информационный вакуум предусматривает необходимость проведения масштабных научных исследований, в которых найдут отражение корреляционные зависимости скорости движения и возможности осуществле-

ния экстренного торможения с учетом веса и габаритов пользователя (пользователей) СИМ, а также условий окружающей обстановки (вид дорожного покрытия, его состояние, открытость пространства, кривизна радиуса поворота и т. д.). Формирование надлежащего информационно-справочного обеспечения позволит повысить технико-криминалистическое сопровождение производства первоначальных следственных действий, что, в свою очередь, расширит возможности судебно-экспертного сопровождения расследования ДТП, совершенных с участием СИМ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует констатировать, что СИМ в настоящее время является высоковостребованным, легкодоступным, недорогим средством передвижения. Это делает его особенно популярным среди лиц молодого возраста, которые используют его для развлечения и ускорения передвижения (в том числе при доставке малогабаритных грузов). Возрастающее количество нарушений, возникающих вследствие несоблюдения лицами, управляющими СИМ, ПДД требует дальнейшего ужесточения государственного контроля данной сферы. СИМ являются источниками повышенной опасности, эксплуатация их предусматривает необходимость трансформации подходов к формированию навыков управления ими, а также введения обязательной проверки знаний ПДД водителями всех возрастов, формирования городской среды, в условиях которой допускается их эксплуатация. Существенный объем ДТП, совершенных с использованием СИМ, обуславливает необходимость изучения данных видов транспорта в качестве средств совершения преступлений, что предусматривает совершенствование технико-криминалистического и судебно-экспертного сопровождения их раскрытия и расследования.

⁷ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2023 года. С. 32–33.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранчикова М.В. Лица, управляющие средствами индивидуальной мобильности, как субъекты и потерпевшие в криминальных дорожно-транспортных происшествиях / М.В. Баранчикова // *Виктимология*. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 408–416.

REFERENCES

1. Baranchikova MV. Individuals driving personal mobility aids as subjects and victims in criminal road accidents. *Viktimologiya = Victimology*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 408–416. (In Russian).

2. Казаченок В.В. Средства индивидуальной мобильности: вопросы правового регулирования / В.В. Казаченок // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 165–170.
3. Ноговицина Е.Н. К вопросу о проблеме эксплуатации средств индивидуальной мобильности в части соблюдения ПДД РФ / Е.Н. Ноговицина // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. – 2022. – № 1 (90). – С. 59–65.
4. Мишина Ю.В. К вопросу об участии в дорожном движении пользователей средств индивидуальной мобильности / Ю.В. Мишина // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 1 (24). – С. 44–46.
5. Волков П.А. Средства индивидуальной мобильности: вопросы теории и практики использования / П.А. Волков, Ю.В. Кемениаш // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. – 2021. – № 1. – С. 51–55.
6. Кузнецов В.В. О классификации отдельных видов дорожно-транспортных происшествий / В.В. Кузнецов, О.М. Порташников, Д.С. Горбатенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 1. – С. 233–237.
2. Kazachonok V.V. Personal mobility devices: Legal regulation. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 165–170. (In Russian).
3. Nogovitsina E.N. On the issue of the problem of the operation of means of individual mobility, in terms of compliance with the traffic regulations of the Russian Federation. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. V.V. Lukyanova = Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2022, no. 1 (90), pp. 59–65. (In Russian).
4. Mishina Yu.V. Selected aspects of road traffic participation of users of individual mobility equipment. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, 2020, no. 1 (24), pp. 44–46. (In Russian).
5. Volkov P.A., Kemenyash Yu.V. Means of individual mobility: questions of theory and practice of use. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2021, no. 1, pp. 51–55. (In Russian).
6. Kuznecov V.V., Portashnikov O.M., Gorbatenko D.S. About the classification of separate types of road accidents. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 233–237. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дронова Ольга Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dronova Olga Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistic Techniques of the Educational and Research Complex of Expert Criminalistic Activities.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 18.04.2024.
The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 18.04.2024.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.5

Original article

ИВАНОВА Елена Вячеславовна
Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2589-7726>

IVANOVA Elena Vyacheslavovna
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ДЪЯКОНОВА Оксана Геннадьевна
Московский государственный
юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
e-mail: oxana_diakonova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9327-5585>

DYAKONOVA Oksana Gennadievna
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 242, 242.1, 242.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

USING SPECIALIZED KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER
ARTICLES 242, 242.1, 242.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Ответственность за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетнего, а также использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов предусмотрена ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ. Одним из условий эффективного расследования таких преступлений является отнесение изъятых материалов к категории порнографических, для чего в большинстве случаев применяются специальные знания. Цель: анализ проблем определения области специальных знаний, необходимых при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ. В результате исследования определены основные виды специальных знаний, используемых при решении вопроса об отнесении материалов или предметов к порнографическим. Сформулированы предмет, объект, задачи судебной экспертизы порнографических материалов. Показано, что экспертиза порнографических материалов и экспертизы, устанавливающие влияние таких материалов на общество и человека, имеют разные объекты исследования.

Ключевые слова: порнографические материалы и предметы, специальные знания, судебная экспертиза, расследование

Abstract. Liability for the illicit production and trafficking of pornographic materials or objects, production and trafficking of materials or objects with pornographic images of minors, and the use of a minor for the production of pornographic materials or objects is provided for in Articles 242, 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. A prerequisite for the effective investigation of such crimes is the classification of seized material as pornographic, for which, in most cases, specialized knowledge is used. Purpose: to analyze the problems of determining the area of specialized knowledge required in the investigation of crimes under Articles 242, 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the result of the study, the article identifies the main types of specialized knowledge used in deciding whether to classify materials or objects as pornographic. The article formulates the subject, object and tasks of forensic examination of pornographic materials. It is shown that the examination of pornographic materials and examinations that establish the impact of such materials on society and the individual have different research objects.

Keywords: pornographic materials and objects, specialized knowledge, forensic examination, investigation

Для цитирования: Иванова Е.В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е.В. Иванова, О.Г. Дьяконова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 37–48.

For citation: Ivanova E.V., Dyakonova O.G. Using specialized knowledge in the investigation of crimes under Articles 242, 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 37–48 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.5.

ВВЕДЕНИЕ

Визуализация и распространение интимных сцен человеческой жизни имеют давнюю историю. Эти явления по-разному воспринимались в те или иные исторические периоды и на различных территориях. В одних культурах это считалось нормой, а в других находилось под строжайшим запретом. Так, известный эротический трактат «Камасутра» индийского философа Малланаги Ватсьяяны, жившего в эпоху Гуптов, содержит как изображения, так и описания сексуальных поз и действий, однако в некоторых странах такие откровения считались непристойными и получили название «порнография» (от древнегреч. πόρνη – проститутка, блуд и ὑράφω – пишу, рисую, описываю). Термин характеризовал половую распущенность, испорченность нравов, пренебрежение моральными нормами.

С развитием технологий книгопечатания начала распространяться и порнографическая продукция. Так, в Европе XVI в. в виде нелегальных изданий с подложными выходными данными распространялись запрещенные гравюры Раймонди, сопровождавшиеся подписями Пьетро Аретино в форме сонетов. Книги с иллюстрациями, изображающими любовные позы, подпольно печатались и в университетской типографии Колледжа всех душ Оксфордского университета [1].

Уголовное преследование за распространение «непристойных произведений» впервые было предусмотрено во Франции в 1791 г. За ней последовала Англия в 1857 г. [2, с. 35].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, утвержденный императором Александром II в 1864 г., «за безстыдные или соединенные съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ», а также «за публичное выставленіе или распространеніе явно соблазнительныхъ издѣлій и изобра-

женій», наряду с ответственностью в виде ареста или денежного взыскания, предусматривал обязанность «уничтоженія сихъ предметовъ». В 2010 г. в Париже было заключено «Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий», которое в 1935 г. подписал и СССР.

В целом нравственно-этические мировоззрения, сложившиеся в российском обществе на сегодняшний день, а также нормативное регулирование позволяют сделать вывод о полном табуировании порнографии несовершеннолетних и о сложившейся неопределенности законодательного запрета порнографии, не связанной с несовершеннолетними. В первую очередь само название ст. 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» подразумевает наличие законных способов изготовления и оборота, хотя ни в каких национальных нормативных правовых актах этот вопрос не разрешен. По этому аспекту имеются научные изыскания и публицистические работы, однако законодатель не торопится урегулировать ситуацию, что порождает сложности при расследовании преступлений.

Ранее мы останавливались на исследовании некоторых аспектов, связанных с расследованием указанных в заголовке статьи категорий уголовных дел, и пришли к выводу, что наиболее близкой к выявлению содержания информации в представленных объектах может быть комплексная искусствоведческая и психологическая экспертиза, что подтверждается мнением многих ученых и анализом противоречивой следственно-судебной практики [3]. Однако проблемы использования специальных знаний при расследовании указанных категорий дел возникают с определенной частотой и не позволяют сделать однозначные выводы.

ПРИЗНАКИ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В настоящее время ответственность за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а также использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов предусмотрена ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ. Так, при расследовании преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, по версии следствия, Ф. до 3 января 2017 г. приобрел в целях хранения и распространения материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе не достигших четырнадцатилетнего возраста, после чего в период времени с 12 часов 19 минут до 12 часов 28 минут распространил эти материалы с использованием сети Интернет через файлообменник Gigatribe.

В подавляющем большинстве случаев при расследовании указанных категорий дел дознаватели и следователи обращаются к такому виду использования специальных знаний, как судебная экспертиза, при этом часто перекладывая на экспертов задачу определения порнографического характера материалов или предметов, хотя этот аспект является юридическим. Области специальных знаний сведущих лиц, которые должны проводить такую экспертизу, вызывают разногласия у правоприменителей. Так, на разрешение экспертов ставятся, например, следующие вопросы:

– представляют ли фотографии историческую, художественную или культурную ценность либо предназначены для использования в научных или медицинских целях, либо в образовательной деятельности?

– каков возраст лиц, изображенных на представленных фотографиях?

– имеются ли на представленных фотографиях материалы порнографического характера?

– на какую аудиторию направлены материалы?

– направлено ли получение материалов на возбуждение сексуального влечения?

– оказали ли изображения на фото и действия, зафиксированные в видеофайлах, представленных на исследование, негативное психологическое влияние на малолетнего?

Для решения этих вопросов назначаются психологические, психолого-сексологические, комплексные технико-психолого-сексологические, культурологические [4, с. 172–174], искусствоведческие психолого-искусствоведческие судебные экспертизы. Полагаем, что назначение разных экспертиз связано с отсутствием четко определенных и нормативно регламентированных признаков порнографических материалов.

В примечании к ст. 242.1 УК РФ указаны некоторые признаки материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. К объектам, их содержащим, законодатель отнес изображения:

– полностью или частично обнаженных половых органов несовершеннолетнего;

– несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера;

– полового сношения или иных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетнего или с его участием;

– совершеннолетнего лица, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера.

Определение порнографических предметов и материалов справедливо критикуется авторами за непоследовательность, отсутствие конкретики, неудачность формулировок и т. д. [5, с. 7–9]. По нашему мнению, изложенное в примечании к ст. 242.1 УК РФ определение, во-первых, не является соразмерным, во-вторых, в нем допущена логическая ошибка – тавтология, то есть нарушено правило «не заключать в себе круга», когда определяющее понятие лишь повторяет определяемое понятие, в-третьих, содержит неполный перечень признаков, то есть содержание понятия не раскрывается в полном объеме. Не вступая в полемику о толковании указанной нормы, которая может быть темой отдельной статьи, отметим, что приведенная позволяет в целом определить характер специальных знаний, необходимых при исследовании изображений

несовершеннолетних, которые могут быть признаны порнографическими.

Перечисленные в примечании к ст. 242.1 УК РФ признаки в общем виде коррелируют с приведенными в п. 2 Конвенции¹ и п. «с» ст. 2 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях². На этот аспект указывает и Конституционный Суд РФ³.

В п. 6 ст. 3 Модельного закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» детская порнография определяется как описание или фото-, видеоизображение или иное изображение ребенка или совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающих или имитирующих половое сношение или иные действия сексуального характера или принимающих участие в совершении или имитации таких действий, либо реалистичное изображение (в том числе созданное средствами компьютерной графики, анимационными или иными изобразительными средствами) образа ребенка, совершающего действия сексуального характера или участвующего в таких действиях,

1 Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS N 201) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.03.2024).

2 Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (Принят в г. Нью-Йорке 25.05.2000 Резолюцией 54/263 на 97-м пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родионова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 64, 132, 134 и 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1823-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Алексея Германовича на нарушение его конституционных прав статьей 135, примечаниями к статье 242.1 и статьей 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1174-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях⁴.

Под информацией порнографического характера в Модельном законе понимается не имеющее научного, медицинского или учебного предназначения описание или фото-, видеоизображение или иное изображение (в том числе созданное средствами компьютерной графики, анимационными или иными изобразительными средствами) реально совершаемого человеком или имитируемого им полового сношения или иных действий сексуального характера, в том числе совершаемых в отношении животного, а также натуралистическое описание или изображение половых органов человека в сексуальных целях или иных интимных сторон жизни человека, связанных с удовлетворением сексуальных потребностей.

В соответствии с п. 8 ст. 2 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» информация порнографического характера – это информация, представляемая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного⁵.

Представляется правильным выделять две основные группы признаков порнографических материалов: во-первых, это признаки, заключающиеся в применении приемов акцентирования внимания на анатомических и физиологических деталях изображения; во-вторых, группа признаков, образующих психологические свойства восприятия изображений, созданных в сексуальных целях, связанных с удовлетворением сексуальных потребностей, направленных на удовлетворение сексуальных инстинктов.

4 О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Модельный закон (принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-15 на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 46. С. 190–228.

5 О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 48.

Следовательно, к признакам порнографических материалов или предметов, необходимость установления которых может требовать обращения к специальным знаниям, можно отнести:

1) натуралистичность изображения и (или) описания половых органов (в том числе несовершеннолетнего)⁶ человека, совершающего действия сексуального характера, смоделированные либо реальные; совершеннолетнего, совершающего действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, смоделированные либо реальные; человека (в том числе несовершеннолетнего), совершающего действия сексуального характера в отношении животного, смоделированные либо реальные; человека (в том числе несовершеннолетнего), совершающего действия сексуального характера с применением каких-либо предметов, смоделированные либо реальные; совершеннолетнего, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера;

2) вульгаризацию (чрезмерное упрощение, искажение и опошление) изображения и (или) описания указанных в предыдущем пункте сведений;

3) непристойность и циничность изображения и (или) описания указанных в первом пункте сведений, которая оценивается исходя из национальных, религиозных и иных ценностей, образующих общественную мораль [6, с. 84];

4) эмоциональное возбуждение, направленное на удовлетворение сексуальных потребностей, сексуальных инстинктов, выраженное в ощущениях и восприятиях конкретного человека или неопределенной группы людей.

Таким образом, непосредственным объектом исследования выступает информация, то есть сведения, независимо от формы их пред-

ставления (любые описания и (или) графические изображения, в том числе фото- и видеоизображения, в том числе созданные посредством компьютеров и с применением нейросетей), содержащие натуралистическое изображение или описание половых органов человека и (или) полового сношения либо иных действий сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного либо с применением каких-либо предметов.

Объектами экспертизы порнографических предметов и материалов могут быть:

1) тексты – словесное описание;

2) креолизованные тексты;

3) графические изображения (фотоизображения, видеоизображения, картинки, схемы, рисунки, независимо от способа создания, то есть в том числе с помощью компьютера и нейросетей);

4) предметы (статуэтки, макеты, куклы и др.).

Предметом экспертизы выступает установление обстоятельств (фактических данных), связанных с созданием (изготовлением), распространением, публичной демонстрацией или рекламированием порнографических материалов или предметов, в том числе с изображением несовершеннолетнего, а также использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов.

Задачей экспертизы является установление наличия или отсутствия признаков, характеризующих материал или предмет в качестве порнографического, определение значения сведений, выраженных в форме какого-либо материала или предмета, в том числе установление цели, которую несет исследуемая информация (в том числе в сексуальных целях, для создания сексуального возбуждения, удовлетворения сексуальных потребностей и иных целях, например корыстных).

Необходимо разграничивать цель, которую несет порнографическая информация и выявление которой может осуществляться с использованием специальных знаний, и цели совершения преступления (распространение, публичная демонстрация, рекламирование), установление которых является задачей органов предварительного расследования.

⁶ В Федеральном законе № 436-ФЗ под натуралистическим изображением или описанием понимаются изображение или описание в любой форме и с использованием любых средств человека, животного, отдельных частей тела человека и (или) животного, действий (бездействия), событий, явлений, их последствий с фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях и (или) физиологических процессах.

В ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ указывается на разные цели. На сексуальную цель оборота материалов и предметов порнографического характера указано в примечании к ст. 242.1 УК РФ. Сомнительную значимость такого указания справедливо отметила И.В. Пантюхина: «если материалы или предметы, указанные в примечании 1 к ст. 242.1 УК РФ, будут изготовлены не в сексуальных целях, а например, с целью шантажа, мести, придания несовершеннолетнего или его близких позору и т. д., то собственно такие материалы или предметы не могут быть признаны порнографическими» [5, с. 9].

Так, М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК РФ. Судом было установлено, что М., реализуя свой внезапно возникший преступный умысел, направленный на неправомерное завладение денежными средствами, действуя из корыстных побуждений, отправил ДЛА смс-сообщение с требованием о передаче ему денежных средств в сумме 5000 рублей под угрозой распространения сведений, порочащих ее честь и достоинство, – фотографии интимного характера, которую последняя переслала ему 28 ноября 2019 г.⁷

Вместе с тем в действующих нормах эта цель указана и, как следствие, должна быть установлена с использованием специальных знаний в области психологии (при исследовании конкретного субъекта) либо культурологии (при исследовании воздействия таких материалов или предметов на общество как неопределенный круг лиц).

В ст. 242 и 242.1 УК РФ предусмотрены цели распространения, публичной демонстрации или рекламирования материалов или предметов с порнографическими изображениями (в том числе несовершеннолетних). Так, по делу по обвинению Пузырева И.Н. Верховный Суд РФ не согласился с судами нижестоящих инстанций, отменил приговор и прекратил дело за отсутствием состава преступления ввиду следующего. Верховный Суд РФ указал, что согласно ст. 242.1 УК РФ хранение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовер-

шеннолетних должно совершаться с целью их последующего распространения, публичной демонстрации или рекламирования. Если указанные материалы приобретаются и хранятся для личного просмотра, то состав преступления отсутствует. Из этого также следует, что преступление, предусмотренное ст. 242.1 УК РФ, может быть совершено только с прямым умыслом, когда виновный осознает, что он распространяет материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, и желает этого⁸. Полагаем, что установление цели совершения преступления в таких случаях осуществляется посредством проведения ряда следственных действий и не требует специальных знаний сведущих лиц в области психологии, культурологии и иных областях, за исключением юридической.

В другом деле Лискинский районный суд Воронежской области, признав доказанным размещение Н. на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» двух видеороликов с порнографическими изображениями несовершеннолетних лиц, не достигших 16 лет, тем не менее оправдал Н. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, сославшись на отсутствие в его действиях состава преступления. Суд исходил из того, что достаточных доказательств, подтверждающих распространение Н. каким-либо способом порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, не представлено, а его показания о размещении указанных материалов на собственной странице для удовлетворения личных сексуальных интересов ничем не опровергнуты. Однако Верховный Суд РФ, рассматривая дело в кассационной инстанции, усмотрел нарушение и указал на неверную трактовку нижестоящим судом наличия у подсудимого целенаправленного умысла на распространение информации, в связи с чем дело было направлено на новое судебное рассмотрение иным составом суда⁹.

8 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.07.2019 № 16-УД19-7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

9 Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2022 № 14-УДП22-1-К1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Установление цели изготовления порнографических материалов или предметов также является задачей органов предварительного расследования. Так, в Москве судом по совокупности ч. 2 ст. 135, п. «б» ч. 4 ст. 132 и ч. 2 ст. 242.2 УК РФ квалифицированы действия гражданина, который совершил указанные преступные действия в отношении 18 девочек в возрасте от 9 до 13 лет. Он отыскал их в Интернете, представился в переписке сотрудницей фотомодельного агентства, под предлогом отбора для участия в конкурсе фотомоделей посредством программы двусторонней видеосвязи заставлял детей обнажаться перед камерой [7, с. 36–39].

ВЫБОР ВИДА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Следователи и дознаватели при установлении признаков порнографии в большинстве случаев обращаются к такому виду использования специальных знаний, как судебная экспертиза. Полагаем, что это не всегда оправданно.

Судебная экспертиза должна проводиться только в тех случаях, когда для решения поставленной задачи требуется проведение исследования с применением специальных экспертных методов (методики). В случае, когда ответ на вопрос следователя или дознавателя может быть сформулирован без применения экспертных методов, вполне достаточно обращения за консультацией к специалисту. В некоторых случаях назначаются экспертизы, когда вообще не требуется специальных знаний, например, когда натуралистическое изображение половых органов или действий сексуального характера не оставляет сомнений. Однако когда у следователя имеются сомнения в том, каков возраст изображенного, может потребоваться обращение за консультацией к специалисту в области судебной медицины или назначение судебно-медицинской экспертизы. Никакая культурологическая или искусствоведческая экспертиза, к предмету исследования которых относят порнографические материалы некоторые авторы [8], не изучает анатомию и физиологию человека, поэтому специ-

альные знания эксперта-медика здесь будут наиболее востребованными.

Согласно толковым словарям искусством считается творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах¹⁰, творческая художественная деятельность¹¹. Искусствоведение – наука об искусствах¹². Соответственно, непосредственными объектами искусствоведения являются предметы, объекты, созданные в результате творческой деятельности, – произведения искусства или по крайней мере те произведения, которые обладают определенной художественной или культурной ценностью [9, с. 194–198]. Л.К. Бондаренко сформулированы следующие задачи, решаемые искусствоведческой экспертизой:

- принадлежность предметов к определенной группе (например, виду изобразительного искусства: живописи, графике, скульптуре, декоративно-прикладному искусству, монументальному искусству, медиарту, архитектуре);

- установление источника происхождения объектов (например, индивидуальная мастерская художника, творческое объединение – художественный комбинат, производственная мастерская и т. д.);

- установление факта изготовления, выполнения предмета или объекта конкретным автором (например, при помощи уникальной творческой методики) и др. [10, с. 21–24].

При установлении художественной ценности изображений или описаний может быть назначена искусствоведческая экспертиза или, когда не требуется проведение исследования, получена консультация специалиста в этой области. Фактически основной задачей искусствоведческой экспертизы является либо определение ее объекта в качестве произведения искусства, либо опровержение этого обстоятельства.

10 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75958> (дата обращения: 19.03.2024).

11 Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/826234> (дата обращения: 19.03.2024); Большой академический словарь русского языка. М., 2007. С. 401.

12 Большой академический словарь русского языка. С. 402.

Ряд авторов относят исследование порнографических материалов к компетенции специалиста в области культурологической экспертизы [11, с. 112–117; 12, с. 55–60], в том числе приравнивая ее предмет к предмету искусствоведческой экспертизы, с чем вряд ли можно согласиться. Культура как социальный феномен представляет собой исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д.¹³ В большинстве толковых словарей это понятие рассматривается как совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей¹⁴ или совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни, а также как сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т. п.¹⁵ Культурология – наука, изучающая закономерности культурно-исторического процесса и специфики человеческих культур как самоорганизующихся систем [13], а также закономерности взаимовлияния культуры и общественной жизни¹⁶.

Единый подход к предмету, объектам и задачам судебной культурологической экспертизы на сегодняшний день не сформирован. Но в законодательстве¹⁷ определены требования к компетентности эксперта государственной историко-культурной экспертизы:

– высшее и (или) послевузовское профессиональное образование по направлению (специальности), соответствующему профилю экспертной деятельности, в исключительных

13 Межуев В.М., Константинов А.В. Культура // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/kul-tura-26efdd/?v=5871783> (дата обращения: 19.03.2024).

14 Семенов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 19.03.2024); Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75958> (дата обращения: 19.03.2024).

15 Большой академический словарь русского языка. С. 772.

16 Там же. С. 775.

17 Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе: постановление Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 (ред. от 03.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30, ст. 3812.

случаях допускается среднее профессиональное или дополнительное образование по профилю экспертной деятельности (если эксперт привлекается для проведения экспертизы объектов, указанных в подп. «д» п. 11(1) Положения о государственной историко-культурной экспертизе¹⁸, необходимо высшее образование претендента (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре) по специальностям «История», «Музейное дело и охрана памятников» и «Археология»;

– предшествующий стаж практической работы по профилю экспертной деятельности не менее 10 лет (если эксперт привлекается для проведения экспертизы объектов, указанных в подп. «д» п. 11(1) Положения, стаж археологических полевых работ на основании разрешения, выдаваемого федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения Российской академии наук и подтверждающего право на проведение одного из видов археологических полевых работ, должен составлять не менее 10 лет);

– знание международных актов и законодательства Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

– умение проводить необходимые исследования, оформлять по их результатам соответствующие документы и заключения экспертизы.

Приведенные требования недостаточно четко определяют, какое образование должен получить эксперт историко-культурной экспертизы. И в этом случае разобраться помогает ФГОС высшего образования по направлению подготовки 51.03.01 Культурология

18 В п. «д» п. 11 (1) Положения речь идет о землях, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, в случае если указанные земли расположены в границах территорий, утвержденных в соответствии с подпунктом 34.2 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

(уровень бакалавриата)¹⁹, 51.04.01 Культурология (уровень магистратуры)²⁰.

Области профессиональной деятельности и (или) сферы профессиональной деятельности, в которых выпускники, освоившие программу магистратуры, могут осуществлять профессиональную деятельность: культура, искусство (в сфере культурно-просветительской деятельности, в сфере научной деятельности, в сфере проектной деятельности, в сфере экспертно-консультационной деятельности); сфера реализации государственной культурной политики; сфера координации межкультурных коммуникаций, осуществления межнационального и международного культурного сотрудничества; сфера изучения, сохранения и трансляции в современное социокультурное пространство ценностей мировой и отечественной культуры.

Очевидно, что искусствоведение и культурология – близкие, но не тождественные области знаний. Искусство является одной из отраслей человеческой деятельности, в то время как культура отражает отношение общества к производству искусства. На эту особенность верно указал профессор А.Я. Флиер: «место искусства в культуре связано с качеством исполнения некоего конечного продукта... Место культуры в искусстве связано с определением социальной приемлемости» [14].

Обосновывая предмет культурологической экспертизы, Н.А. Гурина пишет: «отнесение анализируемого предмета (порнографии) к виду культурологических экспертиз, а не искусствоведческих, обусловлено, прежде всего, тем, что предмет анализа (порнографические материалы) относится к объектам культуры, а его влияние на общество и отношение общества к данному явлению находится в социоло-

гической сфере» [15, с. 69–73]. В приведенной цитате автор смешивает понятие предмета и объекта, на основании чего относит порнографические предметы или материалы к объектам культуры. Порнографические предметы или материалы скорее можно причислить к последствиям деградации нравственно-этических установок, принятых в обществе с высоким уровнем культурного развития. Порнографические предметы или материалы с изображением несовершеннолетних являются проявлением психических девиаций, половых нарушений (как это было изложено в разд. V Международной статистической классификации болезней, травм и причин смерти 9-го пересмотра²¹) или парафильным расстройством (по МКБ-11)²². Однако, действительно, влияние порнографии на общество и отношение общества к такому явлению изучается культурологией. Ответ на вопрос о том, какое воздействие на неопределенный круг лиц оказывают те или иные изображения, содержащие сведения порнографического характера, лежит в сфере специальных знаний эксперта в области культурологии.

Для установления исторической или культурной ценности материалов и предметов также требуются знания эксперта или специалиста, в зависимости от необходимости проведения исследования, в области культурологии.

Вопрос о психологическом воздействии изображений, содержащих сведения порнографического характера, на конкретного субъекта, в том числе несовершеннолетнего, относится к компетенции эксперта в области психологии. При необходимости проведения экспертного исследования объектом будет выступать психика человека, в качестве дополнительных материалов, представленных следователем на исследование, эксперт-психолог будет изучать порнографические предметы и материалы. Представляется обяза-

19 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.01 Культурология : приказ Минобрнауки России от 06.12.2017 № 1177 (ред. от 27.02.2023) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.01.2018 (дата обращения: 31.03.2024).

20 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 51.04.01 Культурология : приказ Минобрнауки России от 06.12.2017 № 1183 (ред. от 08.02.2021) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.12.2017 (дата обращения: 31.03.2024).

21 Психические расстройства (раздел V Международной статистической классификации болезней, травм и причин смерти 9-го пересмотра, адаптированный для использования в СССР). М., 1983 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychiatr.ru/news/234> (дата обращения: 31.03.2024).

22 Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ) 11-го пересмотра [Электронный ресурс]. URL: <https://icd.who.int/browse/2024-01/mms/ru> (дата обращения: 19.03.2024).

тельным участие психолога в определении характера воздействия на несовершеннолетнего порнографических материалов или угрозы их распространения. Так, Ленинским районным судом г. Красноярска Т. осужден по ч. 1 ст. 163 УК РФ. Реализуя преступный умысел, Т., используя видеотрансляцию сайта секс-знакомств, на которой П. показала себя в веб-камеру в нижнем белье, предложил З. заняться виртуальным сексом, а именно мастурбацией, до момента эякуляции. Т. сделал видеозапись данных действий З., которые отправил дочери последнего и под угрозой распространения позорящих сведений о ее отце потребовал денежное вознаграждение²³.

Более сложной является задача исследования творческих продуктов. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 199-ФЗ²⁴, дополнивший ст. 242.1 УК РФ определением понятия материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, исключил из их числа материалы и предметы, имеющие историческую, художественную или культурную ценность. Ценность таких объектов или ее отсутствие устанавливается в результате использования специальных знаний. Так, противоречивые чувства вызвала выставка «Без смущения» американского фотографа Джозефа Стерджеса, известного своими фотографиями семей нудистов. В фотоколлекции, выставленной в Центре фотографии им. братьев Люмьер, присутствовали снимки детей и подростков, в том числе обнаженных. В ходе проверки, инициированной членом Совета Федерации Е. Мизулиной, была назначена экспертиза, в результате которой установлено, что представленные фотографии имеют художественную ценность. Вопросы художественной ценности решаются искусствоведческой экспертизой и основываются

на выявлении и анализе сюжетосложения и композиции произведения, изобразительной (пластической) и звуковой образности, символично-метафорического надтекста и т. д. [15, с. 69–73].

Объектами искусствоведческой экспертизы всегда являются предметы, предположительно, обладающие художественной, исторической или культурной ценностью. При этом, как справедливо отмечает Е.В. Пискунова, установление художественной, исторической, культурной ценности невозможно, если перед этим не решена задача по атрибуции. Художественная, историческая и культурная ценность определяются именем автора, художественной школой, временем, местом и другими обстоятельствами создания произведения [16, с. 271–276]. Таким образом, искусствоведческая экспертиза материалов, содержащих изображения, которые могут быть отнесены к порнографическим, назначается при наличии информации о той или иной ценности произведения. Такая информация может исходить от автора, собственника, эксперта на аукционе, продавца, покупателя или другого заинтересованного лица.

Полагаем, что важной задачей искусствоведческого исследования в судебной экспертизе является выявление «закамуфлированной» детской порнографии. На этот пласт порнографии, маскирующей сексуальные смыслы нормативными репрезентативными приемами и не содержащей обозначенный в ст. 242.1 УК РФ набор характеристик, обратила внимание Е.Н. Савельева [11, с. 112–117]. По мнению автора, выявление скрытого подтекста возможно посредством искусствоведческого анализа используемых приемов выразительности.

В случае, когда требуется установить научное или медицинское предназначение материалов или предметов с порнографическими изображениями (примечание 2 к ст. 242.1 УК РФ), полагаем необходимым обращение к специалистам или экспертам в области судебной медицины и, возможно, педагогики (андрагогики) для ответа на вопрос о необходимости и целесообразности использования таких материалов или предметов в образовательной деятельности.

23 Приговор суда по ч. 1 ст. 163 УК РФ № 1-445/2017 от 29 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-163-uk-rf-vymogatelstvo/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-163-uk-rf--1-4452017--vymogatelstvo.html> (дата обращения: 31.03.2024).

24 О внесении изменений в статью 242.1 УК РФ в целях противодействия обороту порнографической продукции с использованием несовершеннолетних и (или) среди несовершеннолетних и статью 151 УПК РФ: Федеральный закон от 23.06.2016 № 199-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение материалов или предметов, имеющих порнографический характер, осуществляется на основании использования специальных знаний в различных областях: культурологии, искусствоведения, психологии, медицины. Однако окончательное решение вопроса об отнесении тех или иных материалов или предметов к порнографическим является прерогативой лица, ведущего процесс, – дознавателя, следователя, а в итоге – судьи (суда).

Приведенные в статье виды специальных знаний выделены нами исходя из необходимости проведения экспертного исследования, специфики исследуемого объекта, предмета и задач судебной экспертизы, а так-

же области специальных знаний, из которой происходит заимствование методов для решения поставленных задач. Для определения формы (вида) использования специальных знаний (судебная экспертиза или консультация специалиста) по указанным категориям дел лицам, ведущим процесс, следует четко определить поставленную задачу и выяснить необходимость ее решения посредством исследования. Помимо этого, для определения вида судебной экспертизы необходимо установить объект и область специальных знаний. Это позволит установить компетентность эксперта (специалиста), который обладает соответствующими специальными знаниями, и исключит вероятность постановки вопросов, выходящих за ее пределы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Montgomery H. A history of pornography / H. Montgomery. – London, 1964. – 266 p.
2. Любавина М.А. О преступлениях, связанных с распространением порнографических материалов или предметов / М.А. Любавина // КриминалистЪ. – 2012. – № 2 (11). – С. 35–41.
3. Иванова Е.В. Теоретические и практические проблемы судебной экспертизы порнографических материалов / Е.В. Иванова, О.Г. Дьяконова // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. – С. 49–54.
4. Вошинчук А.Н. Перспективы развития культурологической экспертизы в Республике Беларусь / А.Н. Вошинчук // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь доктора юридических наук, профессора А.В. Дулова / отв. ред. В.Б. Шабанов. – Минск, 2019. – С. 172–174.
5. Пантюхина И.В. Новая дефиниция – новые проблемы (о понятии материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних) / И.В. Пантюхина // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 3. – С. 7–9.
6. Антонян Ю.М. Понятие порнографии / Ю.М. Антонян // Научный портал МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 81–86.
7. Миллерова Е.А. О некоторых проблемах квалификации развратных действий, сопряженных с изготовлением и распространением порнографических материалов / Е.А. Миллерова // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 36–39.
8. Ильин Н.Н. Объекты искусствоведческой судебной экспертизы при расследовании незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов / Н.Н. Ильин, А.А. Милованова // Вестник криминалистики. – 2021. – № 4 (80). – С. 24–28.

REFERENCES

1. Montgomery H. A history of pornography. London, 1964. 266 p.
2. Lyubavina M.A. On the crimes related to the distribution of pornographic materials or objects.
3. Ivanova E.V., Dyakonova O.G. Theoretical and practical problems of forensic examination of pornographic materials. *Forensic problems of the effectiveness of the fight against crime and other offenses among young people. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of Professor L.L. Kanevsky*. Bashkir State University Publ., 2019, pp. 49–54. (In Russian).
4. Voshchinchuk A.N. Prospects for the development of cultural expertise in the Republic of Belarus. In Shabanov V.B. (ed.). *Conceptual foundations of modern criminology: theory and practice. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of the Honored Scientist of the Republic of Belarus, Doctor of Law, Professor A.V. Dulov*. Minsk, 2019, pp. 172–174. (In Russian).
5. Pantyukhina I.V. New definition means new problems (on the concept of materials and objects with pornographic images of minors). *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami = Current Issues in the Fight Against Crime*, 2016, no. 3, pp. 7–9. (In Russian).
6. Antonyan Yu.M. The concept of pornography. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2023, no. 3 (63), pp. 81–86. (In Russian).
7. Millerova E.A. On some problems of qualifying depraved acts associated with the production and distribution of pornographic materials. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2015, no. 2, pp. 36–39. (In Russian).
8. Ilyin N.N., Milovanova A.A. Objects of art history forensic examination in the investigation of crimes. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2021, no. 4 (80), pp. 24–28. (In Russian).
9. Piskunova E. Objects of forensic art examination. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2012, no. 1 (25), pp. 194–198. (In Russian).

9. Пискунова Е.В. Объекты судебной искусствоведческой экспертизы / Е.В. Пискунова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2012. – № 1 (25). – С. 194–198.

10. Бондаренко Л.К. Основные криминалистические виды судебной искусствоведческой экспертизы / Л.К. Бондаренко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7-1 (45). – С. 21–24.

11. Савельева Е.Н. Актуальные проблемы культурологической экспертизы детской порнографии: на пути к «профилактике» этического и эстетического релятивизма / Е.Н. Савельева // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 112–117.

12. Родивилин И.П. Судебная экспертиза порнографической продукции / И.П. Родивилин, В.А. Родивилина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2 (6). – С. 55–60.

13. Буровский А.М. Что такое культурология? / А.М. Буровский // Культурологический журнал. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-kulturologiya> (дата обращения: 19.03.2024).

14. Флиер А.Я. Искусство в культуре или культура в искусстве? / А.Я. Флиер // Культура культуры. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-v-kulture-ili-kultura-v-iskusstve> (дата обращения: 19.03.2024).

15. Гурина Н.А. К вопросу о проведении судебной культурологической экспертизы аудиовизуальных материалов в части их искусствоведческой оценки / Н.А. Гурина // Искусство и культура. – 2021. – № 4 (44). – С. 69–73.

16. Пискунова Е.В. Произведение искусства как объект комплексного судебно-экспертного исследования / Е.В. Пискунова // Вопросы экспертной практики. – 2017. – № 1. – С. 271–276.

10. Bondarenko L.K. Main forensic types of court art criticism expertise. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Puractice*, 2014, no. 7-1 (45), pp. 21–24. (In Russian).

11. Savelieva E.N. Topical issues of cultural examination of child pornography: towards «prevention» of ethical and aesthetic relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2014, no. 389, pp. 112–117. (In Russian).

12. Rodivilin I.P., Rodivilina V.A. Forensic examination of pornographic products. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2018, no. 2 (6), pp. 55–60. (In Russian).

13. Burovsky A.M. What are cultural studies? *Kulturologicheskij zhurnal = Journal of Cultural Research*, 2011, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-kulturologiya>.

14. Flier A.Ya. Art in culture or culture in art? *Kultura kul'tury = Cultural Culture*, 2019, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-v-kulture-ili-kultura-v-iskusstve>.

15. Huryna N.A. On the issue of conducting forensic cultural expertise of audiovisual materials in terms of their art criticism assessment. *Iskusstvo i kul'tura = Art and Culture*, 2021, no. 4 (44), pp. 69–73. (In Russian).

16. Piskunova E.V. Piece of art as an object of a complex forensic examination. *Voprosy ekspertnoj praktiki = Issues of Expert Practice*, 2017, no. 1, pp. 271–276. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Елена Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности;

Дьяконова Оксана Геннадьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебных экспертиз.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivanova Elena Vyacheslavovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Forensic Expert and Operative Investigative Activity;

Dyakonova Oksana Gennadievna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Forensic Examination.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 21.04.2024; принята к публикации 22.04.2024. The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 21.04.2024; accepted for publication 22.04.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.6

Original article

КАРАГОДИН Валерий Николаевич
Екатеринбургский филиал Московской
академии Следственного комитета
Российской Федерации им. А.Я. Сухарева,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: karagodin_vn@mail.ru

KARAGODIN Valeriy Nikolaevich
Yekaterinburg branch of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian
Federation, Yekaterinburg, Russia.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

YOUTH CRIME INVESTIGATION AS AN OBJECT OF CRIMINALISTIC RESEARCH

Аннотация. Целями исследования является анализ преступлений, совершаемых лицами молодого возраста; выявление признаков, отличающих деяния указанных субъектов от посягательств иных лиц; рассмотрение возможностей и направлений разработки практических рекомендаций по расследованию уголовных дел в отношении молодых людей. В качестве факультативной цели ставилось определение криминалистического значения положений о расследовании преступлений молодежи, необходимости формирования на их основе частнонаучной теории. Актуальность исследования определяется социальным значением деятельности по расследованию преступлений молодежи. Своевременное пресечение преступлений данного вида позволяет если не полностью устранить, то значительно ослабить негативное влияние молодых представителей криминогенного контингента на законопослушное население, в том числе молодых людей. Преступная деятельность анализируемого вида нередко создает препятствия для развития социально ориентированной молодежи. Поэтому своевременное раскрытие преступлений анализируемой группы в определенной степени позволяет формировать более благоприятные условия для развития лиц молодого возраста, не вовлеченных в криминальную деятельность. Актуальность определяется также отсутствием исследований криминального и посткриминального поведения молодых людей старше 18 лет. Методами научного познания, применявшимися при проведении настоящего исследования, являются анализ, синтез, сравнение, гипотеза, моделирование, экстраполяция. К результатам исследования следует отнести вывод о создании систематизированных, логически связанных, научно обоснованных положений об особенностях преступного и постпреступного поведения несовершеннолетних, обуславливающих специфику расследования уголовных дел с участием субъектов данной возрастной группы. Перечисленные и иные признаки анализируемых положений позволяют оха-

Abstract. The purposes of the study is to analyze crimes committed by young people; to identify the signs that distinguish the acts of these persons from the assaults of others; to consider the possibilities and directions for developing practical recommendations for the investigation of criminal cases against young people. An optional purpose is to determine the criminalistic significance of the provisions on the investigation of youth crimes and the need to form a private-scientific theory on their basis. The relevance of the study is defined by the social significance of youth crime investigation activities. Timely suppression of this type of crime allows, if not completely eliminating, then significantly weakening the negative impact of young members of the criminogenic contingent on the law-abiding population, including young people. Criminal activities of this type often create obstacles to the development of socially-oriented youth. Therefore, timely detection of the crimes of the analyzed group to some extent allows to create more favorable conditions for the development of young people not involved in criminal activities. The relevance is also determined by the lack of research into the criminal and post-criminal behavior of young people over the age of 18. The methods of scientific knowledge used in this study comprise analysis, synthesis, comparison, hypothesis, modelling, extrapolation. The results of the study include the conclusion about the creation of systematized, logically connected, scientifically substantiated provisions on the specifics of juvenile criminal and post-criminal behavior, which determine the specifics of criminal investigations involving persons of this age group. These and other attributes of the analyzed provisions allow to characterize

рактиковать их как частное криминалистическое учение. В то же время для разработки более широкого криминалистического учения о расследовании молодежных преступлений требуются более глубокие исследования. При проведении изысканий в этом направлении необходимо выявление специфических закономерностей совершения и расследования преступлений названного вида. Часть из них уже выявлены и упоминаются в данной статье, однако они нуждаются в более серьезном объяснении, систематизации. С учетом проведенных исследований может быть существенно скорректирована концепция, являющаяся теоретической основой учения о расследовании преступлений несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, лица молодого возраста, способ преступления, противодействие расследованию, криминалистическое учение

Для цитирования: Карагодин В.Н. Расследование преступлений лиц молодого возраста как объект криминалистических исследований / В.Н. Карагодин. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 49–55.

them as a private criminalistic doctrine. At the same time, more research is required to develop a broader criminalistic doctrine of youth crime investigation. When conducting research in this direction, it is necessary to identify specific patterns of committing and investigating crimes of this type. Some of them are already identified and mentioned in this article, but they need more serious explanation and systematization. In the light of the conducted research, the concept that is the theoretical basis of the doctrine of juvenile crime investigation can be significantly adjusted.

Keywords: juveniles, persons of young age, crime technique, counteraction to investigation, criminalistic doctrine

For citation: Karagodin V.N. Youth crime investigation as an object of criminalistic research. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 49–55 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.6.

Введение

Тема расследования преступлений, совершаемых лицами молодого возраста, сравнительно недавно стала активно разрабатываться в отечественной криминалистике. В прежние годы в отдельную классификационную группу преступлений в советской, а затем и в российской криминалистике традиционно выделялись посягательства, совершенные несовершеннолетними. В течение многолетних плодотворных исследований видными советскими и российскими криминалистами и криминологами был разработан комплекс действенных рекомендаций по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих преступности несовершеннолетних. Криминалистами были разработаны межвидовая и многообразные частные методики расследования отдельных видов и групп преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Параллельно проводились исследования в области уголовно-процессуального права, в результате которых были разработаны специальные нормы, регламентирующие участие несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, и рекомендации по их применению.

Позднее стала разрабатываться теория ювенальной юстиции, предусматривающая создание не только нормативной базы для деятельности по борьбе с преступностью несовершеннолетних, но и системы органов по борьбе с ней.

Даже столь краткий экскурс в историю эволюции теоретических представлений о борьбе с преступностью несовершеннолетних позволяет прийти к выводу о том, что к настоящему времени сформирована система взаимосвязанных положений различных научных дисциплин, которая может рассматриваться в качестве основы для повышения эффективной деятельности по противодействию противоправной активности названной категории физических лиц.

Нельзя не отметить значительную и, несомненно, позитивную роль в разработке фундаментальных положений по борьбе с названным видом преступности выдающегося российского ученого доктора юридических наук, профессора Льва Львовича Каневского.

Заслуги Л.Л. Каневского в разработке теоретических положений в области тактики и методики расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, неоспоримы. Он был не только оригинальным исследователем.

дователем, автором многих нестандартных теоретических решений и практических рекомендаций, но и прекрасным организатором. Ему удалось создать самостоятельную научную школу. При непосредственном участии и под научным руководством Л.Л. Каневско-го было защищено около полутора десятков кандидатских диссертаций. Позднее его учениками О.В. Полстоваловым и И.А. Макаренко были защищены докторские диссертации. Созданная профессором Л.Л. Каневским научная школа существует и успешно развивается в настоящее время. Представители ее постепенно расширяют объект своих исследований, сохраняя не только творческое наследие, но и стратегическую линию основателя. В качестве объекта исследования обозначается расследование преступлений, совершенных лицами молодого возраста. Интерес к данной теме вполне объясним.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

В любом обществе делинквентная активность молодежи вызывает вполне объяснимую озабоченность. Именно молодежь представляет собой основу для дальнейшего развития общества, основной его интеллектуальный и производительный ресурс.

В то же время относительно определения возрастных границ молодежи единое мнение отсутствует. Согласно Федеральному закону от 31 декабря 2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» к указанной возрастной категории относятся лица от 14 до 35 лет. Всемирной организацией здравоохранения пределы молодого возраста определяются в диапазоне от 18 до 44 лет. Необходимо отметить, что в основе приведенных классификаций лежат разные критерии, используются несовпадающие подходы. Всемирной организацией здравоохранения учитывается увеличение продолжительности жизни как психофизиологический процесс, характеризующийся не только более поздними сроками старения, но и более длительными периодами биологического и интеллектуального развития. Таким образом, молодость связывается, прежде всего, с динамикой физиологиче-

ского и интеллектуального развития. Можно предположить, что финальной точкой этого процесса, в трактовке указанного учреждения, является завершение психофизиологического развития индивида как единой системы.

Критериями Федерального закона № 489-ФЗ, по нашему мнению, избраны обобщенные социально-психологические характеристики выделенной возрастной группы. В указанном нормативном акте не называются присущие представителям рассматриваемой возрастной группы признаки. Тем не менее содержание ряда статей позволяет прийти к выводу, что у молодежи еще только формируются гражданственность, отношение к представителям разных национальностей, конфессий, интеллектуальные, физические, коммуникативные и иные качества.

Довольно большая по объему группа лиц молодого возраста, выделенная в названном законе, существенно затрудняет выработку единой ее характеристики. Наиболее глубокие изыскания проводились в отношении несовершеннолетних. В частности, в психологии были выявлены психологические особенности несовершеннолетних различных возрастных групп [1; 2]. Данные, полученные психологами, были творчески использованы криминологами и криминалистами при описании особенностей преступного поведения несовершеннолетних. С учетом указанных особенностей были разработаны криминалистические рекомендации по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, и по производству отдельных следственных действий с их участием [3; 4; 5; 6; 7]. При этом названные криминалистические рекомендации, как правило, учитывают возрастные особенности несовершеннолетнего участника досудебного производства и (или) устанавливаемого субъекта преступления, предположительно, не достигшего совершеннолетия.

Упомянутые криминалистические рекомендации основываются на особенностях поведения несовершеннолетних, детерминированных специфическими свойствами личности. Среди последних называются более низкий уровень интеллектуальных качеств несовершеннолетних по сравнению со взрослыми, недостаточная степень социализации,

понимаемая как неадекватная самооценка в качестве субъекта отношений, обладающего не только правами, но и обязанностями. Отмечаются также нигилизм и эгоизм несовершеннолетних, совершающих не только преступления, но и другие правонарушения. Эти и другие свойства личности обуславливают принятие решения о совершении преступления, а также выбор и реализацию способа преступного посягательства.

Уровень интеллектуального развития, способность оценивать условия объективной обстановки преступления, ценность предмета посягательства, продуктивность избираемого и реализуемого способа его совершения отражаются как в содержании общественно опасных деяний несовершеннолетних, так и образующихся при этом следах.

В научной литературе давались весьма противоречивые характеристики личности несовершеннолетних преступников и совершаемых ими деяний. Так, один из первых разработчиков данной проблематики, Г.М. Миньковский, классифицировал несовершеннолетних преступников на случайных, ситуативных, с преобладающей антиобщественной направленностью и с частично сформированной устойчивой антиобщественной направленностью [8, с. 254].

В данном случае довольно четко определяется качество, присущее именно несовершеннолетним: антиобщественная установка определенной степени устойчивости, ситуативно проявляющаяся в определенных условиях.

Субъекты, не достигшие совершеннолетия, руководствуются разными мотивами, что отражается в реализуемых ими способах преступления и оставленных следах. Высказывается мнение о том, что способы преступлений несовершеннолетних отличаются определенным примитивизмом, не охватывая действий по их подготовке и сокрытию [9, с. 298].

Мы уже высказывались с критикой этого суждения. Способы многих уголовно-правовых видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, включают в свое содержание действия как по подготовке, так и по сокрытию общественно опасных деяний. В способах преступлений несовершеннолетних скорее наблюдается неполнота, отсутствие необходимых

в данных условиях действий, требуемых для достижения поставленной цели. В то же время возможно выполнение излишних операций, не только не направленных на достижение цели совершения преступления, но иногда и не имеющих никакого отношения к ней.

Несовершеннолетние планируют в основном выполнение известных им действий. При выборе и реализации сложных, ранее не выполнявшихся ими действий некоторые несовершеннолетние, не обладая достаточными настойчивостью, терпением, умениями осуществления избранных операций, отказываются от их завершения или заменяют их на менее сложные. Также несовершеннолетние переоценивают собственные возможности или не обладают волевыми качествами для успешного использования имеющихся личностных качеств для достижения поставленной цели.

Иногда несовершеннолетние изменяют образ действий под влиянием новых оценок окружающих условий. В подобных ситуациях на местах преступлений остаются следы выполнения неадекватных условиям обстановки, излишних, непродуктивных, незавершенных, не связанных между собой действий несовершеннолетнего субъекта преступления.

Необходимо отметить значительное количество преступлений, совершаемых такими субъектами в отношении несовершеннолетних пострадавших. Для подобных посягательств используются территории, где имеются благоприятные условия, прежде всего такие, где часто бывают несовершеннолетние, не способные к сопротивлению, и отсутствуют лица, которые могут помешать реализации преступного замысла.

На месте преступления нередко обнаруживают следы небольших по размеру, но различных частей тела, обуви и одежды, что свидетельствует о том, что они оставлены несовершеннолетними. Субъекты данной возрастной категории нередко похищают предметы, привлекательные именно для несовершеннолетних. При совершении насильственных преступлений некоторые несовершеннолетние проявляют неоправданную жестокость.

Как определенное социальное, пусть и негативное явление, преступность несовершеннолетних не может не испытывать влияния об-

ществленных процессов, происходящих в нашей стране. Всеобщая коммерциализация всех сфер жизни не могла не затронуть и преступность несовершеннолетних. В частности, все более распространенными становятся факты создания групп несовершеннолетних для совершения корыстных преступлений как постоянного источника получения доходов. Так, на крупных предприятиях торговли, железнодорожных вокзалах, в авиационных и водных портах, на автомобильных парковках нередко организуются группы несовершеннолетних, в том числе не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, для совершения краж имущества физических лиц, перевозимых, загружаемых и выгружаемых товаров.

Несовершеннолетние все активнее начинают заниматься криминальным бизнесом, то есть получением постоянных доходов преступным путем. В частности, представители этой возрастной группы все чаще привлекаются к уголовной ответственности за сбыт наркотических веществ, нередко с использованием средств компьютерной техники. Уместно заметить, что число преступлений, совершаемых несовершеннолетними с использованием цифровых технологий, неуклонно растет. Таким образом совершаются вымогательства, доведение до самоубийства, осуществляется травля и преследование сверстников, педагогов, других лиц. В этих деяниях нельзя не отметить, проявления тех же признаков несовершеннолетних, что и при совершении преступлений без применения анализируемых средств и технологий. В частности, при передаче информации наблюдается незавершенность высказываний, использование лексических средств, характерных не просто для несовершеннолетних вообще, а для определенных групп таких лиц, проявление субъектом посягательства неоправданной агрессии, нетерпимости, предъявление неадекватных требований.

Нельзя не обратить внимание и на появление новых тенденций в поведении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в ходе предварительного расследования, не просто увеличение числа случаев оказания противодействия предварительному расследованию, а существенное изменение мотивации, содержания и интенсивности этой дея-

тельности. Допустим, дача ложных показаний названными лицами ранее объяснялась подростковым, юношеским упрямством, чувством ложного товарищества, то есть отрицательным влиянием вполне положительных качеств несовершеннолетних. В настоящее же время возросло количество не достигших совершеннолетия подростков и юношей, придерживающихся идеологии неприятия существующих социальных ценностей, которые заменяются постулатами национализма, других мировоззренческих взглядов, противопоставляющих отдельных индивидов и общество, представителей молодого и старшего возрастов, лиц разных национальностей, сторонников несоответствующих убеждений, жизненных укладов и т. д.

Названные и другие тенденции, несомненно, должны выявляться и исследоваться не только в криминалистических, но и в междисциплинарных исследованиях. Для этого необходимо изучение следственно-судебной практики несовершеннолетних, совершавших преступления. Несомненно, подобные исследования проводятся, в частности представителями школы криминалистики Уфимского университета науки и технологий. Качество такого рода изысканий и выработанных в результате их проведения практических рекомендаций по расследованию и предупреждению преступлений несовершеннолетних может быть повышено путем объединения усилий представителей разных научных специальностей. Совместные научные исследования способствуют реализации системно-структурного подхода, позволяющего выявлять новые стороны изучаемого объекта, остающиеся без внимания, в ходе автономных изысканий представителей отдельных специальностей. Подобные изыскания, несомненно, будут способствовать дальнейшему развитию криминалистического учения о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. В качестве одного из направлений развития названного криминалистического учения могут рассматриваться исследования преступлений, совершаемых молодыми взрослыми, а также деятельность по их расследованию.

В настоящее время предпринимаются попытки научных исследований особенностей совершения субъектами указанной возраст-

ной группы отдельных видов преступлений и разработки на основе полученных знаний частных криминалистических методик расследования. К сожалению, при проведении подобных изысканий практически не используется метод сравнения преступного поведения молодых взрослых с общественно опасной деятельностью представителей других возрастных групп. Соответственно, предлагаемые рекомендации выглядят малоубедительными. Представляется, что некоторые виды преступного поведения молодых людей близких возрастных групп могут характеризоваться определенным сходством. Скажем, преступления, связанные с физическим насилием, совершаемые юношами 17–18 лет и субъектами 19–20-летнего возраста, могут характеризоваться совпадающими признаками. Подобная повторяемость в действиях разных лиц обуславливается совпадением объективных условий совершения преступлений и свойств личности субъектов, детерминирующих выбор и реализацию аналогичного способа действия. Другими словами, у ряда 19–20-летних субъектов могут сохраняться свойства личности, присущие 17–18-летним. Оказавшись в одинаковых условиях внешней среды, некоторые представители разных возрастных групп могут демонстрировать аналогичные варианты преступного и постпреступного поведения. В ситуациях проявления такого поведения в ходе расследования преступлений молодых взрослых вполне возможно использование рекомендаций по проведению досудебного производства с участием несовершеннолетних юношеского возраста.

В то же время представляются актуальными исследования трансформации свойств личности субъектов, начавших преступную деятельность до совершеннолетия и продолжающих ее в зрелом возрасте.

Думается, что в настоящее время имеется необходимость классификации субъектов молодого возраста. Первоначально возможна дифференциация таких субъектов, совершающих отдельные виды преступлений. Интересно, по нашему мнению, классификация названных субъектов, считающих не просто

допустимым, а единственно возможным вариантом начального этапа предпринимательской деятельности совершение хищений. Например, в последнее время наблюдается увеличение количества мошенничеств под видом оказания различного рода услуг, совершаемых группами молодых людей в возрасте 20–25 лет. Преступной деятельностью некоторых из таких лиц предшествуют неудачные попытки организации вполне легального бизнеса.

Внимание привлекают и проблемы выявления и расследования преступлений экстремистского характера, совершаемые лицами молодого возраста. Обращает на себя внимание наличие групп, объединяющих несовершеннолетних и взрослых молодого возраста. Некоторые из таких формирований действуют под руководством лиц более старшего возраста, другие представляют собой чисто молодежные объединения.

Существуют и другие виды преступлений молодых лиц, раскрытие и расследование которых сопряжено с серьезными трудностями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление специфики совершения и расследования отдельных видов преступлений, совершаемых молодыми людьми, позволяет выявить общие закономерности их преступного поведения, получить аргументы в пользу разработки практических рекомендаций по тактике и методике расследования совершаемых такими лицами посягательств.

Не исключается и возможность проведения более глобальных исследований, направленных на выявление специфики преступного и постпреступного поведения указанных лиц, расследования совершенных ими деяний. Такие исследования представляются более трудоемкими и сложными, но отнюдь не бесперспективными. В любом случае неотъемлемой частью научных изысканий в области анализируемой проблематики должно стать изучение материалов уголовных дел, обобщение практики привлечения к уголовной ответственности субъектов названной возрастной группы, присущих им свойств личности и их проявлений в условиях различных криминальных и следственных ситуаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. Детская психология / Л.С. Выготский ; под ред. Д.Б. Элькониной. – Москва : Педагогика, 1984. – 432 с.
2. Кон И.С. Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности : учебное пособие для пед. институтов / И.С. Кон. – Москва : Просвещение, 1979. – 175 с.
3. Гуковская Н.И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 208 с.
4. Комаров В.К. Психологические и тактические особенности расследования преступлений несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / В.К. Комаров. – Свердловск, 1972. – 24 с.
5. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних : монография / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 288 с.
6. Каневский Л.Л. Тактика следственных действий по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними / Л.Л. Каневский. – Уфа, 2001. – 140 с.
7. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования / И.А. Макаренко. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 352 с.
8. Курс советской криминологии. Предупреждение преступности / С.Б. Алимов, Г.В. Антонов-Романовский, Г.В. Дашков, В.Д. Ермаков, и др. ; под ред.: И.И. Карпец, Б.В. Коробейников, В.Н. Кудрявцев. Москва : Юридическая литература, 1986. – 352 с.
9. Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. – Москва : Юрайт, 2013. – 831 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карагодин Валерий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karagodin Valeriy Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 09.04.2024.
The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.

REFERENCES

1. Vygotsky L.S.; Elkonin D.B. (ed.). Collected works. Moscow, Pedagogika Publ., 1984. 432 p.
2. Kon I.S. Psychology of adolescence: problems of personality formation. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 175 p.
3. Gukovskaya N.I., Dolgova A.I., Minkovsky G.M. Investigation and trial of cases of juvenile crimes. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 208 p.
4. Komarov V.K. Psychological and tactical features of the investigation of juvenile crimes. *Cand. Diss. Sverdlovsk*, 1972. 24 p.
5. Kanevsky L.L. Criminalistic problems of investigating and preventing juvenile crimes. Krasnoyarsk State University Publ., 1991. 288 p.
6. Kanevsky L.L. Tactics of investigative actions in cases of crimes committed by minors. Ufa, 2001. 140 p.
7. Makarenko I.A. The personality of a minor accused as an object of forensic research. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 352 p.
8. Alimov S.B., Antonov-Romanovsky G.V., Dashkov G.V., Ermakov V.D. et. al.; Karpets I.I., Korobeinikov B.V., Kudryavtsev V.N. (eds.). Course of Soviet criminology. Crime Prevention. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 352 p.
9. Drapkin L.Ya. (ed.). Criminalistics. Moscow, Yurajt Publ., 2013. 831 p.

Научная статья
УДК 343.915
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.7

Original article

МАКАРЕНКО Илона Анатольевна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: ilona475@mail.ru

MAKARENKO Iona Anatolyevna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА Л.Л. КАНЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

THE DEVELOPMENT OF PROFESSOR L.L. KANEVSKY'S IDEAS IN CONTEMPORARY
CRIMINALISTICS

Аннотация. В статье раскрывается роль профессора Льва Львовича Каневского в изучении проблем расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, и их профилактике. Многие высказанные им более 50 лет назад предложения до сих пор актуальны и являются предметом обсуждений на научных площадках, вызывают споры при реализации на практике. Так, до сих пор изучению личности несовершеннолетнего правонарушителя на практике уделяется недостаточное внимание, несмотря на огромное значение такого знания не только для всестороннего расследования преступлений, но и для их предупреждения в дальнейшем. Нет четкого понимания, что и в каких пределах необходимо изучать о личности подростка. Следовательно ориентируются на УПК РФ, в котором поставлена задача, но не указаны способы и пределы ее решения на практике. Та же проблема в отношении привлечения педагогов и психологов к участию в следственных действиях с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, свидетелем или потерпевшим. Каких (знакомых или незнакомых) педагогов приглашать, в каких случаях – педагогов, а в каких – психологов, а также многие другие вопросы ученые предлагают решать по-разному, а на практике о них даже не задумываются, так как основной проблемой следователей является организация участия в следственном действии любого специалиста для соблюдения норм УПК. Решение указанных и многих других вопросов Л.Л. Каневский предложил в своих трудах. Ученики Льва Львовича продолжают развивать его идеи и исследовать современные проблемы, связанные с расследованием преступлений, участниками которых являются несовершеннолетние.

Ключевые слова: профессор Л.Л. Каневский, изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя, участие педагога, психолога, профессионализм следователя

Abstract. The article reveals the role of Professor Lev Lvovich Kanevsky in the study of the problems of investigation of crimes committed by minors and their prevention. Many of his proposals expressed more than 50 years ago are still relevant and are the subject of discussions on scientific forums, cause disputes when implemented in practice. Thus far, insufficient attention is still paid in practice to the study of the minor offender's personality, despite the great importance of such knowledge not only for the comprehensive investigation of crimes but also for their prevention in the future. There is no clear understanding of what and to what extent it is necessary to study about the adolescent's personality. Investigators are guided by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which sets the task, but does not specify the ways and limits of its solution in practice. The same problem arises with regard to the involvement of educators and psychologists in investigations with a minor suspect, accused, witness or victim. Which (familiar or unfamiliar) educators to invite, in which cases educators should be engaged, and in which – psychologists, as well as many other issues are among the problems that scientists suggest to solve in different ways, and in practice these issues are not even considered, since the main problem for investigators is the organization of any specialist's participation in the investigative action to comply with the norms of the Criminal Procedure Code. L.L. Kanevsky offered solutions to these and many other problems in his works. The disciples of Lev Lvovich continue to develop his ideas and study modern problems related to the investigation of crimes in which minors are participants.

Keywords: Professor L.L. Kanevsky, study of the minor offender's personality, involvement of an educator, psychologist, investigator's professionalism

Для цитирования: Макаренко И.А. Развитие идей профессора Л.Л. Каневского в современной криминалистике / И.А. Макаренко. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 56–59.

For citation: Makarenko I.A. The development of Professor L.L. Kanevsky's ideas in contemporary criminalistics. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 56–59 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.7.

В апреле 2024 г. исполнилось бы 100 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессора Льва Львовича Каневского. На преподавательскую работу в образовательное учреждение он пришел, пройдя тяготы Великой Отечественной войны, имея колоссальный опыт следственной работы. Познакомившись с ним в конце 1980-х годов, я не переставала восхищаться его талантом очаровывать людей, вселять в них уверенность, заражать интересом к науке и исследованиям. Он был не только талантливым педагогом, ученым, организатором и инициатором, Лев Львович был настоящим, искренним, заботливым человеком, умеющим не просто собрать, но и сплотить коллектив. Традиции, заложенные основателем кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий Л.Л. Каневским, без малого 40 лет свято почитаются нынешним ее коллективом, костяк которого составляют его ученики.

Профессор Л.Л. Каневский посвятил свои исследования изучению проблем расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, и их профилактике и стал основателем уфимской школы, ученики которой продолжают развивать данное направление в криминалистике.

Анализ работ Льва Львовича свидетельствует о глубоком осмыслении им проблем изучения личности несовершеннолетних правонарушителей, значения криминалистической характеристики преступлений и ее роли в организации расследования, повышения профессионального мастерства следователя, предупреждения преступности несовершеннолетних и многих других, которые до сегодняшнего дня остаются не до конца раскрытыми, спорными и актуальными.

В 1970 г., 54 года назад, профессор Л.Л. Каневский указал на особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя, присущие ему эмоциональные, психологические качества: возбудимость, неуравновешенность, боязнь прослыть слабым, несамостоятель-

ным. Особую роль в развитии подростков Лев Львович отводил окружающей среде. Более полвека назад он писал, что именно влияние старших способствует вовлечению несовершеннолетних в азартные игры, пьянство и употребление наркотических средств, в преступную деятельность [1]. Пожалуй, и в настоящее время эти проблемы остаются неизменными.

Роль взрослых в формировании личности подростка неоспорима, и чаще всего именно взрослые являются причиной совершения подростком преступлений. Проблема остается актуальной и заключается в том, что в ходе расследования преступлений следователи не всегда уделяют должное внимание сбору информации о личности несовершеннолетнего, не всегда осознают необходимость такой информации в процессе расследования и, выполняя требования УПК РФ, лишь перед предъявлением обвинительного заключения собирают характеристики на несовершеннолетнего правонарушителя, которые содержат минимум информации и являются скорее формальными шаблонами, нежели содержащими описание личностных качеств подростка документами. В этой связи в процессе производства следственных действий следователи не имеют возможности учитывать нравственно-психологические особенности несовершеннолетнего, чтобы избрать наиболее эффективную тактику получения показаний, оценить их достоверность, понять глубину запущенности подростка и в конце концов, как отмечал Лев Львович, оказать воспитательное воздействие уже на этапе предварительного расследования.

Тем не менее в научной литературе необходимость изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого не вызывает дискуссий. Авторы исследований солидарны с Львом Львовичем в том, что если говорить о направлениях изучения свойств личности несовершеннолетнего в целях реализации воспитательных функций на предварительном следствии и в ходе судебного процесса, а также для организации работы по исправлению несовер-

шеннолетних преступников в местах лишения свободы, то основными являются социально-демографические и нравственно-психологические [2]. При изучении личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства среди прочих в первую очередь анализируются указанные направления.

Есть в исследованиях профессора Л.Л. Каневского анализ и таких вопросов, которые по сей день не урегулированы законодательно, вызывают дискуссии на научных площадках и трудности в практической деятельности следователей. В частности, это вопрос привлечения педагогов и психологов к участию в производстве следственных действий с участием несовершеннолетних.

Учеными предлагаются разные варианты привлечения указанных лиц в уголовное судопроизводство. О.Ю. Скичко, например, предлагает заменить в УПК термин «педагог» на «специалист в области возрастной или педагогической психологии» и закрепить его участие (как обязательное, так и факультативное) во всех следственных действиях с участием несовершеннолетних [3, с. 15]. С.В. Тетюев в своей диссертации не разделяет педагога и психолога, рассматривая их как единую процессуальную фигуру [4, с. 106–129]. А в диссертации И.И. Трапезниковой роль педагога и психолога вообще не конкретизируется, остаются нерешенными обсуждаемые в науке проблемы, в частности какого педагога (знакомого или незнакомого несовершеннолетнему) приглашать для участия в следственном действии, чье участие более целесообразно – педагога или психолога – и в каких случаях и т. д. Кроме того, недостаточно четким представляется понятие, например, психолога как сведущего лица, привлекаемого для обеспечения психологического комфорта участникам процесса [5, с. 230–231].

Считаю, что высказанное Львом Львовичем решение этого вопроса остается самым разумным и целесообразным с точки зрения интересов и предварительного следствия, и несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Он писал, что педагога нужно признать самостоятельным участником уголовного процесса, так же как переводчика, специалиста. Приглашать на допрос целесообразно того педагога, который обучает под-

ростка, у которого сложились нормальные отношения с несовершеннолетним. Основанием для участия педагога в допросе могут быть: замкнутость подростка, данные о наличии у него психофизических аномалий, из-за которых он трудно вступает в контакт, и т. д.

Участие в допросе педагога не исключает необходимости привлечения к этому и другим следственным действиям, проводимым с участием несовершеннолетних, специалиста в области детской и юношеской психологии. При совершении преступления с особым цинизмом и дерзостью, когда подростку, скорее всего, будет стыдно встречаться со своим педагогом, для преодоления замкнутости, оказания помощи в установлении психологического контакта целесообразно приглашать специалиста-психолога, который, используя свои специальные знания, окажет помощь следователю в преодолении конфликтной ситуации, выявлении психических аномалий для дальнейшего решения вопроса о назначении судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертизы, разработки тактики допроса и т. д. [6].

Необходимо отметить, что Лев Львович большое внимание уделял и профессионализму следователя. К сожалению, несмотря на актуальность данной проблемы, она ушла на второй план по многим причинам. Во-первых, профессия следователя не является сейчас престижной и высокооплачиваемой. Молодежь стремится не за романтикой погони за бандитами и опасностями преследования по горячим следам, а возможностью заработать большие деньги, не прилагая для этого значительных усилий. Поэтому текучка в следственных органах высокая, опытных следователей мало, в резерве практически никого нет. При таких обстоятельствах поднимать проблемы профессионального роста, совершенствования подготовки следователей, а также проблему профессиональной деформации, которая ранее была предметом дискуссий на научно-практических конференциях, сейчас не приходится из-за выгорания следователей в профессии раньше, чем наступает профессиональная деформация.

Лев Львович, долгое время проработавший следователем, не мог не уделять пристальному вниманию вопросам совершенствования

следственной деятельности и деятельности самих следователей. Он полагал, что следователь – профессия творческая, и отмечал, что эта работа хотя и не престижная, но благородная и интересная, в ней много романтики. Как в шахматах, ты целеустремленно стремишься найти наиболее правильное решение тактической задачи: в кратчайший срок раскрыть преступление, помочь потерпевшему в удовлетворении его морального и возмещении материального ущерба, наконец, принять уже на предварительном следствии наиболее оптимальные положительные меры воздействия к обвиняемому, особенно к несовершеннолетнему и ранее несудимому, к его исправлению и перевоспитанию [7]. Для следователя Каневского важным было не только раскрыть пре-

ступление, но и сделать все возможное для исправления и перевоспитания оступившегося подростка. Во всех своих трудах Лев Львович уделял этому особое внимание, будучи уверенным, что мало раскрыть и расследовать преступление, совершенное несовершеннолетним, важно сделать все возможное, чтобы подросток осознал и больше не совершал противоправных деяний.

Обращаясь к новым поколениям следователей, Лев Львович за год до своего ухода высказал им единственное пожелание, чтобы они помнили: в их руках сосредоточена огромная власть и ею надо очень умело пользоваться, так как за каждым уголовным делом стоит человек, судьбу которого в определенной мере решает и следователь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каневский Л.Л. Особенности личности несовершеннолетних правонарушителей, вовлекаемых в преступную деятельность взрослыми / Л.Л. Каневский // Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних. – Москва, 1970. – Ч. 1. – С. 130–134.
2. Каневский Л.Л. Особенности изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии / Л.Л. Каневский // Актуальные вопросы предварительного следствия. – Уфа, 1976. – С. 96–103.
3. Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.Ю. Скичко. – Саратов, 2005. – 26 с.
4. Тетюев С.В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Тетюев. – Челябинск, 2006. – 299 с.
5. Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.И. Трапезникова. – Челябинск, 2004. – 232 с.
6. Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы участия педагога и психолога в судопроизводстве по делам несовершеннолетних / Л.Л. Каневский // Судебно-правовая реформа и пути повышения эффективности правоохранительной деятельности. – Уфа, 1993. – С. 57–65.
7. Каневский Л.Л. Следователь – профессия творческая / Л.Л. Каневский // Прокуратура против преступности. – Уфа, 2001. – С. 118–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.04.2024. The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.04.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.8

Original article

МИЛОВАНОВА Марина Михайловна
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
e-mail: mmmilovanova@msal.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7059-3364>

MILOVANOVA Marina Mikhailovna
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДИВЕРСИЙ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОБЪЕКТАХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

SPECIFICS OF ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN THE
INVESTIGATION OF SABOTAGE AT RAILWAY FACILITIES COMMITTED BY MINORS

Аннотация. Кризисные периоды в экономике, сложный характер политической обстановки всегда негативно отражались как на общем состоянии преступности, так и на отдельных ее видах, в частности на преступности несовершеннолетних. За последние месяцы в Российской Федерации на фоне общего снижения преступности среди несовершеннолетних выросло количество диверсий – преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, – совершенных на объектах железнодорожной инфраструктуры. При этом отмечается организованный характер противоправных диверсионных действий, которые совершают несовершеннолетние в составе группы. Цель: рассмотреть особенности, связанные с диверсиями на объектах транспортной железнодорожной инфраструктуры, к совершению которых причастны несовершеннолетние, и на основании имеющихся данных конкретизировать обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ. Методы: описания, обобщения, анализа и синтеза, статистический и формально-юридический. Результаты: обоснован вывод о специфике диверсионной деятельности несовершеннолетних, которую необходимо учитывать в процессе расследования совершенных ими преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ. Проведенное исследование позволило выявить особенности предмета доказывания и обстоятельств, подлежащих установлению в ходе расследования диверсий, совершенных несовершеннолетними на объектах транспортной железнодорожной инфраструктуры.

Ключевые слова: расследование диверсии, диверсионная деятельность, преступления несовершеннолетних, железнодорожный транспорт, транспортная инфраструктура

Abstract. Crisis periods in the economy and the complex nature of the political situation have always had a negative impact on both the general state of crime and its certain types, in particular juvenile delinquency. In recent months, in the context of a general decrease in juvenile delinquency in the Russian Federation, there has been an increase in the number of sabotage crimes provided for in Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation at railway infrastructure facilities. At the same time, the organized nature of illegal sabotage actions committed by minors in a group is noted. Purpose: to review the features associated with sabotage at railway transport infrastructure facilities in which minors are involved and, based on the available data, to specify the circumstances to be established and proven in the investigation of crimes under Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation. Methods: descriptions, generalization, analysis and synthesis, statistical and formal legal methods. Results: the paper substantiates the conclusion on the specifics of sabotage activities of minors, which must be taken into account in the investigation of crimes committed by them under Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conducted research makes it possible to identify the specifics of the subject of proof and circumstances to be established during the investigation of sabotage committed by minors at railway transport infrastructure facilities.

Keywords: sabotage investigation, sabotage activities, juvenile delinquency, railway transport, transport infrastructure

Для цитирования: Милованова М.М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершенных несовершеннолетними / М.М. Милованова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 60–67.

For citation: Milovanova M.M. Specifics of establishing the circumstances to be proved in the investigation of sabotage at railway facilities committed by minors. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 60–67 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.8.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема преступности несовершеннолетних является одной из существенных социально-правовых проблем, а сам факт совершения противоправных деяний требует повышенного внимания. Так, согласно данным ГИАЦ МВД РФ в 2020 г. было выявлено 37 771 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (каждое двадцать седьмое – 3,7 %), в 2021 г. – 31 865 (каждое тридцать второе – 3,1 %), в 2022 г. – 26 305 (каждое тридцать четвертое – 2,9 %), в 2023 г. – 27 325 (каждое тридцать седьмое – 2,7 %)¹. Практически половина несовершеннолетних действовали в группе.

Если до недавнего времени для несовершеннолетних было закономерным совершение противоправных деяний против личности, собственности, в сфере незаконного оборота наркотических средств, то за последний год к этому списку добавилась диверсионная деятельность. Достаточно упомянуть множественные факты задержания несовершеннолетних за совершение противоправных деяний на объектах транспортной железнодорожной инфраструктуры, выразившихся в поджогах, уничтожении и повреждении релейных шкафов (станций) и иных инфраструктурных объектов. Причем набирающее обороты активное участие несовершеннолетних в ходе совершения обозначенных противоправных деяний отмечено в разных регионах страны, что вызывает особую настороженность.

Так, 30 января 2023 г. за совершение повреждения объекта транспортной инфраструктуры – железнодорожного полотна на

железнодорожном перегоне Курского направления Московской железной дороги задержаны трое несовершеннолетних учащихся 8-го класса (14–15 лет).

16 февраля 2023 г. в Калининграде совершен поджог релейного шкафа, за совершение которого задержаны восемь несовершеннолетних в возрасте от 15 до 17 лет, среди которых девушка.

25 февраля 2023 г. группой из двух человек, в составе которой был 16-летний учащийся транспортного техникума, совершен диверсионный поджог релейного шкафа и трансформаторной подстанции в Брянской области на перегоне станций Чернец – Полпинская Московской железной дороги. Аналогичную диверсию задержанные планировали совершить 3 марта 2023 г. в Ярославской области на Красном Профинтерне.

1 марта 2024 г. на станции Щурово Коломенского района Московской железной дороги группа из двух человек, в составе которой был 15-летний подросток, совершила диверсионный поджог релейного шкафа.

В ночь с 20 на 21 марта 2023 г. в Тукаевском районе Татарстана трое несовершеннолетних (14–15 лет) вывели из строя релейный шкаф светофора на железнодорожном перегоне Автозаводская – Сидоровка. Они же совершили аналогичное преступление в ночь с 17 на 18 мая 2023 г. возле станции Дербышки в промзоне Казани.

За поджог релейного шкафа, совершенный 23 апреля 2023 г. в Новосибирской области на железнодорожном перегоне Бердск – Сеятель Западно-Сибирской железной дороги, задержаны действовавшие в составе группы трое подозреваемых, двое из которых несовершеннолетние (17 лет).

21 декабря 2023 г. в 22 ч. 20 мин. на 713-км перегоне между станциями Пенза-2 и Пенза-1 группа лиц из четырех человек, среди которых несовершеннолетний в возрасте 17 лет, со-

¹ Актуальные и архивные данные о состоянии преступности за январь – декабрь 2023 г.; январь – декабрь 2022 г.; январь – декабрь 2021 г.; январь – декабрь 2020 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ: сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (дата обращения: 05.03.2024).

вершили поджог релейного шкафа светофора. На следующий день они совершили поджог оборудования контактной сети станции Пенза-2.

В январе 2024 г. за аналогичный поджог на перегоне между станциями Марк – Новоодачная Савеловского направления Московской железной дороги задержаны двое 17-летних подозреваемых.

Список подобных преступлений несовершеннолетних можно продолжить, однако проведенный анализ механизма их совершения позволил выявить общую типичную модель. Действия субъектов преступной деятельности, подпадающие под признаки ст. 281 УК РФ «Диверсия», во-первых, носили организованный характер; во-вторых, инструкции о подготовке и совершении диверсионных действий, включая конкретные задания по конкретным объектам, поступали от неизвестного лица; в-третьих, поиск, вербовка и связь с несовершеннолетними неизвестным лицом осуществлялась посредством мессенджеров (в подавляющем большинстве случаев в Telegram-каналах), в социальных сетях, через чаты онлайн-игр; в-четвертых, за совершенные акты диверсии вербовщик обещал выплату вознаграждения с перечислением денежных средств на электронные кошельки (как правило, криптовалютные); в-пятых, в подтверждение проведенных диверсионных мероприятий с целью выплаты обещанного вознаграждения требовалось предоставление фото-, видеоотчета.

ТРАНСПОРТНАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ОБЪЕКТ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В процессе расследования любого преступления, среди которых диверсия не является исключением, необходимо установить и доказать обстоятельства, перечень которых в общем виде представлен в ст. 73 УПК РФ. В первую очередь событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения).

Устанавливая преступное событие, иным словами, факт противоправного деяния, предусмотренного ст. 281 УК РФ, следует учитывать, что способ диверсии предусматривает

совершение субъектом преступной деятельности взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды безотносительно формы собственности. В контексте рассматриваемого в данной статье факта диверсии речь идет о воздействии на объекты железнодорожной инфраструктуры, находящиеся в собственности государственной вертикально интегрированной компании ОАО «Российские железные дороги», любым из указанных способов.

Понятие объектов транспортной инфраструктуры раскрывается в п. 5 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»², их описание дается с учетом всех видов транспорта. Под объектами транспортной железнодорожной инфраструктуры, которые, в свою очередь, являются предметом преступного посягательства, понимаются обеспечивающие функционирование транспортного комплекса здания, сооружения и помещения: железнодорожные вокзалы и станции; железнодорожные пути; тоннели, эстакады, мосты; здания, сооружения и помещения, обеспечивающие функционирование транспортного комплекса и управление им; объекты систем связи, навигации и управления движением средств железнодорожного транспорта. К последним относятся центры диспетчерского управления (диспетчерские центры управления перевозками)³.

Следует учитывать, что местом совершения диверсии всегда является местонахождение объектов транспортной железнодорожной инфраструктуры. Такие объекты могут охраняться силами ведомственной охраны ОАО «Российские железные дороги»

² Собрание законодательства РФ. 2007. № 7, ст. 837.

³ Об определении объектов систем связи, навигации и управления движением транспортных средств воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего водного транспорта, являющихся объектами транспортной инфраструктуры : приказ Минтранса России от 28.01.2021 № 21 (зарегистрировано в Минюсте России 03.03.2021 № 62650) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2021).

(в том числе с привлечением сотрудников Росгвардии) или не охраняться. Объекты могут оснащаться иными дополнительными техническими системами, позволяющими контролировать инфраструктуру, в частности системами видеонаблюдения, размещаемыми вдоль железнодорожных путей.

Охрана объектов зависит от степени их уязвимости и вида конкретных угроз воздействия на них. Перечень потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств содержится в совместном ведомственном нормативном правовом акте⁴. По мнению С.Н. Зайковой, данные угрозы можно классифицировать в зависимости от вида противоправного действия: угрозы взрыва, захвата, блокирования, поражения опасными веществами и др.; объектов воздействия: угрозы транспортным средствам или угрозы объектам транспортной инфраструктуры, их критическим элементам, повреждение которых приведет к возникновению чрезвычайных ситуаций, оставит транспортное обслуживание [1, с. 33].

Анализ имеющихся источников позволил прийти к выводу, что в случаях совершения несовершеннолетними диверсий на железной дороге чаще всего выбирается способ поджога релейных шкафов (станций), что приводит к их уничтожению или повреждению.

Несмотря на то что релейные шкафы (станции) в норме ст. 281 УК РФ прямо не указаны в качестве объектов транспортной инфраструктуры, о чем также пишет А.И. Чуцаев [2, с. 71], это вытекает из их функционального назначения. Релейные шкафы (станции) предназначены для размещения приборов автоматической блокировки, переездной сигнализации, электрической централизации стрелок, сигналов и других приборов, применяемых на железнодорожном транспорте. Иными словами, с их помощью осуществляется автоматическое управление движением железнодорожного подвижного состава, а незаконное вмешательство в рабо-

ту железнодорожной инфраструктуры ведет к нарушению транспортной безопасности, дестабилизации состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры, работы транспортных средств.

Таким образом, выбор несовершеннолетними субъектами преступной деятельности для совершения поджога релейных шкафов (станций) объясняется отсутствием в местах их размещения физической охраны и, как правило, свободным доступом к данным объектам. Железные дороги имеют значительную протяженность, объекты транспортной инфраструктуры сосредоточены вдоль них, по большей части в безлюдной местности, вдали от населенных пунктов. Кроме того, железнодорожные станции находятся на огромных расстояниях друг от друга. Релейные шкафы в основном располагаются на перегонах между станциями, никем не охраняются, подход к ним не имеет препятствий. Это относится к железнодорожным путям и к некоторым иным инфраструктурным объектам данного вида транспорта, доступ к которым можно осуществить любому лицу беспрепятственно.

Данная ситуация позволяет несовершеннолетним субъектам преступной деятельности планировать, готовить и совершать акты диверсий в неохраемых зонах, выбирая наиболее эффективный способ достижения преступного результата. При этом выбор способа, места и времени совершения диверсии осуществляется исходя из личной безопасности несовершеннолетних субъектов преступной деятельности, доступности орудий и средств совершения диверсии (в данном случае – поджога), возможности скрытно проникнуть на объект транспортной инфраструктуры и покинуть его.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ВХОДЯЩИХ В ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДИВЕРСИЙ

Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что во всех случаях поджога совершались действия по подготовке к рассматриваемому преступлению: неустановленные лица снабжали субъектов преступной деятельности инструкциями по поэтапному проведению диверсий, приготовлению горючих смесей,

⁴ Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств : приказ Минтранса РФ, ФСБ РФ и МВД РФ от 05.03.2010 № 52/112/134 (зарегистрирован в Минюсте РФ 02.04.2010 № 16782) // Российская газета. 2010. № 7.

в отдельных случаях – по изготовлению самодельных взрывных устройств, информацией о расположении объектов. Осуществлялся предварительный выход на объект, ознакомление с местностью; поиск и закупка горючих жидкостей, взрывчатых веществ (их компонентов), средств взрывания (в ряде случаев на это неустановленными лицами перечислялась незначительная сумма денег); изучались пути подхода и отхода, наличие на объекте охраны и возможности постороннего вмешательства, подбор соучастников, совместное обсуждение времени, способа и плана проведения диверсии, распределение ролей.

Следует отметить, что рассматриваемые противоправные деяния в 60 % случаях совершались в ночное и вечернее время (характерно для соучастия несовершеннолетних со взрослыми), в 40 % случаях – в дневное время.

Рассматриваемое преступление, предусмотренное ст. 281 УК РФ, имеет формальный состав, считается оконченным с момента взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение указанных объектов. Квалифицированный и особо квалифицированный состав диверсии установлен ч. 2 и 3 ст. 281 УК РФ.

Несмотря на то что о совершенном факте диверсии становится известно достаточно быстро, прибытие на место преступления правоохранительных органов не всегда осуществляется оперативно. Для установления и задержания подозреваемых также необходимо время. Отслеживать происходящее и все действия лиц, осуществляющих диверсию на узлах и железнодорожных путях, помогают средства видеофиксации, однако они располагаются не на всех участках магистрали, могут быть временно не работоспособными.

Кроме того, следует учитывать, что на месте преступления сосредоточены материальные следы, обладающие высокой степенью информативности. Среди них брошенные емкости с горючей жидкостью, предметы, используемые для ее воспламенения, на которых могут находиться следы рук. На месте за пределами насыпи могут быть обнаружены следы обуви, а также тряпки, салфетки, перчатки, одежда (в том числе ее обгоревшие фрагменты) и иные оброненные (оставленные) преступниками вещи (предметы), включая пакеты, в которых эти

объекты были принесены на место преступления. Следует отметить, что на них также могут содержаться запаховые следы и следы биологического происхождения. Так, на месте совершения диверсионного поджога релейного шкафа на перегоне станций Чернец – Полпинская Московской железной дороги при осмотре прилегающего к месту происшествия участка местности обнаружена и изъята обгоревшая мужская зимняя куртка. По делу была назначена молекулярно-генетическая экспертиза. В результате исследования куртки выделены следы, содержащие генетическую информацию (ДНК). При сравнении ДНК с образцами из базы данных установлен и задержан ранее судимый 21-летний подозреваемый, который действовал в соучастии с несовершеннолетним.

Установлению и доказыванию подлежат обстоятельства, указывающие на виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Следует отметить, что для совершения диверсии характерна умышленная форма вины. Анализ источников позволил выявить доминирующий мотив – корысть. Согласно показаниям несовершеннолетних все они действовали за вознаграждение или за обещанное вознаграждение по результатам так называемого «видеоотчета» о проделанной работе. За факт диверсии на железной дороге сумма вознаграждения варьировалась от 5 до 40 тысяч рублей. Так, например, в процессе переписки в одном из мессенджеров несовершеннолетнего с ранее неизвестным ему лицом последний убедил подростка совершить поджог релейного шкафа на железной дороге за денежное вознаграждение в размере 150 долларов США. Перевод денег был обещан на электронный кошелек после предоставления доказательства – видеозаписи, отправленной в мессенджер.

Вместе с тем мотивом может выступать ненависть к органам государственной власти и проводимому ей политическому курсу, конституционному строю, оппозиционные настроения, идеологические разногласия, национальная вражда. Как справедливо отмечает В.А. Шурухнов, «серьезные намерения в рамках достижения желаемого негативного результата в рассматриваемой сфере возлагаются на вовлечение молодежи в различные деструктивные сферы общественной жизни» [3, с. 220].

Установление цели, заключающейся в подрыве экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, является обязательным элементом доказывания при расследовании преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, поскольку это отличает диверсию от сходных составов преступлений, например, от террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ.

Наряду с установлением и доказыванием обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, в том числе характеризующих личность обвиняемого, доказыванию подлежат обстоятельства, указанные в ст. 421 УК РФ, которые обязательны для установления при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним.

Анализ источников позволил прийти к выводу, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, несовершеннолетние действуют в составе группы, состоящей в основном из 2–3 человек, при этом в 70 % случаев в группе они действовали со взрослыми соучастниками. Данный факт также свидетельствует о наличии признаков вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Однако обращает на себя внимание, что практически треть задержанных несовершеннолетних никогда не состояли на профилактическом учете, совершили данное преступление впервые, воспитывались в благополучных семьях. Практически в половине случаев виновные осуществляли противоправные диверсионные действия под влиянием группы, при этом со взрослыми соучастниками состояли в дружеских или родственных отношениях. Это целесообразно учитывать при установлении и доказывании влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, условий его жизни и воспитания, уровня психического развития и иных особенностей личности несовершеннолетнего.

В подавляющем большинстве диверсию совершали лица мужского пола. Вместе с тем это не исключает участие в составе группы, лиц женского пола. Как было отмечено выше, в составе группы подростков из восьми человек, совершивших диверсионный поджог релейного шкафа на железнодорожных путях в Калининграде, была девушка.

С учетом необходимости установления возраста, числа, месяца и года рождения несовершеннолетних следует отметить, что уголовная ответственность по ст. 281 УК РФ наступает с 16 лет. Вместе с тем 40 % несовершеннолетних, задержанных за совершение диверсии, на момент совершения преступления было 13–15 лет, то есть они не являлись субъектами преступления. В 20 % случаев возраст задержанных подозреваемых составлял 16 лет, в 80 % случаев это были 17-летние подростки. Более половины всех несовершеннолетних подозреваемых обучались в школах, колледжах, техникумах.

По мнению А.И. Бастрыкина, вовлечение спецслужбами недружественных стран несовершеннолетних в террористическую, экстремистскую и иную противоправную деятельность является новым источником угроз⁵. В контексте исследуемого вопроса с этим невозможно не согласиться. Это также неоднократно отмечалось рядом авторов (А.М. Гамаюновой [4], А.Х. Канкуловым [5, с. 171], Е.А. Будановой [6, с. 136], И.И. Бутрим [7] и др.)

В соответствии с ч. 2 ст. 421 УПК РФ при наличии данных, свидетельствующих об отставании несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли он в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 281 УК РФ, следует учитывать, что оно относится к разновидности тяжких, в связи с чем подлежит установлению наличие или отсутствие у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, для рассмотрения судом вопроса об освобождении несовершеннолетнего от наказания и направлении его в указанное учреждение в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ.

⁵ Александр Бастрыкин – о ситуации с подростковой преступностью в стране и о том, что с этим делать // Российская газета. 2023. 31 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rg.ru/2023/05/31/opasnyj-vozrast.html> (дата обращения: 05.03.2024).

Наряду с изложенными обстоятельствами подлежит установлению и доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением. В качестве потерпевшей стороны выступает ОАО «Российские железные дороги», в собственности и на балансе которого находится поврежденное имущество. Оценка ущерба осуществляется исходя из балансовой стоимости поврежденного или уничтоженного объекта транспортной железнодорожной инфраструктуры. Ущерб может включать затраты на ремонт и восстановление объекта. Оценочные действия и порядок расчета ущерба осуществляются в соответствии с утвержденными распоряжением ОАО «Российские железные дороги» методическими рекомендациями.

Следует принимать во внимание общественную опасность диверсии на железной дороге, которая может не только на неопределенное время вывести из строя движение поездов, но и повлечь сход подвижного железнодорожного состава с рельсов, столкновение, иные аварии и опасные ситуации, угрозу жизни и здоровью граждан, пассажиров.

В процессе расследования преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, установлению и доказыванию подлежат: а) обстоятельства, исключаяющие преступность и наказуемость деяния (если таковые имеются), перечень которых определен в гл. 8 УК РФ; б) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, которые имеют важное значение при назначении несовершеннолетнему наказания за совершенную диверсию. В частности, в первом случае таковыми будут являться: несовершеннолетие виновного, явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников. Во втором – совершение преступления в составе группы лиц, в том числе по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации); особо активная роль в совершении преступления; совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; совершение преступления с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, специально изготовленных технических

средств; совершение преступления в период мобилизации, в условиях вооруженного конфликта; совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии. Перечень таких обстоятельств содержится в ст. 61 и 63 УК РФ.

В качестве смягчающих обстоятельств учитывается полное признание вины лицом, совершившим диверсию, и раскаяние в содеянном. Кроме того, судом принимается во внимание и то, что подсудимые ходатайствуют о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, не состоят на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансере, имеют постоянное место жительства, учебы (работы). Также учитывается состояние здоровья, наличие инвалидности, наличие на иждивении родителей, отсутствие судимости.

В соответствии с ч. 4 ст. 421 УПК РФ в ходе предварительного расследования проводится медицинское освидетельствование несовершеннолетнего, результаты которого с материалами уголовного дела представляются в суд.

Поскольку за совершение диверсии в соответствии со ст. 104.1 УК РФ предусмотрена конфискация имущества, согласно п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ подлежат установлению и доказыванию обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления.

Обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, перечислены в гл. 11 УК РФ, однако по рассматриваемому преступлению таковых не имеется.

Наряду с перечисленными обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Вопросы причин вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность нами рассматривались ранее [8]. В качестве причин совершения несовершеннолетними преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, можно указать низкий уровень нравственности и правосознания, социальное одиночество, неустроенность, непринятие подростка обществом, отсутствие должного родительского контроля и дефицит внимания с их стороны, избыток досугового времени в сочетании с гипе-

рактивностью, сеть Интернет с возможностью бесконтрольного свободного доступа к ней, позволяющая вести общение и вступать в любые группы по интересам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с тем, что на сегодняшний день интернет-пространство заполнено деструктивным контентом, демонстрирующим девиантное, противоправное поведение взрослых, де-

тей, подростков, это дополнительно несет риски десоциализации несовершеннолетних. Резюмируя изложенное, следует отметить, что установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, является структурным элементом частной методики расследования диверсии, а число таких обстоятельств может конкретизироваться с учетом складывающихся в процессе расследования следственных ситуаций, возраста субъектов преступной деятельности, специфики совершенного противоправного деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайкова С.Н. Классификация объектов железнодорожного транспорта в целях административно-правового обеспечения их антитеррористической защищенности / С.Н. Зайкова // Вестник Прикамского социального института. – 2023. – № 1 (94). – С. 32–37.
2. Чучаев А.И. Поджог железнодорожных релейных шкафов: юридическая оценка деяния / А.И. Чучаев // Уголовное право. – 2023. – № 12 (160). – С. 68–76.
3. Шурухнов В.А. Молодежный экстремизм в России: истоки, современное состояние / В.А. Шурухнов // Стратегии противодействия экстремизму: материалы межведомственной научно-практической конференции, Москва, 28 октября 2021 г. – Москва: Московская академия Следственного комитета РФ, 2021. – С. 220–225.
4. Гамаюнова А.В. Уголовно-правовой аспект проблемы противодействия вовлечению несовершеннолетних в диверсионную деятельность / А.В. Гамаюнова // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов конференции, Воронеж, 28 мая 2023 г. – Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел РФ, 2023. – С. 161–163.
5. Канкулов А.Х. Вопросы правоприменительной практики по новым статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, направленным на противодействие диверсионным акциям / А.Х. Канкулов, Т.В. Степанова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3 (219). – С. 171–173.
6. Буданова Е.А. Понятие и виды противоправных деяний несовершеннолетних, совершаемых с использованием социальных сетей и мессенджеров / Е.А. Буданова, О.В. Демидова, Е.П. Мальцев // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2022. – № 1. – С. 136–145.
7. Бутрим И.И. Использование запрещенных средств и методов ведения войны как преступление против мира и безопасности человечества / И.И. Бутрим, А.И. Чучаев // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 156–170.
8. Антонян Е.А. О причинах вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность / Е.А. Антонян, М.М. Милованова // Юридическое образование и наука. – 2021. – № 12. – С. 42–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милованова Марина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Milovanova Marina Mikhailovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 09.04.2024. The article was submitted 06.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.9

Original article

МУРАТОВ Константин Дмитриевич
НИИ цифровых технологий и права
Казанского инновационного университета
им. В.Г. Тимирязова,
Казань, Россия,
e-mail: muratow666@mail.ru

MURATOV Konstantin Dmitrievich
Research Institute of Digital Technologies
and Law of Kazan Innovative University named
after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia.

МУРАТОВА Надежда Георгиевна
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия,
e-mail: muratowan@mail.ru

MURATOVA Nadezhda Georgievna
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia.

ТАКТИКА ОЧНОЙ СТАВКИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА ЛЬВА ЛЬВОВИЧА КАНЕВСКОГО

CONFRONTATION TACTICS INVOLVING MINORS IN THE CONTEXT OF USING DIGITAL
TECHNOLOGIES: CONTINUATION OF THE IDEAS OF PROFESSOR LEV LVOVICH KANEVSKY

Аннотация. Цель исследования: выявление перспективных направлений развития криминалистических знаний при производстве очной ставки с участием несовершеннолетних. Задачи исследования: 1) обзор научных идей профессора Л.Л. Каневского; 2) анализ современных правовых позиций Конституционного Суда РФ о статусе несовершеннолетнего; 3) освещение значения криминалистических знаний о методике и тактике производства очной ставки с участием несовершеннолетнего; 4) обоснование применения цифровых технологий при получении показаний несовершеннолетнего с целью обеспечения безопасности при производстве очной ставки; 5) освещение значения международных стандартов уголовного процесса в отношении несовершеннолетних. Методы исследования: диалектический, историко-правовой, сравнительно-правовой. Обосновано мнение о необходимости дальнейшего глубокого анализа системы тактических процессуальных решений при допросе несовершеннолетнего; определены критерии вариативности показаний и условия применения видео- и звукозаписи при проведении очной ставки; предложены тактические решения при производстве дистанционной (посредством видео-конференц-связи) очной ставки с участием несовершеннолетнего.

Ключевые слова: криминалистические знания, тактика очной ставки, несовершеннолетние, дистанционная очная ставка, безопасность несовершеннолетнего

Abstract. The purpose of the study is to identify prospective directions for the development of criminalistic knowledge in the production of confrontations involving minors. Research objectives: 1) to review the scientific ideas of Professor L.L. Kanevsky; 2) to analyze modern legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the status of a minor; 3) to highlight the importance of criminalistic knowledge on the methodology and tactics of confrontation involving minors; 4) to justify the use of digital technologies in obtaining the testimony of a minor in order to ensure safety during confrontation; 5) to highlight the importance of international standards of juvenile criminal procedure. Research methods: dialectical, historical-legal, comparative-legal. The article substantiates the opinion on the need for further in-depth analysis of the system of tactical procedural decisions when interrogating a minor. The criteria for the variability of testimony and the conditions for the use of video and sound recordings in confrontation are defined; tactical solutions are proposed for remote (via videoconference) confrontation involving a minor.

Keywords: criminalistic knowledge, confrontation tactics, minors, remote confrontation, minor's security

Для цитирования: Муратов К.Д. Тактика очной ставки с участием несовершеннолетних в условиях применения цифровых технологий: продолжение идей профессора Льва Львовича Каневского / К.Д. Муратов, Н.Г. Муратова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 68–73.

For citation: Muratov K.D., Muratova N.G. Confrontation tactics involving minors in the context of using digital technologies: continuation of the ideas of Professor Lev Lvovich Kanevsky. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 68–73 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.9.

ВВЕДЕНИЕ

Современная нормативная правовая основа регулирования правоотношений в сфере участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве предполагает комплексную защиту семьи и нравственных ценностей. Несовершеннолетние могут быть вовлечены в преступление, попасть в сложную жизненную ситуацию, которая подталкивает и мотивирует на совершение противоправных действий. Правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ направлены на усиление процессуальных процедур и решений для выявления всех фактических обстоятельств деяния, взрослых подстрекателей, установление условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, состояния его физического и нравственного здоровья. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. сформулирована правовая позиция, согласно которой возбужденное уголовное дело предполагает признание лица (несовершеннолетнего) потерпевшим о вовлечении его в преступную деятельность в период несовершеннолетия независимо от способа такого вовлечения¹. Верховный Суд РФ обратил внимание на необходимость выяснения судьбы несовершеннолетнего обвиняемого и подсудимого и указал на максимальное воспитательное воздействие справедливого решения².

1 По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В.Золотаревой и В.В.Фроловой : постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305290001> (дата обращения: 24.02.2024).

2 О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-01022011/> (дата обращения: 18.03.2024).

Международные правовые акты обеспечивают защиту широкого спектра прав и законных интересов несовершеннолетних: на презумпцию невиновности, информированность об обвинении, отказ давать показания, присутствие родителей. Право на очную ставку со свидетелями и их перекрестный допрос тоже должно быть гарантировано³. Кроме того, в Руководящих принципах ООН обращается внимание на охрану благополучия семьи при воспитании детей и помощь в конфликтных ситуациях⁴. Отмечается, что при осуществлении всех действий государственных, частных, социальных учреждений, судов при определении судьбы детей первоочередное внимание необходимо уделять обеспечению их интересов⁵. О необходимости введения в понятийный аппарат науки уголовно-процессуального права категории международных стандартов по делам с участием несовершеннолетних обоснованно говорит Н.В. Спесивов [1].

Сравнительные позиции нормативных актов можно представить по следующим основаниям. В зарубежном процессуальном законодательстве также отмечается дифференциация процессуальных процедур применительно к несовершеннолетним. Например, в Законе об исламских уголовных наказаниях⁶ установ-

3 Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 18.03.2024).

4 Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). Приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14.12.1990 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 18.03.2024).

5 Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 18.03.2024).

6 Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А.И. Ахани. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. С. 289–302.

лена ответственность за похищение, сокрытие и подмену ребенка (ст. 631), оставление в ненаселенном пункте ребенка, не способного защитить себя (ст. 633). В Уголовно-процессуальном кодексе общественных и революционных судов Ирана используются термины «дети», «ребенок», а несовершеннолетние относятся к лицам, не достигшим религиозной зрелости. Расследование уголовного дела несовершеннолетнего проводится судьей или судебным следователем (ст. 221). При необходимости определить психическое состояние ребенка, его родителей или опекунов, семейные и бытовые условия суд привлекает специалистов (ст. 222). В Республике Беларусь уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних рассматриваются специальными судами по делам несовершеннолетних или судьями, имеющими специальную подготовку (ст. 463 УПК Республики Беларусь)⁷. Ювенальный УПК Швейцарии, устанавливая правовое регулирование общественных отношений в связи с уголовным преследованием несовершеннолетних, возлагает соответствующие полномочия на ювенальных следователей, ювенальных прокуроров и ювенальных судей (ст. 21) [2, с. 202, 204].

КОНЦЕПЦИЯ ПРОФЕССОРА Л.Л. КАНЕВСКОГО

О проблемах методики при выявлении, расследовании и привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних профессор Л.Л. Каневский говорил еще в середине 70-х годов XX в., но эти проблемы существуют и в современной криминалистике: «...методика начинает функционировать только после получения внешнего сигнала – информационного сообщения о совершении преступления и о причастности подростка, полученного от очевидцев, анализа обстановки места происшествия и анализа вещественных доказательств» [3, с. 14]. Далее отмечается, что с «позиций кибернетики систему методики расследования преступлений несовершеннолетних вместе с конкретной следственной ситуацией можно представить в виде управляемой

системы» [3, с. 16–18], а для этого информация должна быть получена заблаговременно. О математических методах в юриспруденции говорят и представители теории права [4, с. 29].

В настоящее время о развитии информационных и математических методов расследования преступлений ведется много дискуссий в литературе. Так, предлагают использовать математические, имитационные и эвристические модели при расследовании должностных преступлений коррупционной направленности [5]. Кроме того, отмечается, что математика, например, дает возможность осуществить «обработку цифровых данных, использовать математическую логику, комбинаторику, математическую статистику и методы теории вероятности» [6].

Таким образом, научное предвидение профессора Л.Л. Каневского об использовании информационного поля и его анализ при расследовании преступлений несовершеннолетних в современных условиях позволяет говорить о необходимости продолжить исследования с позиций цифровых технологий для объективного расследования, полного раскрытия преступления и выявления причин и условий его совершения.

О проблемах тактики следственных действий по делам несовершеннолетних и особенностях производства отдельных следственных действий профессор Л.Л. Каневский говорил очень внимательно и деликатно. По его мнению, «очная ставка – не единственный и не лучший способ устранения противоречий в показаниях несовершеннолетнего» [7, с. 58], «показания несовершеннолетнего можно зафиксировать с помощью звукозаписи и воспроизвести их взрослому преступнику при его допросе» [7, с. 59]. Целесообразно при проведении очной ставки с участием несовершеннолетнего применять звукозапись, использование которой «в какой-то мере дисциплинирует участников очной ставки, нейтрализует попытки оказать психологическое давление» [7, с. 60].

Предложения профессора Л.Л. Каневского нашали отражение в законе: ч. 5 ст. 191 УПК РФ в обязательном порядке предусмотрена видеозапись или киносъемка в ходе допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего, если он или его законный представитель не возражают.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 27.12.2023).

О повышающемся значении применения информационных технологий при проведении очной ставки профессор Л.Л. Каневский последовательно писал в своих трудах. Сначала им был поставлен вопрос: надо ли вообще проводить очную ставку с участием несовершеннолетнего с учетом психологии возраста, желания «не прослыть предателем», боязни мести со стороны другого участника очной ставки? Ответ: 1) необходимо изучить информационное поле перед очной ставкой – «анализ документов, вещественных доказательств, показания других участников»; 2) целесообразно применить видео- и звукозапись при проведении очной ставки, если они, как дополнительные средства фиксации, направлены на изобличение лица, дающего ложные показания. В этом случае видео- и звукозапись обеспечивают не только полноту и точность фиксации показаний, но и воспроизводят обстановку следственного действия [8, с. 77–78].

Идеи профессора Л.Л. Каневского продолжает развивать профессор И.А. Макаренко. Ею исследовались методологические основы развития личности несовершеннолетнего обвиняемого [9]. Судебные процедуры при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних были предметом исследования Р.С. Хисматуллина [10]. Современные исследователи обратили внимание на перспективы ювенальной юстиции [11].

В начале 90-х годов XX в., развивая идеи об информационных технологиях, профессор Л.Л. Каневский более детально подошел к информационному обеспечению процесса расследования преступлений несовершеннолетних как предпосылки его эффективного функционирования. Прежде всего, обосновывалось функциональное значение «осмысления имеющейся информации, полученной в результате сложившейся ситуации – криминальной или следственной». Предлагались информационные модели – доказательственная, ориентирующая, оперативно-розыскная. Кроме того, в информационное обеспечение процесса расследования преступлений несовершеннолетних профессор Л.Л. Каневский включил специальные знания следователей: 1) об особенностях воспитания несовершеннолетних; 2) о психологических особенностях работы с несовершеннолетними; 3) о новых

методах расследования; 4) о новейших научно-технических и тактических приемах проведения следственных действий; 5) о нравственно-психологических основах процесса расследования преступлений несовершеннолетних; 6) о теоретических основах методики расследования преступлений несовершеннолетних [12]. В литературе отмечается, что «для цифровизации уголовного судопроизводства как целостной системы требуется трансформация представлений о системе процессуальных действий в их связи с решением той или иной внутренней задачи всей системы в целом» [13, с. 49–50].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется, что во многом современная законодательная модель особенностей производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних сформировалась под воздействием творческих, научных идей профессора Л.Л. Каневского. Уголовно-правовая и уголовно-процессуальная охрана несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве сложилась последовательно, с учетом единства и дифференциации уголовной ответственности, процессуальных процедур и статуса несовершеннолетнего. Уголовно-правовые позиции: 1) учет возраста и психического развития несовершеннолетнего (ст. 20 УК РФ); 2) условие смягчения наказания – несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ); 3) система норм в гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних», в которой устанавливается уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150), антиобщественных действий (ст. 151), действий, опасных для жизни несовершеннолетних (ст. 151.1), за подмену ребенка (ст. 153), а также за нарушение правил воспитания и неуплату средств на содержание детей (ст. 154–157).

В УПК РФ были внесены дополнительные процессуальные правила, усиливающие защиту и безопасность несовершеннолетних обвиняемых, потерпевших и свидетелей: а) обязательное участие педагога или психолога при допросе, очной ставке и проверке показаний с участием несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста или отс-

тающего в развитии; б) о продолжительности допроса в зависимости от возраста: до 7 лет – не более 30 минут без перерыва и не более одного часа, от 7 до 14 лет – не более одного часа без перерыва и не более двух часов, старше 14 лет – не более двух часов без перерыва и не более 4 часов в день; в) право законного представителя несовершеннолетнего присутствовать при производстве следственных действий (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Кроме того, заключение под стражу как мера пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого применяется только в случае совершения тяжкого и особо тяжкого преступления, в исключительных случаях – при совершении преступлений средней тя-

жести (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон концептуально определил систему правовых норм, регламентирующих производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ).

Таким образом, научные и практические предложения профессора Льва Львовича Каневского об информационном обеспечении процесса расследования позволяют продолжить исследования особенностей проведения очной ставки с участием несовершеннолетних в условиях применения новых цифровых технологий, создавая и сохраняя информационное поле следственной ситуации для достижения цели эффективного расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Спесивов Н.В. Реализация международных уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в современной России : монография / Н.В. Спесивов. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 160 с.
2. Трефилов А.А. Военный и ювенальный уголовный процесс Швейцарии : монография / А.А. Трефилов. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 232 с.
3. Каневский Л.Л. Проблемы методики расследования преступлений несовершеннолетних : учебное пособие / Л.Л. Каневский. – Уфа : Башкирский государственный университет, 1976. – 87 с.
4. Горшунев Д.Н. Математические методы исследования системы права / Д.Н. Горшунев // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 5. – С. 27–34.
5. Ковалев С.В. Математические методы криминалистического исследования преступлений коррупционной направленности в сфере экономики / С.В. Ковалев // Научные исследования : от теории к практике. – 2015. – № 2 (3). – С. 387–392.
6. Лобков Н.В. Математические методы в профессиональной деятельности военного юриста // Студенческий научный форум : материалы VII Международной студенческой научной конференции. – URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015012439?ysclid=lvgiw78ria189545598> /а (дата обращения: 25.01.2024).
7. Каневский Л.Л. Организация расследования и тактика следственных действий по делам несовершеннолетних : учебное пособие / Л.Л. Каневский. – Уфа : Башкирский государственный университет 1978. – 88 с.
8. Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Москва : Юридическая литература, 1892. – 112 с.
9. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Макаренко. – Саратов, 2006. – 404 с.
10. Хисматуллин Р.С. Современные проблемы судебной деятельности по делам несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р.С. Хисматуллин. – Уфа, 2002. – 457 с.

REFERENCES

1. Spesivov N.V. Implementation of international criminal proceedings against minors in modern Russia. Moscow, YurLitinform Publ., 2018. 160 p.
2. Trefilov A.A. Military and juvenile criminal proceedings in Switzerland. Moscow, YurLitinform Publ., 2024. 232 p.
3. Kanevsky L.L. Problems of methods for investigating juvenile crimes. Bashkir State University Publ., 1976. 87 p.
4. Gorshunov D.N. Mathematical methods for studying the legal system. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2008, vol. 150, no. 5, pp. 27–34. (In Russian).
5. Kovalev S.V. Mathematical methods of forensic investigation of corruption-related crimes in the economic sphere. *Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike = Scientific Research: From Theory to Practice*, 2015, no. 2 (3), pp. 387–392. (In Russian).
6. Lobkov N.V. Mathematical methods in the professional activities of a military lawyer. *Student scientific forum. Materials of the VII International student scientific conference*. Available at: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015012439?ysclid=lvgiw78ria189545598>.
7. Kanevsky L.L. Organization of investigation and tactics of investigative actions in juvenile cases. Bashkir State University Publ., 1978. 88 p.
8. Kanevsky L.L. Investigation and prevention of juvenile crimes. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1892. 112 p.
9. Makarenko I.A. Criminalistic doctrine of the personality of a minor accused. *Doct. Diss. Saratov*, 2006. 404 p.
10. Khismatullin R.S. Modern problems of judicial activity in cases of minors. *Doct. Diss. Ufa*, 2002. 457 p.
11. Markovicheva E.V. Conceptual foundations of juvenile criminal proceedings. *Doct. Diss. Ekaterinburg*, 2011. 482 p.
12. Kanevsky L.L. Criminalistic problems of investigation and prevention of minors. Krasnoyarsk University Publ., 1991. 288 p.

11. Марковичева Е.В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.В. Марковичева. – Екатеринбург, 2011. – 482 с.

12. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1991. – 288 с.

13. Воскобитова Л.А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства / Л.А. Воскобитова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10. – С. 34–51.

13. Voskobitova L.A. Usage of functional approach to digitalization of criminal procedure. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 10, pp. 34–51. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Муратов Константин Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, старший научный сотрудник НИИ цифровых технологий и права;

Муратова Надежда Георгиевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Muratov Konstantin Dmitrievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Senior Researcher at the Research Institute of Digital Technologies and Law;

Muratova Nadezhda Georgievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 09.04.2024. The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.

Научная статья
УДК 343.985.7
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.10

Original article

ПОДОЛЬНЫЙ Николай Александрович
Казанский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России),
Казань, Россия,
e-mail: ipk-saransk@yandex.ru

PODOL'NYI Nikolai Alexandrovich
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry of
Justice of Russia), Kazan, Russia.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МОЛОДЕЖНЫМИ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППИРОВКАМИ

CRIMINALISTIC PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY YOUTH ORGANIZED GROUPS

Аннотация. Расследованием должны устанавливаться не только обстоятельства преступления и виновность конкретного лица, но и обстоятельства, способствующие его совершению. Это особенно важно при расследовании преступлений, совершаемых молодежными организованными группировками. Благодаря решению задач криминалистической профилактики можно предотвратить совершение новых деяний, способствовать распаду преступных молодежных группировок. Актуальность криминалистической профилактики преступлений, совершаемых организованными молодежными группировками, определила цель предлагаемой статьи, которая состоит в постановке проблем, с ней связанных, а также исследовании степени эффективности действий, способных предотвратить новые преступления уже в ходе расследования. При проведении исследования применялись диалектический, формально-логический, а также системно-деятельностный методы. Сделан вывод о том, что элементом любой криминалистической методики расследования должны быть рекомендации по криминалистической профилактике преступлений, совершаемых молодежными группировками.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, методика расследования, молодежные организованные группы

Для цитирования: Подольный Н.А. Криминалистическая профилактика преступлений, совершаемых молодежными организованными группировками / Н.А. Подольный. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 74–80.

Abstract. The investigation should establish not only the circumstances of the crime and the guilt of a particular person, but also the circumstances contributing to its commission. This is especially important when investigating crimes committed by youth organized groups. Through the solution of criminalistic prevention tasks, it is possible to prevent the commission of new acts and contribute to the disintegration of criminal youth groups. The relevance of criminalistic prevention of crimes committed by youth organized groups determines the purpose of the given article, which consists in setting problems related to it, as well as studying the effectiveness of the actions that can prevent new crimes during the investigation. During the research, the following methods are used: dialectical, formal-logical, as well as system-activity. The article concludes that an element of any criminalistic methodology of investigation should be recommendations on criminalistic prevention of crimes committed by youth groups.

Keywords: criminalistic prevention, methodology of investigation, youth organized groups

For citation: Podol'nyy N.A. Criminalistic prevention of crimes committed by youth organized groups. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 74–80 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.10.

ВВЕДЕНИЕ

Расследование считается законченным, когда установлены обстоятельства, указывающие на виновность конкретных лиц. В значительной мере такое представление связано с понятием справедливости, сформулированным в ст. 6 УК РФ, согласно которому справедливость обусловлена той мерой ответственности, которая определяется соответствующему лицу за совершенное преступное деяние [1, с. 399]. Такое понимание справедливости во многом определяет тот объем проводимого расследования, который должен иметь место, чтобы собранные доказательства можно было признать достаточными для вынесения окончательного решения. Несомненно, правильное установление связи между совершенным преступлением и личностью лица, к нему причастного, важно для вынесения справедливого процессуального решения [2, с. 215]. Без установления этой связи справедливость невозможна, поскольку она указывает на виновность конкретного лица, а потому его ответственность за совершенное преступное деяние. По этой причине следователь всегда уделяет этому особое внимание, определяя тот перечень обстоятельств, которые ему необходимо установить.

Однако установление меры уголовной ответственности конкретного лица за содеянное – это всегда взгляд в прошлое, стремление разобраться в произошедшем и воздать виновному за совершенное. Но для общества, государства и каждого конкретного человека важно не только прошлое, а его познание не является самодостаточным. Для общества, государства и каждого отдельного человека важно будущее, которое должно быть безопасным. Обращение к прошлому вовсе не преследует только цель возмездия за содеянное, а является средством познания тех угроз, которые могут быть в будущем. Это познание в качестве цели имеет определение тех мер и действий, выполнение которых способно предупредить возможность причинения в последующем вреда. Таким образом, познавая прошлое, следователь должен стремиться заглянуть в будущее, чтобы не допустить совершения новых преступлений. Поэтому в ходе расследования важным является не только

установление обстоятельств, указывающих на совершение конкретного преступления, но и обстоятельств, которые способствовали его совершению. Это важно потому, что сохранение данных обстоятельств в будущем может повлечь совершение нового преступления.

Представляется, что справедливым является не только соразмерное воздаяние за совершенное преступное деяние, но и недопущение его в будущем. Недопустимо сохранение условий, которые уже повлекли совершение преступления. Нельзя считать справедливым наказание виновного без устранения этих условий. Очевидным это является и для законодателя, который в ч. 2 ст. 73 УПК РФ предусмотрел необходимость выявления обстоятельств, способствовавших совершению противоправного деяния. Данная норма уголовно-процессуального законодательства обращена в будущее, она направлена на то, чтобы упредить совершение аналогичных преступлений. В этом можно усмотреть то, что государство и общество видят справедливость, которая состоит не только в привлечении к уголовной ответственности виновного в совершении преступления лица, но и в его предупреждении. Поэтому предупреждение преступлений следует рассматривать как неотъемлемый элемент справедливости. Справедливость всегда должна быть ориентирована на завтрашний день, поскольку соответствующий ей порядок должен сохраняться не только на момент вынесения процессуального решения, но и в будущем. В связи с этим задачей проводимого расследования должно быть предупреждение новых преступлений, что предполагает целую систему действий, выполнение которых должно быть обязательным для следователя. Расследование должно включать в себя криминалистическую профилактику – систему действий и мероприятий, направленных на предотвращение запрещенных законом деяний [3, с. 56].

МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНАЯ ГРУППИРОВКА КАК ПРЕДМЕТ ВОЗДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Криминалистическая профилактика важна для расследования преступлений, совершаемых молодежными организованными

группами. Значение ее в этом случае обусловлено самим характером названной преступной деятельности, которая представляет особую опасность для общества и государства, поскольку это посягательство на их будущее. Ее опасность состоит в том, что она является фактором криминализации отдельных молодых людей, что достигается посредством формирования особого рода криминальной субкультуры, лежащей в основе идеологии, привлекающей молодых людей в криминальные преступные группировки [4, с. 88]. Молодежная преступная группировка уже сама по себе фактор общественной опасности, поскольку она генерирует криминальную активность, создает условия, способствующие совершению преступлений, а при определенных условиях инициирует их совершение. При этом молодежные преступные группировки отличаются устойчивостью, сложной системой организации и взаимоотношений между их членами, особой логикой поведения, элементом которой является эмоциональное восприятие событий, происходящих в социальном окружении.

Опасным в преступной деятельности молодежных группировок является не только вред, причиняемый конкретными деяниями, но и то, что такие группировки отличаются повышенной живучестью. Даже привлечение к уголовной ответственности отдельных их членов за совершение конкретных преступлений вовсе не влечет прекращения существования группировки или хотя бы уменьшения ее криминальной активности. Группировка способна сохранять свое руководящее ядро, являющееся ее интеллектуальным центром, даже при наличии системного воздействия со стороны правоохранительных органов [5, с. 150]. Зачастую это достигается тем, что выдаются наименее значимые для группировки члены, которые могут назначаться ее лидерами виновными, даже если они не имели никакого отношения к соответствующим преступлениям. Чаще всего в качестве виновных назначаются несовершеннолетние, поскольку правосудие проявит к ним снисхождение, а сам несовершеннолетний признанием вины за совершенное преступление – преданность группировке. Таким образом, достигается вовсе не «развал» группировки, а напротив, ее сплочение. Поэтому профилактика преступлений,

совершаемых молодежными группировками, должна быть иной, нежели профилактика иных видов преступлений.

В связи с особенностями молодежных преступных группировок криминалистическая профилактика должна быть комплексной. Она должна предполагать действия и мероприятия, проводимые не только следователем, но и иными лицами, способными оказать в этом помощь. Так, для повышения эффективности криминалистической профилактики важно привлекать педагогов и психологов, которые могут подсказать следователю, какой эффект может произвести то или иное действие, насколько оно может повлиять на изменение поведения соответствующего лица или группы лиц.

Важным является синхронизация действий следователя с должностными лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Следователю важно располагать информацией о структуре и особенностях взаимоотношений внутри соответствующей преступной группировки [6, с. 145]. Такую информацию чаще всего он получает от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Также необходимо принимать во внимание, что проведение отдельных оперативных мероприятий тоже может оказывать воздействие на преступные группировки, способствуя их развалу или снижению криминальной активности [7, с. 96].

В отдельных случаях уже в ходе проводимого расследования может иметь значение привлечение следователем к криминалистической профилактике учреждений и организаций, осуществляющих образовательную и воспитательную деятельность. Так, практикуется привлечение средних общеобразовательных учреждений, которые согласованно с правоохранительными органами проводят соответствующую работу. Эффективным может быть и привлечение общественных организаций, целью создания которых является воспитательная деятельность.

Одна из особенностей преступной деятельности молодежных группировок заключается в том, что она не прекращается даже тогда, когда уже проводится расследование. Поэтому криминалистическая профилактика предполагает в том числе прекращение чере-

ды совершаемых преступлений. Достигается это посредством установления обстоятельств, указывающих на продолжение криминальной активности. Данное знание позволяет определить особенности продолжающейся преступной деятельности и решить вопрос о проведении мероприятий, наиболее ей соответствующих, способных пресечь такую деятельность в дальнейшем. Следователь при этом должен принимать во внимание особенности как самой молодежной группировки, так и ее антиобщественной направленности, а также обстановки, в которой члены преступной группировки совершают преступления. Все это является информационной основой не только для установления факта совершения преступления конкретными лицами, но и для выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. С учетом этой информационной основы следователь должен определять свои действия, направленные на предотвращение новых преступлений. Их эффективность во многом зависит от правильности оценки им тех факторов, которые влияли на совершение преступления, способствовали ему, а также от оценки особенностей соответствующей молодежной преступной группировки.

Криминалистическая профилактика преступлений, совершаемых молодежными группировками, осуществляется не только в ходе расследования, но и при выявлении таких преступлений. Так, предпринимаются действия и проводятся мероприятия по развалу соответствующей молодежной группировки, дискредитации ее лидеров в глазах рядовых членов. При этом выбор мероприятий определяется особенностями соответствующей ситуации, тех факторов, которые поддерживают существование конкретной группировки, ее криминальную активность. Часто возникает необходимость в выявлении не только уже совершенных преступлений, но и тех, которые планируются. Поэтому важно проведение упреждающих мер. Также следует принимать во внимание, что особенность криминальной деятельности молодежных группировок состоит в том, что в то время, когда совершается одно преступление, как правило, готовятся следующие. Молодежная преступная группировка – это часто конвейер, совершающий

противоправные действия, в том числе преступления. Поэтому в ходе выявления рассматриваемых преступлений рекомендуется проведение действий по установлению совершаемых и готовящихся деяний, а также устранение факторов, способствующих преступной деятельности и иному противоправному поведению. Необходимо пресекать появление условий, благоприятных для новых преступлений.

Одной из особенностей преступлений, совершенных молодежными преступными группировками, является то, что на момент расследования складывается не только соответствующая следственная ситуация, но и сохраняется криминальная ситуация, в которой ранее уже было совершено преступление и готовится к совершению новое. Поэтому одна из задач – правильная оценка ситуации и определение тех действий, которые способны помочь преодолеть ее, что предполагает устранение факторов, благоприятствующих совершению преступления. Данные действия, хотя по своей сути направлены на выявление совершаемого или готовящегося преступления, также преследуют цель устранить обстоятельства, которые могут способствовать новым преступлениям. Тем самым названные действия необходимо рассматривать как элемент криминалистической профилактики, выполнение которого позволяет предупредить новые преступления. Как правило, данная профилактическая работа выполняется следователем совместно с сотрудниками органов дознания. В том случае, если уголовное дело не возбуждено, она выполняется только органами дознания, которые выявляют уже имевшее место, совершаемое и планируемое преступление и устраняют обстоятельства, способствующие новым аналогичным деяниям.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предупреждение преступлений как одна из целей проводимого расследования определяется целым рядом норм уголовно-процессуального законодательства. В частности, это следует из содержания ч. 2 ст. 158 УПК РФ, в которой указано, что следователь вправе вносить представление в соответствующие

учреждения и организации для принятия мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления [8, с. 106]. Данная норма является косвенным свидетельством того, что цель проводимого расследования состоит не только в установлении обстоятельств совершения преступления и причастности к нему соответствующих лиц, но и в установлении обстоятельств, которые способствовали его совершению [9, с. 155]. Представление может быть вынесено по окончании предварительного расследования. Его вынесение следует рассматривать как правоприменительный акт, направленный на предупреждение новых преступлений, как обеспечение полноты восстанавливаемой справедливости. Вынесение представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, – одно из проявлений криминалистической профилактики преступлений в ходе расследования, оно направлено на то, чтобы устранить возможность совершения нового преступления.

При всей значимости указанной нормы уголовно-процессуального закона следует отметить, что она не в полной мере отвечает сформировавшимся в обществе потребностям в обеспечении безопасности. В настоящее время в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ вынесение представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, – это право следователя. Для общества и государства важно, чтобы во всех случаях их выявления выносилось представление, поскольку оно направлено на обеспечение безопасности. Это не частный, а публичный интерес, поэтому правильным было бы рассматривать вынесение представления как обязанность следователя. Тем более что именно этот смысл заложен в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, когда выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления, рассматривается как обязанность [10, с. 88]. В связи с этим представляется нелогичным, что выявление способствующих совершению преступления обстоятельств – это обязанность, а их устранение – это право. Исправить эту нелогичность можно путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, которым следователь должен обязываться в случае выявления об-

стоятельств, способствующих совершению преступления, принимать соответствующие меры, в том числе посредством вынесения представления об этом. Это особенно важно при расследовании преступлений, совершенных молодежными группировками, поскольку оставление без внимания обстоятельств, способствовавших преступлению, обеспечивает благоприятные условия для продолжения антиобщественной деятельности. Более того, молодежная группировка начинает воспринимать себя как неуязвимую, что стимулирует совершение новых преступлений, иногда причиняющих еще больше вреда.

ДЕЙСТВИЯ И МЕРЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МОЛОДЕЖНЫМИ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППИРОВКАМИ

Вынесение представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, хотя и значимо для проведения профилактики, однако ее не исчерпывает полностью. Выносимые представления – это лишь одно из проявлений профилактической работы, цель которых – недопущение новых преступлений. Другое ее проявление – система следственных и иных процессуальных действий, цель которых состоит не только в выявлении обстоятельств совершения преступления, но и в решении задач по пресечению возможности совершения новых преступлений. Так, применение меры пресечения серьезно ограничивает возможности конкретного лица по совершению новых преступлений, проведение следственных действий внушает опасения у конкретных лиц продолжать или планировать новые преступления. Поэтому следственные и иные процессуальные действия имеют не только значение средств получения доказательств, но и средств, с помощью которых имеется возможность воздействовать на лиц, нарушивших уголовный закон или готовых это сделать. Такое воздействие является целенаправленным, поскольку ориентировано на пресечение новых преступлений. Поэтому криминалистическая методика расследования должна принимать во внимание данную особенность проводимых следственных и иных процессуальных действий.

При расследовании преступлений, совершаемых молодежными группировками, эти особенности следственных и иных процессуальных действий особенно значимы, поскольку правильное их применение способно воздействовать даже на устойчивость группировок, тех взаимосвязей, которые складываются между их членами. Благодаря своевременности проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий следователь имеет возможность, к примеру, добиться дискредитации лидеров соответствующей группировки. Отдельные тактические приемы, которые применяются в ходе расследования, часто имеют целью изменение нравственной оценки совершенного и всей деятельности молодежной группировки, что важно не только для получения правдивых показаний, но и обеспечивает профилактику совершения новых преступлений соответствующим лицом, в отношении которого названный тактический прием применяется. Тем самым соответствующим образом организованное и проведенное расследование может не только достигать в качестве результата установление истины, но и предупреждать совершение новых преступлений. В связи с этим представляется правильным, чтобы криминалистические методики были ориентированы не только на установление обстоятельств преступлений, но и на упреждение новых деяний, чтобы они предусматривали такой порядок действий, который обеспечивал бы решение задач профилактики расследования. Соответственно, эти методики должны включать в себя рекомендации, руководствуясь которыми следователь имел бы возможность предупредить совершение новых деяний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расследование преступлений, совершенных молодежными группировками, долж-

но уже с первоначального этапа включать действия, направленные на обеспечение криминалистической профилактики новых преступлений. Уже на начальном этапе расследования должны предприниматься действия по развалу молодежной группировки, дискредитации ее лидеров в глазах рядовых членов, изменению нравственных оценок совершенного, которые сложились у лиц, причастных к преступлению, а также иных членов группировки. При расследовании этих преступлений должно уделяться внимание не только обстоятельствам их совершения, но и способствовавшим этому. При выявлении названных обстоятельств следователь должен принять меры к их устранению, в том числе посредством вынесения соответствующих представлений.

Для решения задач криминалистической профилактики следователь должен тесно взаимодействовать с органами и должностными лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. В отдельных случаях важно привлечение иных органов и организаций, которые посредством взаимодействия способны оказать помощь в криминалистической профилактике. Часто это органы и организации, на которые возлагаются образовательные-воспитательные функции. Могут привлекаться и общественные организации, которые ставят своей целью организацию и проведение образовательных-воспитательных мероприятий. Кроме того, к обеспечению эффективности профилактического воздействия в ходе проводимого расследования могут привлекаться лица, обладающие специальными знаниями. В частности, специалисты в области педагогики и психологии могут дать рекомендации о том, как повысить профилактическое воздействие соответствующих следственных и иных процессуальных действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Е.А. Принцип справедливости в уголовном праве и его реализация при назначении наказания / Е.А. Иванова, И.В. Никитенко // Наукосфера. – 2022. – № 10-2. – С. 398–403.
2. Андреев С.П. Значение принципа справедливости при осуществлении уголовно-правовой политики / С.П. Андреев // Юридическая наука. – 2023. – № 11. – С. 213–216.

REFERENCES

1. Ivanova E.A., Nikitenko I.V. The principle of justice in criminal law and its implementation in sentencing. *Naukosfera*, 2022, no. 10-2, pp. 398–403. (In Russian).
2. Andreev S.P. The importance of the principle of justice in the implementation of criminal law policy. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2023, no. 11, pp. 213–216. (In Russian).

3. Бойко Ю.Л. Криминалистическая профилактика как элемент структуры частной методики расследования преступлений / Ю.Л. Бойко, Т.С. Симонова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. – № 18-1. – С. 55–56.
4. Таракчян М.О. Особенности последующего и заключительного этапов расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных молодежными неформальными группировками / М.О. Таракчян // *Oeconomia et Jus*. – 2023. – № 4. – С. 87–95.
5. Кузнецова М.О. Исследование личности членов молодежных неформальных группировок, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности, с целью определения тактики расследования / М.О. Кузнецова // *Философия права*. – 2024. – № 1 (108). – С. 149–156.
6. Кузнецова М.О. Тактические особенности расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных молодежными неформальными группировками / М.О. Кузнецова // *Юрист-Правовед*. – 2024. – № 1 (108). – С. 145–151.
7. Кузнецова М.О. Криминалистически значимая информация при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных молодежными неформальными группировками / М.О. Кузнецова // *Наука. Общество. Государство*. – 2018. – Т. 6, № 2 (22). – С. 96–101.
8. Садюкова У.В. Об эффективности реализации лицом, производящим расследование, права внесения представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления / У.В. Садюкова // *Академическая мысль*. – 2021. – № 4 (17). – С. 105–108.
9. Бойко Ю.Л. Особенности получения в ходе расследования информации об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, для формирования представления об их устранении / Ю.Л. Бойко // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2024. – № 24. – С. 154–156.
10. Косых В.А. Особенности установления следователем причин и условий, способствующих совершению незаконных рубок лесных насаждений / В.А. Косых // *Евразийская адвокатура*. – 2022. – № 2 (57). – С. 85–89.
3. Boyko Yu.L., Simonova T.S. Criminalistic prevention as an element of the structure of private crime investigation methods. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Current Problems in the Fight Against Crimes and Other Offenses*, 2018, no. 18-1, pp. 55–56. (In Russian).
4. Tarakhchyan M.O. Features of the subsequent and final stages of investigating extremist crimes committed by youth informal groups. *Oeconomia et Jus*, 2023, no. 4, pp. 87–95. (In Russian).
5. Kuznetsova M.O. Investigation of the identity of members of youth informal groups involved in the commission of extremist crimes in order to determine the tactics of the investigation. *Philosophiya Prava = Philosophy of Law*, 2024, no. 1 (108), pp. 149–156. (In Russian).
6. Kuznetsova M.O. Tactical features of the investigation of extremist crimes committed by youth informal groups. *Yurist-Pravoved = Jurist-Pravoved*, 2024, no. 1 (108), pp. 145–151. (In Russian).
7. Kuznetsova M.O. Forensically relevant information in the investigation of extremist crimes committed by youth informal groups. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 96–101. (In Russian).
8. Sadiokova U.V. On the effectiveness of the implementation by the person conducting the investigation of the right to submit a submission to eliminate the circumstances that contributed to the commission of crimes. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2021, no. 4 (17), pp. 105–108. (In Russian).
9. Boyko Yu.L. Features of obtaining during the investigation information on the circumstances that contributed to the commission of the crime in order to form an idea about their elimination. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Current Problems in the Fight Against Crimes and Other Offenses*, 2024, no. 24, pp. 154–156. (In Russian).
10. Kosykh V.A. Features of the investigator's establishment of the causes and conditions conducive to the commission of illegal logging of forest plantations. *Evrazijskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2022, no. 2 (57), pp. 85–89. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольный Николай Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podol'nyy Nikolai Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 16.05.2024. The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.11

Original article

ПОЛСТОВАЛОВ Олег Владимирович
АНО «Экспертно-координационный центр
комиссий Государственного Совета
Российской Федерации»,
Москва, Россия,
e-mail: polstovalov74@mail.ru

POLSTOVALOV Oleg Vladimirovich
ANO «Expert Coordination Center of the
Commissions of the State Council of the Russian
Federation», Moscow, Russia.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ, РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ БЛОГЕРАМИ: КОНТУРЫ ВИДОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

CRIMINALISTIC SUPPORT FOR PREVENTING, INVESTIGATING AND DETECTING CRIMES
COMMITTED BY BLOGGERS: TYPE CHARACTERIZATION OUTLINES

*Статья посвящена памяти моего учителя
доктора юридических наук, профессора
Льва Львовича Каневского и приурочена
к столетию со дня его рождения*

Аннотация. Автор делится личными воспоминаниями о выдающемся криминалисте, докторе юридических наук, профессоре, основоположнике научного направления исследования проблем профилактики, расследования и раскрытия преступлений, совершенных несовершеннолетними и лицами молодого возраста, Льве Львовиче Каневском. Во вводной части дается емкая характеристика научного и организаторского гения Льва Львовича, приводятся факты из совместной с автором исследовательской работы над проблемами криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений. Во второй части с использованием сравнительно-правового, формально-юридического и системно-структурного методов показана необходимость исследования криминалистического обеспечения профилактики, расследования и раскрытия преступлений, совершаемых блогерами, через контуры видовой их характеристики. Автор подробно останавливается на анализе криминальных форм распространения, пропаганды и иных способов ретрансляции информации, запрещенных под угрозой наказания в связи с повышенной общественной опасностью такого рода деятельности. Не без внимания остаются и вопросы криминальных посягательств в тех случаях, когда деятельность в общественном пространстве используется в целях вымогательства и других преступлений, где взаимодействие с интернет-аудиторией имеет стержневое значение. Все эти преступления показаны в свете блогерства как деятельности, нашедшей отражение в законодательстве лишь

Abstract. The author shares his personal memories of Lev Lvovich Kanevsky, an outstanding criminalist, Doctor of Law, Professor, founder of the scientific direction of research into the problems of prevention, investigation and detection of crimes committed by minors and young people. The introductory part gives a capacious description of Lev Lvovich's scientific and organizational genius, provides facts from joint research work with the author on the problems of criminalistic support for crime investigation and detection. In the second part, using comparative-legal, formal-legal and system-structural methods, the necessity of research of criminalistic support for preventing, investigating and detecting crimes committed by bloggers through their type characterization outlines is shown. The author dwells in detail on the analysis of criminal forms of dissemination, propaganda and other means of retransmission of information, prohibited under the threat of punishment due to the increased social danger of such activities. Criminal encroachment issues are not neglected when activities in the public space are used for extortion and other crimes where interaction with the Internet audience is at the core. All these crimes are shown in the light of blogging as an activity that was reflected in the legislation only in the short-term retrospective of 2014-2017 and that currently has no legal regulation even in the most general form. The article proves the necessity of regulating the blogosphere,

в краткосрочной ретроспективе 2014–2017 гг. и не имеющей в настоящее время нормативно-правовой регламентации даже в самом общем виде. Доказана необходимость регламентации блогосферы, определения статуса блогера; представлена видовая характеристика преступлений, совершаемых в блогосфере, с оговоркой о необходимости законодательного определения ключевого понятия.

Ключевые слова: Лев Львович Каневский, преступления блогеров, видовая характеристика преступлений, криминалистическая профилактика

Для цитирования: Полстовалов О.В. Криминалистическое обеспечение профилактики, расследования и раскрытия преступлений, совершаемых блогерами: контуры видовой характеристики / О.В. Полстовалов. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 81–89.

defining the status of a blogger; it presents a type characterization of crimes committed in the blogosphere, with a reservation about the need for a legislative definition of the key concept.

Keywords: Lev Lvovich Kanevsky, bloggers' crimes, type characterization of crimes, criminalistic prevention

For citation: Polstovalov O.V. Criminalistic support for preventing, investigating and detecting crimes committed by bloggers: type characterization outlines. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 81–89 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.11.

Не могу не поделиться самыми светлыми воспоминаниями моего знакомства и совместной работы на благо развития криминалистической науки с моим учителем – доктором юридических наук, профессором Львом Львовичем Каневским. Для меня, как и для многих учеников Льва Львовича, его яркий образ сохранится в памяти и, надеюсь, в собственных поступках до конца жизни.

Лев Львович имел счастье выбирать себе аспирантов, чему мы сегодня, когда на дневное обучение этого уровня образования поступают нередко с целью лишь избежать призыва в армию, можем только завидовать. Еще бы: образование теперь – услуга, поступление в аспирантуру – публичная оферта, даже для троючников. Для Л.Л. Каневского никакие моральные компромиссы в подборе учеников были неуместны. Он мне и Азату Булатовичу Галимханову в далеком 1996 г. предложил продолжить обучение в аспирантуре, и мы согласились, понимая масштаб его личности. В первом полугодии обучения в аспирантуре мы повалялись дураками, и Лев Львович, объективно разобравшись в ситуации, сказал нам: «Повторится подобное в следующем полугодии – расстанусь с вами без слез и сожалений!» Этого было достаточно, чтобы по существенно уплотненному графику следующего полугодия мы с Азатом Булатовичем уже не позволили себе расслабиться.

Помню, как на моей защите кандидатской диссертации в 2000 г. Лев Львович «вычислил» члена диссертационного совета, который всег-

да голосовал против, разумеется, из добрых побуждений – для отражения качества дискуссии в материалах. Это был Владимир Николаевич Скобелкин, как и Лев Львович, ветеран Великой Отечественной войны. В процессе голосования после публичной части моей защиты Лев Львович «навис» над креслом профессора В.Н. Скобелкина и стал наблюдать, какое решение тот примет. Владимир Николаевич для вида возмутился: «У нас, Лев Львович, голосование тайное». На что Л.Л. Каневский возразил: «Ничего, Владимир Николаевич, Вы будете голосовать с понятиями». Это была особая школа от прошедших освободительную войну с немецко-фашистскими захватчиками ветеранов, не кичащихся этим настоящих героев, с которыми было трудно ровно настолько, насколько ты сам оказывался неправ, и одновременно легко от осознания их непоказной справедливости. Лев Львович умел радоваться успехам своих учеников, подбодрить добрым напутствием, находить сильные стороны в начинающем исследователе и развивать их, проявлять заботу не только словом, но и делом.

У Л.Л. Каневского была любимая поговорка: «Люблю, как душу, трясусь, как грушу». Исключительная и порой неудобная требовательность Льва Львовича одновременно выражалась в том, что он не давал в обиду своих учеников без должных для критики оснований. За ним действительно было как за каменной стеной. Наговоры в общении с Львом Львовичем со стороны наших недру-

гов были бессмысленны. Он не верил слухам, наветам и сплетням, всегда объективно разбирался в негативных сторонних оценках. Это немного мне повредило, поскольку я порой приписывал данное уникальное качество руководителя тем, с кем мне довелось работать в роли подчиненного в дальнейшем. Увы, никто из моих начальников в плане надежности и справедливости обеспечения внешнего и внутреннего контуров устойчивости коллектива не мог сравниться с объективностью и непредвзятостью Льва Львовича. Каневский, узнав человеческую суть, надежно доверял тем, с кем работал и творил.

Льву Львовичу я обязан и тем, что в сложные 1990-е и в начале 2000-х, в особенности после защиты диссертации, он не оставил меня в трудной жизненной ситуации. Помню, как я сказал ему где-то в конце 1990-х: «Зарплата в институте сейчас только для того только и годна, чтобы прокормить попугайчика, но не семью из двух взрослых человек». А о детях в то время начинающий молодой ученый и мечтать не мог. Лев Львович сразу нашел мне подработку в двух вузах, которая нашу семью в то время просто спасла.

Исключительная порядочность, высочайший профессионализм, высокая требовательность, сочетающаяся с добрым участием и неоценимой помощью как в науке, так и в сложных жизненных ситуациях, талант подлинного ученого, способного безошибочно отделять зерна от плевел, гений организатора высшего образования, создателя оригинального и вневременного научного направления – вот далеко не полный портрет дорогого Льва Львовича, чей светлый образ всегда будет жить в моем сердце. Постараюсь быть достойным его памяти.

Лев Львович особое внимание уделял наиболее актуальным темам криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений. Он не закапывался в «классике», шагал в ногу со временем, не сбиваясь с пути к истине и не спотыкаясь о кочки сиюминутного популизма. Потому тема криминалистического обеспечения профилактики и расследования преступлений, совершаемых блогерами, в контексте формирования общих подходов их видовой характеристики, думается, была бы им одобрена. Ведь даже слово «думается» – от моего незаб-

венного учителя, который использовал его, чтобы не якать, и от нас требовал того же.

Проблема профилактики деструктивного и максимально опасного для особо охраняемых уголовным законом общественных отношений контента имеет стрекжевой для нормализации социального пространства характер. Профилактика направлена на устранение и (или) нейтрализацию негативного развития потенциально опасной криминальной ситуации. Ключевая проблема на сегодняшний день заключается в необходимости законодательной регламентации деятельности блогеров и определения важнейших параметров преступлений, совершаемых наиболее одиозными из них с использованием своей квазипрофессиональной деятельности по ретрансляции контента.

В январе – феврале 2024 г. тенденция роста числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, сохранилась: их количество увеличилось на 23,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.¹ В немалой степени этому способствуют пробелы в законодательстве о блогосфере.

Блогер в обывательском понимании – это «говорящая голова», вещающая на темы, максимально популярные у зрительской аудитории. Уровень компетентности, профессионализма и добросовестности блогеров в потребительском сознании не имеет принципиального значения, поскольку каждый сам волен выбирать, чей материал смотреть. При этом деятельность блогеров никак не регламентируется, а их контент порой представляет повышенную общественную опасность.

Многочисленные попытки распространить на блогеров нормативно-правовые требования к средствам массовой информации или к рекламе, воплощением которых они, собственно говоря, по большей части и являются, не находят должной поддержки. После долгого обсуждения данных инициатив участники дискуссий, как правило, приходят

1 МВД: число преступлений с использованием IT-технологий выросло на 23,5 % [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/04/08/1030570-chislo-prestuplenii-s-ispolzovaniem-it-tehnologii-viroslo> (дата обращения: 09.04.2024).

к выводам об исключительной специфичности блогосферы, о компромиссе по созданию своего рода профильной саморегулируемой организации и к тому, что данная категория интернет-вещателей относится чуть ли не к касте неприкасаемых, поскольку они лидеры общественного мнения. При в целом сером сегменте блогосферы из-за отсутствия законодательной регламентации этой деятельности развивается соответствующая преступность, которая нередко не находит системного отображения в уголовной статистике по причине ее декомпозиции в разных составах посягательств, а также в связи с тем, что ее «криминальная экономика» и вредность в целом не просчитаны.

В докладе Минцифры РФ о реализации Плана деятельности ведомства на период 2019–2024 годов за 2023 г. отмечаются устойчивое развитие подписных сервисов, а также высокая доля фонового потребления контента в Интернете, в том числе в социальных сетях, повышение спроса на образовательные медиа, развитие новых форматов (подкасты, образовательные блоги), слияние и взаимодополнение тв-формата и интернет-формата, повышение медиаактивности учреждений культуры, возможность быстрой генерации познавательного контента, создание мультимедийных кросс-платформ, позволяющих пользователям заниматься образованием, саморазвитием и получать информацию в удобной среде любым доступным способом. Эти параметры были отражены в аспекте качественной характеристики показателя «Равный доступ к медиасреде» в оценке общественно значимых результатов и задач Минцифры России. Риторический вопрос: насколько данный растущий образовательный и культурологический контент соответствует требованиям информационной безопасности общества или элементарному минимальному перечню требований в сфере культуры и образования? Еще вопрос: насколько такой контент не соответствует этим требованиям и скорее дезинформирует население, чем просвещает его? Более того, известны случаи, когда раскрученные блогеры занимают завуалированным вымогательством в виде «публичной оферты» к их спонсированию в обмен на комплиментарность размещаемого материала, касающегося деятельности, на-

пример, государственных и муниципальных служащих. «Нелюбовь к власти» по-прежнему остается ходовым товаром.

Стихийно развивающаяся блогосфера вне форматов приводит к тому, что на практике мы сталкиваемся с большим объемом нарушений требований нормативно-правовых актов в части обеспечения достоверности и в целом законности размещаемой и доносимой до аудитории блогерами информации. Но порой вызывает исследовательский интерес «мемориальность» отдельных норм уголовного закона, в которые никто не торопится вносить изменения при всей очевидности их уместности: состав нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) путем распространения сведений о лице, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации не предполагает конкретики с оговоркой «или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)». Эта оговорка встречается только в ч. 3 ст. 137 УК РФ и при условии, что в этих сведениях есть указание на несовершеннолетнего (эта часть цитируемой статьи имеет более свежую редакцию Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ). Отсутствие указания на информационно-телекоммуникационные сети, в том числе Интернет, в ч. 1 ст. 137 УК РФ неудивительно, поскольку изложена она в раритетной и, несомненно, устаревшей редакции от 8 декабря 2003 г. Иными словами, отсутствие в ч. 1 ст. 137 УК РФ оговорки «использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» по сравнению с 27-кратным упоминанием в Кодексе средств массовой информации выглядит по меньшей мере странно. Блогерам разрешено то, что запрещено другим, или к публичному выступлению приравнивается таковое, сделанное через Интернет? Но тогда почему особая оговорка указания информации в отношении несовершеннолетних сделана только в ч. 3 ст. 137 УК РФ?

Интересным в этой связи представляется также состав ст. 157 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения)

вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений. Спецсубъектность здесь размыта формулировкой «об ином лице». Объяснение этому только одно: иное лицо несет ответственность лишь при наличии мотива корысти или иного низменного побуждения. Иное лицо с иным побуждением – просто высший уровень нормотворчества. Но почему не предусмотрена повышенная ответственность в рамках квалифицированного состава за распространение такой информации посредством СМИ или Интернета? Это совершенно неясно.

По данным Минцифры РФ, у детей блогерские или пользовательские ролики и видеоклипы находятся на втором по популярности месте (64 %), немного уступая мультфильмам (77 %) [1, с. 30]. Нет необходимости доказывать очевидное: особую опасность может нести контент, если представляет собой вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (п. «в», ч. 2 ст. 151.2 УК РФ). При этом никого не должен успокаивать рынок даркнета в 4 % [1, с. 35], поскольку эти экспертные оценки весьма приблизительные.

Профильное ведомство признало, что «несмотря на рост нативных размещений в доступных в России социальных сетях и мессенджерах, в целом рекламные доходы российских блогеров в 2022 году снизились. По различным экспертным оценкам, это снижение составило от 5 % до 70 %. Подсчитать точный процент снижения сложно, поскольку рекламодатели продолжают использовать запрещенные в России социальные сети **посредством закупки контента у блогеров** (выделено мной. – О.П.)» [цит. по: 1, с. 91]. Иными словами, блогерство в части освоения рекламных бюджетов в последние годы активно уходит в серую зону. Вообще доходность инфоцыганства – это весьма закрытая на сегодняшний день область для налогообложения в части прямых доходов. Дело Елены Блиновской в этом аспекте весьма иллюстративно,

поскольку инфоцыганство с прибыльностью от «налога на дураков» показывает, насколько блогосфера далека от прозрачности такого рода деятельности. Как известно, «Марафоны желаний» Блиновской для якобы вдохновения их участников к собственному развитию и личностному росту имели разные форматы, как очный, так и онлайн. Понятно, что обещания блогера, будто ее тренинги изменят жизнь пользователей и заставят их взглянуть на мир иначе, недалеко от правды, поскольку эта викторина по собиранию «налога с доверчивых» является еще и индикатором человеческой наивности, если не глупости. Убежден, что у кого-то наступают и прозрения. При первоначальных претензиях о неуплате чуть ли не полутора миллиардов рублей налогов последние данные говорят о том, что недоимка составила 906 млн руб.² При этом во ФГИС «Единый реестр проверок» за учетным номером 77170701300502 КНМ в соответствии с постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2015 г. № 415 «О Правилах формирования и ведения единого реестра проверок» в отношении госпожи Е.О. Блиновской значится всего одна внеплановая проверка с датой регистрации в ФГИС ЕРП 11 января 2017 г., тогда как по остальным четырем данные о проверяемом лице скрыты, но они обнаружены по поисковому запросу «Блиновская». Впрочем, мы не можем точно утверждать, о какой именно Блиновской в этих материалах идет речь. Важно отметить, что налоговая проверка, согласно этому официальному ресурсу, была лишь одна – с номером электронного паспорта проверочного мероприятия 58230441000306311087 и видом «Профилактический визит»³.

Блогер обязан обеспечивать достоверность размещаемой информации, соблюдать интеллектуальные права и т. п. Никто не отменял ответственность блогеров и за совершение иных правонарушений, а прозрачность их деятельности могла бы стать основой для адекватной оценки доходности такой работы

² Экспертиза установила, что Блиновская не уплатила 906 млн, а не 918 млн рублей [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6531143> (дата обращения: 15.04.2024).

³ ФГИС «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий». ФГИС «Единый реестр проверок» [Электронный ресурс]. URL: <https://proverka.gov.ru/portal/public-search> (дата обращения: 15.04.2024).

в целях успешной профилактики различного рода совершаемых ими нарушений закона.

Либерализация законодательства под воздействием общественности и рефлексии к ней Роскомнадзора в виде инициирования отмены в 2017 г. ст. 10.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации)⁴ привела к тому, что понятия «блогер», пусть и несовершеннолетнего, в законодательстве больше не существует. Очень странное определение блогера в отмененной ст. 10.2 Закона об информации выглядело описательно и неточно: «Владелец сайта и (или) страницы сайта в сети "Интернет", на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети "Интернет"...». В этой же норме были закреплены обязанности блогера не допускать использование блога для совершения преступлений, разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны, размещения экстремистских и иных запрещенных материалов, проверять достоверность размещаемой информации и незамедлительно удалять недостоверные сведения. Блогер, согласно ресурсу Сбера, – это интернет-пользователь, который ведет собственный канал, сайт или страничку⁵.

Из 11 выделенных по признаку распространяемого контента Е. Мизулина в свое время условно назвала четыре асоциальные и антисоциальные группы: 1) блогеры, транслирующие деструктивный развлекательный контент; 2) инфомошенники; 3) блогеры

4 Федеральным законом от 29.07.2017 № 276-ФЗ признаны утратившими силу положения законодательства, касающиеся регулирования деятельности блогеров. В частности, признана утратившей силу ст. 10.2 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и п. 2 ст. 1 Федерального закона от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Со дня официального опубликования этого федерального закона, с которого он считается вступившим в силу, Роскомнадзор прекратил ведение реестра блогеров (см.: Роскомнадзор прекращает вести реестр блогеров // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

5 Сбербанк : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.sberbank-ru.os-psi.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/kak-stat-bloggerom-i-zarabatyvat-na-etom-dengi/ (дата обращения: 15.04.2024).

с опасным контентом, рекламой запрещенных товаров; 4) группы преступного характера, целенаправленно занимающиеся вовлечением детей, молодежи в осуществление диверсий, экстремистской деятельности⁶. Думается, не меньшую опасность представляют преступные группы, вовлекающие детей не только в экстремистскую или диверсионную, но и в иную асоциальную и антисоциальную деятельность. Немаловажно отметить, что состав п. «д», ч. 2 ст. 110 УК РФ, то есть доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), является особо квалифицированным по факту использования в преступных целях СМИ или интернет-сети. В таком же контексте мы можем говорить об относительно новых составах склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства (п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ) и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.2 УК РФ), когда склонение и содействие совершаются посредством публичного выступления или демонстрирующегося произведения в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) или сопряжены с ними (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства). Для криминальных блогеров применительно к такому общественно опасному контенту скорее более свойственен состав ч. 2 ст. 110.2 УК РФ.

В любом случае так называемые блогеры обязаны соблюдать законодательство в сфере защиты информации (государственная, коммерческая и банковская тайна, персональные данные и пр.), не допускать распространения материалов, образующих составы клеветы (ст. 128.1 УК РФ), нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), незаконного

6 Закон о блогерах: предложения по правовому регулированию блогосферы // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц (ст. 172.4 УК РФ), принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), манипулирования рынком (ст. 185.3 УК РФ), незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну, если таковое сопряжено с распространением этих сведений или перемещением носителя этой информации за пределы России (п. «д», ч. 2 ст. 283.1 УК РФ), реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ). И речь здесь идет исключительно о составах, связанных с распространением информации или с угрозой такового. При этом эти сведения либо изначально запрещены к распространению, либо порочат честь и достоинство другого гражданина, либо являются частью механизма преступления, средством к достижению преступной цели.

Высокую общественную опасность представляют собой публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или его пропаганда (ст. 205.2 УК РФ). Пропаганда создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, является особо квалифицированным составом, предусмотренным ч. 3 ст. 239 УК РФ. В качестве отдельного состава криминализована пропаганда и оправдание диверсий. Под пропагандой диверсий понимается «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица убежденности в необходимости осуществления диверсионной деятельности», а под оправданием диверсии – «публичное заявление о признании целей и практики диверсионной деятельности правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» (ч. 1 и п. 3 и 4 примеч. к ст. 281.3 УК РФ). 14 июля 2022 г. был криминализован состав неоднократных пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4 УК РФ).

В целом согласно УК РФ признак использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) встре-

чается в 36 составах преступлений, а признак «распространение сведений» – в 10. Иногда первые признаки пересекаются со вторыми. И здесь мы ведем речь не о содержании контента, а о формах его трансляции. Распространение, пропаганда, призывы, склонение к... доведение до... и вовлечение в... – это оговоренные в уголовном законе формы информационного воздействия, которые вполне могут быть использованы блогерами, преследующими преступные цели. По сути, детализация этих форм в соответствии с судебной-следственной практикой и является характеристикой способов совершения преступлений, в том числе блогерами.

Необходимо отметить, что декриминализованный в 2011 г. состав оскорбления «перекочевал» в число административных правонарушений (ст. 5.61 КоАП РФ). При этом использование ресурсов Интернета для реализации намерения к оскорблению делает состав административного деликта квалифицированным (ч. 2 и 3 названной статьи КоАП РФ). В частности, оскорбление, «содержащееся в ... средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» запрещено ч. 2. ст. 5.61 КоАП РФ. Под средством массовой информации законодатель понимает «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмму, радиопрограмму, видеопрограмму, кинохроникальную программу, иную форму периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» (ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 11 марта 2024 г.) «О средствах массовой информации», далее – Закон о СМИ). Сетевое издание наиболее близко проблематике периодического распространения информационного материала блогерами, как правило, по определенной тематике. Насколько общественно опасен оскорбительный контент, решил законодатель, посчитав такое правонарушение заслуживающим декриминализации.

Периодические «квазииздания» в сети Интернет от блогеров без регистрации в установленном законом порядке в качестве средств массовой информации было бы хорошо признавать Роскомнадзором в качестве СМИ в принудительном порядке и выдавать блогерам

предписание о необходимости их регистрации. В настоящее время это невозможно, поскольку есть разъяснение на этот счет высшей судебной инстанции России: «Получение лицензии на вещание необходимо в случае использования технических средств эфирного, проводного или кабельного телерадиовещания для распространения продукции средств массовой информации (статья 31 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"). Поскольку такие технические средства не используются при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет, то получение лицензии на вещание лицом, осуществляющим распространение массовой информации через сайт в сети Интернет, не требуется» (абз. 8 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"», далее – ППВС РФ). Одновременно Верховный Суд РФ сделал весьма оптимистичное обобщение: «В соответствии с частью 2 статьи 24 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" правила, установленные данным Законом для радио- и телепрограмм, применяются в отношении периодического распространения массовой информации через системы телетекста, видеотекста и иные телекоммуникационные сети, если законодательством Российской Федерации не установлено иное» (абз. 2 п. 6 ППВС РФ). Однако уже в следующем абзаце п. 6 цитируемого ППВС РФ высшая судебная инстанция разъяснила, что положения Закона о СМИ «могут применяться к этим отношениям только с учетом особенностей распространения информации через такие сети (например, отсутствия продукции средства массовой информации, указанной в абзаце шестом части 1 статьи 2 этого Закона – тиража или части тиража отдельного номера периодического печатного издания, отдельного выпуска радио- и телепрограммы, тиража или части тиража аудио- или видеозаписи программы)». И окончательно Верховный Суд ставит точку в этом вопросе в абз. 4 п. 6: «В силу статей 8, 10 и 11 названного Закона (имеется в виду Закон о СМИ. – О.П.) вопросы государственной регистрации средства массовой информации поставлены в зависимость от распространения продукции средства массовой информации. Поскольку при распростра-

нении массовой информации через сайты в сети Интернет отсутствует продукция средства массовой информации, то по действующему законодательству сайты в сети Интернет **не подлежат обязательной регистрации как средства массовой информации** (выделено мной. – О.П.)». Иными словами, по логике Верховного Суда РФ контент в Интернете не представляет собой продукцию СМИ, в этой связи регистрация такого ресурса есть дело сугубо добровольное самого блогера, а поскольку с таким статусом наваливается вся мера ответственности и контроля со стороны контрольно-надзорных органов, то для чего все это блогеру надо в принципе?

Необходимо признать, что просто техническое решение о распространении требований к СМИ на блогеров, даже при регламентации требований к их деятельности в похожем на прежний вариант положении, просуществовавшем три года в форме нормы ст. 10.2 Закона об информации, оставляет открытым вопрос дифференциации СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Иными словами, блогеры, работающие в сетевом пространстве, априори с точки зрения действующего законодательства находятся вне сферы средств массовой информации, если не зарегистрированы в качестве сетевого издания. Здесь мы говорим о частном случае с сетевым изданием, под которым понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с Законом о СМИ. Поэтому определения блогера в прежнем, даже содержательно неудачном, варианте в Законе об информации будет явно недостаточным для приравнивания блогера к журналисту, а его ресурса – к СМИ.

В любом случае преступления, совершаемые блогерами, непосредственно или опосредованно связаны с доводимой ими до аудитории информацией. Прямая связь прослеживается по преступлениям, где в числе признаков состава находится распространение, пропаганда или иные формы ретрансляции информации, а косвенно – по посягательствам, в которых сведения выполняют инструментальную роль, являются способом (в уголовном праве – частью объективной стороны), например, вымогательства. Ины-

ми словами, во втором случае мы имеем дело с информацией как одним из средств реализации преступных намерений среди прочих других. Новый состав публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ (ст. 280.3 УК РФ), в число таковых включает публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации. Безусловно, такие призывы являются лишь разновидностью действий, направленных на дискредитацию, да и блогерство здесь не выступает исключительной безальтернативной площадкой, поскольку в данном случае мы нередко имеем дело с разовыми акциями. А вот другой состав в этом же сегменте публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ), выглядит уже непосредственно квазиблогерским. Остается открытым вопрос о том, почему названные в ч. 1 ст. 207.3 УК РФ действия, если они совершены с использованием сети Интернет, не образуют не только особо квалифицированный, но даже просто квалифицированный состав? Может быть потому, что блогером можно признать распространителя информации на хостинге, сайте, если таковое носит систематический или пери-

одический характер, а самого этого понятия в законодательстве теперь не существует? Аудитория в три тысячи подписчиков, согласно отмененной ст. 10.2 Закона об информации, предполагала высокий уровень распространения такого общественно опасного, а не просто деструктивного контента в свете ст. 207.3 УК РФ.

В настоящее время говорить о видовой характеристике преступлений, совершаемых блогерами или, в более широкой интерпретации, в блогосфере, можно разве что с оговоркой о необходимости законодательного определения ключевого понятия. Вместе с тем нельзя закрывать глаза на повышенную общественную опасность криминального контента от «говорящих голов», некоторые из которых таким образом совершают преступления против интересов России и ее граждан из-за рубежа, монетизируя доходность без антироссийских ограничений от подобного рода деструктивной деятельности. Разлагающее влияние отдельных крайне популярных у молодежи блогов, производных от агрессивных компьютерных игр, вообще не считается криминальным. Все эти обстоятельства актуализируют проблематику криминалистического обеспечения выявления, предупреждения, расследования и раскрытия преступлений, совершаемых блогерами. Однако без адекватной степени и характеру общественной опасности уголовно-правовой оценки рассматриваемых преступлений всякое криминалистическое исследование может оказаться предварительным или исходным. И здесь нашему депутатскому корпусу есть над чем поработать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдов С.Г. Интернет в России / С.Г. Давыдов, К.Р. Казарян, М.В. Сайкина ; под общ. ред. М.В. Сайкиной. – Москва : Дизайн-студия RE-FORM, 2023. – 207 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полстовалов Олег Владимирович – доктор юридических наук, профессор, руководитель аппарата комиссии «Наука» АНО «Экспертно-координационный центр комиссий Государственного Совета Российской Федерации», член Сретенского клуба.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polstovalov Oleg Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Chief of the Commission «Science» Staff of the ANO «Expert Coordination Centre of the Commissions of the State Council of the Russian Federation», member of the Sretensky Club.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 16.05.2024. The article was submitted 29.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.12

Original article

СЛАВГОРОДСКАЯ Ольга Александровна
Саратовская государственная
юридическая академия,
Саратов, Россия,
e-mail: slavkur-htc@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6652-0744

SLAVGORODSKAYA Olga Alexandrovna
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

РОЛЬ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THE ROLE OF WITNESS EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF JUVENILE CRIMES

Аннотация. Статья посвящена вопросам участия свидетелей в расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, и формулированию ведущих задач, решаемых посредством реализации возможностей института свидетельствования. В практике расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, возникают определенные сложности при оценке показаний с точки зрения полноты и объективности. Внимание к рассмотрению возможностей повышения уровня достоверности свидетельских показаний основано на особой роли данной деятельности в процессе предупреждения преступлений. Цель статьи – рассмотреть виды свидетелей, привлекаемых в процесс расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, через призму их роли в выполнении воспитательной и превентивной функции. Методы исследования: диалектический, сравнительный, логический, анализа и синтеза для проверки гипотезы об особой роли свидетельских показаний при расследовании преступлений несовершеннолетних. Результатом исследования стало определение возможности получения криминалистически значимой информации посредством допроса свидетелей. Рассмотрены вопросы реализации воспитательной роли допроса в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: допрос, достоверность, несовершеннолетний, показания, психологический контакт, свидетель

Для цитирования: Славгородская О.А. Роль допроса свидетелей при расследовании преступлений несовершеннолетних / О.А. Славгородская. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 90–95.

Abstract. The article is devoted to the participation of witnesses in the investigation of crimes committed by minors and the formulation of the leading tasks to be solved through the realization of the possibilities of the institution of witness testimony. In the practice of investigating crimes committed by minors, certain difficulties arise in assessing testimony from the point of view of completeness and objectivity. Attention to considering the possibilities of enhancing the credibility of witness testimony is based on a particular role for this activity in crime prevention. The purpose of the article is to consider the types of witnesses involved in the investigation of crimes committed by minors through the prism of their role in fulfilling the educational and preventive function. Research methods: dialectical, comparative, logical, analysis and synthesis to test the hypothesis regarding the special role of witness testimony in the investigation of juvenile crimes. The result of the study include the determination of the possibility of obtaining criminally relevant information through witness examination. The article reviews the issues of implementation of the educational role of interrogation in the process of detection and investigation of crimes.

Keywords: interrogation, credibility, minor, testimony, psychological contact, witness

For citation: Slavgorodskaya O.A. The role of witness examination in the investigation of juvenile crimes. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 90–95 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.12.

ВВЕДЕНИЕ

Перспективы развития криминалистики неразрывно связаны с растущим потенциалом современной науки и неуклонным увеличением возможностей использования криминалистически значимой информации. Приоритетным направлением в настоящее время, в силу смещения акцентов на использование достижений цифровизации, несомненно, являются вопросы освоения современных возможностей обработки информации, внедрения искусственного интеллекта и иные, условно носящие сугубо технический характер.

Однако парадигма развития процесса установления истины по уголовным делам не должна смещаться в сторону исключительной технологизации, хотя, конечно, наиболее масштабное и полноценное использование современных достижений науки позволяет повысить качество раскрытия и расследования преступлений. В то же время не следует забывать о том, что перспективы развития криминалистики неразрывно связаны, наряду с растущим потенциалом современной науки в области высоких технологий, также и с расширением иных возможностей исследования криминалистически значимой информации.

Преступления всегда совершаются человеком и расследуются тоже человеком, каким бы образом он ни был оснащен и обеспечен достижениями научно-технического прогресса. Поэтому вопросы повышения уровня работы с криминалистически значимой информацией должны быть ориентированы в первую очередь на деятельность лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, в связи с чем возникает потребность не просто получать и использовать криминалистически значимую информацию, но и решать посредством ее использования задачи воспитательного характера и осуществлять деятельность по предупреждению преступлений.

ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ

Вопросы исследования доказательств с точки зрения их достоверности могут рассматриваться через призму исследования свойств самого оцениваемого доказательства и характеристику источника его получе-

ния. В процессе сравнения различных видов доказательств выделяются основные черты достоверности, основанные на непротиворечивости и доверии к органам власти как субъектам получения доказательств, а также учет позиции иного правоприменителя [1, с. 125]. Формирование подобного методологически выверенного критерия оценки достоверности доказательства с высокой степенью коррелируется и с особенностью оценки показаний свидетелей. Однако применительно к институту свидетельствования существуют отдельные моменты, требующие углубленного рассмотрения и дальнейшего исследования.

Свидетельские показания, являющиеся частью института свидетельствования, имеют многовековую историю и, несмотря на всю неоднозначность подходов к оценке их значимости, по-прежнему остаются традиционным видом доказательств. Сложность работы с одним из ключевых источников информации основана на личном характере сведений, получаемых от свидетелей. Содержательная сторона показаний свидетелей зависит от протекания таких психических процессов, как ощущения, восприятие, мышление, память, а также потребностей и мотивов, побуждающих человека к осуществлению этих процессов [2, с. 178].

Участие свидетелей в расследовании любой категории преступлений, наряду с решением ключевых задач расследования, имеет и воспитательный аспект. Однако особую роль участие свидетелей способно сыграть при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Последствия участия лица в осуществлении уголовного судопроизводства в качестве свидетелей при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними, успешно сочетается с реализацией воспитательной функции. Одной из особенностей расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, выступает возможность оказания следователем профилактического воздействия на всех несовершеннолетних участников расследования.

Деятельность лица, осуществляющего расследование, должна быть такова, чтобы вопросы неотвратимости привлечения к уголовной ответственности, невозможности со-

крытия как самого события преступления, так и всех побудительных мотивов его совершения и сопутствующей деятельности были однозначно очевидны для всех участников уголовного судопроизводства, выявлены и установлены в процессе раскрытия и расследования преступления. Для достижения такого воздействия необходимо последовательно и поэтапно осуществлять все элементы деятельности, составляющей основу эффективного расследования.

Эта деятельность осуществляется следователем, в том числе посредством получения доказательств на допросе свидетеля. Полученная на допросе информация о преступлении способна оказать тактическое воздействие и на несовершеннолетнего правонарушителя. У несовершеннолетнего правонарушителя посредством ознакомления с содержанием объективных свидетельских показаний о его причастности к совершенному преступлению формируется устойчивое представление о том, что следователь способен в полном объеме установить все обстоятельства расследуемого преступления, выяснить мотивы его совершения. Это позволяет осознать пагубность активного противодействия расследованию и способствует установлению с несовершеннолетним психологического контакта. На успешное решение данной задачи влияет эрудированность следователя, его компетентность и умение сочетать объективность с доброжелательностью [3, с. 111]. Таким образом, через использование информации, полученной при допросе свидетеля, происходит воспитательное воздействие и на несовершеннолетнего обвиняемого.

Влияние личности следователя на участников процесса расследования

Следователь должен быть профессионалом такого уровня, что сила воздействия его личности будет оказывать влияние на всех участников уголовного судопроизводства. Несовершеннолетние свидетели, зачастую не желающие давать показания против своих сверстников, с которыми они тесно общаются в повседневной жизни, в силу ложно понятых

интересов дружбы и взаимопомощи с большим сопротивлением принимают необходимость выполнения своей обязанности свидетельствования. Опираясь на то, что работа следователя не может строиться абсолютно без учета нравственных ориентиров, представляется, что предустановленным императивом для него является необходимость служения добру и противостояние злу во всех его проявлениях. «Бездеятельностью ума, отсутствием совести можно объяснить такое отношение следователя к делу, когда он не желает глубоко анализировать обстоятельства совершенного преступления, ленится разобраться в имеющихся противоречиях, утешая себя при этом мыслью, что если и допущена с его стороны ошибка, то ее исправит прокурор или суд» [4, с. 17–18].

При этом следователь должен учитывать психологические особенности возраста несовершеннолетних, этические основы организации расследования, чтобы добиваться установления психологического контакта. Рассматривая психологический контакт в качестве неперемennого условия допроса, Н.И. Порубов определял его как «состояние, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга» [5, с. 47]. На необходимость формирования подобного отношения применительно к несовершеннолетним обвиняемым неоднократно указывал Л.Л. Каневский [3, с. 112].

Однако подобное отношение должно реализовываться и в отношении несовершеннолетних свидетелей, способствуя снижению уровня нигилизма и формируя модель поведения, в основе которой лежит отказ от совершения деяний, нарушающих закон. Следовательно, когда свидетель попадает под влияние равнодушного и заинтересованного в окончательном результате своей работы следователя, у него, так же как и у несовершеннолетнего обвиняемого, формируется устойчивое убеждение о недопустимости в будущем любого противоправного поведения. Подобное отношение следователя выполняет, наряду с воспитательной функцией, и функцию профилактическую, поскольку обеспечивает предотвращение совершения в будущем несовершеннолетними преступлений.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопросы предупреждения преступлений, по мнению профессора М.Ш. Махтаева, представляют собой определенный вид социальной практики, в результате которой общественные отношения претерпевают изменения и преступное поведение становится невозможным [6]. Сложность осуществления данной деятельности определяется совокупностью взаимосвязанных факторов, однако реализовать ее можно и необходимо. Для данной реализации следователю требуется, как считает профессор И.В. Комаров, знание природы, содержания, динамики данного процесса, получение знаний о которых осуществляется через процесс расследования преступлений, на основе применения знаний криминалистики [7, с. 193].

Предупреждение преступлений имеет разноуровневую направленность и распространяется не только на самих несовершеннолетних правонарушителей, но и обеспечивает защиту интересов несовершеннолетних свидетелей. Происходит это посредством формирования системы защиты интересов несовершеннолетних свидетелей от возможного оказания на них давления и преследования после дачи ими показаний.

Дополнительным элементом предупреждения преступлений является обеспеченная сложившимися условиями необходимость расширения круга допрашиваемых свидетелей за счет включения в этот состав не только в обязательном порядке родителей несовершеннолетнего, но и его педагогов и иных лиц, располагающих информацией о подростке.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ДОПРОСА

Одним из важных последствий воспитательного воздействия участия несовершеннолетних свидетелей в процессе расследования по уголовному делу является сам процесс производимого расследования. Если следователь профессионально осуществляет расследование по уголовному делу, последовательно устанавливает все обстоятельства совершенного преступления, определяет все его элементы, выявляет мотивы совершенного преступления, то осуществление указанной деятельности

способно оказать влияние на всех участников уголовного судопроизводства, особенно на несовершеннолетних свидетелей и обвиняемых. В этом процессе следователь может успешно опираться на известную ему информацию о личности несовершеннолетних свидетелей и обвиняемых и использовать ее при проведении допроса. Рассматривая возможности использования информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого, профессор И.А. Макаренко в свое время акцентировала внимание на том, что использование данных зависит в том числе от профессиональной подготовленности следователя [8, с. 17].

Подобное воздействие осуществляется через призму профессионализма следователя, умелое использование тактических приемов и в целом при создании у несовершеннолетнего представления о следователе как о профессионале, который способен справиться с любой, даже трудноразрешимой задачей при раскрытии и расследовании преступлений.

Вторым аспектом, реализуемым при расследовании преступлений и оказывающим непосредственное воздействие на свидетелей, может стать акцентирование внимания на том, какую роль сам свидетель играет в процессе установления истины по уголовному делу и как его непосредственное участие способствует предотвращению новых преступлений. Указанная позиция интересна еще и тем, что в данном случае удается дополнительно мотивировать у несовершеннолетнего активную гражданскую позицию и преодолеть нигилистические установки в отношении свидетельствования. В совокупности взаимосвязь указанных элементов позволит наиболее эффективно реализовывать всю имеющуюся мотивацию на формирование позитивно ориентированного правосознания несовершеннолетних.

Профессор Л.Л. Каневский обращал внимание на то, что только в 39,4 % случаев при расследовании устанавливались причины и условия, способствовавшие противоправному поведению несовершеннолетних [3, с. 110]. В настоящее время превалирует тенденция к выявлению общих причин и условий совершения несовершеннолетними преступлений, без внимания к конкретным случаям и ситуациям. Причинам совершения преступле-

ний зачастую придается характер обобщения в виде педагогической запущенности, отсутствия устоявшейся системы морально-нравственных ориентиров, пассивности и неустойчивости психики [9].

Анализ уровня преступности среди подростков позволил выявить, что при наличии общей тенденции снижения их количества (в связи с изменением демографической ситуации в целом) определяющим фактором служит и то, что при снижении уровня совершения несовершеннолетними преступлений средней тяжести произошло перераспределение удельного веса в сторону увеличения количества тяжких преступлений, в связи с чем особую роль приобретает дальнейшее развитие мер предупреждения преступлений и использование для эффективного решения подобных задач потенциала, которым располагает криминалистика.

Определяя перспективы повышения качества расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, необходимо обращать внимание и выделять при расследовании преступлений несовершеннолетних еще одну категорию свидетелей – тех, кто может сообщить информацию о несовершеннолетнем, условиях его жизни, интересах, склонностях и т. п. К данным свидетелям, конечно же, необходимо отнести родителей, педагогов и иных взрослых, владеющих разносторонней информацией о несовершеннолетнем.

Допросы данной категории лиц должны носить не формальный характер, а действительно быть ориентированы на получение максимально полной и объективной информации о несовершеннолетнем, его образе жизни, склонностях и увлечениях, происходивших с его участием конфликтных ситуациях и т. п. Получение информации в таком объеме и такого качества возможно при эффективном проведении допроса свидетелей на основе использования всех криминалистических рекомендаций.

Основные сложности в направлении интенсификации получения показаний от свидетелей всех возрастов связаны с преобладанием негативного отношения к характеру и объему сообщаемой свидетелями информации и особенно к завышено критичному оцениванию ее характера. Укоренившееся представление о том, что показания свидетелей могут

в большинстве случаев быть необъективными, следовательно, доверять им нет смысла, а инструменты проверки достоверности сообщенных сведений сами подвергаются серьезной критике, привело к минимизации роли и значения показаний свидетелей в установлении истины по уголовным делам. Позиция о невозможности применения судебно-психологической экспертизы для определения уровня достоверности свидетельских показаний – один из признаков сложности этого процесса¹. Не все однозначно и с возможностью проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа.

Вопросы этичности, возможности и допустимости использования в процессе раскрытия и расследования преступлений, наряду с традиционными, нетрадиционных методов получения и оценки доказательств всегда составляли неотъемлемую часть развития криминалистики. Дискуссионность отдельных методик, порождая бурную научную полемику, способствует разрешению спорных ситуаций, а зачастую служит стимулом к практической апробации и появлению научно обоснованных рекомендаций, позволяющих применять возможности нетрадиционных методов в процессе расследования. Результатом является повсеместное внедрение новых знаний в практическую деятельность. Со временем методы, вызывавшие неоднозначное отношение, становятся обыденностью. Однако в отношении оценки уровня достоверности свидетельских показаний процесс определения уровня доверия через критерий достоверности находится в перманентно неудовлетворительном состоянии.

Отдельно следует обратить внимание на проблему ложных воспоминаний, которая, в сущности, только появляется в поле исследования отечественных ученых [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Времена меняются, но особенности формирования модели правомерного поведения несо-

¹ О неправомочности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы : информационное письмо (утв. Научно-методическим советом ФБУ РФ-ЦСЭ при Минюсте России, протокол № 6 от 15.06.2016; ученым советом ФГБУ ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России, протокол № 7 от 20.06.2016) // Психология и право. 2016. Т. 6, № 3. С. 61–78.

вершеннолетних базируются на тех же ключевых основах, к которым Л.Л. Каневский относил необходимость всестороннего изучения обстоятельств, способствовавших формированию противоправных наклонностей у подростков, получение информации не только об условиях их жизни, но и учебы, взаимоотношениях, существовавших сложностях, а также построения

позитивных ориентиров, опирающихся на профессиональную деятельность следователя, в которой его личность играет определяющую роль. В совокупности данные возможности, реализуемые при допросах несовершеннолетних свидетелей, могут способствовать нивелированию негативного воздействия последствий совершенного преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнова И.Г. Аксиологическая детерминанта достоверности доказательств через призму судебной практики / И.Г. Смирнова // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (75). – С. 121–125.
2. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология : учебник / Ю.В. Чуфаровский. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2013. – С. 109–118.
3. Каневский Л.Л. Пути повышения эффективности расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский // Тактические операции и эффективность расследования. – Свердловск : СЮИ, 1986. – С. 109–118.
4. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике / Н.И. Порубов. – Минск : Вышэйшая школа, 1968. – 274 с.
5. Дубривный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений / В.А. Дубривный. – Саратов : Изд. Саратовского университета, 1987. – 94 с.
6. Махтаев М.Ш. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений (правонарушений) / М.Ш. Махтаев. – Москва : Юрайт, 2024. – 229 с.
7. Комаров И.В. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений / И.В. Комаров, Е.И. Ян // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2019. – № 2 (89). – С. 182–193.
8. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Макаренко. – Саратов, 2007. – 404 с.
9. Савчик К.В. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних / К.В. Савчик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 4. – С. 133–140.
10. Комиссарова Я.В. Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства / Я.В. Комиссарова // Российский судья. – 2023. – № 4. – С. 22–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Славгородская Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Slavgorodskaya Olga Alexandrovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 24.04.2024. The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 24.04.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.13

Original article

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: han010@yandex.ru

KHALIKOV Aslyam Nailevich
Ufa University of Science and Technology, Ufa,
Russia.

ФУНКЦИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

CRIME PREVENTION FUNCTION IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES
INVOLVING MINORS

Аннотация. Статья посвящена вопросам предупреждения преступлений несовершеннолетних как основному направлению при их уголовном преследовании. Приводится анализ действующего уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних (ст. 20 УК РФ). Оно имеет тенденцию к увеличению числа видов преступлений, за которые несут уголовную ответственность лица в возрасте 14–16 лет. Обосновывается необходимость предупредительной функции предварительного расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Доминирующим направлением уголовного судопроизводства должно быть прекращение первого уголовного дела в отношении несовершеннолетних в случае отсутствия материальных последствий преступления. Целью статьи является обоснование идеи о том, что первое совершенное несовершеннолетним преступление без материальных последствий может не свидетельствовать о тенденции к продолжению криминального поведения, в связи с чем в отношении подростка возможно решение об исключении в отношении него уголовной ответственности. При подготовке статьи использованы сравнительный и аналитический методы исследования теоретических и практических проблем преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Сделаны практические выводы, согласно которым при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних следователь, уделяя основное внимание обстоятельствам преступления и личности несовершеннолетнего, должен ставить себе задачу предупреждения таких преступлений, в том числе путем прекращения уголовного дела.

Ключевые слова: наказание, несовершеннолетний, предупреждение преступлений, прекращение дела, следователь, уголовное дело, уголовное преследование

Abstract. The article refers to the prevention of crimes committed by minors as the main focus when prosecuting them. The current criminal legislation on minors (Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation) is analyzed. It tends to increase the number of crimes for which persons aged 14–16 are criminally responsible. The need for the preventive function in the preliminary investigation of criminal cases involving minors is justified. The dominant aspect of criminal proceedings should be the discontinuation of the first criminal case against minors in the absence of material consequences of the crime. The article is aimed at substantiating the idea that the first crime committed by a minor without material consequences may not indicate a tendency to continue criminal behavior, therefore it is possible to exclude the adolescent from criminal liability. Comparative and analytical methods of research of theoretical and practical problems of crimes committed by minors are used in the preparation of the article. The practical conclusions are presented, according to which, when investigating criminal cases involving minors, the investigator, focusing on the circumstances of the crime and the minor's personality, should set himself the task of preventing such crimes, including by discontinuing criminal proceedings.

Keywords: punishment, minor, crime prevention, discontinuation of the case, investigator, criminal case, criminal prosecution

Для цитирования: Халиков А.Н. Функция предупреждения преступлений при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних / А.Н. Халиков. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 96–102.

For citation: Khalikov A.N. Crime prevention function in the investigation of criminal cases involving minors. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 96–102 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.13.

ВВЕДЕНИЕ

Преступление является крайним фактором человеческого поведения, когда лицо, способное жить в обществе, в определенный момент рвет все социальные связи и совершает поступок, определяемый как опасный для общества и государства. Общественные и государственные институты должны создавать благоприятные условия жизни человека, исключая или минимизирующие совершение им преступных актов. По этому поводу родоначальник уголовного права Чезаре Беккариа писал, что общая польза требует, чтобы преступления не совершались, в особенности чтобы не совершались преступления, наиболее вредные для общества. Поэтому препятствия, сдерживающие людей от преступлений, должны быть тем сильнее, чем важнее нарушаемое благо и чем сильнее побуждения к совершению преступлений. Следовательно, должна быть соразмерность между преступлением и наказанием [1, с. 113].

Приведенные мысли приобретают еще более важный смысл, когда мы рассматриваем преступность несовершеннолетних, где, с одной стороны, грань между преступлением и юношеским легкомыслием весьма тонка, а с другой стороны, необоснованное уголовное наказание может сделать из законопослушного подростка профессионального преступника, следовательно, фактор защиты от дальнейших преступных действий перейдет в основание источника новых преступлений. В этой связи задача предупреждения преступлений несовершеннолетних должна носить целенаправленный характер в отношении не только законопослушных молодых людей, но и лиц, которые уже попали в сферу уголовного преследования. И данную задачу по предупреждению преступлений несовершеннолетних выполняют в основном следователи и оперативные работники в процессе предварительного следствия с целью исключения дальнейшего рецидива преступлений со стороны несовер-

шеннолетних, в отношении которых производится расследование уголовного дела.

Тем самым речь идет о совершенствовании криминалистических методов и способов предупреждения преступлений несовершеннолетних с начала возбуждения уголовного дела, когда тактика и методика криминалистики позволяют следователям применять особые подходы к юным обвиняемым и подозреваемым с целью уберечь их от дальнейшей преступной жизни.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Современное состояние преступности несовершеннолетних в России имеет тенденцию к значительному сокращению, хотя и с некоторыми тревожными признаками. По данным МВД РФ, число преступлений, совершенных подростками, снизилось с 64,3 тыс. в 2012 г. до 27,3 тыс. в 2023 г. Если брать по количеству осужденных несовершеннолетних, то здесь показатели еще более обнадеживающие: в 2007 г. осудили 84 124 несовершеннолетних, а в 2023 г. – 14 214. Следует отметить, что снижению преступлений несовершеннолетних способствовали многие факторы: стабильное состояние общества и государства, рост культурного и образовательного уровня подростков, эффективная работа правоохранительных органов, а также принимаемые меры по предупреждению подростковой преступности. Конечно, сокращение преступлений несовершеннолетних идет вместе со снижением общего количества преступлений, которое составило в 2013 г. 2206,2 тыс., а в 2022 г. – 1966,8 тыс., при этом в 2023 г. преступлений стало меньше на 1 %, а число осужденных взрослых сократилось в 2,8 раз.

В то же время в 2023 г. доля групповых преступлений несовершеннолетних составила 41 %, а количество особо тяжких возросло на 31 %, что говорит о росте опасных тенденций в молодежной среде. В структуре престу-

плений несовершеннолетних первое место занимают кражи, затем грабежи, угоны, растет число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершаемых с применением электронных средств связи.

Вместе с тем объективная тенденция сокращения преступности несовершеннолетних идет вместе с противоположным процессом – значительным увеличением видов преступлений, за которые могут нести уголовную ответственность лица в возрасте 14–16 лет. Так, в ст. 20 УК РФ по состоянию на 1997 г. было предусмотрено 20 составов преступлений, в основном общеуголовного характера (убийства, изнасилования, телесные повреждения, хищения), а также наиболее опасные деяния, в основном с материальным составом: терроризм (ст. 205), захват заложника (ст. 206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207), вандализм (ст. 214), хищение либо вымогательство оружия и боеприпасов (ст. 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщений (ст. 267), за совершение которых к ответственности могли быть привлечены лица до 16 лет. Однако в 2016 г. после принятия Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ количество таких составов было увеличено до 32 за счет, с одной стороны, в основном деяний формального характера, с другой стороны, речь идет о преступлениях со сложным составом, которые несовершеннолетние далеко не всегда могут в полной мере осознавать, а следовательно, понимать значение своих действий: прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), участие в террористическом сообществе (ст. 205.4), участие в деятельности террористической организации (ст. 205.5), несообщение о преступлении (ст. 205.6), участие в незаконном вооруженном формировании (ст. 208), участие в массовых беспорядках (ст. 212), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360), акт международного терроризма (ст. 361).

Перечисленные составы в основном носят формальный характер либо, скажем так, не-

реальный, поскольку, например, невозможно представить мотивацию подростка, совершающего акт международного терроризма, хотя никто не сомневается, что он должен нести ответственность за убийство, за которое получит аналогичное наказание. Тем самым перечисленные преступления, не имея материальных последствий причинения вреда либо весьма расплывчатое понятие вины, во многом дублируют общеуголовные составы, которые были в УК РФ образца 1997 г., переводя их в некий политический ракурс. Заметим, что сегодня в данный список хотят внести также состав диверсии (ст. 281 УК РФ).

«Политизировав» преступность несовершеннолетних, государство может прийти к другой крайности, когда общеуголовные составы станут некими общественно значимыми деликтами, когда, согласно теории П.А. Сорокина, подвиг и преступление могут меняться местами [2]. Вместе с тем такая криминализация, существенно не влияя на меры наказания несовершеннолетних, может стать препятствием для предупреждения совершения ими преступлений путем ограничения применения мер воспитательного характера в процессе предварительного следствия.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Не вступая в дискуссию о том, насколько оправданно такое расширение числа видов преступлений политического или антигосударственного характера для привлечения к уголовной ответственности лиц в возрасте от 14 до 16 лет, думаем, необходимо более внимательно отнестись к проблеме предупреждения подростковой преступности, особенно за деяния, которые носят противогосударственный характер. В данном случае мы говорим о несформировавшемся сознании подавляющего большинства несовершеннолетних, влекущем не критичность суждений в молодом возрасте, отсутствии знаний, когда элементарно стали меньше читать, усталости из-за увлечения электронными средствами информации и т. п. Юношескому возрасту свойственны такие качества, как отсутствие

глубокого анализа, максимализм в суждениях, где оценки внешних событий исключительно полярны, повышенная агрессивность, определенная корысть, а также значительная внушаемость простых идей в форме необдуманного или даже инстинктивного подчинения лицам старшего возраста либо неким харизматичным авторитетам. Нельзя не отметить и определенную виктимность криминальных ситуаций, в которые попадают молодые люди [3].

Исходя из названных и иных похожих факторов психики несовершеннолетних, расследование уголовных дел в отношении них должно отличаться больше предупредительными и воспитательными функциями со стороны следственных работников, когда перечисленные и иные свойства психики подростков следует трансформировать в положительную сторону – в пользу общечеловеческих ценностей. Особенно это важно при расследовании уголовных дел по составам из второго списка преступлений, то есть внесенных в УК РФ после 2016 г., поскольку речь идет о деяниях весьма ситуативного или оценочного характера, которые, как правило, не имеют материальных последствий.

В первую очередь задача предупреждения преступлений исходит из требований закона. В частности, в ч. 2 ст. 73 УПК РФ указано, что подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. В п. 2 и 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ определяется, что необходимо устанавливать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности, а также влияние на несовершеннолетнего старших лиц. Нормы о наказании несовершеннолетних, согласно ст. 87–93 УК РФ, также указывают на возможность применения мер принудительного воспитательного воздействия. Наконец, ч. 2 ст. 158 УПК РФ обязывает следователя после установления в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельств, способствовавших совершению преступления, внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. В то же время вызывает сожаление, что Следственный комитет РФ, к послед-

ственности которого относятся многие деяния, субъектами которых могут быть несовершеннолетние, не включен в число ответственных учреждений, осуществляющих функции предупреждения согласно Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Данный недостаток определенным образом может влиять на права и обязанности следственных работников по предупреждению преступлений несовершеннолетних в процессе расследования уголовных дел.

Как видим, и уголовный, и уголовно-процессуальный закон, иные нормы действующего законодательства на первое место ставят задачу предупреждения преступности несовершеннолетних как доминирующее направление в аспекте общей уголовной политики, когда речь идет о молодом поколении.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АСПЕКТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Криминалистическая функция предупреждения преступлений несовершеннолетних в процессе расследования уголовных дел исходит, на наш взгляд, из двух составляющих. Во-первых, это предупреждение других преступлений самим подростком, в отношении которого ведется уголовное преследование. Во-вторых, предупреждение совершения преступлений другими несовершеннолетними, которые могут входить в сферу расследования уголовного дела. Два этих направления пересекаются, усиливая свое значение путем совместного их объединения. В данном случае нельзя не сказать о соотношении понятия предупреждения преступлений с функцией воспитания несовершеннолетнего, когда процесс становления личности еще не завершился. Более того, любое расследование уголовного дела в отношении несовершеннолетних должно иметь не просто воспитательную функцию, но и быть самим воспитанием подростка, взгляды и внутренний мир которого еще до конца не сформированы и требуют определенной внутренней работы. Именно непосредственное расследование преступления, когда решаются наиболее острые вопро-

сы морали и права, ценностей жизни и начала становления или деградации личности, являются в определенной мере основой понимания подростком правоты или неправоты своих поступков. Л.Л. Каневский по этому поводу писал, что «побудить несовершеннолетнего к осознанию противоправности и пагубности антиобщественного поведения, к глубокому раскаянию, показать возможность и перспективы его исправления и возвращения в число сознательных и активных молодых людей – задача, которую следователь обязан решить не только в силу служебных полномочий, но и во исполнение своего морального долга» [4, с. 251]. Вызывает сожаление, что некоторые ученые ставят под сомнение криминалистическую функцию предупреждения преступлений, в том числе негативно отзываясь и о расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление [5, с. 55–56].

Психологическая наука также выступает за предупредительные методы при выборе наказания преступников с учетом многих ошибок непосредственно самого расследования уголовного дела. Человек, подросток, оказавшийся в сфере государственного принуждения, ждет от правосудия как справедливости самого закона, так и справедливости оценки противоправного поступка, проявляющейся в справедливом наказании [6, с. 547–548]. Как пишут специалисты по психологии личности, системный анализ становящейся личности (просоциальной, асоциальной, антисоциальной) должен опираться на представление о том, что системообразующим фактором психики является ее ведущая функция – регуляция целесообразного поведения, направленного на удовлетворение нужд субъекта в изменчивой противодействующей среде [7, с. 485]. Исходя из этого, предварительное следствие в отношении несовершеннолетнего должно проводиться с учетом психики подростка, с одной стороны, не готового к длительным срокам лишения свободы, а с другой стороны, желающего исправиться самостоятельно, без государственной системы наказаний.

Когда мы говорим о предупреждении подростковой преступности, то первая воспитательная мера исходит из категории прощения за совершение первого деяния. То есть речь

идет об обоснованном и законном прекращении уголовного дела, когда его расследование и проводимые в этой связи процессуальные действия будут неким предупреждением несовершеннолетнему с перспективой полного его исправления и исключения в дальнейшем правонарушений уголовного характера. О необходимости воспитательных функций следователя пишет И.А. Макаренко, объединяя методы, позволяющие использовать полученную в процессе расследования уголовного дела информацию о личности несовершеннолетнего обвиняемого как для достижения истины по делу, так и одновременно для реализации воспитательно-профилактических мероприятий, к которым относятся беседа, рефлексивное управление, моделирование и др. [8, с. 44]. В данном случае следователь должен обратить внимание на то, что многие вновь введенные составы преступлений в отношении несовершеннолетних не исключают прекращения уголовного дела в случае положительного поведения виновного лица в процессе расследования. К таким составам относятся прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ). Примечания к названным статьям допускают прекращение по ним уголовного преследования в случае активного способствования расследованию и иных фактов позитивного отношения подростка к раскрытию и расследованию преступления. В данном случае в действиях следователя, руководителя следственного органа, надзирающего прокурора должно доминировать ненаправление уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в суд для привлечения его к уголовному наказанию, а рассмотрение возможности законного прекращения уголовного преследования. Следователь должен найти способы задействовать примечания к названным статьям, пойти на определенные разъяснения или договорные отношения с несовершеннолетним по активному раскаянию последнего, которые в конеч-

ном итоге ограничат, а фактически прекратят преступную деятельность подростка.

Дело в том, что многие перечисленные составы преступлений для подростка могут иметь некую игру, романтику, когда он не способен оценить материальные последствия своих поступков, которых, кстати, по делу, как правило, не имеется. Как писал Е.П. Ильин, исследовавший возрастную мотивацию поступков, подросткам 14–16 лет присущи два вида криминальной мотивации: корыстная – 50 % и насильственно-эгоистическая – 40 %. Промежуточная форма (корыстно-насильственная) чаще всего совершается при доминировании мотивации самоутверждения [9, с. 248]. Тем самым в данном случае проводимые исследования в области психологии также не отмечают политических или иных социальных мотивов совершения преступлений, что, несомненно, влияет на субъективную сторону деяний. В этом отношении категоричный запрет на прекращение уголовных дел в отношении несовершеннолетних, предусмотренный ч. 5 ст. 92 УК РФ, где перечислены и составы, входящие в ст. 20 УК РФ, вызывает определенные сомнения именно потому, что речь идет о первой встрече с уголовным законом и фактически о детском возрасте, когда ошибки можно

прощать, если нет материальных последствий в виде причинения вреда в результате преступления либо они незначительны. В данном случае не исключена административная преюдиция, которая весьма популярна в сегодняшней правовой реальности, и это, на наш взгляд, заслуживает обоснованной поддержки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на то, что речь идет о совершенных преступлениях и процессе расследования уголовного дела, привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности требует особого подхода, когда должна преобладать функция предупреждения и воспитания. На данную функцию следует ориентировать как законодателей, так и правоохранительные и следственные органы, занимающиеся выявлением, расследованием и предупреждением преступлений несовершеннолетних. Более того, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве следует предусмотреть более четкие механизмы освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности или уголовных наказаний в случае первого правонарушения и отсутствия материальных последствий деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккариа Ч.О преступлении и наказании / Ч. Беккариа // О свободе: антология западноевропейской классической либеральной мысли. – Москва, 1995. – С. 109–171.
2. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда / П.А. Сорокин. – Москва, 2006. – 624 с.
3. Лонщакова А.Р. Виктимология в формировании теории криминалистического обеспечения предупреждения преступлений / А.Р. Лонщакова // Закон и право. – 2024. – № 3. – С. 255–261.
4. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1991. – 288 с.
5. Зайнуллин Р.И. Криминалистическая профилактика – миф или реальность? // Криминалистика. – 2023. – № 4 (45). – С. 53–58.
6. Аронсон Э. Большая психологическая энциклопедия. Почему человек ведет себя так, а не иначе. Психологические законы человеческого поведения / Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт. – Санкт-Петербург, 2008. – 558 с.
7. Психология личности : учебное пособие. / под ред. проф. П.Н. Ермакова, проф. В.А. Лабунской. – Москва, 2007. – 653 с.

REFERENCES

1. Beccaria Ch. On crime and punishment. *On freedom: an anthology of Western European classical liberal thought*. Moscow, 1995, pp. 109–171. (In Russian).
2. Sorokin P.A. Crime and punishment, feat and reward. Moscow, 2006. 624 p.
3. Lonshchakova A.R. Victimology in the formation of the theory of criminalistic provision of crime prevention. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2024, no. 3, pp. 255–261. (In Russian).
4. Kanevsky L.L. Criminalistic problems of investigation and prevention of juvenile crimes. Krasnoyarsk University Publ., 1991. 288 p.
5. Zainullin R. I. Forensic prevention – a myth or reality? *Kriminalist" = Criminalist*, 2023, no. 4 (45), pp. 53–58. (In Russian).
6. Aronson E., Wilson T., Eikert R. Great psychological encyclopedia. Why does a person behave this way and not otherwise? *Psychological laws of human behavior*. Saint Petersburg, 2008. 558 p.
7. Ermakov P.N., Labunskaya V.A. (eds.). Personality psychology. Moscow, 2007. 653 p.
8. Makarenko I.A. Goals and methods of investigation of the information about personality of the underage accused. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2014, no. 2 (36), pp. 38–41. (In Russian).

8. Макаренко И.А. Цели и методы исследования информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2 (36). – С. 38–41.

9. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург, 2002. – 512 с.

9. Ilyin E.P. Motivation and motives. Saint Petersburg, 2002. 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 09.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 19.04.2024.
The article was submitted 09.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 19.04.2024.

Научная статья
УДК 343.121.5
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.14

Original article

ЧЕБУРЁНКОВ Александр Анатольевич
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия,
e-mail: cheburenkovaa@yandex.ru

CHEBURENKOV Alexandr Anatolievich
Ogarev National Research Mordovia State
University, Saransk, Russia.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ВЗРОСЛЫХ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ЦЕЛЬЮ ВОВЛЕЧЕНИЯ ИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

CRIMINALISTIC PROBLEMS OF DETERMINING THE NEGATIVE INFLUENCE OF ADULTS
ON MINORS WITH A VIEW TO INVOLVING THEM IN THE COMMISSION OF CRIMES

Аннотация. Осуществляемое в различных формах негативное влияние взрослых лиц на несовершеннолетних с целью вовлечения их в совершение преступлений образует самостоятельный состав уголовно наказуемого деяния (ст. 150 УК РФ), а также включается в число основных факторов, вызывающих противоправную активность несовершеннолетних. Механизм такого влияния достаточно сложен и специфичен, его характер и особенности должны быть установлены при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ. Цель: обоснование особых подходов, разработка специальных криминалистических рекомендаций по установлению юридически значимых обстоятельств, связанных с негативным влиянием взрослых лиц на несовершеннолетних, по делам о вовлечении подростков в совершение преступлений. Методы: диалектический, логические, психологические, системно-деятельностный и структурно-функциональный. Результаты: предложены конкретные криминалистические средства и методы, обеспечивающие достоверное и полное установление обстоятельств негативного влияния взрослых лиц на несовершеннолетних, на основе учета характерных свойств личности взрослого вовлекающего, специфики его взаимоотношений с подростком, способов и последствий оказания воздействия на несовершеннолетнего.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, негативное влияние взрослого, несовершеннолетний, подросток, взрослый, вовлекающий, установление обстоятельств вовлечения

Для цитирования: Чебурёнков А.А. Криминалистические проблемы установления негативного влияния взрослых на несовершеннолетних с целью вовлечения их в совершение преступлений / А.А. Чебурёнков. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 103–114.

Abstract. The negative influence exerted by adults on minors in various forms with a view to involving them in the commission of crimes forms an independent corpus delicti (Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation) and is also included among the main factors causing the unlawful activity of minors. The mechanism of such influence is quite complex and specific, its nature and features should be determined in the investigation of crimes under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. Purpose: to justify special approaches and develop special criminalistic recommendations for determining legally significant circumstances related to the negative influence of adults on minors in cases of their involvement in the commission of crimes. Methods: dialectical, logical, psychological, system-activity and structural-functional. Results: the article proposes concrete criminalistic means and methods providing reliable and complete establishment of circumstances of negative influence of adults on minors based on taking into account characteristic properties of the personality of the adult involvee, specificity of his relationship with the adolescent, ways and consequences of influence on the minor.

Keywords: involving minors in committing crimes, adult's negative influence, minor, adolescent, adult, involvee, establishment of circumstances of involvement

For citation: Cheburenkov A.A. Criminalistic problems of determining the negative influence of adults on minors with a view to involving them in the commission of crimes. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 103–114 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.14.

ВВЕДЕНИЕ

Преступность несовершеннолетних – одна из форм антиобщественных явлений, с которой человечество борется на всем протяжении своей истории. Важность такой борьбы обуславливается отчетливым пониманием того, что несовершеннолетние – это будущее любой страны.

Успешному решению задачи воспитания каждого нового человека служит правильное функционирование и гармоничное взаимодействие всех элементов единой воспитательной системы нашего государства и общества. Любые пробелы в одном или нескольких звеньях системы воспитания могут стать серьезными условиями неблагоприятного формирования личности; их рано или поздно используют антиобщественные элементы [1, с. 48].

Криминологи, изучающие проблемы детерминации преступности несовершеннолетних, обоснованно отмечают отрицательное влияние взрослых в качестве одного из основных факторов, способствующих формированию личности несовершеннолетнего правонарушителя [2, с. 898–899; 3, с. 48]. В случаях, когда такими лицами оказываются родители и иные родственники подростка, несовершеннолетние могут испытывать постоянное отрицательное влияние, и в связи с родственными отношениями такие факты труднее устанавливаются. Особую опасность представляет разлагающее влияние на несовершеннолетних, оказываемое со стороны ранее судимых лиц и членов криминальных структур, которые способствуют привыканию подростков к противоправному поведению как образу жизни, усвоению ими криминальной субкультуры, подготовке из их числа пополнения для профессиональной преступности.

Законодатель учитывает возможность негативного влияния взрослых на несовершеннолетних как криминогенный фактор и указывает на необходимость его установления при производстве по уголовным делам о преступлениях с участием несовершеннолетних (п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

В результате негативного влияния взрослых на детей и подростков причиняется значительный вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, несовершеннолетние

незаметно для себя или осознанно вступают на преступный путь. Здесь опасность представляет не только совершение несовершеннолетним определенного преступления как сиюминутный результат состоявшегося вовлечения, но и происходящие изменения правосознания и мировоззрения конкретного подростка, деформация его ценностных установок и жизненных ориентаций, формирование у подростка привычек и навыков противоправного поведения.

Если вследствие оказанного на подростка негативного влияния он совершает преступление, то государство, обеспечивая правовую защиту его интересов, применяет в отношении взрослых лиц, реализовавших подобное воздействие, предусмотренные законом меры ответственности. В число уголовно-правовых средств борьбы с опасными формами влияния на несовершеннолетних входит ст. 150 УК РФ, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ВЗРОСЛЫХ ЛИЦ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ЦЕЛЬЮ ВОВЛЕЧЕНИЯ ИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления понимаются различные действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания, стремления участвовать в совершении преступления, а также способствующие приобщению и подготовке его к противоправному поведению.

Чаще всего в процессе воздействия на несовершеннолетних с целью вовлечения их в совершение преступлений взрослыми лицами используются подкуп, обещание «сильного» покровительства, оказание других услуг, обман путем использования неведения и доверчивости подростка, убеждение, дача советов, спаивание подростков спиртными напитками, запугивание, физическое принуждение и др. Использование каждого способа носит ситуационный характер и обусловлено конкретными личностными свойствами взрослого и подростка, различными факторами и обстоятельствами.

Наибольшую степень общественной опасности имеет вовлечение несовершеннолетних в деятельность преступных групп, состоящих из подростков, или так называемых смешанных групп, в которых наряду с подростками состоят, а зачастую и руководят ими взрослые преступники.

Проведенные исследования механизма вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений выявили определенные закономерности в действиях взрослых лиц – вовлекателей, имеющие криминалистическое значение.

Отмечаемые в литературе особенности психологической характеристики несовершеннолетних (недостаток жизненного опыта, неустойчивость волевых качеств, невысокий уровень критичности мышления, повышенная эмоциональность, чрезмерная зависимость поведения от оценок и мнений окружающих, незавершенность формирования привычки сдерживаться, отсутствие навыков всесторонне оценивать ситуацию и др.) обуславливают их податливость к негативным воздействиям, которая умело используется взрослыми с целью вовлечения подростков в совершение преступлений.

Ключевыми свойствами личности несовершеннолетних, активно используемыми в механизме их вовлечения в совершение преступлений, можно признать повышенную восприимчивость к внушению и склонность к подражанию. С раннего детства ребенок, соприкасаясь с предметами, окружающими людьми и подражая им, воспринимает определенный социальный опыт, социализируется. Каждый подросток стремится к самоутверждению, желает стать самостоятельным и успешным. Именно подражание помогает ему достигать этой цели, способствуя выработке сложного социального поведения [4, с. 126].

Вместе с тем в силу отсутствия необходимой социальной практики в выборе объекта подражания, недостатка критичности мышления подростка нередко «захватывает» внешняя сторона поведения людей, непосредственно воспринимаемые свойства личности. Действительная сущность, внутреннее наполнение поступков людей, их подлинные цели и мотивы не всегда четко осознаются несовершеннолетними. Поэтому подростки в определенных условиях (специально создаваемых или случайно сложившихся) начинают подражать социально отрицательным образцам поведения (которые,

к тому же, могут оказаться более яркими, привлекательными), слепо копировать подходы и отношения взрослых лиц, имеющих антиобщественные установки. При этом в силу неустойчивости нравственных позиций и убеждений подросток может искренне считать свои действия, не соответствующие правовым и нравственным требованиям, вполне допустимыми, оправдывая тем самым не только себя, но и взрослого, внушающего или поощряющего подобные представления.

Во многих случаях взрослый вовлекатель, как в известной мере знаток психологии подростков, понимает, каким образом усилить симпатии и доверие конкретного вовлекаемого, умело использует его привязанности, увлечения, привычки, слабости, возбуждает нездоровые желания, потребности, интересы и т. д. Могут предприниматься попытки включить подростка в трудную жизненную ситуацию, в которой он будет вынужден совершить преступление. Нельзя исключать случаи провоцирования подростка, когда он совершает противоправные действия даже не потому, что желает их совершить, а чтобы не оказаться трусом, предателем в кругу сверстников. В случаях неэффективности перечисленных способов вовлекатель нередко прибегает к угрозам или прямому насилию.

Негативное влияние взрослых правонарушителей не только способствует совершению преступлений подростками, но и нередко придает их противоправным действиям более организованный и дерзкий характер. Под руководством взрослых подростки способны более тщательно подготовить конкретное преступление, умело скрыть следы его совершения, решиться на совершение серии преступлений и т. п. В данных вопросах наиболее квалифицированную «помощь» способны оказать лица, ранее судимые, а также рецидивисты, обладающие богатым криминальным опытом и передающие его несовершеннолетним. Такие вовлекатели представляют особую опасность.

В совершение преступлений чаще всего вовлекаются те несовершеннолетние, за которыми отсутствуют или ослаблены контроль и надзор. Невыполнение семьей, образовательными учреждениями воспитательных функций в отношении детей, отсутствие контроля за фактическим поведением подростков при-

водят к тому, что безнадзорные несовершеннолетние попадают под отрицательное влияние взрослых и используются для достижения криминальных целей.

Наряду с этим фиксируется тенденция интенсивного вовлечения в преступную деятельность подростков из относительно благополучных в социальном смысле и обеспеченных семей, отмечается высокая степень готовности таких несовершеннолетних к совершению различных преступлений. В данном случае факторами, способствующими вовлечению, выступают привлекательность высоких жизненных стандартов, неограниченность финансовых возможностей родителей, доступность многих форм проведения досуга, граничащих с нарушением установленных правил поведения, уверенность в безнаказанности ввиду высокого статуса родителей и др.

Установлено, что значительная часть несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений, отличалась предшествующим довольно устойчивым антиобщественным поведением. Такие подростки, как правило, легче поддаются негативному влиянию со стороны взрослых, и, кроме того, именно о них взрослые вовлекатели стремятся получить необходимую информацию и установить личный контакт. Здесь первоисточником вредных влияний не всегда является взрослый.

Вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений может предшествовать склонение их сначала к совершению антиобщественных действий (распитие спиртных напитков, употребление наркотических и одурманивающих веществ, занятие попрошайничеством, проституцией и т. д.). В этом случае можно утверждать, что имеет место своеобразная «подготовка» несовершеннолетнего к преступной деятельности, что придает действиям, предпринимаемым вовлекателем, более целенаправленный и системный характер, одновременно затрудняя их разоблачение.

При изучении механизма вовлечения несовершеннолетних в криминогенные группы с целью совершения преступлений следует учитывать влияние, которое способна оказать такая группа. Совместное времяпрепровождение и общение подростка с чле-

нами группы, подчинение установленным в группе правилам, жесткий контроль со стороны лидера способствуют более быстрой внутренней переориентации личности несовершеннолетнего, существенно облегчают и ускоряют процесс негативного влияния на конкретного подростка.

Негативное воздействие взрослых лиц на несовершеннолетних может преследовать следующие цели:

1) превратить несовершеннолетнего в соучастника по одному или нескольким конкретным задуманным взрослым преступлениям;

2) использовать помощь несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, в конкретном эпизоде совершения задуманного взрослым преступления;

3) подтолкнуть несовершеннолетнего к совершению самостоятельных преступных действий с целью извлечения той или иной выгоды для себя;

4) организовать преступную группу из несовершеннолетних и руководить их противоправной деятельностью или ввести несовершеннолетних в качестве новых членов в уже созданную преступную группу с участием взрослых;

5) вовлечь несовершеннолетнего в совместное антиобщественное поведение с целью использовать его в последующем для совершения преступления.

В большинстве случаев вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений – длительный процесс, занимающий определенный период времени. Могут быть выделены отдельные его этапы: знакомство взрослого с несовершеннолетним; налаживание и укрепление отношений между ними; целенаправленное психологическое воздействие на несовершеннолетнего; втягивание подростка в совершение незначительных антиобщественных действий; подготовка подростка к совершению конкретного преступления; непосредственное совершение с участием несовершеннолетнего преступления или совершение несовершеннолетним преступления самостоятельно; вовлечение несовершеннолетнего в другие преступления, организованную преступную деятельность и т. д. Каждому этапу свойственны свои особенности, проявляющиеся вовне признаки и типичные последствия поведения его участников.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДОКАЗЫВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ
ВЗРОСЛЫХ ЛИЦ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ О ВОВЛЕЧЕНИИ
ИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Выяснение роли взрослого в инициировании, подготовке и совершении преступлений несовершеннолетних должно стать обязательным условием полного и всестороннего расследования и судебного рассмотрения каждого уголовного дела о преступлениях указанного вида. Это обстоятельство не только имеет самостоятельное уголовно-правовое значение, но должно учитываться в профилактической деятельности следователя как причина совершения несовершеннолетним конкретного преступления. Неустановление данного обстоятельства в следственно-судебной практике рассматривается как существенный недостаток, не позволяющий правильно разрешить конкретное дело.

При изучении фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений в рамках анализа обстоятельств, указывающих на наличие признаков состава данного преступления, должны быть установлены: личность и действительная роль взрослого, совершенные им конкретные действия по вовлечению, последствия его противоправного поведения.

На практике следователи, изучая факт совершения какого-либо преступления, совершенного несовершеннолетним, либо совместного совершения преступления взрослым и несовершеннолетним, не всегда выясняют наличие или отсутствие отрицательного влияния взрослых лиц на поведение несовершеннолетнего, совершившего преступление. Это ведет к тому, что не появляются достаточные основания для возбуждения уголовного дела по ст. 150 УК РФ [5, с. 29–30], в итоге взрослые преступники не выявляются и не привлекаются к уголовной ответственности. Впоследствии они могут вовлекать в преступную деятельность новых подростков, подготавливать и совершать с вовлекаемыми более тяжкие преступления.

Наряду с этим определенное распространение получил и другой вид ошибок, когда устанавливается факт совместных действий подростка и взрослого, а вовлекательская

роль последнего презюмируется (объективное вменение) [6, с. 51]. При этом конкретные действия взрослого лица, характер и степень его влияния на несовершеннолетнего, как правило, глубоко не выясняются, что снижает профилактические возможности следственных и судебных органов.

Нередко уголовные дела возбуждаются и расследуются не по ст. 150 УК РФ, а по другим эпизодам преступной деятельности взрослых лиц, используемых в качестве «подстраховочных» составов преступлений, а уже потом, при предъявлении взрослому вовлекателю окончательного обвинения, следователи вменяют ему в вину также и содеянное по ст. 150 УК РФ [5, с. 27].

В этой связи необходимо особое внимание уделять установлению факта негативного влияния взрослого лица на конкретного несовершеннолетнего. Такое влияние может иметь различный характер, осуществляться разными способами, но в итоге направлено на то, чтобы подросток встал на преступный путь. В криминалистическом плане, однако, существенное значение приобретает степень конкретизации оказываемого на подростка влияния, поскольку она обуславливает возможность и способы выявления и фиксации наступивших (возможных) последствий противоправного поведения взрослого вовлекателя.

Соответствующее влияние может выражаться в общей психологической обработке подростка в направлении приобщения его к противоправному образу жизни, формировании у него антисоциальных установок. Вовлекатель при этом использует как физические, так и интеллектуальные (информационные) способы воздействия на несовершеннолетнего и не всегда прямо предлагает подростку совершить преступление. В данной ситуации отсутствуют непосредственно воспринимаемые, материально фиксируемые последствия воздействия на подростка, поскольку они связаны с изменениями личностного, субъективного характера и прямо не влекут совершение подростком преступления. Доказывание имевшего место негативного влияния на подростка, реальности причиненного его развитию вреда здесь связано с известными трудностями.

Наряду с этим у несовершеннолетнего под влиянием взрослого вовлекателя может

быть сформирован самостоятельный умысел на совершение преступления либо подросток привлекается к совершению задуманного взрослым преступлением. В этой ситуации следователь имеет дело с реальными преступными действиями взрослого и несовершеннолетнего участников, характеризующимися временными, пространственными и иными признаками, оставляющими изменения в окружающей материальной среде, которые можно зафиксировать, изъять и т. п.

Для признания установленным факта негативного влияния взрослого на несовершеннолетнего не имеет значения отрицательная характеристика личности подростка, его предшествовавшее антиобщественное поведение и т. п. В то же время соответствующие данные о несовершеннолетнем должны быть изучены в аспекте признания их криминогенным фактором, обусловившим в итоге успешное вовлечение подростка в совершение преступления.

Обстоятельства негативного влияния взрослого лица на конкретного несовершеннолетнего могут быть установлены различными способами, с использованием разных видов источников доказательственной информации. К числу таких источников относятся: показания несовершеннолетнего, показания взрослого вовлекающего, показания других соучастников преступления, показания свидетелей из числа ближайшего окружения подростка и взрослого лица, результаты осмотра места происшествия и обыска, документы, материалы медицинского освидетельствования несовершеннолетнего (если имеются основания предполагать, что его вовлечение в совершение преступления осуществлялось посредством физического насилия).

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ЛИЦ, РАСПОЛАГАЮЩИХ СВЕДЕНИЯМИ О КРИМИНОГЕННЫХ ФАКТАХ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ВЗРОСЛЫХ ЛИЦ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Основным источником доказательственной информации по делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений обычно являются показания самого несовершеннолетнего. Особое значение данных показаний обусловлено тем, что в них содержатся

важные сведения о том, где, когда и каким образом происходил процесс вовлечения. Ценность такого рода сведений, получаемых от несовершеннолетнего, повышается в связи с тем, что взрослые лица часто скрывают свою причастность к вовлечению и дают ложные показания, чтобы избежать уголовной ответственности.

По делу о преступлении, предусмотренном ст. 150 УК РФ, допрос несовершеннолетнего во многих случаях выступает незаменимым следственным действием. Планируя его производство, следователь должен учитывать процессуальный статус допрашиваемого, который не всегда может быть однозначно определен.

Очевидно, что в ситуации, когда вовлекаемый в совершение преступления является малолетним (не достигшим возраста 14 лет), он должен всегда признаваться потерпевшим от противоправных действий взрослого. Такие лица не способны правильно оценивать суть и значение своих поступков, которые они совершают под воздействием взрослого лица.

Если же вовлеченный в преступление подросток достиг 14-летнего возраста, то не может быть исключена возможность признания его обвиняемым. При решении данного вопроса предлагается учитывать специальные критерии: степень сформированности способностей противостоять отрицательному влиянию взрослых [6, с. 54–55], уровень и направленность развития несовершеннолетнего на момент вовлечения его в преступление (Ю.В. Пудовочкин). Первый критерий требует учитывать, насколько подросток, достигший определенного уровня физического и психического развития, мог противостоять влиянию взрослого вовлекающего и противостоял ли этому влиянию в действительности. Соответственно, в общем, по основным личностным характеристикам, подросток предполагается вполне способным противостоять отрицательному влиянию взрослых. Второй критерий исходит из признания подростка потерпевшим на основании причинения ему вреда или возможности причинения такого вреда. «Если развитие и воспитание несовершеннолетнего имели социально одобряемую направленность, то вовлечение его в преступление, несомненно, причиняет вред его развитию и служит основанием для признания несовершеннолетнего вовлекаемого потер-

певшим; в противном случае оснований для такого признания нет» [7, с. 109]. При этом совершение несовершеннолетним преступления вследствие негативного влияния взрослого вовлекающего предлагается рассматривать как смягчающее наказание обстоятельство (в соответствии с ч. 1 ст. 89 УК РФ влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц должно быть учтено при назначении наказания несовершеннолетнему).

На практике допрос несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления, обычно считается неотложным следственным действием, его рекомендуется проводить в самом начале расследования. Помимо информационно-доказательственного значения, такой допрос может разрешить внутренний эмоционально-нравственный конфликт подростка, который, в случае его разоблачения, как правило, эмоционально возбужден, его может тревожить боязнь огласки содеянного, страх перед родителями, опасение наказания. Кроме того, если такой допрос отложить, то взрослые вовлекающие и иные заинтересованные лица могут повлиять на подростка, уговорить его взять всю вину на себя, не выдавать вовлекающего и соучастников и т. п.

Выяснению данных о личности вовлекающего и обстоятельств вовлечения в ходе допроса несовершеннолетнего должно быть уделено самое пристальное внимание. У подростка необходимо выяснить: кто из взрослых уговорил, предложил, вынудил его совершить конкретное преступление; при каких обстоятельствах произошло знакомство с этим лицом; кто был инициатором знакомства; каков был характер отношений, сложившихся у подростка с вовлекающим; в течение какого периода времени поддерживались эти отношения; чем подросток и взрослый занимались при встречах, о чем говорили; знал ли взрослый возраст подростка, из каких источников; почему подросток поддерживал отношения с вовлекающим, не предпринимались ли попытки прекратить их; как подросток характеризует взрослого вовлекающего; скрывалось ли знакомство с этим лицом, если да, то по какой причине; кто знал об отношениях подростка с взрослым вовлекающим и т. д.

Нередко несовершеннолетние отрицают факт вовлечения их в совершение преступле-

ний или заявляют, что вовлекающий им незнаком. В этой ситуации требуется выяснить причины дачи подростком таких показаний (это может быть страх, ложное чувство товарищества, родственные связи и др.) и, по возможности, попытаться их устранить. Так, если подросток опасается мести со стороны взрослого вовлекающего, целесообразно ему разъяснить, что названное им лицо не представляет опасности, поскольку при выявлении оно будет привлечено к ответственности. В случае ареста взрослого вовлекающего можно сообщить об этом несовершеннолетнему перед началом допроса.

В случаях, когда подросток, рассказывая о факте вовлечения, не называет взрослого вовлекающего, потому что не знает его фамилии или иных данных, по которым можно установить виновного, рекомендуется получить от допрашиваемого как можно более подробные сведения о внешности предполагаемого вовлекающего, круге знакомых подростка, его родственниках, которые могут указать на вовлекающего, и др.

Для преодоления нежелания подростка выдать взрослого вовлекающего или раскрыть его действительную роль в преступлении могут быть использованы такие тактические приемы, как демонстрация следователем своей осведомленности об обстоятельствах вовлечения и личности вовлекающего, использование положительных качеств несовершеннолетнего, разъяснение ему в доступной форме значения чистосердечного признания и др.

Несовершеннолетнему надо раскрыть истинное лицо взрослого вовлекающего, действия которого не имеют ничего общего с товариществом, дружбой, а преследуют эгоистические, корыстные или иные противоправные цели. Особо стоит указать на противоправный или безнравственный характер совместных действий подростка и взрослого.

Если в ходе допроса при свободном рассказе подросток обходит роль взрослого в совершенном преступлении, рекомендуется постановка перед ним детализирующих вопросов, направленных на выявление всех обстоятельств вовлечения, включая периоды знакомства с вовлекающим, совместные действия и т. д.

В ситуации, когда подросток продолжает скрывать подлинную роль взрослого, реко-

мендуется использовать приемы, связанные с предъявлением доказательств, избобличающих взрослого вовлекателя. Однако при этом, учитывая, что подросток не всегда может уяснить весомость конкретных фактических сведений и их доказательственное значение, необходимо разъяснить соответствующие моменты несовершеннолетнему.

Важные сведения, касающиеся обстоятельств вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, могут сообщить свидетели, которыми могут быть: очевидцы конкретных действий по вовлечению; лица, осведомленные о личности, условиях жизни и воспитания подростка (родители, родственники, соседи, педагоги, воспитатели, друзья и др.); лица, осведомленные о личности взрослого, формировании у него умысла и мотива на вовлечение; лица, могущие сообщить информацию об условиях, способствовавших вовлечению (сотрудники органов опеки, инспекций по делам несовершеннолетних и защите их прав, жилищно-коммунальных служб, учебных заведений и т. д.). Круг лиц, которых необходимо допросить в качестве свидетелей, устанавливается в ходе допроса несовершеннолетнего, путем изучения характеризующих его документов и в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В процессе допроса свидетелей должна быть поставлена задача выяснить, с кем из взрослых общался несовершеннолетний, каковы известные обстоятельства их знакомства, характер и продолжительность их отношений, чем занимаются взрослые, с которыми общается подросток, где и с какой целью они бывают вместе и т. п.

В ситуации отсутствия сведений о личности взрослого вовлекателя у свидетелей следует выяснить, какие лица, по их мнению, могли отрицательно воздействовать на подростка и склонить его к вхождению в преступную группу, совершению преступления и т. п.

С целью наиболее полного изучения механизма негативного влияния на несовершеннолетнего у свидетелей необходимо выяснить данные, характеризующие личность конкретного подростка, условия его жизни и воспитания, круг его интересов, особенности поведения в различных ситуациях и др.

В литературе указывается на специфическую черту допросов свидетелей по уголовным делам о преступлениях против несовершеннолетних, в качестве которых выступают родители, родственники, близкие детей и подростков, заключающуюся в необходимости учета имеющихся родственных, семейных и иных такого рода связей взрослого допрашиваемого с конкретным несовершеннолетним. Это обстоятельство непосредственно влияет на правдивость показаний допрашиваемых лиц из указанной категории свидетелей. Нередко они умалчивают об отдельных имеющих значение для дела сведениях. Иногда они пытаются скрыть или приукрасить собственную неблагоприятную роль в содеянном. Возможен сговор с родителями подростка или иными участниками преступления с целью скрыть, исказить истинные обстоятельства совершенного [8, с. 215]. Основываясь на данной особенности, следователю необходимо своевременно выявлять у конкретного свидетеля имеющуюся заинтересованность и с помощью определенных тактических приемов избобличать таких лиц в сообщении ложных сведений по делу.

Производство следственных действий, связанных с собиранием вещественных доказательств о криминогенных фактах негативного влияния взрослого лица на несовершеннолетнего

Помимо показаний несовершеннолетних потерпевших, обвиняемых и свидетелей в доказывании обстоятельств дела, по которому установлено или предполагается участие несовершеннолетних, существенную роль играют материальные источники информации, например обстановка места происшествия. Так, при осмотре места, где было совершено преступление, могут быть обнаружены определенные обстоятельства, указывающие на наличие взрослого подстрекателя, организатора или соисполнителя:

- 1) обнаружение преступления, совершенного ухищренным способом (с применением различных воровских приспособлений);
- 2) отсутствие на месте происшествия видимого беспорядка и в то же время отбор пре-

ступниками определенных ценных или иных вещей, не находящихся на виду или спрятанных в определенном месте (это свидетельствует об осведомленности преступника о месте их нахождения, что не характерно для подростков);

3) отбор преступником определенных вещей при нетронутости тех, которые чаще всего интересуют несовершеннолетних (например, из магазина похищена бытовая техника, но не тронуты лежащие рядом мобильные телефоны, иные гаджеты, в том числе последних моделей);

4) размеры следов (рук, ног и др.), особенности механизма их образования (дорожка следов ног, отражающая специфику походки подростков, следы на вертикальных поверхностях, указывающие на рост преступника, и др.);

5) характер действий преступников. Например, перемещение значительных тяжестей свидетельствует о том, что в преступлении, возможно, участвовал человек, обладающий значительной физической силой; наоборот, проникновение в помещение через небольшой проем или форточку говорит об участии в преступлении подростка.

На возможность участия взрослого в преступлении, совершенном подростком, могут также указывать: несоответствие объяснений несовершеннолетнего о способе проникновения в помещение данным следственного осмотра; значительное количество похищенного, большие габариты и вес похищенных вещей; следы использования преступником автомашины и т. д. [9, с. 61–62; 10, с. 191].

Определенные данные для установления обстоятельств оказания на несовершеннолетнего отрицательного влияния может дать осмотр мест предполагаемых встреч подростка с взрослыми лицами (например, места, где они совместно употребляли спиртные напитки или наркотические средства, осуществляли подготовительные действия к преступлению).

Важным средством изобличения взрослого в негативном влиянии на несовершеннолетнего выступает обыск, проводимый как у вовлекателя, так и у подростка (по месту жительства, работы или учебы этих лиц).

Обыск может дать доказательства: знакомства и контактов вовлекателя и подростка (дневник, записи адресов и телефонов, переписка, наличие у одного вещей, принадлежа-

щих другому); антиобщественных взглядов и привычек (наркотики, иные запрещенные предметы); совершения преступления взрослым с участием несовершеннолетнего (видеозаписи, предметы и орудия со следами обоих соучастников и др.); подготовки и совершения еще неизвестных эпизодов преступлений и иных антиобщественных действий (оружие, воровские приспособления, деньги, похищенные и разыскиваемые вещи, предметы и следы, свидетельствующие о том, что обыскиваемый занимается преступной деятельностью, и т. д.) [9, с. 63; 10, с. 195].

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ОКАЗАНИИ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО С ЦЕЛЬЮ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Особую сложность по делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений представляет допрос взрослых лиц, которые склонили подростка к противоправному поведению. Обычно эти лица сначала отрицают причастность к вовлечению конкретного несовершеннолетнего в преступление. В этой связи заслуживает внимания предложенный в литературе подход к допросу взрослого вовлекателя, в соответствии с которым целесообразно попытаться выяснить общие сведения, характеризующие личность предполагаемого вовлекателя (с учетом того, что негативное влияние на несовершеннолетних нередко выступает продолжением общего отрицательного поведения взрослого в быту, на работе и т. д.), особенности его взаимоотношений с несовершеннолетними детьми, друзьями и др., а также общую «картину» преступления, совершенного взрослым с участием несовершеннолетнего. Чтобы взрослый соучастник не насторожился, не следует сразу же ставить перед ним вопрос об обстоятельствах вовлечения конкретного подростка в совершение преступления. Факты, подтверждающие такое вовлечение, рекомендуется устанавливать косвенным путем, выясняя у допрашиваемого такие детали, которые, по его мнению, не усугубляют его вины, но имеют определенное значение для

доказывания виновного поведения вовлекателя (например, что перед совершением преступления взрослый вовлекатель распивал с подростком алкогольные напитки).

Нередко вовлекатель признает, что совместно с несовершеннолетним совершил преступление, но отрицает сам факт вовлечения, ссылаясь на равноправное участие или инициативу подростка. В ряде случаев, как показывает практика, такого рода утверждения могут соответствовать действительности, поэтому они должны быть тщательно проверены.

Одним из аргументов, используемых взрослыми вовлекателями с целью своего оправдания, является утверждение о том, что подросток, по их мнению, достиг совершеннолетия. Здесь следователь может использовать имеющиеся объективные доказательства того, что взрослый определенно знал (или сознательно допускал) реальный возраст подростка: сообщение самого подростка о своем возрасте, внешний вид подростка, родственные отношения, давнее знакомство, совместная учеба или работа с другими несовершеннолетними или с родителями подростка, взрослый видел личные документы несовершеннолетнего и т. д. По поводу такого рода доказательств допрашиваемому должны быть заданы вопросы, а полученные ответы надлежит сопоставить с данными подростком показаниями (что он говорил о своем возрасте взрослому) и показаниями иных осведомленных лиц. В ситуации, когда взрослый был убежден, что вовлекаемый – совершеннолетний (на основе утверждений подростка или по его индивидуальным свойствам – телосложению, росту, интеллектуальному развитию), будет иметь место добросовестное заблуждение виновного.

В то же время следует исходить из того, что даже подтверждение взрослым лицом факта знакомства и совместных действий с подростком не должно становиться основанием для преждевременного вывода о доказанности вины этого лица. Отождествление факта знакомства и совместных действий с фактом вовлечения подростка в совершение преступления может привести к ошибке и объективному вменению.

На практике взрослые лица, изобличенные в ходе предварительного расследования в негативном влиянии на несовершеннолет-

него, могут впоследствии в судебном разбирательстве отказаться от своих признательных показаний. Для того чтобы предупредить такой исход, следователю необходимо создать определенный «запас прочности» показаний обвиняемого путем подтверждения их другими доказательствами.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О КРИМИНОГЕННЫХ ФАКТАХ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ВЗРОСЛЫХ ЛИЦ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Значительные возможности для проверки версии о негативном влиянии взрослых на несовершеннолетнего с целью вовлечения его в совершение преступления предоставляет истребование и изучение следователем необходимых документов. В частности, следует получить подробные характеристики: на взрослого, обвиняемого в вовлечении, – с места работы и жительства; на несовершеннолетнего – с места его учебы или работы и жительства (при этом важно, чтобы характеристики содержали информацию в необходимом объеме и подписывались компетентными лицами; рекомендуется также использовать характеристики, полученные из нескольких независимых источников).

Целесообразно запросить справки о том, не состояли ли взрослый и подросток на профилактических учетах, не находятся ли под административным надзором и т. п.

В число документов, изобличающих взрослое лицо в негативном влиянии на конкретного несовершеннолетнего, могут быть включены личные дневники предполагаемого вовлекателя, его переписка с подростком и т. п. Содержание такого рода документов может подтверждать, в частности, факт знакомства вовлекателя с подростком, осведомленность вовлекателя о несовершеннолетии подростка, обсуждение с ним плана подготавливаемого преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установление и изучение негативного влияния взрослых лиц на несовершеннолетних с целью вовлечения их в совершение пре-

ступлений – самостоятельная задача, которую следователь должен решить по каждому уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 150 УК РФ. Это необходимо как для привлечения к ответственности взрослого лица, виновного в оказании криминального воздействия на несовершеннолетнего, так и для принятия действенных мер по предупреждению и пресечению преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Полное и достоверное установление обстоятельств негативного влияния взрослого лица на конкретного подростка обеспечивается путем реализации следователем комплекса процессуальных, криминалистических, органи-

зационных средств, в число которых включаются: допросы лиц, располагающих сведениями о криминогенных фактах негативного влияния взрослых на несовершеннолетних; следственные действия, связанные с собиранием вещественных доказательств таких фактов; допрос лица, подозреваемого в оказании негативного влияния на несовершеннолетнего; изучение документальных источников информации и т. д. Процесс применения указанных средств должен учитывать характерные свойства личности взрослого вовлечателя и несовершеннолетнего, специфику их взаимоотношений, особенности механизма воздействия на несовершеннолетнего, значимые ситуационные факторы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правонарушения несовершеннолетних и их предупреждение / науч. ред. Б.С. Волков, М.Д. Лысов. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1983. – 152 с.
2. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2017. – 1008 с.
3. Бельский А.И. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника / А.И. Бельский, Р.С. Ягодин // Российский следователь. – 2015. – № 15. – С. 48–50.
4. Миньковский Г.М. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних / Г.М. Миньковский, А.П. Тузов. – Киев : Политиздат Украины, 1987. – 215 с.
5. Поликашина О.В. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий / О.В. Поликашина. – Москва : Прометей, 2013. – 140 с.
6. Каневский Л.Л. Особенности предмета доказывания, планирования и организации взаимодействия по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность и иные формы антиобщественного поведения / Л.Л. Каневский // Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение : сборник научных трудов. – Москва : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1981. – С. 48–59.
7. Энциклопедия уголовного права. Т. 17. Преступления против семьи и несовершеннолетних. – Санкт-Петербург : Издание проф. Малинина – СПб ГКА, 2011. – 544 с.
8. Куемжиева С.А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних / С.А. Куемжиева. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 264 с.
9. Гуковская Н.И. Особенности следственных действий, связанных с собиранием вещественных доказательств и документов по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность и иные формы антиобщественного поведения / Н.И. Гуковская, М.Н. Поляков // Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение : сборник научных трудов. – Москва : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1981. – С. 60–71.

REFERENCES

1. Volkov B.S., Lysov M.D. (eds.). Juvenile delinquency and its prevention. Kazan University Publ., 1983. 152 p.
2. Dolgova A.I. (ed.). Criminology. 4th ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2017. 1008 p.
3. Belsky A.I., Yagodin R.S. Criminological characteristics of the personality of a juvenile criminal. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 15, pp. 48–50. (In Russian).
4. Minkovsky G.M., Tuzov A.P. Prevention of delinquency among minors. Kyiv, Politizdat Ukrainy Publ., 1987. 215 p.
5. Polikashina O.V. Preventing the involvement of minors in committing crimes and antisocial actions. Moscow, Prometej Publ., 2013. 140 p.
6. Kanevsky L.L. Features of the subject of proof, planning and organization of interaction in cases of involving minors in criminal activity and other forms of antisocial behavior. *Problems of combating the involvement of minors in antisocial behavior. Collection of scientific papers*. All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures Publ., 1981, pp. 48–59. (In Russian).
7. Encyclopedia of criminal law. Saint Petersburg, Publ. by Prof. Malinin, 2011. Vol. 17. 544 p.
8. Kuemzhieva S.A. Methodology for investigating crimes against family and minors. Moscow, Yurлитinform Publ., 2018. 264 p.
9. Gukovskaya N.I., Polyakov M.N. Features of investigative actions related to the collection of material evidence and documents in cases of involvement of minors in criminal activity and other forms of antisocial behavior. *Problems of combating the involvement of minors in antisocial behavior. Collection of scientific works*. All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures Publ., 1981, pp. 60–71. (In Russian).

10. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1991. – 288 с.

10. Kanevsky L.L. Criminalistic problems of investigation and prevention of juvenile crimes. Krasnoyarsk University Publ., 1991. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чебурёнков Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Cheburenkov Alexandr Anatolievich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Procedure.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 24.04.2024.
The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 24.04.2024.

Научная статья
УДК 343.983
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.15

Original article

ШАЙКОВА Марина Витальевна
Юго-Западный государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: shaikovamarina@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-9243-4548

SHAIKOVA Marina Vitalievna
Southwest State University, Kursk, Russia.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ПОЛИГРАФОЛОГИИ В ЦЕЛЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD OF POLYGRAPHOLOGY IN ORDER
TO ESTABLISH CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT INFORMATION REGARDING MINORS

Аннотация. Процесс раскрытия и расследования уголовных дел в современных условиях развития государства и права представляется весьма сложной задачей, решение которой невозможно без качественного и эффективного сочетания процессуальных и криминалистических инструментов. Одним из наиболее дискуссионных вопросов современного уголовного судопроизводства, безусловно, является использование в практике расследования такого инструмента, как полиграф. В статье сделан анализ преступности несовершеннолетних, которая последние пять лет в нашей стране имеет тенденцию к снижению, но, несмотря на положительную динамику, есть преступления, которые часто совершаются именно несовершеннолетними. Методология исследования включает общенаучные методы познания: описательно-аналитический, междисциплинарный и формально-юридический. Несогласие Верховного Суда РФ применять проверку на полиграфе вынуждает следственные органы искать новые формы использования результатов таких обследований. Сегодня назрела необходимость оптимизации раскрытия и расследования преступлений, совершаемых подростками, для предупреждения и профилактики преступного поведения несовершеннолетних. В результате исследования сделано предложение о законодательном закреплении обследования несовершеннолетних полиграфологом совместно с психологом и определении нижнего хронологического возраста подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность, полиграф, обследование на полиграфе, полиграфолог, хронологический и функциональный возраст, способы и методы исследования

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 0851020220-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

Abstract. The process of solving and investigating criminal cases in the current context of state and law development is a very complex task that cannot be accomplished without a qualitative and effective combination of procedural and criminalistic tools. One of the most contentious issues of modern criminal proceedings is undoubtedly the use of a polygraph as an investigative tool. The article analyzes juvenile delinquency, which has tended to decline over the past five years in our country, but despite some positive dynamics, there are crimes that are often committed precisely by minors. The research methodology includes general scientific principles of cognition: descriptive-analytical, interdisciplinary and formal-legal approaches. The disagreement of the Supreme Court of the Russian Federation to apply polygraph testing forces investigative bodies to look for new forms of applying the results of such examinations. Today, there is a need to optimize the detection and investigation of crimes committed by adolescents in order to deter and prevent juvenile criminal behavior. As a result of the study, a proposal is made to legislate the examination of juveniles by a polygraph examiner in conjunction with a psychologist and define the lower chronological age for adolescents.

Keywords: juvenile, crime, polygraph, polygraph examination, polygraph examiner, chronological and functional age, means and methods of research

Financing. The publication is prepared within the framework of the state assignment No. 0851020220-0033 «Transformation of private and public law in the conditions of evolving individual, society and state».

© Шайкова М.В., 2024

Для цитирования: Шайкова М.В. Использование специальных знаний в области полиграфологии в целях установления криминалистически значимой информации в отношении несовершеннолетних / М.В. Шайкова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 115–121.

For citation: Shaikova M.V. The use of special knowledge in the field of polygraphology in order to establish criminalistically significant information regarding minors. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 115–121 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.15.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в Российской Федерации имеет место положительная динамика сокращения преступности несовершеннолетних. Так, по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, с 2010 по конец 2022 г. количество зарегистрированных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, снизилось. В 2010 г. несовершеннолетними было совершено 2 628 799 преступлений, а в 2022 – 1 966 795, то есть сокращение составило около 25,2 %¹. Согласно статистическим данным, приведенным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, за первую половину 2023 г. было осуждено по всем составам УК РФ 6503 несовершеннолетних². Статистические данные говорят о том, что преступность несовершеннолетних в текущее время составляет примерно 1 % от общей преступности. Однако, несмотря на относительно небольшие количественные данные, преступность несовершеннолетних вызывает опасения, так как именно подростки составляют основу будущего общества, и государство должно оптимизировать программы и методики по предупреждению и профилактике данного вида преступности.

По тем же данным Судебного департамента можно определить, какие виды уголовных правонарушений совершают подростки в большинстве случаев. Так, преимущественное место среди составов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, составляют преступления против собственности – 5028, то есть 77 %. В основном это кражи. Чаще всего несовершеннолетние совершают их при отяг-

чающих и особо отягчающих обстоятельствах (29 составов) с целью обогащения или в результате острой нужды. 9 % составили преступления против здоровья населения и общественной нравственности, в основном подразумевающие оборот наркотиков, 6 % – преступления против жизни и здоровья.

В ранее проведенном нами исследовании были определены детерминанты преступности несовершеннолетних: пробелы в семейном воспитании, проблемы в отношениях с родителями, когда не удается наладить доброжелательный контакт с быстро растущим ребенком, малая степень занятости дополнительным образованием (кружки, секции по определенным видам спортивной и творческой активности). Многие семьи не способны финансово обеспечить досуг и полноценное развитие подростков, и несовершеннолетние могут проявлять полную апатию при доступности различных досуговых занятий, что сказывается на особенностях развития личности в подростковый период [1].

В последние годы наметилась тенденция все более активного применения полиграфа в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Как показывает статистика, с каждым годом число уголовных дел, в расследовании которых использовался полиграф, стабильно увеличивается [2]. «Нетрадиционными» методами раскрытия преступлений и возможностью использования полиграфа в процессе расследования преступлений занимались Я.В. Комиссарова, А.А. Столяров, Ю.М. Дробязко, Д.В. Белых-Силаев, В.М. Князева, Ю.В. Минакова, В.А. Никирина и др. Проведенное Ф.К. Свободным и Б.Ф. Свободным исследование говорит о том, что результаты обследований на полиграфе используются следователями для оказания законного психологического воздействия на подозреваемого, чтобы получить наиболее полный объем доказательственной информации [3, с. 24].

¹ Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 21.03.2024).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2023 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.03.2024).

ПРАВОВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ НА ПОЛИГРАФЕ, В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сторонники и противники полиграфа в настоящее время сосредоточили внимание на вопросе о том, должен ли он быть и допустим ли в качестве доказательства. Однако даже если решение о допуске будет принято, вопрос о доказательственном статусе полиграфологии остается открытым. Сегодня популярным является мнение о том, что полиграфология непогрешима. Его придерживаются немногие современные полиграфологи.

Использование полиграфа на предварительном расследовании варьируется от использования его для определения характера обвинения до рассмотрения обследования на полиграфе как простого дополнения улик, полученных из других источников. Применение полиграфа для помощи в расследовании, вероятно, неоспоримо как имеющее, по крайней мере, некоторую обоснованность [4].

Мы считаем, что научный психофизиологический анализ должен быть таким, чтобы заявленная конкретная польза метода могла быть оценена изолированно, после устранения (в экспериментальном смысле контроля за влиянием) других усложняющих и противодействующих объективной оценке факторов, которые присущи сложной ситуации интервью и способствуют эффективности проверки на полиграфе в целом. Предположение о том, что полиграфологические методы могут точно выявлять обман, можно оценить двумя способами. Во-первых, можно оценить точность полиграфической экспертизы в целом; во-вторых, ценность психофизиологического компонента полиграфологической процедуры, то есть информация, полученная в результате физиологических измерений, может быть выделена (в экспериментальном смысле контроля нефизиологических информационных факторов) и, следовательно, оценена [5].

В настоящее время одним из самых дискуссионных и проблемных вопросов применения полиграфа в отношении несовершеннолетних является отсутствие в действующем законодательстве единого подхода к пониманию нижнего предела хронологического воз-

раста, при котором тестирование на полиграфе не рекомендуется.

Определенные дискуссии в среде специалистов возникают по вопросу применения полиграфологической экспертизы в отношении несовершеннолетних [6]. Данная дискуссия идет далеко не первый год. Остановимся на этом подробнее.

Поскольку несовершеннолетние являются особым субъектом уголовно-процессуальных отношений, применение полиграфа в их отношении должно иметь самое серьезное научное и правовое обоснование. Центральным вопросом в этой области является вопрос о возможности обследования несовершеннолетних на полиграфе.

По нашему мнению, не существует простого и универсального решения вопроса о хронологической или функциональной зрелости для тестирования несовершеннолетних на полиграфе. Для тех, кто стремится к удобству более конкретного и осязаемого решения, есть надежда, что предложения, сформулированные в настоящей статье, будут в некоторой степени полезны, несмотря на краткость рассмотрения такой сложной и важной темы.

Исследование на полиграфе регламентировано следующими инструкциями: от 12 февраля 1993 г. «О порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности»³ и от 28 декабря 1994 г. «О порядке использования полиграфа при опросе граждан»⁴, позволяющими проведение обследования на полиграфе в отношении лиц, достигших 14-летнего возраста, с согласия родителей или опекунов.

Сегодня есть положительные примеры использования полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. Например, СУ СК РФ по Пензенской области в 2017 г. с применением полиграфа были установлены 14-летние подrostки, подозреваемые в поджоге.

³ BusinessPravo.Ru : сайт [Электронный ресурс] URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_55764.html?ysclid=luvk0d56i3896440182 (дата обращения: 11.04.2024).

⁴ КонтурНорматив : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=50447&ysclid=luvl34nfb3760037519> (дата обращения 11.04.2024).

Многосложность рассматриваемой проблемы заключается в психологических, физиологических особенностях несовершеннолетних: формировании поведения и протекании психических процессов и состояний. Согласно мнению экспертов [7] хронологический порог составляет возраст в 12 лет, вместе с тем есть мнение, согласно которому функциональная и социальная зрелость является более важным фактором, чем хронологический возраст. Данную позицию можно рассматривать как попытку предположить, что молодых людей никогда не направляют на тестирование на полиграфе или что тестирование на полиграфе никогда не проводится с несовершеннолетними. Однако практическая реальность часто отличается от ожиданий, и многие представители органов предварительного расследования сталкивались с ситуациями, в которых казалось полезным направить молодого человека на проверку на полиграфе. В этом случае необходимо сформировать многовариантный блок методов, включающий вопросы о возрасте подростка, чтобы исключить психологическую травму еще неокрепшей психики несовершеннолетнего.

По нашему мнению, сегодня недостаточно опубликованных доказательств в поддержку хронологического возрастного порога по использованию полиграфа. Однако это не означает, что ничего не известно о возрасте и возможности для проверки на полиграфе.

Хронологические пороговые значения возраста обеспечивают преимущество по отдельным социальным и юридическим соображениям. Например: вождение автомобиля, голосование, покупка алкоголя или сигарет, приобретение нового оружия, служба в армии, согласие на сексуальные действия, а также правовая ситуация, в соответствии с которой обвиняемый может быть привлечен к ответственности. Недостатком хронологической возрастной политики является то, что она часто очень прямолинейна и может быть настолько упрощенной, что игнорирует индивидуальные различия, которые иногда важны. Проще говоря, не все люди определенного возраста функционируют одинаково. В любой популяции или подгруппе могут быть люди с исключительностью или особыми потребностями.

Для многих нормально функционирующих людей нет особой необходимости под-

вергать сомнению их соответствие определенным требованиям для тестирования на полиграфе, если можно четко установить, что у них нет стресса или обострения соматического заболевания. Методика оценки испытуемого для тестирования на полиграфе существует главным образом для предоставления рекомендаций и информации для обсуждения и принятия решений относительно направления на тестирование на полиграфе лиц, чьи функциональные характеристики могут выходить за рамки нормы – тех, кто не может быть обследован на полиграфе.

При рассмотрении хронологического возрастного порога для направления на обследование на полиграфе важно учитывать, каким может быть хронологический нижний предельный возраст, который разумно гарантирует, что молодой человек обладает когнитивными и социальными способностями, важными для обследования его на полиграфе.

В настоящее время необходимо больше использовать информацию по возрастной психологии и психологии развития. О.В. Белюшина в своем исследовании говорит о нижнем возрастном пределе в 12 лет для несовершеннолетних, не имеющих психологических, психических и физиологических отклонений [8]. Сложность этой точки зрения заключается в том, что нормально функционирующие подростки чаще всего не попадают в ситуации, которые могли бы привести к направлению на проверку на полиграфе, хотя в этом обсуждении есть некоторая очевидная сложность с причинно-следственной связью.

С другой стороны, возможно ли, что молодые люди с когнитивными, социальными проблемами и проблемами в психологическом развитии могут быть чрезмерно представлены в группе молодых людей, для которых потенциально полезно рассмотреть направление на тестирование на полиграфе?

Мы считаем, что проблему обследования несовершеннолетних на полиграфе можно решить разными способами. Для проведения исследования с использованием полиграфа в отношении лица, которое не достигло совершеннолетия, специалисты-полиграфологи выделяют следующие действия, которые необходимо осуществить для успешной реализации того или иного следственного действия.

Во-первых, необходимо провести подготовительные мероприятия, позволяющие выявить круг вопросов, которые необходимы для получения криминалистически значимой информации о совершенном несовершеннолетним преступлении. Это может быть блок подготовительных психологических тестов, а также предварительные беседы, которые позволят установить контакт с несовершеннолетним, раскрепостить его, расположить к себе. Кроме того, на подготовительном этапе обследования на полиграфе необходимо выявить психологические проблемы в поведении и личности подростка. Для обеспечения дополнительной защиты несовершеннолетних законодатель регламентировал необходимость привлекать психолога или педагога к следственным действиям с участием подростков. По нашему мнению, работу с подростком психолог должен вести совместно с полиграфологом уже на подготовительном этапе. На данный момент этот вопрос регулируется на уровне ведомственных инструкций.

Во-вторых, ученые рекомендуют проводить судебно-психологическую экспертизу. Конечно, мы положительно оцениваем это предложение, но считаем, что сегодня необходимо проводить совместную психологическую экспертизу с использованием полиграфа, так как психика современных подростков подвержена различным социальным, идеологическим и физиологическим детерминантам, что способствует различным возрастным отклонениям в поведении несовершеннолетних.

В-третьих, интересным видится предложение ряда специалистов, в соответствии с которым участие педагога и психолога во время допроса несовершеннолетнего с использованием полиграфа может осуществляться дистанционно, то есть они будут наблюдать за процессом с помощью использования видео-конференц-связи [10].

Несмотря на споры о доказательственном значении результатов исследования на полиграфе, его практическое внедрение в практику раскрытия и расследования преступлений может создать дополнительный инструмент выявления криминалистически значимой информации, которая может быть использована в процессе выдвижения и проверки криминалистических версий о харак-

тере преступного события или причастности к нему конкретного лица.

Вопрос о доказательственном значении заключения эксперта-полиграфолога в отношении несовершеннолетних сегодня находится на стадии исследования и обобщения. В соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁵ результаты использования полиграфа приобретают доказательную силу только в рамках назначенной судебной экспертизы. Проверка на полиграфе возможна лишь в добровольном порядке или в случае проведения экспертизы, назначенной судом. П.П. Ширинкина отмечает, что проблема правомерности применения полиграфа на сегодняшний день остается ведущей [11, с. 497]. Также стоит отметить, что положения процессуальных кодексов четко и безапелляционно определяют, что все доказательства по делу оцениваются в их совокупности. Таким образом, диспозитивность судебного разбирательства не может отклонять никакого доказательства без должного на то обоснования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование полиграфа в процессе применения специальных знаний в рамках расследования в форме полиграфологической экспертизы видится нам достаточно перспективным направлением. Несмотря на споры о доказательственном значении результатов подобной экспертизы, ее практическое внедрение в практику раскрытия и расследования преступлений может создать дополнительный инструмент для выявления криминалистически значимой информации, которая может быть использована в процессе выдвижения и проверки криминалистических версий о характере преступного события или причастности к нему несовершеннолетнего.

По нашему мнению, использование полиграфа в отношении несовершеннолетних представляет собой отдельное направление деятельности полиграфологов. Психофизио-

⁵ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. URL <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-31052001-n-73-fz-o-glava-i/statia-8> (дата обращения: 11.04.2024).

логическое исследование несовершеннолетних для установления криминалистической информации должно проводиться опытным полиграфологом, обладающим специальными знаниями в области юриспруденции и возрастной психологии. Надлежит на уровне закона закрепить положение, в соответствии с которым полиграфолог, проводящий обследование несовершеннолетнего, должен иметь

высшее психологическое образование или профессиональную переподготовку по возрастной психологии. Следует отметить, что на данном этапе развития уголовного судопроизводства наиболее остро стоит вопрос о нижнем хронологическом пороге применения полиграфа в отношении несовершеннолетнего, законодательном закреплении этой процедуры с обязательным участием психолога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шайкова М.В. Личность несовершеннолетнего преступника: правовая и психолого-криминологическая концепция / М.В. Шайкова. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022. – 223 с.
2. Быстрова Ю.В. Роль и доказательственное значение сведений, полученные в результате проведения психофизиологического исследования в российском уголовном судопроизводстве / Ю.В. Быстрова // Юридический вестник ДГУ. – 2022. – Т. 42, № 2. – С. 165–171.
3. Свободный Ф.К. Взаимодействие следователя и специалиста по результатам исследования с применением полиграфа / Ф.К. Свободный, Б.Ф. Свободный // Юридическая психология. – 2024. – № 1. – С. 22–25.
4. Келарев А.В. Использование полиграфа при проведении психофизиологической экспертизы в уголовном судопроизводстве: российский и зарубежный опыт / А.В. Келарев, П.В. Меньшиков, Д.С. Хайрусов // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1 (176). – С. 286–290.
5. Семенова А.О. Проблемы применения полиграфа в криминалистике / А.О. Семенова, И.Д. Мурманцева // Академическая публицистика. – 2023. – № 4-1. – С. 249–253.
6. Шайкова М.В. Использование полиграфа при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в отношении несовершеннолетних / М.В. Шайкова // Юридическая психология. – 2020. – № 2. – С. 31–35.
7. Вашкевич А.В. Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа с кандидатами на учебу, не достигшими совершеннолетия / А.В. Вашкевич, В.А. Белянкина // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 декабря 2022 г. / Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 149–152.
8. Белюшина О.В. Правовое регулирование и методика применения полиграфа в раскрытии преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Белюшина. – Москва, 1998. – 172 с.
9. Плахина А.А. Участие психолога в следственных действиях: пределы компетенции и ответственность / А.А. Плахина // Юридическая психология. – 2024. – № 1. – С. 11–14.
10. Деулин Д.В. Особенности опроса несовершеннолетних с применением полиграфа / Д.В. Деулин, Д.В. Белых-Силаев // Современные исследования проблем семьи и детства : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / сост. А.А. Базулина. – Москва, 2021. – С. 69–78.

REFERENCES

1. Shaikova M.V. Personality of a minor offender: legal and psychological-criminological concept. Southwest State University Publ., 2022. 223 p.
2. Bystrova Yu.V. The role and evidentiary value of information obtained as a result of psychophysiological research in Russian criminal proceedings. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 165–171.
3. Svobodny F.K., Svobodny B.F. The interaction between an investigator and a polygraph examiner. *Yuridicheskaya psihologiya = Juridical Psychology*, 2024, no. 1, pp. 22–25. (In Russian).
4. Kelarev A.V., Menshikov P.V., Khayrusov D.S. The use of a polygraph during psychophysiological examination in criminal proceedings: Russian and foreign experience. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2023, no. 1 (176), pp. 286–290. (In Russian).
5. Semenova A.O., Murmantseva I.D. Problems of using the polygraph in criminalistics. *Akademicheskaya publicistika = Academic Journalism*, 2023, no. 4-1, pp. 249–253. (In Russian).
6. Shaykova M.V. The polygraph use in carrying out of criminal intelligence and surveillance operations in respect of minors. *Yuridicheskaya psihologiya = Juridical Psychology*, 2020, no. 2, pp. 31–35. (In Russian).
7. Vashkevich A.V., Belyankina V.A. Features of conducting special psychophysiological studies using a polygraph with candidates for study who have not reached the age of majority. *Moral and psychological support for the activities of internal affairs bodies: modern approaches and development prospects. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, December 14, 2022*. Saint Petersburg, 2022, pp. 149–152. (In Russian).
8. Belyushina O.V. Legal regulation and methods of using the polygraph in solving crimes. *Cand. Diss.* Moscow, 1998. 172 p.
9. Plakhina A.A. Involvement of a psychologist in investigative activities: jurisdiction limits and liability. *Yuridicheskaya psihologiya = Juridical Psychology*, 2024, no. 1, pp. 11–14. (In Russian).
10. Deulin D.V., Belykh-SilaeV D.V. Features of interviewing minors using a polygraph. In Bazulina A.A. (comp.). *Modern studies of family and childhood problems. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2021, pp. 69–78. (In Russian).

11. Ширинкина П.П. Психофизиологические исследования: организационные и правовые проблемы / П.П. Ширинкина // Норма. Закон. Законодательство. Право : материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Пермь, 9–10 апреля 2020 г. / науч. ред. О.А. Кузнецова. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. – С. 496–499.

11. Shirinkina P.P. Psychophysiological studies: organizational and legal problems. In Kuznetsova O.A. (ed.). *Norm. Law. Legislation. Law. Materials of the XXII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*, Perm, April 9–10, 2020. Perm: Perm State National Research University Publ., 2020, pp. 496–499. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шайкова Марина Витальевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shaikova Marina Vitalievna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.
The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.16

Original article

ШИШКИНА Елена Викторовна
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: evsh18@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-4152-3396>

SHISHKINA Elena Viktorovna
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ О ДИНАМИКЕ И РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, ДЛЯ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

THE RELEVANCE OF DATA ON THE DYNAMICS AND PREVALENCE OF CRIMES
COMMITTED BY MINORS FOR THEIR INVESTIGATION

Аннотация. Значимость проблем раскрытия, расследования и профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, определяет необходимость постоянной актуализации криминалистических средств и приемов борьбы с подростковой преступностью. Изменения, происходящие в ее структуре, требуют пристального внимания со стороны криминалистической науки. Целью работы является анализ содержания и структуры данных о динамике и распространенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, их места в структуре криминалистической характеристики и возможностей использования этих сведений для раскрытия и расследования преступлений несовершеннолетних. Методы исследования: общенаучные – диалектический, системный, логический; частнонаучные – аксиологический, статистический. Сделан вывод о криминалистической значимости данных о динамике и распространенности совершаемых несовершеннолетними преступлений и возможности их использования в качестве теоретического обоснования типичных версий о субъекте преступления, для решения иных задач расследования. Предложено рассматривать данные о динамике и распространенности в нескольких аспектах, включая общие сведения о состоянии преступности несовершеннолетних, ее динамике по регионам, изменении структуры преступности. Показатели динамики и распространенности преступлений несовершеннолетних свидетельствуют о серьезных изменениях их криминалистически значимых признаков, что требует системного анализа и разработки адекватных методов противодействия и профилактики.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступление, динамика, распространенность, криминалистическая характеристика

Abstract. The significance of the problems of solving, investigating and preventing crimes committed by minors determines the need for constant updating of criminalistic means and methods of combating juvenile delinquency. The changes taking place in its structure require close attention from criminalistics. The purpose of the work is to analyze the content and structure of data on the dynamics and prevalence of crimes committed by minors, their place in the structure of criminalistic characteristics and the possibilities of using this information for solving and investigating juvenile crimes. Research methods: general scientific – dialectical, systemic, logical; specific scientific – axiological, statistical. The article draws a conclusion on the criminalistic significance of data on the dynamics and prevalence of crimes committed by minors and the possibility of using them as a theoretical justification for typical versions of the subject of crime and for solving other investigation tasks. It is proposed to consider data on dynamics and prevalence in several aspects, including general information about the state of juvenile crime, its dynamics by region, as well as changes in the structure of crime. Indicators of the dynamics and prevalence of juvenile crimes show serious changes in their criminalistically significant features and this requires systemic analysis and the development of adequate methods of counteraction and prevention.

Keywords: minors, crimes, dynamics, prevalence, criminalistic characteristics

Для цитирования: Шишкина Е.В. Значение данных о динамике и распространенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, для их расследования / Е.В. Шишкина. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 122–128.

For citation: Shishkina E.V. The relevance of data on the dynamics and prevalence of crimes committed by minors for their investigation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 122–128 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.16.

МЕСТО ДАННЫХ О ДИНАМИКЕ И РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Криминалистическую характеристику принято считать информационной основой расследования, поскольку она содержит информацию о наиболее значимых типичных свойствах и признаках определенного вида или группы преступлений. Значение этих сведений состоит, прежде всего, в криминалистическом обеспечении версионного процесса, поскольку именно они в первую очередь участвуют в наполнении и формировании теоретической базы версии. Очевидно, что к содержащимся в криминалистических характеристиках данным должны предъявляться серьезные требования, касающиеся, прежде всего, их достоверности и актуальности.

Вопрос о содержании криминалистической характеристики в свое время вызвал дискуссию в научной среде. Л.А. Сергеев, которого по праву считают автором первого развернутого определения криминалистической характеристики, включал в ее содержание сведения о способе совершения преступления, особенности обстановки, обстоятельства, характеризующие участников преступления и их связи, объективную сторону, время, место совершения преступления, объект посягательства, а также иные обстоятельства, не являющиеся по своему характеру преступными, но тесно связанные с последними [1, с. 11].

В ходе дальнейших исследований большинство ученых, занимавшихся этой проблемой, пришли к выводу о необходимости включения в структуру криминалистической характеристики обобщенных данных об обстановке, способах совершения преступлений, механизме слеодообразования, типичных свойствах личности виновного и жертвы, предмете преступного посягательства. Дискуссия возникла по поводу сведений, касающихся

динамики и распространенности преступных деяний. В частности, профессор И.Ф. Герасимов, один из ярких представителей Уральской школы криминалистики, считал, что эти данные имеют криминалистическое значение и потому должны входить в структуру криминалистической характеристики преступлений [2, с. 343].

Свое несогласие по этому поводу высказал Р.С. Белкин, заявив, что эти сведения ничего не могут дать методике расследования, поскольку «не являются стабильными», их следует считать элементами криминологической или уголовно-правовой характеристики [3, с. 736]. На наш взгляд, аргумент именитого ученого можно использовать в качестве контраргумента, поскольку именно нестабильность (изменяемость) этих данных и делает их привлекательными для криминалистического анализа.

Отдельного внимания заслуживает позиция видного ученого-криминалиста профессора Л.Л. Каневского, которого по праву считают одним из первых разработчиков частной методики расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Он разделял криминологическую и криминалистическую характеристики этой группы преступлений. Под их криминалистической характеристикой Л.Л. Каневский понимал «взаимосвязанную совокупность индивидуальных особенностей определенной категории преступлений, характеризующих обстановку, способ и механизм совершения и сокрытия преступления, личность преступника и потерпевшего» [4, с. 74], а сведения о состоянии, распространенности, динамике и структуре преступлений, совершаемых несовершеннолетними, относил к их криминологической характеристике. При этом ученый заявлял, что между обеими характеристиками имеется тесная связь и что сведения о динамике являются исходной базой для разработки криминалистической характеристики преступлений [4, с. 62]. Показательно, что динамические данные о подростковой преступ-

ности ученый рассматривал относительно основных ее криминалистических признаков: обстановки, способа, свойств личности субъекта преступления, – неоднократно заявляя, что эти сведения имеют большое значение для решения криминалистических задач: выдвижения версий, выявления латентных преступлений и др. [4, с. 68]. Это придает особую ценность исследованию, проведенному Л.Л. Каневским. Происходящие в последние годы изменения в состоянии и структуре преступности несовершеннолетних являются тому подтверждением.

Очевидно, что основным индикатором в определении места в структуре криминалистической характеристики преступлений для любой информации является ее криминалистическая ценность, то есть значимость для задач раскрытия и расследования. Если данные о распространенности и динамике преступлений определенного вида или группы хоть каким-то образом способны влиять на механизмы их раскрытия и расследования, они по праву могут занять свое место в структуре его криминалистической характеристики. На первый взгляд, действительно, эти сведения являются, прежде всего, статистическими показателями и могут быть использованы для анализа состояния преступности в стране или отдельных регионах и организации профилактической работы. Однако применительно к преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, они могут быть использованы в нескольких аспектах, указывающих на их криминалистическую значимость.

Анализ динамических показателей преступности несовершеннолетних и его значение

В первую очередь необходим анализ состояния преступности несовершеннолетних в целом. В показателях динамики преступности несовершеннолетних в последние годы отмечается несколько позитивных тенденций, связанных, прежде всего, со снижением числа выявленных и зарегистрированных преступлений, совершаемых этими субъектами¹. Это снижение стабильно и, на первый взгляд, не может

¹ Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 20.03.2024).

не радовать. Действительно, такая динамика во многом определяется факторами эффективной профилактической деятельности, связана с ростом благосостояния, позитивными показателями в экономике и социальной сфере. Однако, несмотря на общую положительную тенденцию, в отдельных регионах уровень преступности несовершеннолетних остается довольно высоким. Кроме того, нельзя забывать, что на снижение числа совершаемых подростками преступлений повлияла демографическая ситуация, сложившаяся в России в 90-х годах прошлого столетия. Анализируя современные показатели рождаемости в стране, К.В. Савчик приходит к выводу, что они могут стать основой для снижения преступности в долгосрочной перспективе [5, с. 135]. Но при оценке данных показателей следует учитывать латентный характер ряда преступлений, совершаемых подростками, и негативную практику сокрытия преступных фактов от учета и регистрации, на что, в частности, указывает Р.В. Колесников [6, с. 51].

И хотя общая картина состояния преступности среди несовершеннолетних в значительной степени свидетельствует об эффективности системы профилактики в стране, в которую вовлечены многочисленные государственные структуры, общественные организации и должностные лица, нельзя забывать, что важной частью этой системы являются органы следствия. Именно они в рамках установленных уголовно-процессуальными нормами требований выявляют причины и условия, способствующие совершению несовершеннолетними преступлений, и принимают меры по их устранению, что позволяет считать данные статистики в том числе показателем эффективности их работы.

Анализ изменений в структуре преступности несовершеннолетних и типовых свойствах личности современного подростка

В сведениях о динамике и распространенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, большое значение имеют данные о структуре преступности, в которой тоже происходят определенные изменения. Самыми распространенными в подростковой

среде остаются преступления против собственности. При этом помимо традиционных для подростков краж и грабежей в общей массе преступлений против собственности все чаще фигурируют вымогательства и мошеннические действия, более характерные для «взрослой» преступности.

Еще одна тенденция связана с появлением новых способов совершения преступлений против собственности. «Широкие возможности социальных сетей и мессенджеров фактически "переориентировали" современных подростков из реального преступного мира в виртуальное пространство, где они чувствуют себя вполне комфортно, безопасно и могут получить гарантированно значительно большую материальную прибыль (например, для совершения хищений и мошеннических действий с использованием электронных средств платежей, незаконной торговли наркотиками, фальшивыми надежными [денежными] знаками) нежели от совершения традиционных общеуголовных преступлений (к примеру, краж, грабежей и разбоев на улице или общественном месте)» [7, с. 30]. В традиционном представлении подросток значительно уступает взрослому в возможностях использования при совершении преступления профессиональных навыков и умений, которые у него в силу возраста отсутствуют. В современных условиях эти различия начинают стираться, и подростковая преступность в части способов совершения преступлений все больше приобретает черты «взрослости», особенно если речь идет об использовании компьютерных технологий.

Изменения происходят и в характеристиках преступлений против личности, совершаемых подростками. Не могут не настораживать факты проявления жестокости подростков по отношению к жертвам, среди которых зачастую оказываются более слабые, не способные оказать действенное сопротивление. С одной стороны, эти факты можно отнести к числу типичных для подростковой преступности. Выбор более слабой жертвы, в том числе из круга привычного общения (одноклассники, учащиеся одной школы, живущие в одном микрорайоне), всегда был характерен для этих субъектов. Однако нельзя не заметить, как меняются способы и формы насилия, которое становится более жестким, зачастую показательным, применяется при свидете-

лях, фиксируется на видео и впоследствии публикуется в соцсетях или рассылается через мессенджеры. По мнению ряда авторов, такое явление приобрело характер тренда современной подростковой преступности [8, с. 112]. Эти факты свидетельствуют о серьезных изменениях нравственно-психологической сферы личности подростка, на которую оказывают влияние множество факторов, прежде всего социального характера.

К числу традиционных признаков преступлений, совершаемых несовершеннолетними, относят групповой характер многих из них. В этой части также фиксируются динамические процессы, которые отражают не только количественные показатели роста числа групповых преступлений, но и некоторые их качественные изменения. По мнению ряда авторов, «происходит явное усложнение структуры именно "групповой преступности несовершеннолетних", главным образом за счет продолжающегося роста количества тяжких и особо тяжких "групповых" преступлений несовершеннолетних и с их соучастием в разных регионах РФ» [7, с. 29]. Речь, прежде всего, идет о наличии в составе группы взрослых соучастников, вовлекающих подростков в совершение преступления, среди которых в основном преобладают лица из ближайшего окружения.

Показания динамики и распространенности совершаемых несовершеннолетними преступлений не только демонстрируют общую картину и состояние подростковой преступности, но и выступают индикаторами происходящих изменений в ее структуре. Очевидно, что эти сведения тесно связаны с другими элементами криминалистической характеристики – свойствами субъекта преступления, способами совершения преступлений, которые в большей степени, чем остальные, подвержены объективным изменениям.

Современный подросток значительно отличается от своих сверстников, живших в прошлом и даже в начале нынешнего столетия. Криминалистическая характеристика свойств личности субъекта преступления, в том числе несовершеннолетнего, должна постоянно обновляться и пополняться актуальными данными, которые позволяли бы иметь представление о его типовом «портрете».

В последние годы некоторые социально-демографические характеристики совре-

менного несовершеннолетнего правонарушителя претерпели существенные изменения. В частности, это касается сведений о социальном положении и роде занятий подростков. Как отмечает И.А. Макаренко, «если в 1998 году из 250 несовершеннолетних, совершивших преступления, 45 % не учились и не работали, то в 2004 году такие подростки составили уже 26 %. Около 60 % несовершеннолетних, совершивших преступления в 2004 году, обучались в школе, колледжах, техникумах и вузе, остальные – работали» [9, с. 72]. По мнению социологов, «все большее распространение получает феномен выхода молодых людей на рынок труда и обретения первичного трудового опыта еще во время учебы, гораздо раньше по возрасту, чем это было в 1980-е гг.» [10, с. 74]. Эта тенденция обусловлена рядом причин, в числе которых не только материальные трудности, толкающие подростков на поиск источников дохода, но и духовные потребности. Сведения о роде занятий подростков и их социальной активности принято относить к категории социально-демографических характеристик личности, однако они способны оказывать серьезное влияние на формирование ее нравственно-психологических свойств и в конечном счете определять выбор способов поведения в обществе. Эти сведения имеют четкую криминалистическую направленность, поскольку род занятий подростков и их режим указывают на прямую связь с обстановкой совершаемых ими преступлений, в частности со временем их совершения. Очевидно, что в большинстве случаев подростки совершают преступления в свободное от учебы и работы время.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ О ДИНАМИКЕ И РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

И.Ф. Герасимов, характеризуя сведения о динамике и распространенности преступлений, писал, что они «обуславливают так называемую криминалистическую готовность органов расследования» [2, с. 330]. Появление в структуре преступности несовершеннолетних новых, необычных преступлений или рост числа ранее редких должны стать неким сигналом для правоохранительной системы,

требующим пристального внимания, анализа и оценки. Более показательным, на наш взгляд, «работают» сведения о распространенности и динамике на местном уровне. Здесь такие всплески, вспышки могут стать фактическим основанием для выдвижения перспективных версий о появлении на территории района сформированной преступной группы, наличии взрослого соучастника (организатора), мотивах, серийном характере преступлений и др. Например, если в определенной местности совершено «необычное» для ее устоев, традиций преступление, то весьма вероятно, что совершить его могли приезжие, а не местные жители. Однако вполне вероятно и версия о том, что в данной местности созрели предпосылки для изменения ранее сложившихся правил поведения.

Активные показатели роста преступлений, обладающих схожими признаками, могут быть не только свидетельством серийности, но и основанием для других, не менее значимых предположений. Так, летом 2023 г. в Екатеринбурге было совершено несколько ночных нападений на офисы, в том числе стоматологические кабинеты, небольшие магазины. Все объекты были защищены стеклянными дверями, которые преступники разбивали подручными средствами. И хотя совершены все преступления были в разных районах города, объединяло их сходство характеристик объектов (расположение, отсутствие охраны), способ проникновения, характер похищаемого имущества. На месте преступления преступники вели себя по-хулигански, ломали мебель, оборудование. Камеры видеонаблюдения зафиксировали нападавших, что подтвердило версию о подростках.

Нехарактерное для современной подростковой преступности ночное время совершения всех преступлений наводит на мысль о том, что, скорее всего, эти подростки воспитываются в крайне неблагополучных семьях, где совсем отсутствует контроль за детьми. Круг поиска для начала можно ограничить районом совершения преступления и проверить на причастность подростков, которые сами состоят на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних и чьи семьи также поставлены на учет как неблагополучные. Совершение преступлений в разных районах города может свидетель-

ствовать о действии нескольких не связанных между собой групп. Анализ хронологии преступных эпизодов в сочетании с изучением деталей событий может дать основание для версии о так называемой цепной реакции, когда информация о преступлении, привлекая внимание общества и имевшем большой резонанс, провоцирует совершение подобных преступлений иными лицами. Не исключена и версия о действии одной группы, которая в нарушение традиционных представлений о «привязке» подростков к месту своего постоянного проживания нашла способ перемещения в большом городе. В любом случае подобные проявления преступной активности подростков подлежат изучению с целью накопления опыта их раскрытия и эффективной профилактики.

Еще одним явлением, представляющим безусловный интерес для криминалистов, можно назвать участвовавшие случаи так называемого скулшутинга – вооруженных нападений, в том числе несовершеннолетних, на образовательные учреждения, которые в одночасье перестали быть нехарактерными для России. Подобные преступления должны стать объектом комплексного изучения со стороны криминалистов, психологов, педагогов, криминологов. Но уже сейчас очевидно, что криминалистические характеристики данной разновидности убийств, совершаемых несовершеннолетними, существенно от-

личаются от традиционных, привычных. Речь идет об отсутствии в большинстве случаев у нападавшего соучастников, о признаках полноструктурного способа совершения преступления, включающего сложные действия по подготовке к его совершению, в том числе использование нехарактерных для подростков орудий преступления и совсем не детских навыков владения ими. Эти явления должны быть отнесены к категории феноменов, требующих тщательного анализа с целью выработки приемов и средств их выявления и предупреждения, поскольку они ломают стереотипы восприятия подростковой преступности и личности несовершеннолетнего преступника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные, содержащиеся в криминалистических характеристиках преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требуют постоянной актуализации, что является одной из гарантий эффективности их использования в практике расследования. Показатели динамики и распространенности преступлений несовершеннолетних выступают неким стимулом для активизации этих процессов, поскольку демонстрируют серьезные изменения, происходящие в последние годы в структуре преступности несовершеннолетних и типичных свойствах личности современного подростка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершенных при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Л.А. Сергеев. – Москва, 1966. – 16 с.
2. Криминалистика : учебник для вузов / И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, Е.П. Ищенко и др. – Москва : Высшая школа, 1994. – 528 с.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов / Р.С. Белкин. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. – 837 с.
4. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 288 с.
5. Савчик К.В. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних / К.В. Савчик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 4. – С. 133–140.
6. Колесников Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних / Р.В. Колесников // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 1 (57). – С. 47–56.

REFERENCES

1. Sergeev L.A. Investigation and prevention of thefts committed during construction work. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 1966. 16 p.
2. Gerasimov I.F., Drapkin L.Ya., Ishchenko E.P. et al. *Criminalistics*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994. 528 p.
3. Belkin R.S. *Criminalistics course*. Moscow, YUNITI-DANA; Zakon i pravo Publ., 2001. 837 p.
4. Kanevsky L.L. *Criminalistic problems of investigation and prevention of juvenile crimes*. Krasnoyarsk State University Publ., 1991. 288 p.
5. Savchik K.V. The current state and trends of juvenile delinquency. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2023, no. 4, pp. 133–140. (In Russian).
6. Kolesnikov R.V. Current state of juvenile delinquency. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 47–56. (In Russian).
7. Buslov M.M., Serov Yu.V., Prokhonov V.S. The state and main trends of juvenile delinquency in modern Russia. *Ugolovno-processual'naya ohrana prav i zakonnyh interesov nesovershennoletnih = Criminal Procedural Protection of the Rights and Legitimate Interests of Minors*, 2021, no. 1 (8), pp. 28–33. (In Russian).

7. Буслов М.М. Состояние и основные тенденции преступности несовершеннолетних в современной России / М.М. Буслов, Ю.В. Серов, В.С. Прохонов // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – 2021. – № 1 (8). – С. 28–33.

8. Климова Я.А. Содержание основных структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними / Я.А. Климова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1 (60). – С. 108–113.

9. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования / И.А. Макаренко. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 352 с.

10. Милюкова И.А. Трудовая занятость подростков как фактор социальной безопасности: опыт социологического исследования / И.А. Милюкова, Э.В. Хохлов // *Studia Humanitatis Borealis*. – 2013. – № 1 (1). – С. 73–83.

8. Klimova Ya.A. Basic structural elements subject matter with regard to forensic characteristics of crimes committed by teenagers. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 1 (60), pp. 108–113. (In Russian).

9. Makarenko I.A. The personality of a minor accused as an object of criminalistic research. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 352 p.

10. Milyukova I., Hohlov E. Teenagers employment as a factor of societal security: an analysis of results of sociological research. *Studia Humanitatis Borealis*, 2013, no. 1 (1), pp. 73–83. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишкина Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishkina Elena Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 02.05.2024.
The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 02.05.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.17

Original article

ЮМАТОВ Василий Алексеевич
Национальный исследовательский
государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
e-mail: yumatovva@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2911-9617>

YUMATOV Vasilii Alekseevich
National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

ПОЛЯКОВА Анастасия Васильевна
Национальный исследовательский
государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
e-mail: anastasia.poliakova811@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0256-2432>

POLYAKOVA Anastasia Vasilievna
National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПО СЛЕДАМ НА ПУЛЯХ, ПОДВЕРГШИХСЯ АГРЕССИВНОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

FEATURES OF IDENTIFICATION OF FIREARMS BY TRACES ON BULLETS
AGGRESSIVELY EXPOSED

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы установления зависимости между устойчивостью признаков частей и деталей огнестрельного оружия на выстрелянных пулях и воздействием на пули среды, в которой они находились после выстрела. В теории и практике судебно-баллистической экспертизы имеется накопленный методический материал по установлению идентификационного периода по следам на пулях, подвергшихся различному воздействию. Однако все еще есть ряд проблемных вопросов, связанных с анализом изменений в следах на пулях, находившихся определенный промежуток времени в агрессивной среде. Цель: проанализировать влияние типа среды и ее водородного показателя на идентификационный период признаков в следах на выстрелянных пулях. Методы: совокупность методов формальной логики, общенаучных методов: описания, эксперимента, сравнения, моделирования, а также частнонаучных: микроскопического, фотографического. Результаты: оценена устойчивость признаков в следах на выстрелянных пулях, находившихся в песчаных почвах с различным водородным показателем.

Ключевые слова: идентификация, идентификационный период, выстрелянная пуля, следы канала ствола, коррозионный процесс, агрессивное воздействие

Abstract. The article deals with the issues of establishing the dependence between the stability of the features of parts and details of firearms on fired bullets and the impact on the bullets of the environment after the shot. In the theory and practice of forensic ballistic examination there is accumulated methodical material on the establishment of the identification period by traces on bullets exposed to different effects. However, there are some problematic issues related to the analysis of changes in traces on bullets stayed for a certain period of time in aggressive environment. Purpose: to analyze the influence of the type of environment and its hydrogen index on the identification period of features in traces on fired bullets. Methods: a set of methods of formal logic, general scientific methods: description, experiment, comparison, modelling, specific scientific methods: microscopic, photographic methods of research. Results: the article evaluates the stability of features in traces on fired bullets located in sandy soil with different hydrogen index.

Keywords: identification, identification period, fired bullet, traces of the barrel bore, corrosion process, aggressive impact

Для цитирования: Юматов В.А. Особенности идентификации огнестрельного оружия по следам на пулях, подвергшихся агрессивному воздействию / В.А. Юматов, А.В. Полякова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 129–136.

For citation: Yumatov V.A., Polyakova A.V. Features of identification of firearms by traces on bullets aggressively exposed. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 129–136 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.17.

ВВЕДЕНИЕ

Противоправное поведение несовершеннолетних является объектом исследований ученых различных отраслей юридической науки. В соответствии с аналитическими данными Министерства внутренних дел РФ в 2023 г. каждое 37-е преступление было совершено несовершеннолетними или при их соучастии¹. В последние годы отмечается остро стоящая проблема совершения молодежью преступлений с применением огнестрельного и иных видов оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств. В процессе расследования данных фактов большое значение имеет назначение судебно-баллистической экспертизы.

Разработка проблемных вопросов значения и производства судебно-баллистической экспертизы необходима для эффективного применения данной области специальных знаний в судопроизводстве. Внимание ученых сосредоточено на усовершенствовании методического аппарата, а также информационно-компьютерного обеспечения данного рода судебной экспертизы. В частности, не теряют актуальности исследования, посвященные анализу факторов, влияющих на процесс идентификации огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах. Так, И.В. Латышовым было проанализировано влияние высоких температур на решение идентификационной задачи по следам на пулях [1]; А.В. Кокин впервые исследовал влияние воздействия почвы на устойчивость следов на выстрелянных пулях, имеющих стальные оболочки, плакированные томпаком [2, с. 196–197].

Особенной средой, которая оказывает существенное влияние на сохранность следов на пулях, являются ткани человека, когда пуля находится в трупe. Интересным представляется исследование влияния трупных явле-

ний на возможность идентификации оружия по следам на пулях, результаты которого опубликованы в «Журнале судебной экспертизы» в 1993 г. [3]. Пять пуль из различных материалов были помещены в разные участки тела человека (черепную, грудную, брюшную полости, в мышечную и жировую ткани трупа). После разложения трупа на 90 % пули были извлечены и сравнены с эталонными, не подвергшимися изменениям. В результате сложных биохимических процессов, происходивших в трупe, пули подверглись коррозионным изменениям. Причем в пулях из различных материалов изменения происходили неодинаково: в пулях из меди и никеля коррозионные процессы развивались быстрее, а из алюминия, наоборот, медленнее.

Сотрудники департамента судебной медицины Индии и отдела баллистики полиции Ямайки провели аналогичное исследование и проследили изменения в общих и частных признаках канала ствола на пулях, выстрелянных из разных моделей огнестрельного оружия [4]. Эксперимент длился 12 дней в условиях температуры среды, в которой пребывал труп с экспериментальными пулями, 26–29 °, на 12-й день пуля приобрела полностью гладкую поверхность, без отображения микрорельефа канала ствола, следовательно, идентификация стала невозможна.

Нами тоже были проведены экспериментальные исследования с целью определения идентификационного периода в следах на выстрелянных пулях, находившихся в условиях, имитирующих мягкие ткани человека [5, с. 163–165]. Считаем, что необходимо проведение дальнейших исследований по установлению факторов, влияющих на идентификационный период, в процессе отождествления огнестрельного оружия по следам на пулях. В связи с этим была проведена серия экспериментальных исследований по анализу устойчивости признаков первичных и вторичных следов на пулях в результате воздей-

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. М. : ФКУ «ГИАЦ МВД РФ», 2024. 64 с.

ствия песчаной почвы с учетом различного водородного показателя среды.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ПЕСЧАНОЙ ПОЧВЫ НА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Для эксперимента был произведен отстрел пули калибра 9 мм патрона 9 × 18ПМ из пистолета Макарова. Данные пули состоят из стального сердечника, свинцовой оболочки, плакированной томпаком. Три пули были помещены в песчаную почву с различным показателем pH (нейтральная – pH = 6, щелочная – pH = 8, кислотная – pH = 5), одна пуля была использована в качестве эталонной и не подвергалась никакому агрессивному воздействию. На протяжении двенадцати недель экспериментальные пули находились в песчаной среде и каждые три недели извлекались из нее для исследования и фиксации произошедших в следах изменений. Результаты экспериментальных исследований по установлению возможности идентификации по следам на пулях, находящихся в песчаной почве с нейтральной, щелочной и кислотной средой, сведены в таблицы.

При нахождении экспериментальной пули в песчаной почве с нейтральным водородным показателем получены следующие результаты (см. табл. 1):

3 недели: существенные изменения не обнаружены, кроме образования тонкой оксидной пленки. Проведение идентификационного исследования возможно в полном объеме, так

как следы пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

6 недель: наблюдается общая неравномерная коррозия на поверхности оболочки пули, особенно локализуемая в ее нижней части, ближе к дну. Проведение идентификационного исследования возможно в полном объеме, так как следы пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

9 недель: продолжает развиваться неравномерная коррозия, затрагивая новые участки, отдельные участки первичных следов уже покрыты ею. Проведение идентификационного исследования возможно, так как следы все еще пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

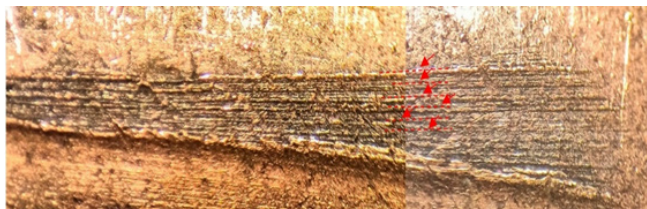
12 недель: увеличение количества участков, покрытых коррозией в виде коррозионных пятен, коррозионные пятна покрывают большую часть первичных следов, в местах их интенсивного расположения мелкие валики и бороздки не просматриваются. Проведение идентификационного исследования возможно, так как следы все еще пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению.

Таблица 1

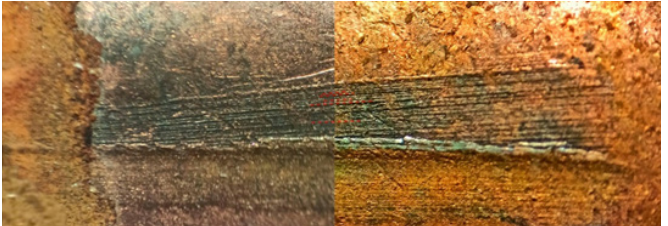

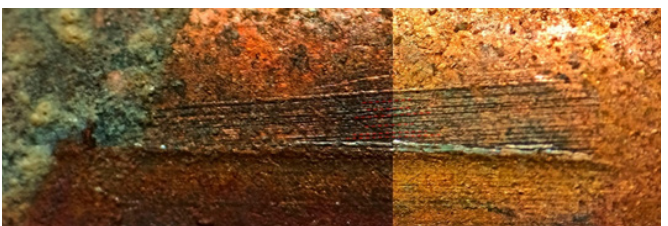
Результаты эксперимента по установлению возможности идентификации по следам на пулях, находящихся в песчаной почве с нейтральной средой



Внешний вид пули, находившейся в течение 3 недель в песке с нейтральной средой



Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (справа) и пуле, находившейся в течение 3 недель в песке с нейтральной средой (слева)

| | |
|--|--|
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 6 недель в песке с нейтральной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (справа) и пуле, находившейся в течение 6 недель в песке с нейтральной средой (слева)</p> |
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 9 недель в песке с нейтральной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (справа) и пуле, находившейся в течение 9 недель в песке с нейтральной средой (слева)</p> |
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 12 недель в песке с нейтральной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (справа) и пуле, находившейся в течение 12 недель в песке с нейтральной средой (слева)</p> |

В процессе нахождения экспериментальной пули в песчаной почве с щелочной средой были выявлены следующие изменения (см. табл. 2):

3 недели: существенные изменения не обнаружены, кроме образования оксидной пленки коричневого цвета. Проведение идентификационного исследования возможно в полном объеме, так как следы пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

6 недель: наблюдается общая неравномерная коррозия на поверхности оболочки пули в виде коррозионных пятен, оксидная пленка утолщается. Проведение идентификационного

исследования возможно в полном объеме, так как следы пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

9 недель: ранее появившаяся оксидная пленка меняет цвет на пепельно-серый, коррозионные пятна продолжают появляться по всей поверхности оболочки пули. Проведение идентификационного исследования возможно, так как следы все еще пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;


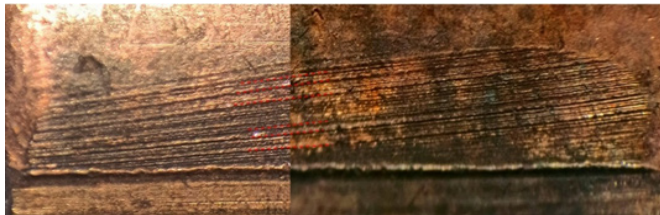

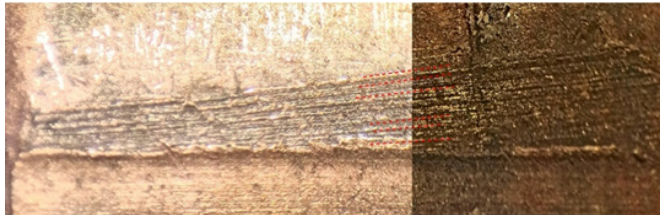

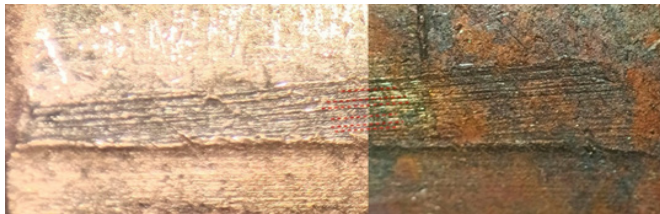

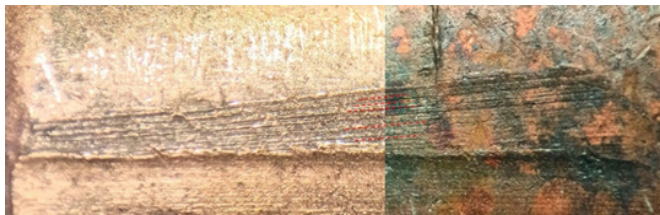
12 недель: увеличение количества участков, покрытых коррозией в виде коррозион-

ных пятен, коррозионные пятна покрывают большую часть первичных следов, в местах их интенсивного расположения мелкие валики и бороздки не просматриваются. Проведение идентификационного исследования

возможно, так как следы все еще пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению.

Таблица 2

Результаты эксперимента по установлению возможности идентификации по следам на пулях, находящихся в песчаной почве с щелочной средой

| | |
|---|---|
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 3 недель в песке с щелочной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 3 недель в песке с щелочной средой (справа)</p> |
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 6 недель в песке с щелочной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 6 недель в песке с щелочной средой (справа)</p> |
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 9 недель в песке с щелочной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 9 недель в песке с щелочной средой (справа)</p> |
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 12 недель в песке с щелочной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 12 недель в песке с щелочной средой (справа)</p> |

В результате нахождения экспериментальной пули в песчаной почве с кислотной средой наблюдались следующие изменения (см. табл. 3):

3 недели: существенные изменения не обнаружены, кроме образования тонкой оксидной пленки, наблюдаются участки образования коррозионных пятен, однако их влияние на микрорельеф первичных следов незначительно. Проведение идентификационного исследования возможно в полном объеме, так как следы пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

6 недель: наблюдается общая неравномерная коррозия на поверхности оболочки пули в виде коррозионных пятен, локальные участки коррозионных изменений подвергаются дальнейшей деградации в виде разъедания металла оболочки и образования коррозионных раковин, появляется маслянистый блеск оболочки пули. Большая часть микрорельефа первичных следов все еще сохранена. Проведение идентификационного исследования возможно, так как следы пригодны для идентификации; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде

валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

9 недель: процесс разъедания оболочки пули продолжается, затрагивая все большие по площади участки, присутствует маслянистый блеск оболочки. Участки первичных следов, на которых произошло разъедание оболочки пули, стали более сглажены, однако микрорельеф все еще выражен. Проведение идентификационного исследования возможно, так как следы все еще пригодны для идентификации на участках, не затронутых коррозионными раковинами; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению;

12 недель: увеличение количества участков, покрытых коррозионными раковинами, с дальнейшим развитием в виде едкой коррозии, маслянистый блеск оболочки становится более выраженным. Микрорельеф первичных следов, участки которых подверглись едкой коррозии, уничтожен. Проведение идентификационного исследования возможно, но по участкам, не затронутым глубокой коррозией; следы на эталонной и экспериментальной пулях в виде валиков и бороздок совпадают по размерам, расположению и взаиморасположению.

Таблица 3


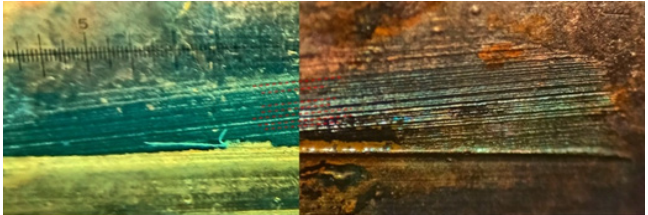

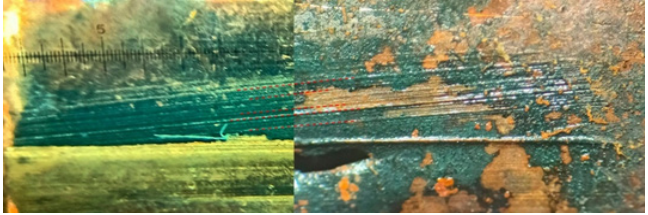

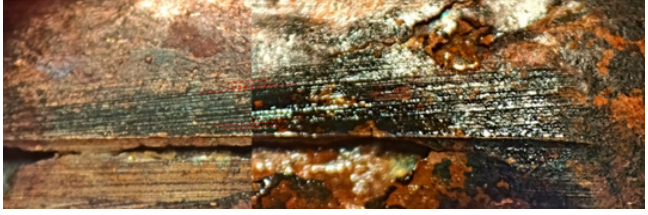
Результаты эксперимента по установлению возможности идентификации по следам на пулях, находящихся в песчаной почве с кислотной средой



Внешний вид пули, находившейся в течение 3 недель в песке с кислотной средой



Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 3 недель в песке с кислотной средой (справа)

| | |
|--|--|
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 6 недель в песке с кислотной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 6 недель в песке с кислотной средой (справа)</p> |
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 9 недель в песке с кислотной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 9 недель в песке с кислотной средой (справа)</p> |
|  <p>Внешний вид пули, находившейся в течение 12 недель в песке с кислотной средой</p> |  <p>Результат совмещения первичных следов на эталонной пуле (слева) и пуле, находившейся в течение 12 недель в песке с кислотной средой (справа)</p> |

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенных экспериментальных исследований позволяют констатировать, что идентификационное исследование по следам на пулях, находившихся на протяжении 12 недель в песчаной почве с различным водородным показателем, возможно. Наиболее агрессивной средой оказалась кислотная песчаная почва, так как образование едкой коррозии характерно только для нее. Несмотря на то что следы подвергаются коррозионным изменениям, которые

накапливаются на протяжении длительного периода нахождения в агрессивной среде, микрорельеф их сохраняется в большей степени. Исследование влияния различных коррозионных изменений на сохранность микрорельефа следов на выстрелянных пулях и стреляных гильзах актуально для криминалистической теории и практики, так как позволяет выявить закономерности взаимозависимости между типом агрессивной среды, временем нахождения в ней объекта и пригодностью следов для идентификации огнестрельного оружия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Латышов И.В. Возможности идентификации огнестрельного оружия по следам на выстреленных пулях, подвергшихся после выстрела термическому воздействию / И.В. Латышов // Известия Саратовского университета. Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 61–64.
2. Кокин А.В. Концептуальные основы криминалистического исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / А.В. Кокин. – Москва, 2015. – 388 с.
3. Smith O.C. Effects of human decomposition on bullet striations / O.C. Smith, L. Jantz, H.E. Berryman, S.A. Symes // Journal of Forensic Sciences. – 1993. – Vol. 38, iss. 3. – P. 593–598.
4. Dinesh R. Effects of human decomposition on test fired bullet – An experimental research / R. Dinesh, H. Singhb, J. Mowatt // Egyptian Journal of Forensic Sciences. – 2016. – Vol. 6, iss. 1. – P. 17–21.
5. Полякова А.В. Факторы, влияющие на процесс идентификационного баллистического исследования / А.В. Полякова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 5. – С. 161–166.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юматов Василий Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы юридического факультета;

Полякова Анастасия Васильевна – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yumatov Vasilii Alekseevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Forensic Expertise of the Faculty of Law;

Polyakova Anastasia Vasilievna – Senior Lecturer of the Department of Forensic Expertise of the Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 24.04.2024.
The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 24.04.2024.

REFERENCES

1. Latyshov I.V. Possibility of firearm identification on fired bullets traces after thermal influence. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 3, pp. 61–64. (In Russian).
2. Kokin A.V. Conceptual foundations of forensic research of rifled firearms based on marks on bullets. *Doct. Diss. Moscow*, 2015. 388 p.
3. Smith O.C., Jantz L., Berryman H.E., Symes S.A. Effects of human decomposition on bullet striations. *Journal of Forensic Sciences*, 1993, vol. 38, iss. 3, pp. 593–598.
4. Dinesh R., Singhb H., Mowatt J. Effects of human decomposition on test fired bullet – An experimental research. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 2016, vol. 6, iss. 1, pp. 17–21.
5. Polyakova A.V. Factors affecting the process of forensic firearm identification. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2020, no. 5, pp. 161–166. (In Russian).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 349.2:331.109
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.18

Original article

ЛУШНИКОВ Андрей Михайлович
Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия,
e-mail: amlu0909@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8043-8218>

LUSHNIKOV Andrey Mikhailovich
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ СПОРЫ И «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВА» ПРИ ИХ РАЗРЕШЕНИИ: СВЕТ И ТЕНИ

INDIVIDUAL LABOR DISPUTES AND «ECONOMIC ANALYSIS OF LAW» IN THEIR
RESOLUTION: LIGHT AND SHADOWS

Аннотация. В статье поставлена цель – оценить применимость «экономического анализа права» при разрешении индивидуальных трудовых споров. За основу исследования взято классическое учение американского юриста и судьи Р.А. Познера, с именем которого связано выделение указанного методологического подхода к разрешению данного вида споров. Методы исследования: общенаучные (диалектический, исторический, анализа, синтеза и др.) и частноправовые (формально-логический, сравнительно-правовой и др.). Результаты исследования: «экономический анализ права» индивидуальных трудовых споров представляет сложную амальгаму, с одной стороны, из вполне здравых положений и конструктивных посылок, главной из которых является необходимость учета экономического компонента трудовых отношений. Однако этот анализ применим в весьма ограниченном перечне индивидуальных трудовых споров, связанных, прежде всего, с заработной платой и возмещением вреда, но при соблюдении значительного массива публичных ограничений. С другой стороны, подход к индивидуальным трудовым спорам с позиций экономического анализа права порождает весьма негативные последствия. Сделан вывод о том, что институциональный (комплексный) подход является более результативным по сравнению с «экономическим анализом» в отношении индивидуальных трудовых споров.

Ключевые слова: трудовые споры, «экономический анализ права», рациональность, теорема Познера, экономическая эффективность, судебское усмотрение, трудовые права

Abstract. The article aims to assess the applicability of «economic analysis of law» in resolving individual labor disputes. The study is based on the classic teaching of the American jurist and judge R.A. Posner. His name is associated with the identification of the specified methodological approach to resolving this type of dispute. Research methods: general scientific (dialectical, historical, analysis and synthesis, etc.) and private law methods (formal-logical, comparative legal, etc.). Results of the study: «economic analysis of law» of individual labor disputes represents a complex amalgam, on the one hand, of quite sound provisions and constructive premises, the main one of which is the need to take into account the economic component of labor relations. However, this analysis is applicable in a very limited list of individual labor disputes, primarily related to wages and compensation for harm, but subject to a significant array of public restrictions. On the other hand, the approach to individual labor disputes from the standpoint of economic analysis of law gives rise to very negative consequences. It is concluded that the institutional (integrated) approach is more effective compared to «economic analysis» in relation to individual labor disputes.

Keywords: labor disputes, «economic analysis of law», rationality, Posner's theorem, economic efficiency, judicial discretion, labor rights

Финансирование. Исследование подготовлено при финансовой поддержке Ярославского государственного университета, проект VIP-014.

Для цитирования: Лушников А.М. Индивидуальные трудовые споры и «экономический анализ права» при их разрешении: свет и тени / А.М. Лушников. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 137–147.

Financing: The study is financially supported by Yaroslavl State University, project VIP-014.

For citation: Lushnikov A.M. Individual labor disputes and «economic analysis of law» in their resolution: Light and shadows. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 137–147 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.18.

ВВЕДЕНИЕ

Важность учета экономических факторов для трудового права, в том числе при разрешении индивидуальных трудовых споров, в настоящее время не вызывает сомнений. Это констатируют как ученые-трудовики, так и экономисты по труду, а также другие представители экономической науки, о чем уже упоминалось в предыдущих публикациях [1, с. 10–45; 2].

Пионером современного экономического подхода к разрешению в том числе индивидуальных трудовых споров является американский юрист Р.А. Познер (р. 1939) – один из основателей научного направления, получившего наименование «экономический анализ права». Именно Познер написал первую специальную работу с таким названием [3; 4]. Полагаю, что предложенный им экономический анализ трудового права вызвал еще больше проблем [5]. Вопрос о его применении для разрешения именно индивидуальных трудовых споров не менее спорный. Этому и будет посвящена данная статья. Нашу задачу облегчает наличие достаточно большого массива переведенных работ данного автора [6; 7; 8; 9], причем немало внимания в них уделено интересующей нас проблематике.

УЧЕНИЕ Р. ПОЗНЕРА ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ПРАВА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ

Большую часть своей карьеры Познер был связан с органами юстиции. С 1962 по 1963 г. он трудился в канцелярии судьи Верховного суда США У. Бреннана, затем продолжил работу в Управлении заместителя министра юстиции США под руководством Т. Маршалла, первого

высокопоставленного чернокожего юриста, ставшего затем членом Верховного суда США.

В 1969 г. Познер занимает должность старшего преподавателя в Чикагском университете, с которым будет связан до конца своей педагогической карьеры (с 1981 г. – по совместительству). В 1981 г. Познер назначается судьей Апелляционного суда по седьмому округу (Чикаго). С 1993 по 2000 г. он был главным судьей этого же суда, а в 2017 г. вышел в отставку. Вполне естественно, что значительная часть научных работ Р.А. Познера посвящена деятельности судов («Экономика правосудия» (1981), «Федеральные суды: кризис и реформа» (1985), «Федеральная судебная система: сильные и слабые стороны» (2017) и др.) либо затрагивала ее. Р.А. Познер является автором около 40 книг и свыше 600 статей.

Journal of Legal Studies назвал Познера наиболее цитируемым ученым-правоведом XX в. Его работы цитировались 7981 раз, по сравнению с 4488 цитированием его непримиримого оппонента – американского юриста Р. Дворкина. Судебные решения Познера до сих пор пользуются авторитетом у американских судей, а выдержки из них включены в ряд учебников. В 1999 г. газета «Нью-Йорк таймс» назвала Познера одним из наиболее уважаемых судей в США. А по результатам опроса журнала Legal Affairs, проведенного в 2004 г., Познер был назван одним из двадцати главных правовых мыслителей США. Стоит уточнить, что в настоящее время появились специальные работы, посвященные научному наследию Познера [10, с. 236–237; 11; 12, с. 166–277].

Подход американского юриста к индивидуальным трудовым спорам не может быть в должной степени оценен без учета некоторых его методологических установок. В целом они строятся на провозглашении прима-

та экономики над всеми другими сферами общественной жизни, что, на взгляд ученых, начинавших научную карьеру в советский период, навеивает сравнение с марксизмом. Так, Ю.А. Тихомиров резонно отметил: «Очень устойчивой оказалась трактовка права в рамках парадигмы "базис – надстройка". Своего рода ее продолжением является концепция американского профессора Ричарда Познера об экономическом анализе права» [13, с. 192].

Суть такого подхода заключалась в распространении на право и споры о праве принятых в неоклассической экономике законов в рамках известного течения «экономического империализма». Пионером этого течения был друг и наставник Познера лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Беккер. Подчеркнем, что их обоих относят к представителям чикагской экономической школы. Достаточно сказать, что справедливость Познер считал фактически эквивалентом экономической эффективности и даже ее побочным продуктом. В этой связи он ставил под сомнение и даже отвергал принцип законности (одна из его работ носит говорящее название «Преодолевая закон» (1995)), если закон мешал «приращению экономического пирога» [14].

Приоритет снижения трансакционных издержек (прежде всего, затрат на заключение и исполнение сделок) и экономическая эффективность были для Познера, как и для экономистов-неоклассиков, абсолютными. Исходя из этого, он утверждал, что общее право, в том числе трудовое право, должно способствовать повышению экономической эффективности, как это делает сам рыночный механизм. Действительно, как полагал американец, добровольные сделки на свободном рынке ведут к увеличению общественного благосостояния, так как в противном случае они просто не состоялись бы. Соответственно, суды должны подражать рынку и устранять препятствия для свободных сделок. По его мнению, весь смысл существования правовой системы должен сводиться к повышению эффективности договорного права и права собственности, а не к созданию справедливой (в правовом смысле) судебной системы или общей системы гражданских свобод [8, с. 16].

Ориентиром для Познера служил подход американского юриста, судьи апелляционно-

го суда Л. Хэнда, который в 1947 г. сформулировал известное «правило Хэнда». Согласно ему при внедоговорном причинении вреда виновным признается тот, чьи затраты на возможное предотвращение аварии были меньше, чем вероятность аварии, умноженная на стоимость убытков от нее. Кроме того, Хэнд впервые использовал математический метод и рациональный анализ затрат и выгод при рассмотрении конкретного дела, которое стало прецедентом и источником деликтного права США. Следовательно, если размер затрат или бремени на предотвращение аварии или иного происшествия является меньше ожидаемых потерь от аварии, сторона должна считаться проявившей небрежность. Такой подход широко использовал и Познер.

Этот «экономизм» порождал достаточно однобокий подход Познера в духе благотворного влияния на право максимизации личной выгоды (как основы индивидуальной экономической эффективности). Он считал, что решения в духе «экономического анализа» не ограничиваются случайными примерами, в которых суды действительно используют экономические формулировки, как в «правиле Хэнда», определяющем ответственность за неосмотрительное поведение. Напротив, они охватывают фактически все области общего права, включая трудовое право. В итоге профессор пришел к бодрому выводу, что на основе экономического анализа можно принять 90 % судебных решений из 100 [8, с. 324]. Между тем методика его исчислений остается непонятной, а сам процент – более чем проблематичным и даже странным.

Познер был убежден, что у закона нет соответствующих механизмов, обеспечивающих экономическую эффективность. В этой связи при любых сбоях рынка не надо обращаться к законодателям и администраторам, а следует просто положиться на общее право (в лице судей), и оно приведет к экономически эффективному результату. Отсюда его откровенное недоверие к законодателям и администраторам (так как они действуют в пользу «группы интересов») и желание «преодолеть закон» посредством расширения судебского усмотрения. Примечательно, что в силу своего индивидуалистического подхода коллективных трудовых споров американец фактически не признавал.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К «ЭКОНОМИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ»
ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ**

1. Для Познера работник, как и работодатель – физические лица, а равно и представители работодателя – «люди экономические». Это субъекты сугубо рациональные, эгоистичные, обладающие всей полнотой информации и оценивающие в режиме реального времени экономические последствия своих действий. К этому выводу примыкает и «теория (модель) рационального выбора», согласно которой человек в условиях нехватки ресурсов выбирает между прибылью и убытками, наслаждением и болью и др., и этот выбор всегда рационально просчитан в пользу прибыли, наслаждения и прочих устраивающих его ориентиров с игнорированием морального и общественного контекста.

Такой узкий экономический подход иногда приводил к комичным результатам, особенно когда дело касалось других сфер общественной жизни, в том числе отношений в семье [15]. Совсем не случайно, что такая трактовка человеческой природы встретила возражения даже среди экономистов и, естественно, юристов, особенно сторонников «поведенческой экономики». Ее критиками являются лауреаты Нобелевской премии по экономике Д. Кинеман и Р. Талер, правовед К. Санстейн [16, с. 12–31; 17, с. 265–268] и др.

Напомним, что поведенческая экономика связана с признанием сложности человеческого поведения, возможностью неадекватного восприятия информации и когнитивных искажений в оценке ситуации. Как раз для трудового права предложенная «поведенческими» экономистами «теория подталкивания» (стимулирования общественно полезного поведения) имеет большое значение. В частности, это относится к введению многочисленных презумпций (в том числе презумпции трудовых отношений), выбору наиболее продуктивных для общества и личности моделей из нескольких возможных «по умолчанию», более активному поведению судьи в процессе. «Теория подталкивания» распространяется на такие феномены, как обязательная и добровольная модели страхования, содержание типовых трудовых и коллективных договоров,

обеспечение полного раскрытия информации и доведение ее в обязательном порядке до заинтересованных сторон и др. На актуальность изучения обозначенной проблематики для трудового права неоднократно указывалось в литературе [18; 19]. Сторонники поведенческой экономики подчеркивают необходимость учета при вынесении судебных решений ошибок и когнитивных искажений в поведении сторон, а также влияние внешних факторов на восприятие судьями конкретных обстоятельств дела (информационного шума, сложившегося нарратива и др.). Отсюда вытекает важность правил и рекомендаций для судей, которые ориентировали бы их на адекватное решение.

Напротив, Р. Познер настаивал на «безграничности» судейского усмотрения, полной рациональности судей в понимании ими экономических последствий своих решений, так как все участники судебного процесса – это сугубо рациональные субъекты. Фактически это означало приравнивание судьи чуть ли не к профессиональному экономисту или экономическому эксперту, а также превращение «экономической эффективности» в один из ключевых критериев судейских решений. В соответствии с этим рациональным (так как оно экономически эффективно) оказывается действительно любое поведение работника, причем ставятся под сомнение самые скромные притязания «поведенческой экономики» на допущения об «ограниченной рациональности», «ограниченной силе воли», «ограниченном эгоизме». Даже если это так, утверждает Р. Познер, то на рациональность выбора работника это никак не влияет. Из этого можно сделать вывод, что допустимо любое поведение работника, включая отказ от соблюдения норм по охране труда («обмен здоровья на деньги»), притятие за денежную компенсацию дискриминации и принудительного труда и др.

В контексте трудовых отношений такой подход может быть сведен к банальному требованию создавать для работника стимулы материального поощрения и карьерного роста, что ни у кого особых сомнений и не вызывает. Не вызывает сомнения и то, что работник должен осознавать связь экономических успехов своего работодателя с уровнем своего благосостояния, хотя бы через размер зарпла-

ты. Однако нет сомнения и в том, что все это может осуществляться только в строгих правовых рамках, с учетом принципа равенства и дифференциации, а равно запрета дискриминации и др., которые юриста Познера, как ни странно, не особенно интересуют. Очевидно, что это узкоутилитарный подход, который большинство современных специалистов по трудовому праву отвергает.

2. Еще одна особенность экономического анализа права выражается в том, что он утилитарен. Для Познера главным критерием правильного судебного решения является экономическая польза, причем подлежащая денежному измерению. Примечательно, что он пытался откеститься от утилитаризма, но, на наш взгляд, неудачно. При этом американец посетовал на сложности выработки этических рекомендаций утилитаризма для проведения правовой политики, в том числе в сфере труда [9, с. 54–57]. Но полное их игнорирование с его стороны (кроме ориентации на экономическую целесообразность в денежном эквиваленте) едва ли лучше, тогда как большинство юристов в этой ситуации обратятся к принципам права, прежде всего справедливости, свободы, равенства, гуманизма, а также законности и демократизма.

3. Важную роль в экономическом подходе к разрешению индивидуальных трудовых споров играет критерий максимизации богатства Познера (теорема Познера). Этот критерий заключается в том, что права (например, право собственности) передаются тому, кто готов заплатить более высокую цену, то есть фактически от бедного к богатому. Более того, все другие составляющие подхода к праву и решениям споров о праве у Р. Познера базируются именно на этом критерии. Отсюда и предложенные им критерий эффективности судебных решений и принцип минимизации трансакционных издержек (прежде всего, затрат на заключение и исполнение сделок) и др. В итоге критерий максимизации богатства стал системообразующим элементом общего подхода Познера к разрешению индивидуальных трудовых споров. Этот подход был связан с игнорированием начального распределения собственности среди частных владельцев (в том числе между работниками и работодателями), наличием свободного

рынка, а также правовых норм, имитирующих этот рынок в случае конфликтных ситуаций и системы юридических средств, обеспечивающих право собственности от внешнего вторжения. Все это связывалось с «протестантским достоинством», якобы сводящим справедливость к экономической эффективности.

Отправной точкой для распределения общественного богатства Познер считал право собственности на свое тело и на свой труд, притом что никакой нравственной основы эффективности нет, и все эффективное в конечном итоге окажется наиболее нравственным. Исключения малозначительны и не фатальны, к тому же этическая роль экономиста чаще всего является решающей [6, с. 327–328]. Для специалистов по трудовому праву здесь спорно практически все. Так, правовая природа «права собственности на свое тело» и «права собственности на труд» представляется вообще неопределенной. Если тело – объект права собственности, то кто будет субъектом-собственником? Вероятно, кто-то бестелесный. Собственность в отношении права на труд – еще больший вопрос, тем более что с точки зрения гражданского права это просто бессодержательно (так как труд точно не является имуществом). К тому же Познером игнорируется наличие специфики личных неимущественных прав (а это большинство трудовых прав), которые не могут быть отчуждаемы даже с согласия их носителя. Тем не менее из спорного положения о праве собственности на труд американец сделал далеко идущие выводы. Так, он призвал считать законными любые условия добровольно заключенных договоров, включая договор о продаже себя в рабство или о согласии работника подвергнуться садистским истязаниям за деньги. По мнению Познера, экономические издержки урежут аппетит новых рабовладельцев и садистов-работодателей, но с точки зрения возрастания благосостояния общества такое поведение допустимо. Если дело в отношении работника дойдет до криминала, то это тоже не большая проблема. Так, фактически было предложено все уголовные дела превратить в дела частного обвинения, когда стороны (например, трудового договора) вправе договориться о возмещении вреда, причиненного любыми противоправными действиями. В частности,

при хищении работником имущества на 25 тыс. долларов похититель должен возместить вред в размере не менее этой суммы, а если у него средств нет, то он может быть осужден, например, на 3 года лишения свободы. Естественно, что для большинства трудовиков такой подход неприемлем и очень напоминает ситуацию из песенки про «Цыпленка жареного», который должен был «гнать монету», однако если «монеты нет – садись в тюрьму».

Получается, что если по вине директора-миллионера погиб бедный неквалифицированный рабочий (при этом что первый способствует приращению общественного богатства, а второй скорее его расходует), то суд может ограничиться штрафом (человеческая жизнь традиционно оценивается американскими экономистами от 1 млн до 10 млн долларов). Если же бедный работник причинил вред имуществу эффективно развивающегося предприятия, а тем более убил его директора-миллионера, то вполне уместно самое суровое наказание, вплоть до смертной казни. Познер понимает, что это может породить безнаказанность богатых людей, в том числе представителей работодателя, но наивно надеется, что они, как рациональные агенты, начнут экономить свои честно заработанные деньги. Все это сводится к известной, но критикуемой практически почти всеми юристами ситуации, когда «богатый платит, а бедный сидит». Кстати, именно так понимают учение Познера и его российские поклонники, считая это подлинным торжеством справедливости [20, с. 203–210].

На основании полного приоритета сугубо договорных отношений Познер отвергает практически все законы о труде, которые якобы затрудняют куплю-продажу рабочей силы и представляют собой излишнее государственное вмешательство в дела бизнеса (особенно в части охраны труда). Он отрицает необходимость установления любых публичных стандартов труда. В частности, законодательно установленный минимальный размер оплаты труда, по мнению судьи, только затрудняет ведение бизнеса, ограничивает наем новых работников. Что еще более странно, трудовое законодательство, в его представлении, едва ли не стимулирует дискриминацию, прежде всего в отношении работников, кото-

рые не являются членами профсоюза. Более позитивно Познер относится к доктрине найма по желанию (когда работник может быть уволен в любое время без всякого основания), и в эту ситуацию не должно вмешиваться государство [3, с. 430–463]. Между тем общепризнано, что трудовое право представляет собой амальгаму частных и публичных начал, которые невозможно разделить и подвергнуть сепаратному регулированию только на договорных началах. Соответственно, названный критерий применим только к гражданско-правовым отношениям, да и то не ко всем.

Доведенный до логического завершения «критерий максимизации богатства Познера» можно понять так: суд защищает право собственности не любого собственника (в том числе на свой труд), а только «эффективного», готового заплатить больше. Поскольку этот критерий сугубо оценочный, на практике он вызывает массу вопросов. Превращение же судебного разбирательства в подобие аукциона, определяющего, кто больше заплатит, не представляется возможным. Кроме того, позиции работника, как экономически более слабой стороны, от которой опосредованно зависит экономическая эффективность, будет изначально проигрышной, а чаще всего просто безнадежной. В качестве вывода для юристов можно констатировать, что «критерий максимизации богатства Познера» – это правило публичных торгов, аукционов, вне таковых оно имеет крайне ограниченное распространение, особенно в отношении индивидуальных трудовых споров.

4. Богатство и благосостояние (как главные объекты судебной защиты) измеряются Р. Познером исключительно в долларах и долларовом эквиваленте в масштабах всего общества. Они связывались с готовностью граждан заплатить за благо или, если лицо уже владеет им, столько, сколько нужно, чтобы отказаться от него. Напомним, что к числу таких платных благ относились и личные неимущественные права, включая право на жизнь, личную неприкосновенность и др. По мнению ученого, единственный вид предпочтений в системе благосостояния – только тот, который подержан деньгами, то есть выносится на рынки. Под последними понимаются и неявные рынки, не имеющие выраженной монетарной

составляющей (связанные с браком, воспитанием детей, дружбой и др.). Они напрямую не измеряются строго в деньгах, но особо важны для права. На них также происходят трансакции, но обычно не добровольно, а регулирующие их правовые нормы и должны имитировать рынок [9, с. 64–65].

Вполне в духе Познера можно привести следующий пример. Затраты на улучшение техники безопасности для конкретного предприятия составляют 10 млн долларов, а затраты на компенсацию вреда жизни и здоровью работников без такого улучшения – 9 млн долларов. Естественно, что приращение общественного богатства на 1 млн нельзя упустить, а число увечных и погибших работников значения не имеет. Да и компенсировать сверх установленных договором сумм пострадавшим и их семьям не надо, так как от приращения общественного богатства в конечном итоге выиграют и они. Представляется, что в этом случае начисто игнорируются принципиально важные вопросы распределения (в том числе первичного, которое вообще не учитывается) и неравенства субъектов (в информированности, организационных возможностях, финансовых ресурсах и др.), которые проявляются даже при заключении трудового договора. Сам Познер понимает, что в ряде случаев предложенный им критерий денежной оценки всего неприменим. Однако эти случаи не колеблют, по его мнению, общего правила и связаны с названным критерием «в конечном итоге». Между тем таких случаев настолько много, что это ставит под вопрос само значение сугубо денежного критерия и в целом богатства даже в гражданском праве. Неприменим этот критерий, на наш взгляд, и к трудовым спорам, за редким исключением – если они связаны с возмещением вреда или оплатой труда, но и в этих случаях необходимо соблюдение публичных стандартов и ограничений (МРОТ, периодичность выплат, государственные гарантии, ограничение удержаний, ограничения материальной ответственности работника и др.).

5. Возвращаясь к учению Р. Познера, отметим, что оно основано на глубоко консервативном подходе, увековечивающем существующее экономическое и социальное неравенство и в значительной части предо-

пределяющем судебное решение. По мнению Познера, конкретный человек может без достаточного основания проиграть от решения суда, но компенсировать этот проигрыш не надо, так как в конечном итоге будет максимизировано богатство общества и конкретный человек автоматически получит долю возросшего богатства (или меньшие издержки). От себя добавим, что для судьи, разрешающего спор о праве, презюмировать заведомую проигрышность позиции более бедной (или менее экономически эффективной) стороны явно неприемлемо, да и сам судья Познер таких странных решений в открытую не принимал. Однако оправдание такого консерватизма достаточно странное: возрастание богатства – прямой путь к большему числу нравственных целей. Ущербность такого подхода отметил немецкий юрист Г. Радбрух еще в 40-х годах XX в. По его мнению, в этом случае философия права станет лишь результатом борьбы «политических партий, а в конечном счете – борьбы экономических интересов на более высоком интеллектуальном уровне, и как следствие – она не более, чем "фата моргана" действительности» [21, с. 19–20].

6. Принцип максимизации выгоды Познер распространил и на поведение и трудовую функцию судей. Традиционно считалось, что они должны думать об общественном благосостоянии, но прямого экономического интереса в конкретных решениях у них нет и быть не может. Познер утверждает, что и судьи стремятся к максимизации, которая определяется их доходом, досугом и голосами на выборах. Представляется, что большинство судей любых уровней это очень сильно удивит. В этой связи более умеренным и обоснованным выглядит утверждение о том, что экономическая эффективность должна распространяться и на деятельность судов при разрешении индивидуальных трудовых споров через «экономия процессуальных средств». Это касается в том числе большего доверия со стороны вышестоящих судов судам первой инстанции, а также решениям примирительных и посреднических органов, разрешающих индивидуальные трудовые споры. Однако и здесь Познер не всегда последователен, хотя «экономия процессуальных средств» красной нитью проходит через все его исследования.

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ТРУДОВЫМ СПОРАМ

Американский юрист и политолог И. Шапиро, представляющий йельскую школу права и экономики, конкурирующую с чикагской школой экономического анализа права, прямо обвинил своего коллегу Р. Познера в непоследовательности и даже «бегстве от реальности». Проанализировав решения судьи Р. Познера по трудовым делам за 1982–1987 гг., он сделал ряд важных выводов:

1) эти решения были достаточно односторонними. По мнению И. Шапиро, судья только декларировал необходимость уменьшения затрат на судебную систему, тогда как сам часто пересматривал решения судов первой инстанции по трудовым делам;

2) при оспаривании решений третейского разбирательства (для США это решения органов Национального управления по трудовым отношениям – НУТО), Познер также их нередко пересматривал, при этом он всячески приветствовал досудебное разбирательство и говорил о его авторитетности;

3) во всех спорных ситуациях судья становился на сторону работодателей [22, с. 241–248]. Фактически Познер исповедовал презумпцию «правоты работодателя», так как именно он отвечает за приращение богатства, а любые дополнительные компенсации работнику только уменьшают инвестиции в производство. Напомним, что в российском законодательстве (ст. 19.1 ТК РФ) закреплена «презумпция трудовых отношений» в пользу работника.

Весьма проблематичным, особенно для судей, оказался вывод Познера о том, что условия труда должны определять только рыночные силы. Так, ученого явно увлекла дискуссия о том, почему капитал инвестируется в те сферы, где за несчастные случаи с рабочими отвечают сами работники, и не инвестируется – где работодатели [3]. Несомненно, это максимизировало богатство инвесторов, да и работники с голода не умирали, вот только такая политика вызвала негодование во всем мире. Такая максимизация органически сопряжена с экономией на технике безопасности, эксплуатацией детского труда, ущемлением прав профсоюзов, игнорированием или отсутствием трудового законодательства и др.

Получается, что «экономически эффективные», хотя и нетерпимые в цивилизованном обществе условия труда были выгодны всем, особенно работникам, иначе бы они на них не согласились. Немецкий ученый-трудо­вик В. Дойблер в этой связи с сарказмом заметил: «Может быть, неолиберальные авторы предложат вновь ввести крепостное право, если кто-нибудь докажет, что крепостные будут трудиться лучше и обходиться дешевле?» [23, с. 105].

Естественно, Познер не утверждал, что судьи могут действительно заменить рынок, но они должны действовать так, как будто они хотели принять решения, которые увеличат богатство общества, так как «общее право устанав­ливает цены за поведение, чтобы таким образом сымитировать рынок». Это ставит вопрос ребром. Чем вообще преимущественно должен руководствоваться судья: юридическими законами или законами рыночной экономики? По этому поводу британский юрист Р. Уакс иронично задается вопросом: «...сколько судей имеют требуемую подготовку и умение определять обоснованность требуемых им аргументов? Даже судья Познер, несомненно, признал бы, что не все судьи – Ричарды Познеры» [24, с. 111]. В общем, попытки заменить судей экономистами или сделать из судей экономистов явно не приведут к торжеству юридической справедливости и даже экономической целесообразности с учетом разнообразия подходов и дискуссий в среде самих экономистов.

Заключение

1. Ключевые положения «экономического анализа» в отношении индивидуальных трудовых споров основаны на том, что рынок со временем через его «невидимую руку» (по терминологии А. Смита) резко увеличит занятость, повысит производительность труда, одновременно создаст для работника самые оптимальные условия, причем при минимальном правовом регулировании (кроме договорного), а желательно и вообще без него. В этой связи судьи должны только поддерживать экономическую эффективность работодателей, а социальные изменения произойдут автоматически. Однако такое волшебное превращение не происходит даже в экономически развитых странах при наличии достаточно развитого трудового законодательства.

2. Отсюда требования сторонников «экономического анализа» к судам строго контролировать соблюдение индивидуальных условий трудового договора, независимо от того, насколько они ущемляют личные немущественные права работников, под лозунгом усиления экономической эффективности. Напротив, многие западные экономисты (в том числе лауреаты Нобелевской премии по экономике индиец А. Сен, американец Д. Стиглиц) уже на рубеже XX–XXI вв. утверждали, что гарантии трудовых прав работников (защита от увольнений, правовая защита заработной платы и др.), а также иных личных немущественных прав оказывают противоречивое воздействие на занятость, но жесткой корреляции между их наличием и уменьшением занятости нет. Более того, они могут стимулировать занятость, но в любом случае улучшают положение работников [25, с. 477–482; 26, с. 404–410]. С этим вполне соглашаются практически все ученые-трудовики.

3. «Экономический анализ» индивидуальных трудовых споров, на наш взгляд, приводит к странному, неприемлемому для большинства юристов выводу: даже если некоторые или все трудовые права работника нарушаются, но это ведет к приращению общественного богатства, то расстраиваться не стоит, а тем более принимать судебные решения в пользу работника. Работник от этого приращения все равно выиграет, но позже. Возможно, он из-за нарушения норм по охране труда до этого времени может и не дожить или дожить не очень здоровым, но такова уж плата за рост общественного благосостояния.

4. «Экономический анализ» индивидуальных трудовых споров представляет сложное сочетание вполне здравых положений и конструктивных посылок с неприемлемыми для нас выводами. Первые условно, по названию статьи, можно отнести к «свету». Главными из них являются необходимость учета экономических возможностей работодателя, важность экономических стимулов и достижения производственных показателей, что в интересах как работника, так и работодателя, да и в целом государства и общества. Представляется, что это покрывается необходимостью экономической экспертизы и требованием к судьям учитывать среди прочих экономические последствия своих решений.

Однако эта «светлая сторона» сочетается с крайним упрощением (от моделей «человека экономического» и «рациональных ожиданий» до игнорирования принципов права) и шаткой основой для весьма радикальных и далеких от правовой реальности выводов. Причем такие «теневые» положения явно преобладают. Это преобладание стало прямым следствием приоритета рыночного фундаментализма и радикальной трактовки человеческой природы в духе «экономического империализма». В этой связи именно «человек юридический» (дееспособный) во всей полноте его проявлений – основа для эффективного разрешения индивидуальных трудовых споров. Поэтому институциональный (комплексный) подход представляется нам более реалистичным и результативным по сравнению с «экономическим анализом» в отношении индивидуальных трудовых споров [27].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трудовое право: национальное и международное измерение / В.Н. Бобков, Е.А. Волк, Р.Ш. Давлетгильдеев, А.М. Лушников и др.; под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. – Москва : Норма, 2022. – Т. 1. – 608 с.
2. Лушников А.М. Право и экономика / А.М. Лушников. – Москва : Проспект, 2019. – 192 с.
3. Познер Р. Экономический анализ права : в 2 т. / Р. Познер. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. – Т. 1. – 524 с.
4. Познер Р. Экономический анализ права : в 2 т. / Р. Познер. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. – Т. 2. – 454 с.

REFERENCES

1. Bobkov V.N., Volk E.A., Davletgildeev R.Sh., Lushnikov A.M. et al.; Golovin S.Yu., Lyutov N.L. (eds.). Labor law: National and international dimension. Moscow, Norma Publ., 2022. Vol. 1. 608 p.
2. Lushnikov A.M. Law and Economics. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 192 p.
3. Posner R.A. The Economic Analysis of Law. Saint Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2004. Vol. 1. 524 p.
4. Posner R.A. The Economic Analysis of Law. Saint Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2004. Vol. 2. 454 p.

5. Лущников А.М. Экономический анализ трудового права: новое научное направление или методологический тупик? / А.М. Лущников // Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 4. – С. 2–5.
6. Познер Р.А. О применении экономической теории и злоупотреблении ею при анализе права / Р.А. Познер // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. – Москва : ГУ ВШЭ, 2004. – С. 312–348.
7. Познер Р. Рубежи теории права / Р. Познер. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2017. – 480 с.
8. Познер Р. Создание правовой основы для экономического развития / Р. Познер. // Право. Журнал ВШЭ. – 2014. – № 1. – С. 4–16.
9. Познер Р. Утилитаризм, экономика и теория права / Р. Познер // Правоведение. – 2017. – № 3. – С. 46–89.
10. Блауг М. Познер Ричард А. / М. Блауг // 100 великих экономистов после Кейнса. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2008. – 384 с.
11. Дорохин В.С. Право, мораль и экономика: экономический анализ права и теория максимизации богатства Ричарда Познера / В.С. Дорохин. – Санкт-Петербург : Альф-Пресс, 2023. – 365 с.
12. Меркуро Н. Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее / Н. Меркуро, С. Мадема. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2019. – 648 с.
13. Тихомиров Ю.А. Право: традиции и новые повороты / Ю.А. Тихомиров. – Москва : Блок-Принт, 2023. – 208 с.
14. Лущников А.М. «Экономический анализ права» и юриспруденция: различия и общие подходы / А.М. Лущников // Lex Russica. – 2017. – № 2. – С. 79–89.
15. Лущников А.М. «Новая экономическая теория семьи»: критические заметки юриста / А.М. Лущников // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 384–391.
16. Кинеман Д. Шум. Несовершенство человеческих суждений / Д. Кинеман, О. Сибони, К. Санстейн. – Москва : АСТ, 2021. – 544 с.
17. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер. – Москва : Эксмо, 2018. – 384 с.
18. Линец А.А. «Трудовое право и поведенческая экономика» как сфера исследования (часть 1) / А.А. Линец // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 3–5.
19. Линец А.А. «Трудовое право и поведенческая экономика» как сфера исследования (часть 2) / А.А. Линец // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – № 3. – С. 18–20.
20. Тамбовцев В.Л. Право и экономическая теория / В.Л. Тамбовцев. – Москва : Проспект, 2021. – 224 с.
21. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – Москва : Международные отношения, 2023. – 240 с.
22. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / И. Шапиро. – Москва : ИД ВШЭ, 2011. – 368 с.
23. Дойблер В. Тенденции развития трудового права в промышленно развитых странах / В. Дойблер // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 103–109.
24. Уакс Р. Философия права. Краткое введение / Р. Уакс. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. – 176 с.
25. Сен А. Идея справедливости / А. Сен. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2016. – 520 с.
5. Lushnikov A.M. An economic analysis of labor law: A new research area or a methodological dead end? *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*, 2023, no. 4, pp. 2–5. (In Russian).
6. Posner R.A. On the application of economic theory and its abuse in the analysis of law. *Origins: Economics in the context of history and culture*. Higher School of Economics Publ., 2004, pp. 312–348. (In Russian).
7. Posner R.A. *Frontiers of Legal Theory*. Higher School of Economics Publ., 2017. 480 p.
8. Posner R. Creating a legal framework for economic development. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, no. 1, pp. 4–16. (In Russian).
9. Posner R.A. Utilitarianism, economics and legal theory. *Pravovedenie*, 2017, no. 3, pp. 46–89. (In Russian).
10. Blaug M. Posner Richard A. 100 great economists after Keynes. Saint Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2008. 384 p.
11. Dorokhin V.S. Law, morality and economics: economic analysis of law and the theory of wealth maximization by Richard Posner. Saint Petersburg, Alf-Press Publ., 2023. 365 p.
12. Mercurio N., Madema S. Economic theory and law: from Posner to postmodernism and beyond. Gaidar Institute Publ., 2019. 648 p.
13. Tikhomirov Yu.A. Law: traditions and new turns. Moscow, Block-Print Publ., 2023. 208 p.
14. Lushnikov A.M. «Economic analysis of law» and jurisprudence: Differences and common approaches. *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 79–89. (In Russian).
15. Lushnikov A.M. «The new economic theory of the family»: critical notes by a lawyer. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of P.G. Demidov Yaroslavl State University. Series: Humanities*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 384–391. (In Russian).
16. Kahneman D., Sibony O., Sunstein C.R. Noise: A flaw in human judgment. Moscow, AST Publ., 2021. 544 p.
17. Thaler R.H. Misbehaving. The making of behavioral economics. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 384 p.
18. Linets A.A. Labor law and behavioral economics as a research sector (part 1). *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*, 2018, no. 2, pp. 3–5. (In Russian).
19. Linets A.A. Labor law and behavioral economics as a research sector (part 2). *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*, 2018, no. 3, pp. 18–20. (In Russian).
20. Tambovtsev V.L. Law and economic theory. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 224 p.
21. Radbrukh G. Philosophy of law. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2023. 240 p.
22. Shapiro I. Escape from reality in the humanities. Higher School of Economics Publ., 2011. 368 p.
23. Deubler V. Trends in the development of labor law in industrialized countries. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1995, no. 2, pp. 103–109. (In Russian).
24. Wacks R. Philosophy of law: A very short introduction. Gaidar Institute Publ., 2020. 176 p.
25. Sen A. The idea of justice. Gaidar Institute Publ., 2016. 520 p.
26. Stiglitz J. The great divide: Unequal societies and what we can do about them. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 480 p.

26. Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99 % населения? / Д. Стиглиц. – Москва : Эксмо, 2016. – 480 с.

27. Лушников А.М. Трудовое право и институционализм: хорошо забытое старое / А.М. Лушников // Ежегодник трудового права. – 2023. – Вып. 14. – С. 26–44.

27. Lushnikov A.M. Labour law and institutionalism: Forgotten old story. *Ezhegodnik trudovogo prava = Russian Journal of Labour & Law*, 2023, iss. 14, pp. 26–44. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lushnikov Andrey Mikhailovich – Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of Labor and Financial Law.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 14.03.2024.
The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 14.03.2024.

Научная статья
УДК 342
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.19

Original article

МАЛЫЙ Александр Фёдорович
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия,
e-mail: afm-10@mail.ru

MALYY Aleksandr Fedorovich
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia.

ТОКАРЕВА Ирина Николаевна
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия,
e-mail: masarika@mail.ru

TOKAREVA Irina Nikolaevna
Ogarev National Research Mordovia State
University, Saransk, Russia.

ПОНЯТИЕ ПРОЦЕССА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE CONCEPT OF THE CONSTITUTIONALIZATION PROCESS IN THE CONTEXT OF THE
DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Процесс конституционализации как движение к достижению полноты конституционно-правового регулирования общественных отношений характеризуется значительными различиями. При трактовке данного процесса в юридической науке предлагается наиболее общий подход к определению сущности конституционализации как последовательного движения. Цель: рассмотреть актуальные аспекты проблемы понимания природы процесса конституционализации как предмета теоретико-правового исследования. Методы: исторический, сравнения, описания, интерпретации, теоретические методы формальной логики, системный метод познания. Результаты: в основе выводов лежит понимание процесса конституционализации как стадийности компонентов, оказывающих влияние на всю правовую систему государства. Начальная точка – момент принятия и введения в действие конституционного акта (основного закона), содержание которого в дальнейшем реализуется посредством конституционной инвазии (проникновения) его смыслов и ценностей в ткань правовой реальности общественной и государственной жизни. Предмет конституционализации носит многокомпонентный характер, что отражает первостепенную значимость и верховенство основного закона государства. Результатом конституционализации становится надлежащее обеспечение действия конституции и достижение полноты конституционно-правового регулирования.

Abstract. The constitutionalization process as a movement towards achieving the completeness of constitutional law regulation of social relations is characterized by significant discrepancies. In the interpretation of this process in legal science, the most general approach to defining the essence of constitutionalization as a sequential movement is proposed. Purpose: to consider the topical aspects of the problem of understanding the nature of the constitutionalization process as a subject of theoretical law research. Methods: historical, comparison, description, interpretation, theoretical methods of formal logic, system method of cognition. Results: the conclusions are based on the understanding of the constitutionalization process as a stage of components that affect the entire legal system of the state. The starting point is the moment of adoption and enactment of a constitutional act (basic law), the content of which is further realized through the constitutional invasion (penetration) of its meanings and values into the fabric of the legal reality of public and state life. The subject of constitutionalization is multi-component, which reflects the paramount importance and supremacy of the basic law of the state. The result of constitutionalization is the proper provision of the constitution and the achievement of the completeness of constitutional law regulation.

Ключевые слова: конституционализация, отраслевое законодательство, правовая система, конституционная инвазия

Keywords: constitutionalization, sectoral legislation, legal system, constitutional invasion

© Малый А.Ф., Токарева И.Н., 2024

Для цитирования: Малый А.Ф. Понятие процесса конституционализации в контексте развития правовой системы Российской Федерации / А.Ф. Малый, И.Н. Токарева. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 148–153.

For citation: Malyy A.F., Tokareva I.N. The concept of the constitutionalization process in the context of the development of the legal system of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 148–153 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.19.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс о конституционализации правовой системы Российской Федерации является относительно новым для отечественной теоретико-правовой науки. Сложности в осмыслении данного процесса сопрягаются с отсутствием единого подхода к пониманию содержания процесса конституционализации и различиями в трактовке самого понятия. Прежде всего, необходимо отметить различие в понимании процесса конституционализации в российской и зарубежной (преимущественно европейской) науке. Если для российских правоведов конституционализация является в первую очередь феноменом внутренней правовой жизни государства, то в европейском академическом сообществе проблемы конституционализации рассматриваются преимущественно либо в международно-правовом, либо в наднациональном аспектах функционирования межгосударственных интеграционных объединений (прежде всего, Европейского союза). Так или иначе, в фокусе внимания правовой рефлексии западной юридической науки находится вопрос о создании универсальных конституционных законов, имеющих наднациональный характер, хотя присутствуют следы полемики о границах пространственного доминирования таких глобальных «конституций» [1, с. 143].

Один из видных теоретиков конституционализма, М. Лохлин, различает международную и внутригосударственную конституционализацию. В последнем случае она означает иерархическое соподчинение всех уровней публичного управления ценностному аппарату конституции как основному (фундаментального) закону государства [2, р. 55]. Заметные различия в понимании сущности конституционализации присутствуют и в вопросе о ее предмете. В «конкуренции» за право быть предметом конституционализации участвуют и правовой порядок государства, и институциональная практика, и правовая система

в целом. Проблема усугубляется отсутствием практики использования термина «конституционализация» как в действующих нормативных правовых актах, так в правоприменительной практике Конституционного Суда РФ.

Для российской юридической науки проблематика конституционализации связывается преимущественно с вопросами расширения и интенсификации конституционной инвазии в структуру российского законодательства. Теоретическая инаугурация дискурса о конституционализации произошла в ранний постсоветский период, когда на первый план юридических исследований стала выходить проблематика обеспечения прямого действия конституции и соответствия ей действующего законодательства. Переходный период государственного развития от момента распада СССР до становления независимого российского государства сопровождался кризисом юстиции, отражающим несовершенство советской правоохранительной системы, растущие проблемы в сфере противодействия преступности и низкую эффективность уголовно-правовой превенции. Хотя советские конституционные акты гарантировали множество прав, на практике лишь немногие из этих прав когда-либо осуществлялись, и советские суды редко признавали недействительными действия правительства, основанные на конституционности. Советская правовая система не была ориентирована на верховенство закона. Закрепленная в конституционном тексте руководящая роль КПСС выступала как базис и оправдание однопартийной системы, что также шло вразрез с принципами демократического правового государства [3, с. 63].

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ: МНОГОВЕКТОРНОСТЬ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПРАВЕ

Демократизация политико-правовой жизни в постсоветский период актуализировала

новые задачи конституционного развития государства, в центре которых находилось обеспечение строгого соотношения конституции и законодательства. Конституционный Суд РФ приложил немало усилий для того, чтобы конституционные принципы были внедрены, например, в практику строительства системы органов власти [4, с. 14].

Одной из первых обобщающих работ в рассматриваемой области стала монография И.А. Кравца, в которой конституционализация была рассмотрена в узком и широком значении. Под конституционализацией в узком значении автор понимает «возведение правовой нормы в ранг конституционного положения», в то время как в широком смысле конституционализация – это совокупность инструментов юридизации общественных отношений [5, с. 154]. Конституционализация осуществляется посредством применения двух основных инструментов: нормативно-законодательный предполагает упомянутое возвышение нормы права до конституционного уровня, в то время как нормативно-интерпретационный способствует инвазии конституционных положений в нормативное содержание отраслевого законодательства. И.А. Кравец предложил различать вертикальную и горизонтальную конституционализацию, где в качестве первой выступает интеграция в «тело» конституции отраслевых норм как средства повышения эффективности правового регулирования, а в качестве второй – конституционализация правопорядка и отраслей российского права на основе имеющихся норм и принципов конституции.

Н.С. Бондарь предлагает рассматривать процесс конституционализации в качестве эволюции современных социально-экономических процессов на основе конституционных ценностей. При этом процесс конституционализации охватывает все сферы общественной жизни, а его предметом является широкий набор социальных феноменов, составляющих инфраструктуру упорядоченного общежития. К числу способов конституционализации Н.С. Бондарь относит толкование конституционного текста и конкретизацию законодательства [6, с. 8]. Толкование обеспечивает опосредованную конституционализацию отраслевого законодательства, благодаря чему достигается надлежащее взаимодействие и функционирование органов публичного

управления. Определение законности действий правительства требует оценки относительной важности текста, прецедента и принципов в спорных политических контекстах. Этот метод опирается на политический разум в той же степени, что и на юридический разум; таким образом, институционализация политического разума ведет к политизации юридического разума. Поскольку не существует рационального способа выбора между этими различными концепциями права или между различными смыслами конституции государства, современный конституционализм представляет собой выражение политико-правового разума.

Одним из основных теоретиков рассматриваемого феномена в российской юридической науке является В.И. Крусс. Под конституционализацией ученый понимает «соответствующий национальной конституционной модели суверенный процесс институционального и нормативного усовершенствования (развития, обновления) государства и права» [7, с. 16]. При этом практика Конституционного Суда РФ рассматривается им в качестве позитивного типа конституционализации, а конституционная инвазия отраслевого законодательства – в качестве негативного.

Процесс конституционализации очевидным образом носит многовекторный характер, направления его течения могут быть описаны различными способами. Необходимость толкования конституционного текста обусловлена восполнением пробелов в понимании содержания нормативных предписаний, что обеспечивает полноту конституционно-правового регулирования. В свою очередь, интеграция в «тело» конституции отраслевых принципов или конкретизация статуса отдельных субъектов правовых отношений служит углублению нормативного значения конституционных положений в рамках действующего законодательства. Наконец, процесс конституционализации может охватывать всю систему правовых институтов, осуществляя инвазию конституционных ценностей во всю правовую материю государственного бытия [8, с. 50].

Процесс конституционализации – последовательный результат развертывания действия конституционного акта (основного закона) в системе законодательства. Отправной точкой процесса конституционализации является принятие конкретной конституции.

Однако провозглашение конкретного нормативного правового акта в качестве основного закона государства и введение его в действие тем или иным способом еще не исчерпывает и не завершает приведение системы законодательства в соответствие данному акту. Более того, само по себе иерархическое подчинение системы законодательства также не исчерпывает собой и обеспечивает в исчерпывающем виде прямое действие конституции. Только последовательное разворачивание действия конституционных норм на всю реальность правовой жизни общества с проникновением ценностного аппарата конституции во все регулятивные инструменты и формы управления позволяет констатировать достижение прямого действия основного закона.

Благодаря процессу конституционализации обеспечивается верховенство конституционного закона как высшей точки правопорядка. Идея верховенства закона существует с тех пор, как было сочтено целесообразным, чтобы все действия политического суверена имели законное обоснование, то есть соответствовали закону. Идея конституционализма имеет более позднее происхождение, с ее первыми историческими проявлениями в письменных конституциях, которые последовали за Американской и Французской революциями. Во второй половине XX в. произошел всплеск конституционализации, попытки подчинить все действия правительства в определенной области структурам, процессам, принципам и ценностям конституции, в результате чего большинство стран мира к настоящему времени приняли писанные конституции. В глазах многих конституционализм является ценным достижением, которое знаменует собой изменение характера правового порядка. Конституционализм знаменует собой превращение в закон (в зависимости от того, как это воспринимается) либо двух аспектов одной философской идеи, либо двух тесно связанных идей: во-первых, либеральной идеи о том, что правительство служит правам людей, подчиненных власти государства, во-вторых, демократической идеи о том, что легитимность правительства зависит от согласия этих людей. Конституционализм является достижением, поскольку конституция, которую он предусматривает, является одновременно демократической и приверженной верховен-

ству закона. Он использует закон, чтобы исключить любую абсолютную или произвольную власть людей над людьми.

Понятие основного закона имеет двойственный статус в истории правовой мысли. В ранних современных конституционных дебатах это был стержень, вокруг которого вращались противоположные взгляды на юридические основы средневекового и современного конституционализма. Но с переходом к современности это понятие превратилось в особую категорию позитивного права. Основной закон в настоящее время обычно рассматривается просто как выражение более высокого статуса укоренившегося конституционного права, в отличие от обычного закона, принятого законодательными органами. Этот новый вид права является следствием растущего значения современных конституций в формировании политической жизни и расширения влияния конституционной юрисдикции. Иногда его называют «конституционной законностью» или даже «сверхлегальностью». Ключевая для совокупности теоретико-правовых и отраслевых (прежде всего, конституционно-правовых) дискурсивных практик лексема «конституционализация» операционализируется в правовом дискурсе как концепт [9, с. 79].

С политической точки зрения современные конституции представляют собой институциональные механизмы первостепенной важности. Но хотя они действуют как для расширения прав и возможностей, так и для регулирования, они не являются областью политики. Конституционные нормы могут регулировать политическую деятельность в обычном порядке, но, особенно в критические моменты, их авторитет может быть поставлен под сомнение. Это случаи, когда происходят непредвиденные обстоятельства и события, которые кажутся выходящими за рамки конституционных норм. Проблема в том, что можно предположить, что народ эффективно действует только через своих представителей. В исключительных обстоятельствах вопросы, касающиеся конкретных и абстрактных проявлений суверенитета, остаются нерешенными.

В современных политических режимах эта институционализируемая власть выражается в конституции государства. Конституционный дискурс, таким образом, становится

средством, с помощью которого формулируются спорные выражения основного закона. Его идеологическое измерение приобретает все большее значение, как только конституции начинают играть все большую роль в регулировании политической жизни. Политологи недавно пришли к признанию того, что конституции являются важнейшими переменными для объяснения жизненно важных политических и экономических результатов, таких как стабильность демократии, экономическая политика и показатели, а также скорость политических изменений в политических режимах. После этого они разработали модели конституционного проектирования, чтобы помочь разработчикам конституции улучшить работу правительства. Тем не менее этот тип упражнений затрагивает только один аспект конституционного порядка. Несомненно, у конституций есть важный инструментальный аспект: они играют важную техническую роль в координации принятия решений и сдерживании стратегических или партийных политических действий. Но есть также символическое измерение конституций, которое нельзя игнорировать, не скрывая того, что отличает политическое действие.

Глубина проникновения конституционных постулатов во все сферы гражданской жизни порождает особые направления исследований, затрагивающих не только политическую, но и экономическую сферу. Получила развитие юридическая концепция «экономической конституции», определяется ее понятие, сущность, функции, объекты регулирования [10, с. 37].

Конституционное толкование превратилось в бесконечное взаимодействие между относительной авторитетностью текста, прецедентом и принципом. Независимо от того, насколько сильно ученые-конституционисты стремятся утончить это, факт остается фактом: не существует авторитетного метода для взвешивания различных факторов. Юристы провели тщательный анализ канонического толкования текстов, методов аргументации с использованием прецедентов и методов балансирования общих принципов. Но они не смогли разработать надежные методы сравнения относительной важности различных факторов. Это неудивительно, поскольку эти факторы выражают различные толкования значения основного закона. Традиционно мыслимый механизм правового регулирования

«преобразуется» в механизм конституционного признания и обеспечения (опосредования) непосредственно действующих неотчуждаемых прав и свобод, несения конституционных обязанностей. На первый план в системе принципов права выходят конституционные принципы опосредования надлежащего (конституционного) правопользования, равнозначимые и для правообладателей, и для их публично-властных контрагентов [11, с. 7].

Третья итерация, закон как сверхлегальность, является недавним нововведением, которое набрало обороты за последние пятьдесят лет в результате так называемой революции прав. Сверхлегальность – это концепция права как набора фундаментальных норм, которые вытекают из общих принципов свободы и равенства, в идеале равной свободы. Сверхлегальность – это набор абстрактных принципов, которые ограничивают диапазон законных действий правящего большинства. Многие споры в области права связаны с фактами, в то время как другие связаны с двусмысленностью в толковании текстов и прецедентов. Действуя этими обычными способами, право развивается как автономная практика. Конституционные споры неизменно влекут за собой утверждения об относительной авторитетности прецедентного права по сравнению с законодательством, законодательной воли по сравнению с конституционными принципами, конституционных принципов по сравнению с судебными прецедентами. Эти конфликты не могут быть разрешены законным путем, они требуют применения политического суждения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что конституционализация представляет собой эвристически значимый теоретико-правовой инструмент, многокомпонентный состав которого образуют разнообразные по своим формам способы проникновения конституционных норм и ценностей в ткань правовой жизни государства и общества, благодаря чему обеспечивается полнота конституционно-правового регулирования.

Процесс конституционализации может быть представлен как совокупность стадий, реализация которых оказывает влияние на всю правовую систему государства. Его начало – момент принятия и введения в действие

конституционного акта (основного закона), содержание которого в дальнейшем реализуется посредством конституционной инвазии (проникновения) его смыслов и ценностей в ткань правовой реальности общественной

и государственной жизни. Результатом реализации элементов процесса конституционализации становится надлежащее обеспечение действия конституции и достижение полноты конституционно-правового регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чайка К.Л. Глобальный конституционализм или конституционализация права интеграционных объединений? / К.Л. Чайка // Государство и право. – 2020. – № 3. – С. 142–151.
2. Loughlin M. What is constitutionalisation? // *The twilight of constitutionalism?* – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 48–73.
3. Смоленский М.Б. Российский конституционализм и правовая система: проблема конституционализации правового порядка / М.Б. Смоленский // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 1 (92). – С. 62–66.
4. Малый А.Ф. Организация органов государственной власти области как субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А.Ф. Малый. – Москва, 2000. – 46 с.
5. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) / И.А. Кравец. – Москва ; Новосибирск : Изд-во ЮКЭА, 2002. – 360 с.
6. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
7. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории / В.И. Крусс. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2019. – 240 с.
8. Кравец И.А. Понятие и способы конституционализации правового порядка конституционализация: что это такое? / И.А. Кравец // Российский юридический журнал. – 2003. – № 4 (40). – С. 9–18.
9. Пономарева М.А. К вопросу концептуализации феномена «конституционализация» в правовом дискурсе / М.А. Пономарева // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 12 (204). – С. 79–80.
10. Экономическое право : учебник / Д.С. Велиева, И.В. Левакин, А.Ф. Малый и др. ; под науч. ред. Н.С. Бондаря. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 408 с.
11. Крусс В.И. Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности / В.И. Крусс // Юридическая наука и практика. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 5–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малый Александр Фёдорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета,

Токарева Ирина Николаевна – соискатель.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Malyy Aleksandr Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law.

Tokareva Irina Nikolaevna – Degree Applicant.

Статья поступила в редакцию 10.03.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 21.03.2024. The article was submitted 10.03.2024; approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 349
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.20

Original article

ПЕСТРИКОВА Анастасия Александровна
e-mail: anastasia801@yandex.ru,
http://orcid.org/0000-0002-9318-2397

PESTRIKOVA Anastasia Alexandrovna

СМОРЧКОВА Лариса Николаевна
Российская академия наук,
Москва, Россия,
e-mail: l.smorchkova@mail.ru

SMORCHKOVA Larisa Nikolaevna
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

INFORMED CONSENT AS A LEGAL MEANS OF REGULATING MEDICAL RELATIONS

Аннотация. Понятие информированного согласия представляется важным при проведении научных исследований, связанных с медицинским вмешательством, и в клинической практике. Это делает изучение данного правового института своевременным и актуальным. Цель: на основе результатов анализа формирования и развития института информированного согласия выявить тенденции его дальнейшего развития. Методы: системного и структурно-функционального анализа, а также специальные юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, правового моделирования, толкования. Результаты: даны научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правового института информированного согласия; обоснован вывод о том, что содержание согласия должно быть абсолютно прозрачным и понятным всем участвующим субъектам, чтобы оно действительно выступало действенным средством правового регулирования общественных отношений, связанных с медицинским вмешательством или исследованиями.

Ключевые слова: информированное согласие, медицинское вмешательство, биомедицина, геномные исследования, конфликт интересов

Для цитирования: Пестрикова А.А. Информированное согласие как правовое средство регулирования медицинских отношений / А.А. Пестрикова, Л.Н. Сморчкова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.20// Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 154–162.

Abstract. The concept of informed consent seems to be important in scientific research involving medical interventions and in clinical practice. This makes the study of this legal institution timely and relevant. Purpose: based on the results of the analysis of the formation and development of the institution of informed consent, to identify trends in its further development. Methods: systemic and structural-functional analysis, as well as special legal methods: comparative legal, formal legal, legal modeling, interpretation. Results: the article gives scientifically based proposals for improving the legal institution of informed consent. The article substantiates the conclusion that the content of consent should be absolutely transparent and understandable to all subjects involved, so that it really acts as an effective means of legal regulation of social relations related to medical intervention or research.

Keywords: informed consent, medical intervention, biomedicine, genomic research, conflict of interest

For citation: Pestrikova A.A., Smorchkova L.N. Informed consent as a legal means of regulating medical relations. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 154–162 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.20.

ВВЕДЕНИЕ

Бурное развитие генной инженерии и внедрение генных технологий в клиническую практику, сбор биомедицинских данных и хранение биологического материала человека приводят к тому, что значение информированного согласия лица, в отношении которого осуществляется медицинское вмешательство и (или) собираются биологические материалы для последующего исследования, существенно возрастает. Данная практика обеспечения прав и законных интересов граждан в той или иной правовой форме осуществляется в мире на протяжении уже нескольких десятков лет.

В настоящее время в связи с развитием медицины, науки, технологий, а также типов собираемых данных и информации информированное согласие как понятие и процесс претерпевает изменения. Во многом эти изменения обусловлены невозможностью полностью анонимизировать индивидуальную информацию о донорах биологического материала человека, персонализируемую данными ДНК. Проблема владения геномными данными и их использования после смерти субъекта, а также многие другие отношения, связанные с медицинскими вмешательствами и проводимыми в этой области исследованиями, требуют научного осмысления, совершенствования правового регулирования.

Информированное согласие представляется наиболее эффективным правовым средством, позволяющим прозрачно распределить права, обязанности и, соответственно, ответственность всех сторон правоотношения с сохранением требуемого баланса интересов. В российском праве институт информированного согласия находится в самом начале становления. Изучение международного опыта в этой сфере позволит достичь необходимых результатов с наименьшими ресурсными затратами.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ КАК РЕГУЛЯТИВНО-ПРАВОВОГО СРЕДСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА

История формирования понятия информированного согласия началась с внедрением его в медицинскую практику. Изначаль-

но патерналистская модель поведения врача позволяла не раскрывать пациенту информацию при оказании медицинской помощи. Еще в 1665 г. по закону герцога Йоркского¹ врачи должны были получить согласие пациента на лечение, однако если лечение не представляло риска или вреда, то врачи имели право действовать без согласия пациента. При этом само понимание вреда было основано на субъективной оценке врача. Одно из первых судебных разбирательств относительно информированного согласия (дело 1905 г. «Пратт против Девиса»²) было возбуждено из-за того, что врач удалил матку и яичники женщине, страдающей эпилепсией. Суд вынес решение о том, что врач не имел права нарушать телесную неприкосновенность своего пациента.

Спустя десять лет по делу 1914 г. «Шлендорф против Общества Нью-Йорка»³ было вынесено решение, которое положило начало формированию концепции информированного согласия. Согласно материалам дела женщина обратилась в больницу с жалобами на боли в животе, у нее была обнаружена опухоль. Пациентка отказалась от оперативного вмешательства, однако операция по удалению матки была проведена. После операции развилась гангрена, и женщине ампутировали несколько пальцев на левой руке. В своем решении по делу судья Бенджамин Кардосо сделал одно из наиболее цитируемых в медицинской практике заявлений: «каждый человек, достигший совершеннолетия и в здравом уме, имеет право определять, что делать с собственным телом».

Еще одним знаковым делом в истории развития информированного согласия является дело 1957 г. «Салго против Леланда» [1, р. 115]. Именно в этом деле появился термин «информированное согласие». Пациент Мартин Салго после плановой аортографии оказался полностью парализованным; он не был проинформирован о таком риске, подал

1 1665, Duke's laws (Hempstead) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.llmc.com/titledesdescoll.aspx?type=6&coll=36&div=142&set=20519> (дата обращения: 12.12.2023).

2 Pratt V, Davis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ravellaw.com/opinions/967d63e3e4aceb0c7ccc62e78af2d543> (дата обращения: 12.12.2023).

3 Schloendorff v. Society of New York Hospital [Электронный ресурс]. URL: en.wikipedia.org/wiki/Schloendorff_v._Society_of_New_York_Hospital (дата обращения: 12.12.2023).

в суд на больницу, в результате чего ему был выплачен ущерб 250 000 долларов.

Формированию информированного согласия в качестве важного и необходимого института при проведении научных исследований и медицинской практики способствовали многие факты из истории человечества. В качестве ключевых обычно называют медицинские эксперименты нацистов в период Второй мировой войны (что в дальнейшем привело к принятию Нюрнбергского кодекса⁴). Вторым ярким примером является Стэнфордский тюремный эксперимент [2], в котором испытуемые студенты должны были выступать либо в роли заключенных, либо охранников. Эксперимент был прекращен спустя неделю, но участники его получили стойкую психическую травму. Кроме того, исследователи признали наличие продолжительных негативных психологических эффектов эксперимента. Третий пример неэтичного исследования на людях – эксперимент с сифилисом [3], который проводился с 1931 по 1972 г. в Африке. Шестисот африканцев, 399 человек из которых болели сифилисом на начало эксперимента, стали его участниками. Они были проинформированы, что проходят исследование и лечение от «плохой крови», однако никаких лекарственных средств им не предлагалось, они лишь получали еду и страховку на случай смерти.

Эти известные случаи привели к созданию так называемого Доклада Бельмонта 1979 г.⁵, в котором были изложены «Этические руководящие принципы проведения исследований с участием человека как субъекта»: уважение к личности, благодеяние и справедливость, свобода участия и особая защита уязвимых групп участников (дети, люди с ограниченными возможностями и др.) [4]. Это и стало началом формирования института информированного согласия.

Со временем появилось множество определений понятия информированного согласия. Это связано в том числе с тем, что из чи-

4 The Nuremberg Code (1947) [Электронный ресурс] // British Medical Journal. 1996. № 313. P. 1448. URL: https://media.tghn.org/medialibrary/2011/04/BMJ_No_7070_Volume_313_The_Nuremberg_Code.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

5 Report Belmont [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/read-the-belmont-report/index.html> (дата обращения: 12.12.2023).

сто медицинской практики использования информированного согласия оно стало необходимой составляющей при проведении любых видов исследований. Но в любом случае в основе понятия лежат основополагающие конструкции: информация об исследовании, понимание субъектом этой информации и добровольность участия. Кроме того, важным аспектом стало обязательное раскрытие всех рисков, независимо от того, какой эффект они могут оказать на участника, и его готовность участвовать в исследовании.

Директива ЕС 2001/20/ЕС дает следующее определение информированного согласия: решение, выраженное в письменной форме, датированное и подписанное, принятое свободно после надлежащего информирования о характере, значении, последствиях и рисках⁶.

Хельсинская декларация⁷ определяет, что в любом исследовании на человеке каждый потенциальный субъект должен быть адекватно проинформирован о целях, методах, источниках финансирования, любых возможных конфликтах интересов, институциональной принадлежности исследователя, выгодах и рисках исследования, включая дискомфорт при проведении или после проведения исследования. Субъект должен быть проинформирован о своем праве отказаться от участия в любое время.

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ

Развитие отечественного законодательства и судебной практики в области информированного согласия также представляет собой достаточно длительный процесс, который вряд ли можно считать завершенным и сложившимся.

6 Directive 2001/20/EC of the European Parliament and of the Council of 4 April 2001 on the approximation of the Laws, regulations and administrative provisions of the member states relating to the implementation of good clinical practice in the conduct of clinical trials on medicinal products for human use [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32001L0020> (дата обращения: 12.12.2023).

7 WMA (The World Medical Association) Declaration of Helsinki – Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (дата обращения: 12.12.2023).

В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» необходимым условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя (ст. 20). При этом медицинским работником, получающим информированное согласие, должна быть в доступной форме представлена полная информация о целях, методах, рисках оказания медицинской помощи, последствиях возможного медицинского вмешательства и предполагаемых результатах оказания медицинской помощи.

В соответствии с нормами указанного закона приказом от 12 ноября 2021 г. № 1051н Министерством здравоохранения РФ были утверждены порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, форма информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форма отказа от медицинского вмешательства. Однако подход к формированию содержания формы информированного согласия оказался настолько общим и абстрактным, что сущность и значение согласия для распределения прав и ответственности между пациентом и медицинским учреждением, по сути, была нивелирована.

Утвержденная Минздравом форма содержит универсальную формулировку, ссылающуюся на все виды медицинских вмешательств, включенных в Перечень определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи (утвержден приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апреля 2012 г. № 390н). В качестве возможных последствий обозначена вероятность развития осложнений, а информация о состоянии здоровья пациента может быть передана указанным в форме согласия лицам, в том числе после его смерти. Таким образом, анализ текста информированного добровольного согласия позволяет сделать вывод о том, что пациент предупрежден обо всех вариантах развития осложнений после медицинского вмешательства, включая смерть.

На практике утвержденная Минздравом форма используется в предложенном виде как универсальное добровольное информированное согласие для всех случаев медицинского вмешательства – от прохождения простой диспансеризации до проведения сложнейших операций. Настолько прямолинейная реализация предписания закона в виде единообразной для всех случаев медицинского вмешательства и оказания медицинской помощи формы добровольного информированного согласия привела к тому, что данный крайне важный инструмент правового регулирования отношений, складывающихся между пациентом и медицинской организацией, превратился в юридическую фикцию.

Анализ результатов научных исследований по данной тематике также подтверждает, что процесс получения информированного добровольного согласия в достаточной мере не отработан. Зачастую согласие подписывается пациентом формально, у медицинских работников недостаточно времени для установления личного контакта с пациентами и разъяснения им сущности подписываемых документов, мнение пациентов о степени реальной информированности в соответствии с подписанным согласием остается практически неисследованным [5, с. 1081]. В целом действующая в нашей стране практика получения информированного согласия не отвечает интересам пациентов и медицинского сообщества и должна быть пересмотрена исходя из принципов биоэтики и установления баланса интересов в каждом конкретном случае в ходе полноценного межличностного взаимодействия врача и пациента [6, с. 55].

Как показывает судебная практика, многие вопросы информированного согласия, не только связанные с его содержанием, но и касающиеся смежных аспектов, в России так и не решены и влекут нарушения прав и свобод граждан. Примером выступает дело Р.Д. Свечниковой, которое было рассмотрено в Конституционном Суде РФ⁸. В соответствии с материалами дела

⁸ По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13 и пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342807/?ysclid=lq1yh2kaby915179076 (дата обращения: 12.12.2023).

ей не были переданы медицинские документы после смерти супруга из-за отсутствия его информированного согласия, что явилось поводом для оценки отдельных положений Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» как не соответствующих Конституции РФ. В своем решении Конституционный Суд РФ признал взаимосвязанные нормы ч. 2 и 3 ст. 13, п. 5 ч. 5 ст. 19 и ч. 1 ст. 20 указанного закона не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования нечеткость их нормативного содержания не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента.

Еще один яркий пример – смешение понятий информированного согласия и согласия на обработку персональных данных⁹. Необходимо понимать, что получение информированного согласия не всегда является окончательным этапом достижения согласия пациента на медицинское вмешательство, поскольку в процессе научного исследования или медицинского вмешательства любое из обстоятельств, указанных в ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», может измениться, что потребует получения нового информированного согласия гражданина.

Указанные и другие примеры из медицинской и судебной практики подтверждают, что институт информированного согласия как правовое средство регулирования отношений между пациентом и медицинским учреждением находится в зачаточном состоянии и, по сути, не выполняет своей наиважнейшей функции соблюдения прав пациента. При этом нельзя забывать, что информированное добровольное согласие также играет роль документального следа взаимоотношений врача и пациента, а правильно составленная документация – важный инструмент для защиты врача и медицинской организации при рассмотрении спора в суде [7, с. 233]. То есть информированное согласие призвано защищать права всех субъектов возникающего правоотношения, связанного с медицин-

ским вмешательством, но в настоящее время этого не происходит, что, безусловно, требует совершенствования правового регулирования в этой сфере.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

В настоящее время в связи с возрастающим объемом получаемой в процессе медицинского вмешательства или научного исследования информации, особенно связанной с геномными и биомедицинскими исследованиями, использованием цифровых технологий, которые позволяют отслеживать поведение человека, хранить, связывать и анализировать данные, процесс получения информированного согласия и само это понятие претерпевает изменения.

Кроме того, в настоящее время производится сбор геномной информации (проекты «Персональный геном»¹⁰, «1000 геномов»¹¹ и пр.) и создание базы данных, связанных с биомедицинской информацией, что способствует обмену, повторному использованию данных, длительному хранению и идентификации биологического материала. В связи с невозможностью анонимизировать некоторую информацию, связанную с биологическим материалом человека, поскольку данные ДНК всегда могут быть персонализированы, в науке встречается мнение об обязательном участии в биомедицинских исследованиях любого гражданина и полном устранении необходимости получать информированное согласие [8, р. 37; 9, р. 309; 10, р. 41]. Все это по-новому ставит вопросы об этике и конфиденциальности.

Геномные данные с легкостью позволяют идентифицировать человека, получить информацию о его предках и потомках, что может быть использовано не только в целях проведения научного исследования или медицинского лечения, но и в негативном ключе. Например, при решении вопросов о страховании жизни или здоровья, при устройстве на работу и пр.

10 The Personal Genome Project [Электронный ресурс]. URL: <http://www.personalgenomes.org> (дата обращения: 12.12.2023).

11 The International Genome Sample Resource [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1000genomes.org> (дата обращения: 12.12.2023).

9 Дело № 2-43/2020 от 03.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0UOPh3pWo1Vd/?ysclid=lq1z9sch3h80554126> (дата обращения: 12.12.2023).

Очевидно, что данные аспекты могут поставить вопросы дискриминации и социальной стигмы. При этом важно обратить внимание, что, например, в США, если данные обезличены и научное исследование проводится за счет федерального финансирования, допускается обмен и повторное использование информации без получения согласия гражданина.

В настоящее время идентификация биологического образца – это только вопрос времени и желания, таким образом, любая хранящаяся информация может быть использована в любых целях без согласия лиц, предоставивших свои данные или биологический материал. Например, в 2006 г. America Online опубликовали образцы своих поисковых запросов после замены псевдонимов пользователей. Однако The New York Times удалось повторно идентифицировать и раскрыть одного из пользователей [11, p. 115–117].

Важно учитывать, что часто информация собирается в течение длительного времени, это еще больше упрощает процесс ее использования и идентификации. Например, при ведении электронных медицинских карт, при использовании геномных данных.

Механизм получения информированного согласия должен включать предоставление субъектам информации о том, для каких целей ведется сбор, как долго их данные будут храниться и кто имеет доступ к ним. Именно поэтому важно использовать процесс получения динамического информированного согласия, когда при любом изменении первоначальных данных или сведений необходимо повторно запрашивать согласие субъекта. Да, это приведет к усложнению процесса получения информированного согласия, но в то же время позволит защитить права граждан, что имеет гораздо большее значение для выстраивания доверия между исследователями и обществом.

Поскольку изначально традиционное информированное согласие было разработано для одного исследования, имеющего конкретную цель и заранее определенный промежуток времени, как правило, оно имело бумажную форму и требовалось, чтобы все последующие использования данных были обозначены в первоначальном документе. С появлением больших данных, обмена данными, созданием баз данных невозможно

предусмотреть все последующие варианты использования данных и биологического материала в момент сбора и получения информированного согласия. В связи с этим увеличивается сложность, объем информированного согласия, что приводит к еще более сложной проблеме, когда гражданин просто пролистывает информацию и ставит свою подпись, что, в свою очередь, просто решает вопрос о юридической ответственности врача или исследователя, но не защищает права граждан.

Еще один аспект, который важно учитывать, – процесс отзыва информированного согласия. С одной стороны, гражданин может в любое время отказаться от участия в исследовании или от медицинского вмешательства, отозвать свое информированное согласие. Однако важно обратить внимание, что при сборе данных, которые хранятся в базах, отзыв согласия означает, что данные не будут использоваться в будущем, но может продолжиться их текущее использование [12, p. 379–380].

Важно законодательно разделить и закрепить возможности, случаи и процедуру получения широкого и динамического согласия в определенных пределах. Динамическое информированное согласие – это процесс, который предполагает постоянное взаимодействие субъектов (участников, пациентов, исследователей, врачей), участвующих в оказании медицинской помощи или проведении исследования [13, p. 2]. Отличие динамического согласия от нединамических форм как раз и проявляется в длительном процессе взаимодействия субъектов, когда каждый новый этап или новая информация требует диалога. Широкое согласие, которое находит большое число сторонников в настоящее время из-за невозможности сохранения конфиденциальности информации, – это процесс, в результате которого участники соглашаются на использование информации и биологических образцов и данных в любых исследованиях при условии заранее оговоренных определенных ограничений [14, p. 40–42]. Общее согласие сходно с широким согласием, но в данном случае не устанавливаются никаких ограничений на использование образцов и информации, в том числе на все будущие исследования (такой подход имеет сторонников именно в сфере генетических и геномных исследований,

поскольку в таких исследованиях невозможно сохранить конфиденциальность, ДНК всегда можно использовать для идентификации субъекта¹²) [15, р. 3–4].

Развитие сферы биомедицинских и генетических исследований, ускорение обмена данными между государствами и исследователями приводит к необходимости прилагать совместные усилия по решению всех этических и правовых проблем как на национальном, так и на международном уровне. В этой части видится более рациональным подход к детализации информированного согласия, а не концепция общего согласия.

Развитие прецизионной медицины и внедрение генетических инновационных технологий в клиническую практику постепенно увеличивает процесс проникновения научных исследований в практическую медицину и процесс лечения, что говорит о необходимости внедрять инновационные модели получения, управления, хранения и утилизации данных [16, р. 9–10]. Именно поэтому обращение к стратегии динамического согласия является своевременным и верным, оно позволяет объединить всех участвующих в исследовании или оказании медицинской помощи субъектов, максимально защитить их права и увеличить степень доверия между ними. Это, в свою очередь, будет способствовать развитию науки и научного прогресса в таких сложных областях, как геномные исследования и использование биологического материала человека. Ведь именно доверие со стороны общества к научным исследованиям и ученым является залогом развития науки и инноваций. В основе данного доверия должны лежать полное доверие между участниками (которого легче добиться именно при использовании динамического согласия), согласованность общественных и индивидуальных интересов, четкое установление в законе правил, стандартов, процедур, терминологии, которые будут исключать любое возможное двойное толкование или непонимание, злоупотребление правом или обход закона. Очевидно, что сфера генетических и геномных исследований, использование биологического материала человека – это сложная

сфера для законодателя и правоприменителей, особенно с учетом коммерциализации отношений и вовлеченности бизнес-сообществ. Ярким примером является широкое распространение генетических тестов, которые используются для выбора диеты, вида спорта и предполагают возможность использования результатов и генетической информации не только непосредственными участниками, но и любыми субъектами, поскольку результаты таких генетических тестов часто хранятся в открытом доступе в сети Интернет. Кроме того, примером являются распространенные генетические тесты для установления материнства (отцовства), когда также раскрывается генетическая информация за рамками правового регулирования [17, р. 525].

Именно поэтому необходимо формировать правовое сознание граждан в этой области, а это возможно только при открытости информации и вовлечения в процесс исследования или клинического использования научных результатов на основании информированного согласия. Доверие со стороны общества к институту информированного согласия позволит максимально защитить права участников и продолжить дальнейшее развитие науки в таких важных областях, как геномные исследования и биомедицина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ становления информированного согласия позволяет выделить складывающиеся прямо противоположные тенденции: от установления права собственности на биологический материал и информацию субъекта до полного, свободного, «открытого» информированного согласия, когда лицо альтруистически предоставляет свои данные для любых исследований, вне зависимости от времени и способа их использования [18]. Последняя позиция получает все большее распространение в связи с невозможностью защиты данных в условиях необходимости обеспечивать постоянный научный прогресс, особенно в области генетики.

Несмотря на, казалось бы, удобную форму открытого согласия, а сторонники говорят об увеличении результатов исследований и более высокой вероятности научного прорыва, многие проблемы становятся все более слож-

12 Lin Z., Owen A.B., Altman R.B. Genomic Research and Human Subject Privacy [Электронный ресурс]. URL: <https://science.sciencemag.org/content/305/5681/183/tab-article-info> (дата обращения 12.12.2023).

ными. Так, например, при получении полного открытого согласия акценты смещаются от необходимости принятия мер по снижению риска причинения вреда к разработке стратегий и программы действий в случае наступления негативных событий, включая причинение вреда жизни или здоровью, а также дискриминацию.

Важным аспектом, требующим законодательного решения и закрепления как в международной практике, так и в российском праве, является вопрос владения данными, особенно геномными данными, и их использования после смерти субъекта. Как могут использоваться данные умерших людей, могут ли родственники отзывать информированное согласие данных лиц? Эти и многие другие вопросы не нашли отражения в правовых нормах, что приводит к злоупотреблениям на практике при проведении научных исследований или медицинского вмешательства.

Обобщая сказанное, стоит отметить, что содержание информированного согласия должно быть абсолютно понятно лицу, его подписывающему. Согласие должно содер-

жать цели исследования или медицинского вмешательства, методы и последствия, риски и выгоды (включая возможное коммерческое использование результатов, информации, биологических образцов), право на отказ на любом этапе проведения исследования или медицинского вмешательства (без указания причин и при любых негативных последствиях для всех участвующих субъектов). Важно, чтобы информированное согласие содержало порядок сбора, хранения, использования, защиты любых данных, полученных в результате исследования или медицинского вмешательства, перечень лиц, имеющих доступ к информации, и возможность повторного использования информации, а кроме того, если проводится сбор биологического материала человека, то и определяло его судьбу. Как представляется, необходимо на уровне постановления Правительства РФ создать единые правила получения информированного согласия, требования к его содержанию и форме, которые станут руководящим началом для отраслевых нормативных актов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Green D.S.T. Nuances of informed consent: the paradigm of regional Anesthesia / D.S.T. Green, C.R. MacKenzie // *Hospital for Special Surgery Journal*. – 2007. – № 3. – P. 115–118. URL: <https://doi.org/10.1007/s11420-006-9035-y> (дата обращения: 12.12.2023).
2. Haney C. A study of prisoners and guards in a simulated prison / C. Haney, W.C. Banks, P.G. Zimbardo // *Naval Research Reviews*. – 1973. – № 9. – P. 1–17.
3. Capron A.M. Where did informed consent for research come from? / A.M. Capron // *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. – 2018. – № 46. – P. 12–29.
4. Plant R. MIS Research involving human subjects: processes and IRB requirements / R. Plant, A.P. Pons // *Communications of the Association for Information Systems*. – 2006. – № 17. – P. 404–427.
5. Сон И.М. Информированное добровольное согласие – реализация пациентоориентированных технологий в медицинских организациях / И.М. Сон, З.Л. Гончаревская, В.В. Киндюк // *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. – 2023. – № 3. – С. 1070–1086.
6. Мыльникова И.С. Информированное согласие в России: искажения и злоупотребления / И.С. Мыльникова // *Медицинская этика*. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 51–56.
7. Андрианова В.В. Информированное добровольное согласие пациента как условие медицинского вмешательства / В.В. Андрианова, М.А. Асташкина, Е.В. Савошкова // *Право и государство: теория и практика*. – 2023. – № 4. – С. 231–233.
8. Rhodes R. In defense of the duty to participate in biomedical research / R. Rhodes // *American Journal of Bioethics*. – 2008. – № 8. – P. 37–38.

REFERENCES

1. Green D.S.T., MacKenzie C.R. Nuances of informed consent: the paradigm of regional Anesthesia. *Hospital for Special Surgery Journal*, 2007, no. 3, pp. 115–118. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11420-006-9035-y>.
2. Haney C., Banks W.C., Zimbardo P.G. A study of prisoners and guards in a simulated prison. *Naval Research Reviews*, 1973, no. 9, pp. 1–17.
3. Capron A.M. Where did informed consent for research come from? *The Journal of Law, Medicine & Ethics*, 2018, no. 46, pp. 12–29.
4. Plant R., Pons A.P. MIS Research involving human subjects: processes and IRB requirements. *Communications of the Association for Information Systems*, 2006, no. 17, pp. 404–427.
5. Son I.M., Goncharevskaya Z.L., Kindyuk V.V. Informed voluntary consent – implementation of patient-oriented technologies in medical organizations. *Sovremennye problemy zdravoohraniya i medicinskoj statistiki = Current Problems of Health Care and Medical Statistics*, 2023, no. 3, pp. 1070–1086. (In Russian).
6. Mylnikova I.S. Informed consent in Russia: misuse and abuse. *Medicinskaya etika = Medical Ethics*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 51–56. (In Russian).
7. Andrianova V.V., Astashkina M.A., Savoshikova E.V. Informed voluntary consent of the patient as a condition of medical intervention. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 231–233. (In Russian).
8. Rhodes R. In defense of the duty to participate in biomedical research. *American Journal of Bioethics*, 2008, no. 8, pp. 37–38.

9. Rennie S. Regarding research participation as a moral obligation: who shoulders the burdens and who reaps the benefits? / S. Rennie // *Asian Bioethics Review*. – 2010. – № 2. – P. 308–321.

10. Ioannidis J.P. Informed consent, big data, and the oxymoron of research that is not research / J.P. Ioannidis // *American Journal of Bioethics*. – 2013. – № 13. – P. 40–42.

11. Narayanan A. Robust de-anonymization of large sparse datasets. 2008 IEEE symposium on security and privacy / A. Narayanan, V. Shmatikov // *IEEE*. – 2008. – № 3. – P. 111–125.

12. McGuire A.L. Informed consent in genomics and genetic research / A.L. McGuire, L.M. Beskow // *Annual Review of Genomics and Human Genetics*. – 2010. – № 1. – P. 361–381.

13. Budin-Lajsne I. et al. Dynamic consent: a potential solution to some of the challenges of modern biomedical research / I. Budin-Lajsne, H.J. Teare, J. Kaye et al. // *BMC Medical Ethics*. – 2017. – № 18. – P. 1–4.

14. Grady C. Broad consent for research with biological samples: workshop conclusions / C. Grady, L. Eckstein, B. Berkman, D. Brock, R. Cook-Deegan, S.M. Fullerton // *American Journal of Bioethics*. – 2015. – № 15. – P. 34–42.

15. Wendler D. Broad versus blanket consent for research with human biological samples / D. Wendler // *Hastings Center Report*. – 2013. – № 43. – P. 3–4.

16. Wolf S.M. The past, present, and future of informed consent in research and translational medicine / S.M. Wolf, E.W. Clayton, F. Lawrenz // *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. – 2018. – № 46. – P. 7–11.

17. Hertz R. Random families: genetic strangers, sperm donor siblings, and the creation of new kin / R. Hertz, M.K. Nelson // *Society*. – 2019. – Vol. 56. – P. 524–527. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12115-019-00409-x> (дата обращения: 12.12.2023).

18. Пестрикова А.А. Особенности институтов информированного согласия и права собственности при правовом регулировании отношений, связанных с биологическим материалом человека / А.А. Пестрикова, Л.Н. Сморчкова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – Т. 17, № 12. – С. 110–120.

9 Rennie S. Regarding research participation as a moral obligation: who shoulders the burdens and who reaps the benefits? *Asian Bioethics Review*, 2010, no. 2, pp. 308–321.

10. Ioannidis J.P. Informed consent, big data, and the oxymoron of research that is not research. *American Journal of Bioethics*, 2013, no. 13, pp. 40–42.

11. Narayanan A., Shmatikov V. Robust de-anonymization of large sparse datasets. 2008 IEEE symposium on security and privacy. *IEEE*, 2008, no. 3, pp. 111–125.

12. McGuire A.L., Beskow L.M. Informed consent in genomics and genetic research. *Annual Review of Genomics and Human Genetics*, 2010, no. 1, pp. 361–381.

13. Budin-Lajsne I., Teare H.J., Kaye J. et al. Dynamic consent: a potential solution to some of the challenges of modern biomedical research. *BMC Medical Ethics*, 2017, no. 18, pp. 1–4.

14. Grady C., Eckstein L., Berkman B., Brock D., Cook-Deegan R., Fullerton S.M. Broad consent for research with biological samples: workshop conclusions. *American Journal of Bioethics*, 2015, no. 15, pp. 34–42.

15. Wendler D. Broad versus blanket consent for research with human biological samples. *Hastings Center Report*, 2013, no. 43, pp. 3–4.

16. Wolf S.M., Clayton E.W., Lawrenz F. The past, present, and future of informed consent in research and translational medicine. *The Journal of Law, Medicine & Ethics*, 2018, no. 46, pp. 7–11.

17. Hertz R., Nelson M.K. Random families: genetic strangers, sperm donor siblings, and the creation of new kin. *Society*, 2019, vol. 56, pp. 524–527. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12115-019-00409-x>.

18. Pestrikova A.A., Smorchkova L.N. Features of institutions of informed consent and property rights in legal regulation of relations related to human biological material. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 12, pp. 110–120. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пестрикова Анастасия Александровна – кандидат юридических наук;

Сморчкова Лариса Николаевна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pestrikova Anastasia Alexandrovna – Candidate of Sciences (Law);

Smorchkova Larisa Nikolaevna – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 03.04.2024; принята к публикации 03.04.2024. The article was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 03.04.2024; accepted for publication 03.04.2024.

Научная статья
УДК 340.11
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21

Original article

ПУЧКОВ Олег Александрович
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: poa001@usla.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

PUCHKOV Oleg Aleksandrovich
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

ПРАВО В ЗЕРКАЛЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

LAW IN THE MIRROR OF HIGH TECHNOLOGY: COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL
DEVELOPMENT TRENDS

Аннотация. В статье анализируются проблемы и тенденции современного права, появление которых связано с широким использованием новых цифровых технологий. Показаны факторы, обуславливающие создание высокотехнологичного права, способные влиять на скорость рассмотрения дел в судах, на эффективность норм процессуального исполнительного права. Отмечаются возникающие терминологические проблемы, в частности делается вывод о том, что действующее законодательство Российской Федерации не дает легальных определений понятий «высокие технологии», «цифровая среда», «цифровое право», «информационные технологии». Это приводит к некорректному доктринальному толкованию и трудностям применения норм права. Раскрывается тезис о том, что цифровые инновации могут быть широко внедрены в практику правотворчества и правоприменения на основании Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». При этом отмечается, что в Российской Федерации отсутствует эффективный механизм стимулирования инновационных процессов, который должен затрагивать не только производителей инновационных технологий, но и их потребителей. Анализируется законодательство об инновациях и делается вывод о нарушении баланса между цифровыми правами при фактическом отсутствии норм о цифровых обязанностях граждан и организаций. Опираясь на изучение законодательного и правоприменительного опыта ряда стран Европы и США, автор делает вывод о том, что наиболее восприимчивой к новым цифровым технологиям стала отрасль исполнительного (судебного) права, в особенности доказательственное право, что может служить ориентиром для других сфер правового регулирования.

Abstract. The article analyzes the problems and trends of modern law, the emergence of which is due to the widespread use of new digital technologies. The article shows the factors causing the creation of high-tech law, capable of influencing the speed of consideration of cases in courts and the effectiveness of norms of procedural executive law. The emerging terminological problems are noted, in particular, it is concluded that the current legislation of the Russian Federation does not provide legal definitions of the concepts of «high technology», «digital environment», «digital law», «information technology». This leads to incorrect doctrinal interpretation and difficulties in applying the rules of law. The thesis is revealed that digital innovations can be widely introduced into the practice of lawmaking and law enforcement on the basis of the Federal Law «On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation». It is noted that in the Russian Federation there is no effective mechanism for stimulating innovation processes, which should affect not only producers of innovative technologies, but also their consumers. The article analyzes the legislation on innovation and concludes that there is an imbalance between digital rights in the virtual absence of norms on the digital responsibilities of citizens and organizations. Based on the study of legislative and law enforcement experience of a number of countries in Europe and the USA, the author concludes that the branch of executive (judicial) law and especially evidence law has become the most receptive to new digital technologies, which can serve as a guideline for other areas of legal regulation. It is also

Также делается вывод о том, что эффективность инноваций в цифровой среде вообще и в праве в особенности тормозится неготовностью участников общественных отношений осуществлять компетентное внедрение новых цифровых технологий в повседневные практики юридического процесса. Теоретические выводы настоящего исследования получены благодаря применению методов восхождения от абстрактного к конкретному, дедукции, анализа и преобразования понятий. В юридическом аспекте результаты, связанные с интерпретацией действующего законодательства, обусловлены применением метода сравнительного правоведения и метода толкования норм права.

Ключевые слова: право, законодательство, цифровые права, инновационные цифровые технологии, правоприменительный процесс, принципы цифровизации права

Для цитирования: Пучков О.А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития / О.А. Пучков. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 163–172.

concluded that the effectiveness of innovations in the digital environment in general and in law in particular is hampered by the unwillingness of participants in public relations to competently implement new digital technologies into everyday practices of the legal process. The theoretical conclusions of the present study are obtained through the application of the methods of ascent from the abstract to the concrete, deduction, analysis and transformation of concepts. In the legal aspect, the results related to the interpretation of the current legislation are due to the application of the method of comparative law and method of interpretation of legal norms.

Keywords: law, legislation, digital rights, innovative digital technologies, law enforcement process, principles of digitalization of law

For citation: Puchkov O.A. Law in the mirror of high technology: comparative analysis of legal development trends. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 163–172 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21.

ВВЕДЕНИЕ

Право не может находиться вне инновационных процессов, поэтому одним из объектов постоянного внимания российского законодателя является цифровизация права. Право подчиняется возникающим закономерностям в информационной среде и инновациям в социальной жизни. Так, вошли в привычный оборот онлайн-торговля и электронная коммерция. Как следствие, возникли новые вопросы о защите прав потребителей, конфиденциальности данных, электронных договорах и электронной подписи, правовом регулировании электронных платежей. Право адаптируется к новым технологическим возможностям и создает нормы для регулирования электронных транзакций.

Другой драйвер цифровизации права возник благодаря киберпреступности. Ее распространение потребовало обеспечения безопасности пользователей Сети. Развитие цифровых технологий породило новые виды преступлений, связанных с компьютерами и сетями. Право отреагировало правовыми средствами, обеспечивающими кибербезопасность: были разработаны новые законы, направленные на

защиту от хакерских атак, краж личных данных, мошенничества в сфере онлайн-банкинга и других киберугроз¹.

Наконец, в цифровую эпоху права авторы интеллектуальной собственности столкнулись с новыми вызовами. Цифровое распространение информации и контента (музыка, фильмы, книги, статьи и т. д.) породило сложности в обеспечении защиты авторских прав и предотвращении пиратства. Поэтому государство ищет новые правовые возможности, чтобы защитить правообладателей в цифровой среде, регулирует управление цифровыми правами [1] и усиливает юридические меры их защиты.

Управление цифровыми правами (Digital Rights Management, DRM) – это набор технологий, механизмов и правовых средств, которые используются для контроля и защи-

¹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Российская газета. 2017. 31 июля ; О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ // Российская газета. 2023. 2 августа ; Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. от 29.07.2017 № 241-ФЗ) // Российская газета. 2006. 28 июля.

ты цифрового контента. DRM предназначены для ограничения несанкционированного распространения, копирования, изменения и использования цифровых материалов, таких как музыка, фильмы, книги и программное обеспечение. Основная идея управления цифровыми правами была разработана для защиты авторских прав и контроля за распространением в Сети цифрового контента. Цель DRM состоит в том, чтобы дать правообладателям контроль над использованием и распространением их цифрового контента, защитить его от нелегального копирования и распространения, обеспечить соблюдение авторских прав. Однако оппоненты DRM утверждают, что оно ограничивает права потребителей и создает препятствия для легального использования цифрового контента. Некоторые сторонники открытого программного обеспечения и свободного обмена информацией критикуют DRM как ограничительную меру [2, с. 119]. Реализация цифровых прав выражается в использовании новых технологий и подходов, таких как шифрование, цифровые подписи, системы управления лицензированием и контроля доступа и т. п. Все эти «технические» операции своим юридическим содержанием имеют такие субъективные правомочия, как право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. В рамках осуществления указанных правомочий реализуются как аппаратные, так и программные механизмы.

Под воздействием указанных обстоятельств, а также ряда других создается новая техносоциальная и техноэкономическая парадигма, которую можно именовать информационно-технологической, когда информация становится не только средством труда, но и его предметом; происходит тотальный процесс постоянного обновления эффективных технологий, возникают ранее неизвестные характеристики инновационной среды, влияющие на право. В результате технологической конвергенции с социумом формируются новые институты права и средства юридического влияния на общественные процессы.

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Резкий рывок, совершенный правом в первой четверти XXI в., привел к появлению новых отраслей и институтов права, а также к обогащению арсенала средств юридического воздействия на регулируемые общественные отношения. В то же время теоретико-правовая наука не всегда успевала осмысливать процессы внедрения новейших технологий в правовую систему. Усиление инструментального характера современного права, сопровождающееся ослаблением право-идеологических принципов, не получило должной оценки учеными, а развитие технологических инноваций и цифровизации в праве не привело к появлению принципиально новых оценок тех тектонических сдвигов, которые произошли в общественном сознании, экономике, культурной жизни социума и частной жизнедеятельности субъектов права.

Если в 90-е годы XX в. инновации относились в основном к технологиям, то сегодня они охватывают более широкий спектр видов социальной практики: сферу искусственного интеллекта, интернет вещей, новые методы работы с большими данными, создание новых бизнес-моделей и рынков и т. д. Это также выбор верных идей и быстрое, эффективное выполнение бизнес-стратегий. Многие национальные программы нацелены на развитие инноваций на основе схем поддержки, платформ технологий, инкубаторов, финансовых инициатив и на развитие в связи с этим исследований и разработок [2, с. 119].

Обратимся к более ранним попыткам осмыслить феномен инноваций и новых технологий. Так, в «Советском энциклопедическом словаре» инновация определяется через термин «новообразование», что представляется сомнительным, а под технологией понимается «совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, форм сырья, материалов или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции»². Более того, технология трактуется как наука, в задачу которой входило «выяв-

² Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 499.

ление физических, химических, механических и других закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных производственных процессов»³.

Представители современного российского правоведения стараются подойти к осмыслению инноваций в праве с учетом понимания специфики технологий вообще. Так, авторы статьи «Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния», опубликованной в журнале *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, справедливо отмечают, что инструментальный подход к цифровым технологиям в праве «основывается на буквальном (словарном) значении слова "технология", в рамках которой под "технологией" понимается совокупность средств и методов организации определенного процесса, как правило, производственного. С учетом этого в рамках данного подхода на первое место выступает инструментальный аспект технологий, их способность влиять на скорость, и, как следствие, эффективность определенных процессов» [3, с. 60]. Авторы также признают, что, несмотря на нетождественность терминов «информационные технологии» и «цифровые технологии», на нормативном и доктринальном уровне восприятия и того и другого понятия подразумевают «искусственный подход» [3, с. 60].

Становится очевидным, что тенденция правоведения заключается в том, чтобы следовать в русле сложившихся традиционных трактовок понимания инноваций и технологий. При этом можно обнаружить их достаточно вольную интерпретацию. Например, П.Г. Шеленговский полагает, что инновации можно определить посредством ключевого слова «деятельность». Автор отмечает, что понятие «инновация» в российской и зарубежной литературе определяется как «...использование в той или иной сфере общественного производства результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленной на совершение процессов деятельности или ее результатов» [4, с. 168]. Определение понятия «деятельность» через близкие или тождественные понятия едва ли оправданно. Однако автор статьи ограничивается перечислением тех феноменов, которые, по его мнению, относятся к инновационной

деятельности: открытие закономерностей, свойств и явлений материального мира, изобретения (научные или технические), ноу-хау и др. Автор также полагает, что инновации можно подразделить на локальные, отраслевые, глобальные и, в зависимости от научной принадлежности, на экономические, политические и иные, а также по областям применения (технические, технологические, организационно-управленческие и др.). По воздействию на процесс производства П.Г. Шеленговский подразделяет инновации на рационализирующие, расширяющие, замещающие [4, с. 170]. Становится понятным, что в таких обстоятельствах у цитируемого автора преобладает инструментальный подход, а не интегративный, предполагающий комплексное, системное использование инновационных средств преобразований, позволяющих отображать в своем единстве многоаспектное видение права.

Обратим внимание на тот факт, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует термин «цифровые технологии», но содержится легальное определение понятия «информационные технологии». Так, в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» под информационными технологиями понимаются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Большинство исследователей полагают, что в целом аналогичный подход к пониманию информационных технологий реализован в программных документах, регулирующих развитие и реализацию цифровых и информационных технологий в праве» [5; 6].

Механизм стимулирования развития технологий отражен во многих актах федерального законодательства. Например, в федеральных законах от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» механизм стимулирования инноваций выражен достаточно отчетливо.

Тем не менее только в Федеральном законе «Об информации, информационных тех-

³ Там же. С. 1338.

нологиях и защите информации» (п. 8 ст. 3), регулирующем отношения, возникающие из применения информационных технологий, предусмотрен важнейший принцип деятельности в этой сфере – принцип технологической нейтральности, согласно которому «недопустимо установление нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами»⁴.

В этой связи следует согласиться с мнением В.Н. Южакова и А.А. Ефремова, которые полагают, что «базовый закон в сфере информационных отношений ориентирует государственное управление исключительно на применение информационных технологий, а стратегическое планирование сводит к участию в разработке и реализации целевых программ применения информационных технологий» [6, с. 63]. В аспекте такого подхода, по мнению авторов, законодательство Российской Федерации в этой сфере не нацелено на выявление, предотвращение и устранение препятствий в реализации потребностей общества в применении информационных технологий, а также на создание стимулов для их развития.

Цифровизация в Российской Федерации является приоритетным направлением экономического, социального, политического развития государства. Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» «цифровые инновации – новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введен-

ные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным частью 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации, а по направлению, предусмотренному пунктом 4 части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, Центральным банком Российской Федерации».

В настоящее время принята и реализуется новая Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 и программа «Цифровая экономика Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632. В этих актах явный акцент сделан на достижение долгосрочных целей. Но каковы в этом аспекте тактические цели технологического развития и инноваций, в том числе в правовой сфере? Пока на этот вопрос ответа нет.

Как следствие, приходится констатировать отставание Российской Федерации от стран – лидеров цифровизации. В частности, в рейтинге стран по уровню развития электронного правительства Российская Федерация занимает 30-е место (на 2020 г.)⁵, по индексу цифровой конкурентоспособности – 39-е место⁶.

Следует согласиться с мнением В.Н. Южакова и А.А. Ефремова о том, что «большинство документов ориентировано не на развитие, а на применение ИТ и масштабное создание новых государственных информационных систем ... практически отсутствует определение рисков и правовых ограничений развития ИТ, недостаточно четко определены организационные ограничения и стимулы развития ИТ и т. д. [6, с. 66]. Авторы справедливо отмечают, что большинство стимулов в сфере развития информационных технологий свелось к налоговым льготам и импортозамещению, и предлагают наряду с другими стимулами законодательно закрепить меры не только по налоговому, но и организационному стимулированию цифровизации (вне-

4 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19, ст. 2302.

5 В 2014 г. Российская Федерация по этому индексу занимала 27-е место, 35-е место – в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imd.org/unpload/IMD.Wec/PDFSource/RU_digital.pdf (дата обращения: 17.10.2023).

6 В 2016 г. Российская Федерация по этому индексу занимала 40-е место, в 2017 г. – 42-е [Электронный ресурс]. URL: https://www.imd.org/unpload/IMD.Wec/PDFSource/RU_digital.pdf (дата обращения: 17.10.2023).

дрению инновационных технологий), иными словами, стимулировать не только производителей инновационных технологий, но и спрос на них (то есть организации, внедряющие инновационные технологии).

Безусловно, выявление недостатков в правовом регулировании инновационных технологий в Российской Федерации непосредственно касается и инновационных процессов в российском праве. Наряду с этим тенденцией правового развития стало появление новых научных понятий, отражающих реальные процессы цифровизации в праве: «киберправо», «высокотехнологичное право», «цифровое право», «смарт-право» и др. [7; 8].

Так, Л.В. Бертовский делает вывод о появлении нового феномена – высокотехнологичного права. Автор полагает, что внутренней стороной права (очевидно, так понимается им содержание права) является использование высоких технологий для решения задач, появляющихся в процессе правоприменения, а внешней стороной – регулирование общественных отношений, возникающих при их использовании. Таким образом, делает вывод автор, «высокотехнологичное право – это такой логистичный, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который, с одной стороны, использует высокие технологии в процессе правоприменения, а с другой – регулирует возникающие с ними отношения» [5, с. 742]. Однако такое определение, на наш взгляд, является неполным. Это связано с тем, что критерий технологичности (в том числе права) – это способность к производству новых продуктов. Таким образом, речь идет о возможности права продуцировать инновационные нормативные правовые акты, способные эффективно и в кратчайшие сроки урегулировать любое правоотношение, возникающее в цифровой среде.

Как отметил вице-президент интернет-суда в г. Ханчжоу (КНР), «ведение дел на более высокой скорости – это и есть современное право, потому что задержка правосудия приравнивается к отказу в правосудии» [5, с. 741].

Однако высокотехнологичное право, по нашему мнению, не должно реализовываться только в правоприменении, несмотря на то что этот подход с 2017 г. стал широко распространяться в Китае [9]. На наш взгляд, высокотехнологичное право в единстве с алгоритмами

искусственного интеллекта и технологией Big data (большие данные) должно быть интегрировано в сферу правотворчества, иначе право в эпоху цифровизации никогда не преодолеет свой разрыв между постоянно развивающимися общественными отношениями. Понятно, что есть и объективные причины, тормозящие цифровизацию самого права. Они кроются как в психологических аспектах (неготовность законодателей, правоприменителей к инновациям и пр.), так и в аспектах сугубо технологических (отсутствие единой среды доверия, нерешенность проблемы идентификации пользователей цифровой среды, высокая степень абстрактности права вообще и сложности с их переводом на язык алгоритмов и т. д.).

Отметим, что цифровые права, о которых сказал отечественный законодатель в ГК РФ еще в 2019 г., ныне представляют собой достаточно совершенную правовую конструкцию. В соответствии со ст. 141.1. ГК РФ «1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

2. ...обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо». Справедливо задаться в этой связи вопросом: насколько эта законодательная новелла способна повлиять на технологичность права? На наш взгляд, совершенно очевидно, что данная юридическая конструкция порождает необходимость создания соответствующей цифровой платформы, позволяющей не только эффективно реализовывать цифровые права, но и обеспечить безопасность реализации цифровых прав.

В то же время следует обратить внимание на то, что, стремясь следовать «духу времени», отечественный законодатель уделил

внимание цифровым правам, однако при этом несколько затушеввал «цифровые обязанности», которые по какой-то причине не попали в текст ГК РФ. Тем самым нарушается принцип баланса прав и обязанностей, снижается точность языка закона и его эффективность. Не лишним будет напомнить в этой связи ст. 18 Конституции РФ, устанавливающую следующее: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Отсутствие в данной конституционной норме указания на юридические обязанности человека следует признать серьезным упущением отечественного законодателя. Данный пробел сказывается и на отраслевом регулировании. Так, ст. 434 ГК РФ предоставляет свободу заключения, например, сделок и содержит прямое дозволение (изложенное в ч. 2) на создание и движение электронных документов (то есть таких документов, которые передаются по каналам связи, включая электронную почту). В то же время более конкретные требования (обязанности) к соблюдению формы электронных документов, идентификации сторон в электронном правоотношении остались за рамками внимания отечественного законодателя.

В настоящее время в России действует ряд федеральных законов, определяющих основные направления развития и тенденции цифровизации права: от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья»⁷, от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁸, от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹. Например, Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» содержит принципы

обеспечения безопасности личности, общества и государства, прозрачности и открытости экспериментального правового режима, равноправия претендентов и др. При этом в п. 7 ст. 4 этого закона говорится о принципе «минимизации отступлений от общего регулирования», который, на наш взгляд, содержит в себе потенциал нежелательного торможения создания новых видов, форм и способов экономической деятельности.

О проблемах цифровизации права также упоминают авторы статьи «Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния». Среди наиболее важных – проблема допустимых пределов влияния цифровых технологий в российском и зарубежном гражданском процессе, проблема статуса инструментального подхода, проблема влияния цифровых технологий на саму суть юрисдикционных процессов по защите гражданских прав, проблема дисбаланса в развитии цифровых технологий в гражданском процессуальном праве, при котором преобладает экстенсивное развитие цифровой составляющей в гражданском судопроизводстве, и др. Авторы справедливо замечают, что, «будучи способом (формой) осуществления правоприменительной деятельности, цифровые технологии не могут не оказывать воздействие на содержание данной деятельности; массированное и/или радикальное внедрение таких технологий способно оказать воздействие не только на отдельные институты гражданского процессуального права, но и на его принципы, топологию, саму суть правоприменительной деятельности по гражданским делам» [3, с. 59]. Указанные трансформации в отраслевом регулировании не проходят гладко и безболезненно. Остается сожалеть, что повсеместное внедрение электронного правосудия остается пока несбыточной мечтой. Между тем активное внедрение ГАС «Правосудие», Единой информационной системы нотариата и других программных продуктов современного уровня говорят о возможностях нашей правовой системы и ее готовности воспринимать новые тренды XXI в. В этом отношении ряд стран (Франция, Италия, Португалия) уже полностью перешли, например, на новые принципы приказного производства, в рамках которого применяются не вспомогательные цифровые

⁷ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

⁹ Там же.

технологии, но технологии, позволяющие осуществлять исполнение судебных решений онлайн, в рамках дистанционного общения сторон. К слову, судебные власти в ФРГ и Австрии также запустили аналогичные пилотные проекты, направленные на совершенствование исполнительного производства, основанного на цифровых платформах. В рамках этого направления предусматривается переход к полуавтоматической обработке состязательных документов и доказательств по «малым серийным делам» без участия человека и проведение устных слушаний с формированием средствами искусственного интеллекта предварительного «медиативного» решения, утверждаемого человеком. Кроме того, в ФРГ допускается электронный формат общения между судебным исполнителем и взыскателем, что ускоряет процесс исполнения судебных решений¹⁰.

В США тоже активно идут процессы цифровизации права, особенно в доказательственном праве. Как известно, в досудебную стадию в США включаются следующие процессуальные действия: 1) определение юрисдикции; 2) обмен состязательными бумагами (the Pleading Stage of the Case); 3) раскрытие доказательств (discovery); 4) досудебное урегулирование спора; 5) досудебное совещание судьи с адвокатами сторон [10, с. 158]. При этом, например, на этапе раскрытия доказательств стороны могут представлять суду копии электронной переписки в любом объеме, а также сведения из чатов в мессенджерах, что признается судами США как разновидность письменного соглашения сторон, равно по юридической силе обычному договору на бумаге с подписями и печатями.

Еще одно направление цифровизации в праве США связано с гарантиями гражданам при использовании технологий искусственного интеллекта. Пока речь идет о проекте нормативного правового акта под названием «Билль о правах в области ИИ-технологий». Документ призван послужить ориентиром в деле создания, разработки и внедрения ИИ-технологий и других автоматизированных систем для защиты прав американцев. Проект Билля предлагает наделить граждан США следую-

щими основными правами: 1) на безопасные и эффективные ИИ-системы; 2) на защиту от алгоритмической дискриминации; 3) на конфиденциальность персональных данных; 4) на уведомление о применении автоматизированной системы и о том, как и почему ее работа воздействует на результат, который, в свою очередь, оказывает влияние на граждан; 5) на альтернативу ИИ-системе – контакт с человеком в случаях, когда это оправданно¹¹. В этом же направлении движется и Европейский союз, который также намерен принять акт об ответственности за вред, нанесенный технологиями с использованием ИИ.

Как следует из изложенного, для всех стран, в которых идут процессы цифровизации права, характерна проблема взаимодействия человека и цифровых технологий. В отношении правоприменительной деятельности процесс цифровизации затрудняется тем, что это наиболее консервативная сфера правовой системы. При этом вызывает большие вопросы способность какой бы то ни было технологии осуществлять за человека познавательную деятельность, направленную на установление фактических обстоятельств дела, определять сам круг обстоятельств, имеющих правовое значение. Весьма сложным с теоретической точки зрения представляется вопрос о том, как заложить в алгоритм возможность усмотрения, которая, как известно, не только не отрицается законодателем, но сознательно закрепляется им в деятельности любого правоприменителя.

Поэтому, несмотря на некоторые недостатки правовой базы, осложняющие правовое стимулирование высоких технологий, тем не менее следует признать, что цифровые технологии стали реальностью не только судопроизводства, но и исполнительного производства, а также нотариата и третейского разбирательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Право в информационную эпоху играет очень важную роль, так как в современном

10 Гражданский процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия в ред. от 05.12.2005 // Вестник федерального законодательства (BGBl). I. S. 3202.

11 В США опубликован проект гарантированных гражданам прав при использовании ИИ-систем [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/v-ssh-opublikovan-proekt-garantirovannyh-grazhdanam-prav-priv-polzovanii-ii-sistem.html> (дата обращения: 05.10.2023).

обществе информация стала одним из самых ценных ресурсов и существенным элементом повседневной жизни людей. В информационную эру право адаптируется к новым вызовам и возможностям, связанным с обработкой, передачей и использованием информации.

Одна из ключевых задач права в информационную эпоху – найти баланс между свободой доступа к информации и защитой прав и интересов граждан. Право должно учитывать различные аспекты, включая право на конфиденциальность и защиту персональных данных, свободу слова и информации, правовыми средствами вести борьбу с дезинформацией и нелегальным контентом.

В цифровую эпоху право должно продолжать развиваться и адаптироваться к новым вызовам и инновационным технологиям. При этом важно соблюдать права и свободы граждан в цифровой среде, обеспечивать защиту данных и информационную безопасность, содействовать развитию инноваций и цифровой экономики.

Трудности процесса цифровизации права выражаются в том, что имеются сложности в доступе граждан и организаций к технологическим ресурсам. Не все правоохранительные органы и учреждения имеют доступ к современным технологиям, что затрудняет процесс цифровизации правовой системы.

Усугубляется проблема информационной безопасности и обеспечения конфиденциальности данных. Цифровизация права требует высокого уровня защиты данных и конфиденциальности, что сложно обеспечить в условиях роста киберугроз.

Имеется проблема обеспечения должного уровня квалификации в пользовании современными цифровыми технологиями, получающими применение в правовой системе, так как недостаточно доступных образовательных ресурсов. С этим также связана проблема стандартизации и совместимости систем обработки информации. Различные государственные органы и учреждения нередко используют разные программные и аппаратные средства, что затрудняет совместимость и обмен информацией между ними.

В плане проблем правотворческой деятельности следует отметить, что цифровизация права требует своевременного обновления и изменения действующего законодательства, разработки новых правовых норм и коррекции государственной политики в области высоких технологий. В частности, стала актуальной проблема разработки законодательства Российской Федерации в области искусственного интеллекта, а также обеспечения безопасности его широкого применения в общественной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пышнова Е.С. Цифровые права: что это и нужны ли в Гражданском кодексе Российской Федерации / Е.С. Пышнова, Т.В. Конопляникова [Электронный ресурс] // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 10-8 (79). – С. 47–51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-chto-eto-i-nuzhny-li-v-grazhdanskom-kodekse-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 14.01.2024).
2. Газизова А.И. Развитие системы «Наука – образование – производство» в Турции как ключ к созданию национальной инновационной системы / А.И. Газизова // Известия Уральского отделения Российской академии образования. Образование и наука. – 2009. – № 4. – С. 116–121.
3. Брановицкий К.Л. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, Ал.В. Незнамов, Ан.В. Незнамов, В.В. Ярков // Herald of The Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 2. – С. 56–68.
4. Шеленговский П.Г. Особенности интеллектуальной собственности и инновации в Российской Федерации / П.Г. Шеленговский // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 12А. – С. 167–173.

REFERENCES

1. Pyshnova E.S., Konoplyannikova T.V. Digital rights: what is it and are necessary in the Citizenship code of the Russian Federation? *Evrasijskij soyuz uchenyh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 10-8 (79), pp. 47–51. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-chto-eto-i-nuzhny-li-v-grazhdanskom-kodekse-rossijskoj-federatsii>.
2. Gazizova A.I. Development of the «Science – Education – Production» system. *Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii obrazovaniya. Obrazovanie i nauka = News of the Ural Branch of the Russian Academy of Education. Education and Science*, 2009, no. 4, pp. 116–121. (In Russian).
3. Branovitskii K.L., Renz I.G., Neznamov A.V., Neznamov A.V., Yarkov V.V. Digital technology and civil procedure: problems of interinfluence. *Herald of The Euro-Asian Law Congress*, 2018, no. 2, pp. 56–68. (In Russian).
4. Shelengovskii P.V. Features of intellectual property and innovation in the Russian Federation. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2016, vol. 6, no. 12A, pp. 167–173. (In Russian).

5. Бертовский Л.В. Высокотехнологическое право: понятие, цели и перспективы / Л.В. Бертовский // Вестник РУДН. Юридические науки. – 2021. – Vol. 25, № 4. – С. 735–749
6. Южаков В.Н. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий / В.Н. Южаков, А.А. Ефремов // Российское право. Образование. Практика. Наука. – 2017. – № 5. – С. 62–69.
7. Лебедь (Ефремова) В.В. Актуальные проблемы киберправа (обзор материалов Второй международной летней школы по киберправу) / В.В. Лебедь (Ефремова), Н.Н. Телешина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 2. – С. 173–183.
8. Овчинников А.И. Цифровые права как объекты гражданских прав / А.И. Овчинников, В.И. Фатхи // Философия права. – 2019. – № 3 (90). – С. 104–115.
9. Шереметьева Н.В. Особенности электронного правосудия в КНР / Н.В. Шереметьева, И.В. Батуро, У.Шуан // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 159–163. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-elektronnogo-pravosudiya-v-knr> (дата обращения: 14.11.2023).
10. Ермакова Е.П. Цифровизация гражданского судопроизводства в США: закрепление процедуры электронного раскрытия доказательств («e-discovery») / Е.П. Ермакова // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 153–162.
5. Bertovsky L.V. High-tech law: concept, genesis and prospects. *Vestnik RUDN. Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 735–749. (In Russian).
6. Yuzhakov V., Yefremov A. Directions of improvement of legal regulation in the field of development of information technologies stimulation. *Rossiiskoe Pravo. Obrazovanie, Praktika, Nauka*, 2017, no. 5, pp. 62–69. (In Russian).
7. Lebed' V.V. (Efremova), Teleshina N.N. Topical problems of cyber law (Review of the 2nd International Summer School on Cyber Law). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, no. 2, pp. 173–183. (In Russian).
8. Ovchinnikov A.I., Fathi V.I. Digital rights as objects of civil rights. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 3 (90), pp. 104–115. (In Russian).
9. Sheremeteva N.V., Baturо I.V., Shuan Y. Features of electronic justice in the PRC. *Pravo i praktika = The law and Practice*, 2020, no. 2, pp. 159–163 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-elektronnogo-pravosudiya-v-knr>.
10. Ermakova E.P. Digitalization of civil proceedings in the USA: consolidation of the procedure for electronic disclosure of evidence («e-discovery»). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 11, pp. 153–162. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Puchkov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law named after S.S. Alekseev.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 09.04.2024. The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.22

АМИНЕВ Фарит Гизарович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: faminev@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-4031-4103>

ЗАМЯТИН Сергей Александрович
Автономная некоммерческая организация
«Негосударственная судебная экспертиза
Новосибирской области»,
Новосибирск, Россия

Original article

AMINEV Farit Gizarovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ZAMYATIN Sergey Alexandrovich
Autonomous Non-Profit Organization
«Non-Governmental Forensic Examination
of the Novosibirsk Region», Novosibirsk, Russia.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ НЕСУДЕБНОЙ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MAIN PROVISIONS OF NON-JUDICIAL AND JUDICIAL
EXAMINATION OF CONSTRUCTION FACILITIES DESIGN DOCUMENTATION

Аннотация. Актуальной задачей судебной экспертизы является разработка методических основ производства судебной экспертизы проектной документации строительных объектов, отличающихся от методических положений несудебных государственных (или негосударственных) экспертиз проектной документации. Цель: сравнительный анализ судебно-экспертного исследования проектной документации строительных объектов и несудебной экспертизы проектной документации, проводимой в соответствии со ст. 49 Градостроительного кодекса РФ. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, математических расчетов; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы моделирования и толкования правовых норм. Результаты: разработаны и сформулированы определения основных понятий судебной экспертизы проектной документации. На основе сравнительного анализа установлены аналогии и отличия в задачах и методах исследования, в порядке проведения судебной и несудебной экспертизы проектной документации строительных объектов. Рассмотрены процессуальные особенности применения существующих норм к составу, содержанию и оформлению проектной документации, к расчетному обоснованию проектных решений.

Abstract. The urgent task of forensic expert science is the development of methodological bases of judicial examination of construction facilities design documentation, which differ from the methodological provisions of non-judicial state (or non-state) examination of design documentation. Purpose: to undertake a comparative analysis of judicial examination of construction facilities design documentation and non-judicial examination of design documentation carried out in accordance with Article 49 of the Town Planning Code of the Russian Federation. Methods: empirical methods of comparison, description, mathematical calculations; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods of modeling and interpretation of legal norms. Results: the article develops and formulates the definitions of the basic concepts of judicial examination of design documentation. On the basis of comparative analysis, the authors identify some analogies and differences in the tasks and methods of research in the procedure for conducting judicial and non-judicial examination of construction facilities design documentation. The article considers procedural features of the application of existing norms to the composition, content and presentation of design documentation as well as to the calculation

Выявлены некоторые проблемы проведения судебной экспертизы проектной документации строительных объектов: недостаточный уровень квалификации судебных экспертов; ошибки, связанные с неправильным пониманием предмета, цели и задач судебных экспертиз. Отмечена необходимость и особенности индивидуализации проектной документации при производстве судебной и несудебной экспертизы проектной документации строительных объектов. Установлено, что основанием для вывода судебной экспертизы является оценка влияния несоответствия проектных решений нормативным правилам на надежность проектируемого сооружения. Разработаны методические рекомендации по оценке проектной документации строительных объектов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, государственная экспертиза проектной документации, проектная документация, расчет, модель, строительные объекты, оценка заключения эксперта

Для цитирования: Аминев Ф.Г. Сравнительный анализ основных положений несудебной и судебной экспертизы проектной документации строительных объектов / Ф.Г. Аминев, С.А. Замятин. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.22 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 173–182.

substantiation of design decisions. Some problems of carrying out judicial examination of construction facilities design documentation are revealed: insufficient level of qualification of forensic experts; errors related to misunderstanding of the subject, purpose and objectives of forensic examinations. The necessity and specifics of individualization of design documentation in the course of judicial and non-judicial expert examination of construction facilities design documentation are noted. It is established that the basis for a forensic report is the assessment of the impact of non-compliance of design solutions with the normative rules on the reliability of the designed structure. Methodological recommendations are developed for assessing construction facilities design documentation.

Keywords: forensic examination, state examination of design documentation, design documentation, calculation, model, construction facilities, expert opinion evaluation

For citation: Aminev F.G., Zamyatin S.A. Comparative analysis of the main provisions of non-judicial and judicial examination of construction facilities design documentation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 173–182 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.22.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы значительное развитие получила судебная строительно-техническая экспертиза, играющая существенную, а «иногда и решающую роль в судопроизводстве, в том числе при рассмотрении в судах общей юрисдикции и арбитражных судах гражданских споров» [1, с. 429]. Судебно-экспертным методикам проведения различных видов судебных строительно-технических экспертиз посвящены труды В.Б. Будько [2], А.Ю. Бутырина [3], С.Д. Волощука [4], А.Н. Добромыслова [5] и др. В то же время в нормативно-правовых актах, регламентирующих производство строительно-технических экспертиз, упоминаются только некоторые их виды: в Перечне родов (видов) судебных экспертиз, утвержденном приказом Министерства юстиции РФ от 20 апреля 2023 г. № 72, – «Технические и сметно-расчетные исследования строительных объектов и территории, функционально связанной с ними» и «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, с целью определения их ры-

ночной и иной стоимости»¹, в Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном приказом Министерства внутренних дел РФ от 29 июня 2005 г. № 511, – «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними», «Исследование стоимости строительства, финансируемого с привлечением бюджетных средств» и «Исследование автомобильных дорог, автодорожных мостов и тоннелей, аэродромов, специальных сооружений»².

1 Об утверждении родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Министерства юстиции РФ от 20.04.2023 № 72 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Анализ судебно-экспертной практики показал, что производится гораздо больше видов судебных строительно-технических экспертиз, чем указано в ведомственных приказах, и методические основы этих видов судебных экспертиз изложены в отдельных учебных пособиях [6] и монографиях [7, с. 442–447]. Тем не менее остаются нерешенными проблемы, связанные с отсутствием научно обоснованных методик судебных строительно-технических экспертиз, что привело к негативному явлению: судебные экспертизы проводятся по методикам государственных (несудебных) экспертиз.

Одним из актуальных направлений в судебной строительно-технической экспертизе является разработка методики судебной строительно-технической экспертизы проектной документации строительных объектов, которая решает диагностические задачи («установление отклонений от требований специальных правил, регламентирующих проектирование» [8, с. 38]), отличающиеся от задач государственной (несудебной) экспертизы проектной документации строительных объектов.

Собственный многолетний опыт в области судебной строительно-технической экспертизы проектной документации и изучение судебно-экспертной практики этого направления привели авторов к необходимости систематизации методического подхода к данной проблеме.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЕБНОЙ И НЕСУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Строительное проектирование, даже за рамками судебно-экспертного исследования, является сложным процессом, требующим высокой профессиональной подготовки специалистов. На подготовку квалифицированного проектировщика затрачиваются десятки лет, помимо первоначального высшего образования, полученного в архитектурно-строительном вузе. Именно этим специалистам суды по понятным причинам поручают проведение экспертиз проектной документации строительных объектов. При этом среди проектировщиков практически отсутствуют специалисты, имеющие дополнительную профессиональную

судебно-экспертную подготовку, поскольку проектировщики уровня эксперта востребованы по своей основной специальности и реальная мотивация менять направление деятельности у них совершенно отсутствует.

Но, одновременно с получением проектного опыта и профессиональных навыков проектирования у специалиста развивается и определенная профессиональная деформация, формируются штампы мышления и специфический категориально-понятийный аппарат, которые он естественным образом переносит на судебно-экспертное исследование. В итоге в настоящее время сложился целый ряд системных ошибок и заблуждений, приводящих судебного эксперта к некорректным и ошибочным выводам при производстве судебно-экспертных исследований проектной документации. Полагаем необходимым выделить наиболее распространенные:

- смешение судебной экспертизы, экспертизы проектной документации (далее в тексте – несудебной) и результатов инженерных изысканий, проводимых в соответствии со ст. 49 Градостроительного кодекса РФ;
- ошибочное представление об объекте, предмете, цели и задачах судебной экспертизы проектной документации, когда происходит их подмена и смешение с понятиями из проектной практики;
- смешение терминов судебной экспертизы, проектирования и слов обиходной речи;
- субъективизация объекта судебно-экспертного исследования (представление результатов проектирования исключительно как продукта интеллектуального труда);
- формально-догматический подход к оценке результатов проектирования и т. д.

В этой связи прежде всего следует определить, что представляет собой термин «проектная документация» как объект судебно-экспертного исследования, какими свойствами этот объект должен обладать, что следует понимать под несущественными и существенными недостатками проекта, в какой степени и какие недостатки проекта могут отразиться на качестве материального объекта и т. д. Необходимо установить четкие границы между процессом судебно-экспертного исследования проектной документации с соответствующими объектом, предметом, методиками и несудебной экспертизой проектной

документации, проводимой государственными и негосударственными учреждениями и организациями в соответствии со ст. 49 Градостроительного кодекса РФ. Это не свидетельствует о полной омонимии, так как понятия (и термины) судебной экспертизы в области проектирования, имея общее происхождение и общую основу с исходными строительно-техническими терминами, имеют также существенные отличия от терминов соответствующей несудебной экспертизы.

Проведя сравнительный анализ судебной и несудебной экспертизы, предлагаем следующие определения терминов:

а) несудебная государственная (негосударственная) экспертиза проектной документации строительных объектов – исследование проектной документации объектов капитального строительства и результаты инженерных изысканий, выполненных для подготовки такой проектной документации, в целях определения их соответствия требованиям, установленным градостроительным регламентом, выполняемая в соответствии со ст. 49 Градостроительного кодекса РФ;

б) судебная экспертиза проектной документации строительных объектов – судебно-техническое исследование проектной документации строительных объектов в целях решения задач, поставленных судебному эксперту следователем (судом), выполняемая в соответствии с требованиями Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и процессуального законодательства Российской Федерации. Судебная экспертиза – это исследование в соответствии с требованиями и в рамках судопроизводства. Коммерциализация этого направления судопроизводства (как и собственно суда) недопустима.

1. Основные различия государственной экспертизы проектной документации от судебной экспертизы проектной документации строительных объектов

1.1. Порядок проведения государственной экспертизы проектной документации установлен нормативными документами: ст. 49 Градостроительного кодекса РФ, Положением о порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной

документации и результатов инженерных изысканий, утвержденным постановлением Правительства РФ от 5 марта 2007 г. № 145, Положением об организации и проведении негосударственной экспертизы проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий, утвержденным постановлением Правительства РФ от 31 марта 2012 г. № 272. Требования к составу и содержанию проектной документации определены в Положении о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию, утвержденном постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87.

Предметом экспертизы проектной документации являются оценка соответствия проектной документации требованиям технических регламентов и т. д., а также проверка достоверности определения сметной стоимости в оговоренных Градостроительным кодексом РФ случаях. Оценке соответствия (объект экспертизы) подлежат все разделы проектной документации, которые должны представляться для проведения экспертизы.

Результатом экспертизы проектной документации является заключение о соответствии (положительное заключение) или несоответствии (отрицательное заключение) проектной документации требованиям технических регламентов и др., о достоверности (положительное заключение) или недостоверности (отрицательное заключение) определения сметной стоимости. То есть методики, используемые при экспертизе проектной документации, позволяют сформировать положительное или отрицательное решение с аргументацией недостатков, без вынесения каких-либо других промежуточных оценок. Проектная документация, как правило, может быть утверждена только при наличии положительного заключения экспертизы проектной документации. На основании проектной документации непосредственно для реализации в процессе строительства проектных решений разрабатывается рабочая документация на объект капитального строительства.

Данные правила и требования сложились как естественный закономерный результат многолетнего развития проектной деятельности и являются существенным, важным условием обеспечения качества проектирования.

Поэтому все они предусмотрены регламентом государственной экспертизы проектной документации и изысканий.

В судебной экспертизе такой специальный регламент отсутствует. Судебная экспертиза предназначена для установления конкретных фактов по поручению суда, то есть для достижения совершенно иных целей, чем несудебная. Перечень задач и вопросов судебной экспертизы не ограничен, и свойства проектной документации, в отличие от несудебной, как правило, исследуются экспертом во взаимосвязи с самыми разными жизненными ситуациями и обстоятельствами.

1.2. Специальные судебно-экспертные методики по оценке проектной документации строительных объектов отсутствуют. Поэтому участникам судебных процессов при оценке проектных документов следует опираться на нормативное определение и содержание понятий и руководствоваться ими при судебно-экспертном исследовании проектной документации.

Исследование содержательной части проекта в рамках государственной (или негосударственной) экспертизы проектной документации также имеет свои особенности и отличается от судебно-экспертного в первую очередь целью. Конечная цель этой экспертизы – качественный проект безопасного и надежного объекта строительства. Достижение ее происходит через процедуру оценки соответствия проектной документации результатам инженерных изысканий и требованиям норм. Этой цели подчинены все правила несудебной экспертизы.

По существу исследование проектной документации строительных объектов представляет собой диалог разработчика проекта и эксперта, когда эксперт направляет свои замечания автору проекта, но проектировщик имеет право не согласиться с мнением эксперта, представить обоснование и настоять на своей точке зрения. В этом диалоге отсутствует predetermined право государственного эксперта на истину, что также имеет свое естественное объяснение. В частности, эксперт не может потратить на изучение проекта столько же времени, сколько автор проекта затратил на его разработку, поэтому автор, конечно же, должен лучше знать все нюансы проекта.

При этом квалификация экспертов и авторов проектов зачастую вполне сопоставима, поскольку эксперты, работающие в государственной вневедомственной экспертизе, – это в первую очередь проектировщики с большим опытом работы.

В процессе несудебной экспертизы могут быть сделаны замечания по выявленным недостаткам и внесены оперативные изменения в проектную документацию. По результатам экспертизы проектной документации может быть выдано и отрицательное заключение с перечислением выявленных недостатков, после устранения которых возможно проведение повторной несудебной экспертизы проектной документации.

Утверждение проекта для осуществления строительства следует только после получения положительного заключения.

1.3. Необходимо различать и разделять при судебно-экспертном исследовании в качестве объектов проектную документацию, состоящую из проектных документов, имеющих все необходимые формальные реквизиты, и некий набор чертежей, текстов и документов, похожих по форме и содержанию на проектную документацию, но не обладающих необходимыми для этого признаками и проектной документацией не являющихся. Смешение этих понятий приводит к искажению результатов судебно-экспертного исследования. Известны случаи из судебной практики, когда с целью подтверждения объема выполненных проектных работ представляется переписка с заказчиком, неоформленные тексты, скриншоты с данными из Интернета, предварительные варианты проектных решений и др.

Кстати, следует отметить, что в строительной отрасли в последние двадцать лет наблюдается устойчивая тенденция к снижению квалификации проектировщиков. Одним из проявлений этого снижения является увеличение числа судебных споров, в основе которых лежит ситуация, когда вместо готовой проектной документации строительных объектов исполнители представляют доказательства того, что они «что-то делали», путая, таким образом, процесс с результатами проектирования.

Представленные в таких случаях проектировщиками вышеназванные «доказательства» существования проекта в какой-то

степени могут свидетельствовать о том, что процесс проектирования осуществлялся, но полученные документы результатами проектирования и проектной документацией не являются и не подлежат оценке как проектная документация. Результатом проектирования должны являться исключительно проектные документы, обладающие надлежащими нормативно установленными признаками. Проектная документация должна отвечать требованиям ГОСТ СПДС («Система проектной документации для строительства») по оформлению, составлению, изменению, содержанию. Нарушение этих правил является недостатком проектной документации. ГОСТ СПДС предотвращает подмену результатов проектных работ (проектных документов) сведениями о выполнении проектных работ (незаконченных чертежей, документов и т. д.).

1.4. Важнейшим свойством проектной документации является то, что это не только и не столько отображенные на бумаге творческие идеи и выполненные по правилам расчеты. Это в первую очередь документы, фиксирующие все индивидуальные сведения об объекте, об авторах, их ответственность за разработанный проект, выраженная в подписях авторов проекта, условия применения проектных документов. Этот аспект качества проектной документации при проведении судебно-экспертного исследования, как правило, недооценивается.

Требования к оформлению проектных документов, составлению, изменению, содержанию отражены в стандартах ГОСТ СПДС и в значительной степени обеспечивают оценку пригодности проектной документации для использования по своему назначению.

Такой, казалось бы, несущественный недостаток, как отсутствие подписи авторов на листе проекта, отличает принятое проектное решение от предварительного или ошибочного, за которое проектировщик ответственности не несет и которое не может быть принято для утверждения и строительства.

Отсутствие подписи в штампе является существенным недостатком проекта и прямым основанием для выдачи в результате государственной экспертизы проектной документации отрицательного заключения. Точно так же расценивается отсутствие или неполнота ис-

ходных данных, предварительных согласований, отсутствие части нормативного состава проекта и все прочие формальные нарушения. Существенная часть замечаний несудебной экспертизы связана именно с нарушением этих обязательных требований.

По нашему мнению, оценка соответствия проектных документов ГОСТ СПДС в судебно-экспертном исследовании имеет большое значение, поскольку предотвращает смешение и подмену «готовых результатов проектных работ (проектных документов)» и «проявлений процесса выполнения работ (незаконченных чертежей, документов и др.)».

1.5. Процессы производства судебной и несудебной экспертизы (проведенной в соответствии со ст. 49 Градостроительного кодекса РФ) не могут быть равноценными и не могут подменять друг друга.

Целью судебной экспертизы, в отличие от несудебной, является установление каких-либо конкретных фактов по заданию суда, необходимых для разрешения судебного спора. Суд может интересоваться фактический объем выполненных проектных работ (готовность проекта) и их стоимость, наличие существенных и несущественных недостатков, стоимость их устранения, влияние недостатков проекта на строящийся материальный объект. Но у судебной экспертизы отсутствует цель устранить недостатки проекта и обеспечить безопасность объекта, в процессе судебной экспертизы (в отличие от несудебной) невозможно устранение обнаруженных недостатков.

1.6. Судебный эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы и сообщать кому-либо о ее результатах, за исключением органа или лица, ее назначивших³.

1.7. В процессе проведения несудебной экспертизы по методикам Положения о порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий и Положения об организации и проведении негосударственной экспертизы проектной документации и (или) результатов инженерных

³ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ, ст. 16 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

изысканий каждый из нормативных 12 разделов проектной документации оценивает отдельный аттестованный специалист, обладающий соответствующей компетенцией.

В настоящее время судебно-экспертное исследование проектной документации проводит, как правило, комиссия из 1–3 судебных экспертов. То есть судебная экспертиза не только не предназначена, но и не осуществляет исследования по методикам несудебной экспертизы проектной документации и инженерных изысканий. Тем не менее именно такое ошибочное представление существует.

Необходимо отметить нехватку судебных экспертов с достаточной квалификацией и опытом таких исследований проектной документации при практически полном отсутствии специальных научно обоснованных судебно-экспертных методик по исследованию проектной документации строительных объектов.

2. Особенности формулирования выводов судебной экспертизы проектной документации строительных объектов

Формально-догматический подход к оценке проектной документации недопустим. Поэтому для оценки проекта и надежности здания, построенного по такому проекту, необходимо учесть следующие особенности.

2.1. Безусловное соответствие проектной документации всем действующим нормам, с одной стороны, гарантированно обеспечивает надежность объекта, с другой стороны, некоторые несоответствия проектных решений нормативным рекомендациям на практике совершенно не обязательно приводят к нарушению надежности объекта строительства.

Следует понимать, что назначение проектной документации, нормативного регулирования формы и содержания проектной документации и экспертизы (несудебной) проектных расчетов – с предельно высокой степенью обеспечить надежность проектируемого сооружения. Однако надежность в современной интерпретации – это не некая условная точка или граница, позволяющая отличить надежное сооружение от ненадежного. Ниже уровня, заданного строительными нормами проектирования, надежность сооружения не заканчивается.

Одно из принципиальных положений, которые лежат в основе теории надежности, – это

то, что надежность отождествляется с вероятностью нахождения параметров в некоторой допустимой области, тогда как выброс параметров из этой области трактуется как отказ. Отказ конструкции является следствием постепенного накопления повреждений.

Отметим, что современные отечественные нормы проектирования создают чрезвычайно высокий «резерв надежности», без оптимизации ее величины, и некоторые отклонения от нормативных рекомендаций не приводят к повреждениям конструкции.

В качестве иллюстрации приведем историю норм проектирования за период с 1960 г. по настоящее время. Эти нормы существенно изменились, и проекты 1960 г. уже не соответствуют требованиям норм 2023 г. Но здания, построенные по этим проектам, благополучно эксплуатируются и сегодня. Учитывая, что нормативный период эксплуатации капитальных зданий в среднем 50–70 лет, можно сделать вывод о надежности этих зданий, построенных по «некачественным» по сегодняшним меркам проектам.

2.2. Строительная практика показывает, что для того чтобы проектная ошибка проявилась в форме материальных дефектов или аварии на построенном сооружении, величина этой ошибки должна быть весьма и весьма существенной. Например, в судебно-экспертной практике известен случай, когда здание благополучно эксплуатировалось в течение 11 лет, с 2008 по 2020 г., несмотря на то что проектировщик ошибся при учете нагрузок от кровли – расчетная нагрузка вместо 364 кг/м² была принята 47 кг/м²⁴. Вполне возможно, что ферма покрытия, которая в марте 2020 г. потеряла устойчивость, стояла бы и поныне, но подрядчики использовали для ее изготовления стальной прокат с расчетным сопротивлением на 26 % ниже проектного (сталь СтЗсп по ГОСТ 380-2005 вместо С345).

2.3. При обычной экспертизе проекта незначительные, несущественные противоречия нормам могут разрешаться путем диалога между экспертом и разработчиком, но в рамках судебной экспертизы такая возможность отсутствует, поскольку судебный эксперт ограничен процессуальными правилами. Поэ-

⁴ Архив Арбитражного суда Новосибирской области. Дело А45-17503/2020.

тому, с одной стороны, обнаружение в рамках судебной экспертизы некоторого формально-го несоответствия проекта нормам не может быть корректным основанием для категорического вывода о «некачественности» проекта или ненадежности построенного или строящегося объекта. С другой стороны, каждому обнаруженному недостатку проекта должна быть дана экспертная оценка во взаимосвязи с вопросом суда. В итоге результаты и выводы судебной и несудебной экспертизы в отношении одной и той же проектной документации будут отличаться.

При установлении несоответствий в расчетах должна осуществляться расчетная оценка влияния допущенного отклонения на результаты расчетов с оценкой существенности этого влияния. Проверочный расчет в этом случае должен быть тождествен исходному проектному расчету.

2.4. Следующее важное свойство проектов строительных объектов – расчетное обоснование проектных решений. Судебно-экспертная практика показывает, что расчетам участники процесса и эксперты придают некую особую ритуальную значимость. Расчеты воспринимаются и как часть проекта, и как объект исследования, и как особо значимый метод исследования.

Несмотря на то что именно расчетная часть проектирования регламентирована нормативными документами наиболее полно, расчеты в настоящее время предельно автоматизированы и действия расчетчика сводятся к адекватному выбору расчетной схемы и исходных данных в диалоговом режиме программы⁵, распространено заблуждение, что проектные недостатки преимущественно связаны с неправильными расчетами. Объясняется это обстоятельство скорее непониманием цели и роли расчетов в судебно-экспертном исследовании.

⁵ Расчет таких систем без использования электронных вычислительных машин затруднителен, поэтому производится с помощью программных средств, позволяющих в автоматизированном режиме выполнять большое количество сложных вычислений, включая расчеты напряженно-деформированного состояния и устойчивости конструкций с учетом различных видов нагружений, последовательности возведения конструкции, особенностей взаимодействия ее отдельных элементов и т. п. В основу этих программ заложен метод конечных элементов, позволяющий наиболее полно учесть геометрию конструкции, параметры материалов и грунтового основания, условия нагружения.

2.5. Влияние на формирование данного представления оказало то обстоятельство, что в связи с нехваткой квалифицированных судебных экспертов чаще всего к производству судебной экспертизы привлекаются специалисты-проектировщики, не имеющие специальной судебно-экспертной подготовки. Поэтому в представлении проектировщика экспертиза расчета заключается в выполнении нового, «правильного», с его точки зрения, расчета. Такой расчет ошибочно называют проверочным, но фактически вместо проверочного расчета эксперты проводят собственный иной расчет, параллельный проектному, выбирая исходные сведения по своему усмотрению, – при этом судебный эксперт, разумеется, получает в итоге совершенно иные значения, – а затем, сравнивая результаты, указывают на отличия как на «недостатки» исходного проектного расчета.

Такой упрощенный подход является принципиально ошибочным. Поэтому необходима организация регулярных «курсов повышения квалификации судебных экспертов, специализирующихся на проведении судебных строительно-технических экспертиз» [8, с. 416–417], в частности судебных экспертиз проектной документации строительных объектов.

2.6. Основные проектные расчеты представляют собой условные математические модели реального объекта. Поведение реального объекта существенно многообразнее и сложнее своей модели. Эти модели всегда описывают объект в формализованном, упрощенном виде, но сам расчет состоит из огромного количества взаимосвязанных вводных данных и вычислений. Значительное количество исходных данных и сложность расчета приводят к существенной вариативности расчетных моделей для одного и того же проектного задания. Изменив значение только одного исходного показателя, мы получаем иную модель здания, например, с другим распределением усилий в элементах, соответственно, должны измениться сечения, армирование и прочие проектные решения. Поэтому действующими нормами запрещено внесение изменений в расчеты⁶. Расчетная модель проектируемого здания на

⁶ ГОСТ 21.101-2020. Система проектной документации для строительства. Основные требования к проектной и рабочей документации, п. 7.1.1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

протяжении всего периода проектирования и строительства должна оставаться неизменной.

2.7. Проверка проектных расчетов в процессе судебной экспертизы может осуществляться исключительно путем проверки соответствия примененной в существующем проектом расчете методики нормативной методике. При установлении несоответствий должна осуществляться расчетная оценка влияния допущенного отклонения на результаты расчетов с оценкой существенности этого влияния. Проверочный расчет в этом случае должен быть тождествен исходному проектному расчету. Выполняя самостоятельный проверочный расчет, судебный эксперт обосновывает выбор исходных данных для собственного расчета и методику его применения.

Как известно, проектные расчеты и все существующие нормативные методики расчетов предназначены для того, чтобы гарантированно обеспечить надежность проектируемых сооружений. Это означает, что если расчет правильный, сооружение имеет некий запас надежности (прочности, долговечности) и ни трещины, ни дефекты, ни разрушения появиться не должны. В то же время наличие проектной ошибки совершенно не означает, что вследствие ошибки эти дефекты и повреждения возникнут неизбежно. Результат проектного расчета не устанавливает абсолютно точное разграничение между прочным и непрочным зданием. Причиной события

«является обстоятельство (факт), которое неизбежно вызывает наступление данного события, но без которого событие-следствие не произойдет» [10, с. 49].

Поэтому в судебной экспертизе вывод эксперта с использованием расчетов должен быть основан не на обнаруженном формальном факте несоответствия норме, а на оценке влияния предполагаемой расчетной ошибки на тот факт, который эксперт устанавливает по поручению суда.

В этом заключается одно из существенных отличий судебной экспертизы от несудебной государственной (или негосударственной) экспертизы проектной документации строительных объектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебная строительно-техническая экспертиза проектной документации строительных объектов имеет специфические особенности, во многом отличающиеся от несудебной государственной (или негосударственной) экспертизы проектной документации, которые требуется учесть при разработке, апробации, внедрении судебно-экспертной методики проведения данных судебных экспертиз, что будет иметь крайне важное значение для качества судебной экспертизы проектной документации строительных объектов и судопроизводства в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Судебная экспертиза в цивилистических процессах : научно-практическое пособие / под ред. Е.Р. Россинской. – Москва : Проспект, 2018. – 704 с.
2. Бudyко В.Б. Научно-методические принципы визуально-измерительного контроля в строительной экспертизе : практическое пособие / В.Б. Бudyко, И.Ю. Грунин. – Москва : Пресс-Принт, 2009. – 157 с.
3. Бутырин А.Ю. Судебная строительно-техническая экспертиза в арбитражном процессе : учебное пособие / А.Ю. Бутырин, Е.Б. Статива. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 200 с.
4. Волошук С.Д. Судебная строительно-техническая экспертиза / С.Д. Волошук, А.В. Крахин, М.В. Седнев. – Москва : АСВ, 2014. – 175 с.
5. Добромыслов А.Н. Оценка надежности зданий и сооружений по внешним признакам : справочное пособие / А.Н. Добромыслов. – Москва, 2008. – 72 с.
6. Сборник учебно-методических пособий по судебно-строительно-технической экспертизе / науч. ред. А.Ю. Бутырин ; НП «Палата судебных экспертов». – Москва : РПГ «Пресс Бюро», 2011. – 176 с.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. (ed.). Forensic examination in civil proceedings. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 704 p.
2. Budko V.B., Grunin I.Yu. Scientific and methodological principles of visual measurement control in construction expertise. Moscow, Press-Print Publ., 2009. 157 p.
3. Butyrin A.Yu., Stativa E.B. Judicial construction and technical examination in arbitration proceedings. Moscow, YurLitinform Publ., 2019. 200 p.
4. Voloshuk S.D., Krakhin A.V., Sednev M.V. Judicial construction and technical examination. Moscow, ASV Publ., 2014. 175 p.
5. Dobromyslov A.N. Assessing the reliability of buildings and structures based on external features. Moscow, 2008. 72 p.
6. Butyrin A.Yu. (ed.). Collection of teaching aids on forensic construction and technical examination. Moscow, RPG «Press Bureau» Publ., 2011. 176 p.
7. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 4th ed. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2020. 576 p.

7. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е.Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 576 с.

8. Аминев Ф.Г. О криминалистической оценке судебной строительно-технической экспертизы / Ф.Г. Аминев // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 413–417.

9. Бутырин А.Ю. Строительно-техническая экспертиза в современном судопроизводстве : учебник для вузов / А.Ю. Бутырин, Ю.К. Орлов. – Москва : Рекламно-производственная группа «Пресс Бюро», 2010. – 352 с.

10. Аминев Ф.Г. Частный методический прием установления и верификации причины при производстве судебной экспертизы / Ф.Г. Аминев, С.А. Замятин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 45–53.

8. Aminev F.G. About the forensic assessment of the forensic construction and technical expertise. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 413–417. (In Russian).

9. Butyrin A.Yu., Orlov Yu.K. Construction and technical expertise in modern legal proceedings. Moscow, Press Bureau Publ., 2010. 352 p.

10. Aminev F.G., Zamyatin S.A. Specific methodological approach for establishing and verifying cause in forensic examination. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 45–53. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права;

Замятин Сергей Александрович – директор АНО «Негосударственная судебная экспертиза Новосибирской области».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, Professor; Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law;

Zamyatin Sergey Alexandrovich – Director of the Autonomous Non-Profit Organization «Non-Governmental Forensic Examination of the Novosibirsk Region».

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 14.03.2024.
The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 14.03.2024.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.23

Original article

КУТУЗОВ Алексей Владимирович
Севастопольский государственный
университет, Севастополь, Россия,
e-mail: kutuzovlist@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2296-7549>

KUTUZOV Alexei Vladimirovich
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

FORENSIC IDENTIFICATION USING FACIAL RECOGNITION SYSTEMS: STATE OF THE
PROBLEM AND POTENTIAL WAYS TO SOLVE IT

Аннотация. Криминалистическая идентификация личности с использованием систем распознавания лиц представляет собой научный интерес ввиду стремительной цифровизации общества и необходимости оперативного установления злоумышленника. Имплементация передовых технических решений в криминалистику позволяет обогатить теоретический базис, что прямо влияет на эффективность противодействия преступности, в том числе террористического и экстремистского характера. Цель: рассмотреть значение и возможности систем биометрической идентификации по изображению лица для раскрытия и расследования преступлений. Для достижения поставленной цели использовались диалектический, системные и логические методы (общенаучные). Среди частных научных методов исследования преобладали формально-юридический, обобщения и абстрагирования. Результаты: рассмотрены вопросы правового регулирования использования биометрических данных в процессе отождествления личности; изучены возможности использования систем распознавания лиц, установленных в общественных местах, на примере крупных городов России; предложены пути повышения эффективности биометрической идентификации по изображению лица в условиях противодействия преступности.

Ключевые слова: расследование преступлений, раскрытие преступлений, криминалистическая идентификация, распознавание лиц, биометрическая идентификация, биометрия, цифровые технологии, личность преступника

Для цитирования: Кутузов А.В. Криминалистическая идентификация с использованием систем распознавания лиц: состояние проблемы и потенциальные пути ее решения / А.В. Кутузов. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.23 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 183–191.

Abstract. Forensic personal identification using facial recognition systems is of scientific interest due to the rapid digitalization of society and the necessity to quickly identify the perpetrator. The implementation of advanced technical solutions in forensics allows to enrich the theoretical basis, which directly affects the effectiveness of countering crimes, including terrorist and extremist crimes. Purpose: to examine the value and capabilities of facial image biometric identification systems for the detection and investigation of crimes. Methods: to achieve the set purpose, dialectical, systemic and logical methods (general scientific) are used. Among specific scientific research methods, formal legal methods, methods of generalization and abstraction prevailed. Results: the issues of legal regulation of the use of biometric data in the process of personal identification are considered; the possibilities of using face recognition systems installed in public places are studied using the example of large cities in Russia. Ways are proposed to increase the efficiency of biometric identification using a facial image in the context of countering crimes.

Keywords: crime investigation, crime detection, forensic identification, facial recognition, biometric identification, biometric, digital technologies, criminal identity

For citation: Kutuzov A.V. Forensic identification using facial recognition systems: state of the problem and potential ways to solve it. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 183–191 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.23.

ВВЕДЕНИЕ

Перед российским обществом наряду с фундаментальными и объективными внешними угрозами, обусловленными в том числе борьбой государства за отстаивание своего суверенитета, стоят внутренние вызовы, к которым, бесспорно, относится преступность. Невзирая на снижение общего количества зарегистрированных преступлений, в том числе совершенных в общественных местах, имеется тенденция к росту преступности в сфере компьютерной информации и незаконного оборота наркотиков¹. Нельзя обойти вниманием и события последних лет, активизировавшие подпольную деятельность различных террористических группировок, планирующих и осуществляющих деструктивную деятельность, что обязывает правоохранные органы использовать последние достижения технического прогресса для противодействия преступности.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО ИЗОБРАЖЕНИЮ ЛИЦА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Расследование преступлений, совершенных в условиях неочевидности, сопряжено со значительными сложностями установления личности злоумышленника. В случаях, когда преступления совершены лицами, ранее не попадавшими в поле зрения правоохранительных органов, особенно молодого возраста, целесообразно опираться на последние разработки криминалистической идентификации. Сказанное относится к широкому спектру уголовно наказуемых деяний: от распространения наркотических средств и психотропных веществ (как правило, с помощью тайников-закладок) до преступлений в сфере компьютерной информации, экстремистского и террористического характера.

Как отмечают исследователи, для идентификации злоумышленника целесообразно использовать разнообразные методики установления, особенно по внешним признакам

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/42989123/> (дата обращения: 27.11.2023).

[1, с. 227]. Не вызывает сомнения утверждение, что криминалистическая идентификация выступает базовым источником тактического обеспечения криминалистической науки и является одной из наиболее разработанной теорией. Слово «идентификация» происходит от латинского *idem* – «тот же самый». Соответственно, идентификация личности преступника является одной из задач, стоящих перед криминалистикой [2, с. 16]. Криминалистическая идентификация отвечает на один из фундаментальных вопросов криминалистики – позволяет найти сходство между исследуемым образцом и фактическим объектом материального мира. В то же время ошибочно полагать, что результатом идентификации является суждение об идентичности проверяемого и референсного объектов.

Представляется, что биометрическая идентификация лица – достаточно актуальное и важное направление в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности. Разработками указанной проблематики занимались С.М. Потапов, Р.С. Белкин, В.Ф. Орлов, Ю.А. Дубягин, Д.А. Степаненко, В.Н. Терехович, А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко и другие представители научного сообщества.

В последние несколько лет публикации М.Ю. Катаева, А.С. Катасёва, Д.В. Катасёвой, А.П. Кирпичникова, В.Н. Чаплыгиной, Д.Ю. Писарева позволили переосмыслить данную категорию с учетом нововведений в законодательстве и последних достижений науки и техники.

БИОМЕТРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО ИЗОБРАЖЕНИЮ ЛИЦА: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

В широком смысле к биометрическим данным человека можно отнести отпечатки пальцев, фотоизображения, голос, ДНК и др., а наиболее эффективным инструментом является идентификация по отпечаткам пальцев, голосу, физиологическим особенностям (например, по ушной раковине, шрамам или увечьям) и изображению лица.

Идентификация с использованием биометрических данных, в том числе по изображению лица, представляет особый интерес

в противодействии преступности. К преимуществам биометрической идентификации личности по изображению лица следует отнести скорость распознавания объекта и высокую эффективность. Среди минусов выделяют ресурсозатратность внедрения отдельных технических решений, необходимость создания различных баз данных, дополнительной защиты обрабатываемой информации, проведения последующего выходного контроля.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» регламентирует порядок сбора, обработки и хранения персональных данных, в том числе содержащих биометрическую информацию о гражданине. При этом нормы данного закона регулируют обработку только сведений, используемых непосредственно для идентификации [3, с. 83].

К биометрическим данным законодатель относит информацию как о физиологических особенностях человека, так и его изображение (биологическая характеристика). Постановление Правительства РФ от 4 марта 2010 г. № 125² конкретизирует нормы Федерального закона «О персональных данных» и вводит категорию «цветное цифровое фотографическое изображение лица», а приказ Минкомсвязи России от 25 июня 2018 г. № 321³ устанавливает порядок получения биометрических данных (изображение и голос).

В рамках обозначенной проблематики считаем нецелесообразным детально анализировать и характеризовать нормы законодательства, лишь отметим, что криминалистическая идентификация лица в рамках выполнения правоохранительной функции

² О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию : постановление Правительства РФ от 04.03.2010 № 125 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении порядка обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных в целях идентификации, порядка размещения и обновления биометрических персональных данных в единой биометрической системе, а также требований к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации : приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 25.06.2018 № 321 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

государства не требует согласия гражданина (в отличие от банковской деятельности и других случаев).

В ходе раскрытия и расследования преступлений перед оперативными и следственными органами встает вопрос об установлении личности злоумышленника. Наряду с традиционными криминалистическими методами используются передовые цифровые технологии. Благодаря активному внедрению систем фото-, видеофиксации, установленным в общественных местах, позволяющим фиксировать на магнитный носитель данные об окружающей обстановке (транспортных средствах, людях и событиях), значимость идентификации преступника по геометрии лица не вызывает сомнения. По мнению исследователей, данная технология наиболее приемлема для использования общественными институтами и органами государственной власти [4].

К востребованным направлениям в биометрической идентификации по изображению лица относится так называемая 2D и 3D идентификация. Фундаментальным отличием детектирования в трехмерном пространстве является построение соответствующей 3D модели [5, с. 96]. Данный способ более точен, однако технически сложно реализуем и дорогостоящ (наличие нескольких камер, необходимость внедрения дополнительного специализированного программного обеспечения и др.). Обнаружение сходства в 2D пространстве (фотоизображения) имеет значительные недостатки, что приводит к вероятности появления ошибок ввиду малого объема биометрических данных.

Выделяют 2 основных вида ошибок:

FRR – ошибка неправильного отказа в случае нераспознавания объекта по представленному образцу;

FAR – ошибка неправильного пропуска, то есть детектирование объекта, не соответствующего образцу.

При решении задач оперативно-розыскной деятельности и в рамках криминалистической идентификации, как правило, используются именно статичные изображения лиц, объектов, предметов (в том числе ввиду накопления различных банков фотоизображений). Распознавание же лиц происходит в несколько этапов. Первоначально система детектирует

лицо из видеопотока, если имеются несколько лиц, каждому присваивается отдельный номер (атрибут). Второй этап предполагает построение точек на лице идентифицируемого объекта. Программные комплексы в большинстве случаев оперируют различными геометрическими характеристиками лица, то есть расстоянием от его определенных точек. Геометрический метод базируется на основе различных геометрических расстояний и углов между чертами. На третьем этапе система преобразовывает полученное изображение, на четвертом создается математический образ (используются дескрипторы, оценивающие лицо без посторонних факторов – прическа, головной убор и пр.). Заключительным этапом выступает непосредственно сопоставление полученной математической модели с изображениями, загруженными в банк данных [6, с. 169].

Потенциальное решение проблемы низкой точности распознавания лица лежит в плоскости использования нейронной сети глубинного типа. Типовая нейронная сеть является математической моделью, базирующейся на нескольких слоях элементов, выполняющих параллельные вычисления [7, с. 159]. Нейросети последнего поколения позволяют ориентироваться на иные параметры, а не только на контрольные точки, так как обладают возможностью комплексного оперирования миллионами ранее проанализированных критериев. Также нейросети позволяют реконструировать поврежденные фотоизображения, воссоздавать утраченные особенности, что важно при розыске без вести пропавших лиц или идентификации неопознанных трупов по фрагментам тела [8, с. 332].

В 2020 г. МВД России была разработана и внедрена в эксплуатацию система биометрической идентификации лиц по фотоизображениям – ИБД-Ф «Опознание». Данная система написана на языке Python, а обработка значительного массива данных происходит с помощью фреймворка Celery. По состоянию на начало 2021 г. модуль «Опознание» обрабатывал до 10 млн фотоизображений в сутки [9, с. 14].

Таким образом, обозначив правовой базис, некоторые технические особенности, а также обосновав необходимость применения возможностей биометрической идентификации лиц в целях противодействия преступности,

остановимся на опыте правоохранительных органов и органов государственной власти различных субъектов Российской Федерации, что особенно актуально в настоящее время.

Особый интерес вызывают именно системы распознавания лиц, установленные в общественных местах. Они позволяют в режиме реального времени детектировать конкретное лицо, маршрут его передвижения, определять потенциальные места интереса, а также устойчивые связи. Иные программные комплексы способны анализировать паттерны поведения определенных лиц и выявлять отклонения, характерные для потенциальных злоумышленников (образы террористов-смертников, агрессивных фанатов, приверженцев различных радикальных организаций), а некоторые аппаратно-программные комплексы (далее – АПК) располагают функционалом идентификации человека по его походке.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВИДЕОФИКСАЦИИ ДАННЫХ, УСТАНОВЛЕННЫХ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ, ДЛЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проведенный анализ технических особенностей используемых АПК показал, что в отдельных субъектах Российской Федерации введены в эксплуатацию системы распознавания, построенные на различных технических решениях, в том числе учитывающие опыт регионов, ранее их внедривших.

В подавляющем большинстве случаев используются аппаратно-программные решения компаний «ЦРТ», NtechLab. По заявлениям разработчиков, их комплексы сочетают возможности онлайн-реагирования на инциденты, интеграции в существующую инфраструктуру, имеют собственные базы данных и позволяют автоматически проводить поиск лиц. Примечательно, что оба решения использовались во время проведения чемпионата мира по футболу в 2018 г. и показали высокую эффективность.

Наиболее развита система биометрической идентификации по изображению лица в Москве. По состоянию на 2020 г. система видеоаналитики, функционирующая в составе

Государственной информационной системы «Единый центр хранения и обработки данных», использовалась 20 067 раз при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. При этом идентифицировано 11 лиц, ранее причастных к совершению преступлений экстремистского характера [10, с. 178]. Кроме того, правительством Москвы введена в эксплуатацию государственная автоматизированная система «Сфера»⁴, функционирующая в общественном транспорте столицы.

Анализ нормативной базы функционирования данной системы позволил выделить основные направления ее использования, среди них «повышение уровня антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры и на транспорте». В этих целях осуществляется автоматический сбор, хранение и обработка информации с последующим анализом видеопотока с камер видеонаблюдения, расположенных в транспорте общего пользования и объектах транспортной инфраструктуры Москвы.

В Южном федеральном округе тоже активно внедряются возможности систем сбора, хранения и анализа изображений, установленных в общественных местах. В 2018 г. в целях обеспечения безопасности при проведении чемпионата мира по футболу в Ростове-на-Дону была запущена система идентификации лиц. По имеющимся сведениям, она оперировала информацией из базы данных о лицах, находившихся в федеральном или международном розыске⁵. В 2022 г. тестовая эксплуатация системы распознавания лиц, насчитывавшая 25 камер в Центральной части Ростова-на-Дону и 22 камеры, интегрированные в домофоны, показала свою эффективность в 90 %, что говорит о значительном потенциале данной технологии⁶.

4 О государственной автоматизированной информационной системе «Сфера»: постановление правительства Москвы от 17.03.2021 № 328-ПП [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Не голос, а математика: как развивают биометрию в Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/26/03/2020/5e7c7b059a79476f613986dd> (дата обращения: 03.11.2023).

6 Выступление начальника ГУ МВД России по Ростовской области генерал-лейтенанта полиции О.П. Агаркова на заседании Законодательного собрания Ростовской области 22.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2358391> (дата обращения: 03.11.2023).

Представляется интересным опыт Краснодарского края. Так, по данным ряда СМИ, в 2021 г. возможности системы распознавания лиц применялись для идентификации лиц, участвовавших в несанкционированных акциях протеста в поддержку лидера экстремистской организации. По состоянию на май 2023 г. на территории Анапы запущена система «Купол», насчитывающая 650 камер видеонаблюдения, охватывающая 80 % пляжных территорий и обрабатывающая видеоданные из торговых центров, объектов инфраструктуры⁷. В планах до 2025 г. предполагается внедрение данного комплекса на территории всего Краснодарского края.

На совещании при Секретаре Совета Безопасности было заявлено об активизации работ по запуску системы видеоконтроля и видеоаналитики в рамках системы «Безопасный город»⁸. Заметим, что «Безопасный город» является наиболее распространенным названием подобных систем, используемым разработчиками. С определенной долей уверенности можно констатировать, что именно под данным названием будут в дальнейшем создаваться и функционировать большинство АПК на территории Российской Федерации.

В самом же Краснодаре АПК, разработанный на территории края, в 2022 г. позволил раскрыть 250 преступлений. Особенностью системы является синергия распознавания физических лиц и государственных номеров. По состоянию на указанный период планировалось введение в эксплуатацию порядка 1200 средств слежения, с акцентом на установку в жилых районах, что обусловлено спецификой совершения противоправных действий⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что упомянутый программный комплекс активно

7 Всехнакроют куполом: стало известно, что обсуждали главы курортов Кубани в Сочи [Электронный ресурс]. URL: <https://sochi1.ru/text/gorod/2023/05/17/72313406> (дата обращения: 03.11.2023).

8 В Краснодарском крае до конца года запустят систему распознавания лиц [Электронный ресурс]. URL: https://ug.tsargrad.tv/news/v-krasnodarskom-krae-dokonca-goda-zapustjat-sistemu-raspoznavanija-lic_820396 (дата обращения: 03.11.2023).

9 В Краснодаре за год раскрыли 250 преступлений благодаря системе «Безопасный город» [Электронный ресурс]. URL: https://ug.tsargrad.tv/news/v-krasnodare-za-god-raskryli-250-prestuplenij-blagodarja-sisteme-bezopasnyj-gorod_686318?ysclid=lojzt0hxxh272181827 (дата обращения: 04.11.2023).

внедряется и в других субъектах Российской Федерации. Например, по состоянию на май 2023 г. на территории Волгоградской области установлено 2711 видеокамер, однако только 200 из них имеют возможность детектирования правонарушителей на основе искусственного интеллекта. Дальнейшее развитие будет происходить не только в направлении наращивания количества точек фиксации фото- и видеоизображений, но и добавления функционала биометрической аналитики¹⁰.

В 2021 г. в Севастополе запущен, а позднее введен в эксплуатацию АПК «Безопасный город»¹¹, среди возможностей которого декларирована функция обнаружения и распознавания лиц в режиме реального времени и с архивной видеозаписи¹². УМВД России по г. Севастополю с помощью данного комплекса проводится опознание злоумышленников, что подтверждается положительными результатами в части установления местонахождения лиц, объявленных в федеральный розыск, а также причастных к совершению преступлений.

В отличие от Ростовской области и Краснодарского края АПК, развернутый на территории Севастополя, имеет кратно большее соотношение количества камер к площади и численности населения, а также в нем заложен функционал для работы с алгоритмами видеоанализа. Среди иных возможностей разработчики выделяют детектирование массового скопления людей и автоматическое распознавание лиц – сопоставление лиц людей с контрольными списками, загруженными в систему.

Затронув проблематику количества видеокамер, нельзя не упомянуть опыт Москвы. Так, по материалам открытых источников, в составе системы «Безопасный город» только на конец 2020 г. было подключено более 173 000

10 Региональная система видеонаблюдения способствует безопасности жителей Волгоградской области [Электронный ресурс]. URL: https://kit.volgograd.ru/current-activity/cooperation/news/463350/?sphrase_id=875225 (дата обращения: 03.11.2023).

11 Опытная эксплуатация АПК «Безопасный город» начнется в мае [Электронный ресурс]. URL: https://sev.gov.ru/info/news/145240/?sphrase_id=3250201 (дата обращения: 03.11.2023).

12 Внедрение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в Севастополе [Электронный ресурс]. URL: <https://dcr.sev.gov.ru/files/iblock/b51/BezopGor.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).

камер, полностью охватывавших столицу¹³. В рамках проведенного исследования возможностей программно-аппаратных комплексов можно сделать вывод о том, что правоохранительные органы имеют обширный инструментарий для криминалистической идентификации лиц, причастных к противоправной деятельности.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД» В ОПЕРАТИВНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

К сожалению, при решении задач борьбы с терроризмом, экстремизмом и иными видами преступности правоохранительные органы сталкиваются с общими проблемами. Таковой является не столько поэтапное внедрение систем видеоконтроля в общественных местах, сколько отсутствие единой базы данных, позволяющей отождествить лицо на фотоизображении или видеозаписи, в силу особенностей функционирования банков данных различных правоохранительных органов и государственных организаций (учреждений).

Рассмотрим одну из типичных следственных ситуаций: лицо, совершившее преступление, не установлено, правоохранительные органы располагают лишь его фотоизображением. Следователь направляет поручение органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, на установление лица. Оперативный сотрудник проводит идентификацию по всем имеющимся ведомственным учетам, однако при использовании городских систем распознавания лиц по камерам видеонаблюдения идентифицировать злоумышленника не представляется возможным ввиду отсутствия базы данных, позволяющей сопоставить имеющееся изображение с референсом в ведомственных базах данных. Кроме того, качество самих фотоизображений лиц зачастую не позволяет проводить идентификацию. Передача же массива

13 Единое хранилище данных [Электронный ресурс]. URL: [https://ehd.moscow/index.php?id_src=441&id_ind=900&id_tab=1&action=show_details_90open&show=inds&show_full=1&exist=1&source=9997&id_root\[0\]=441_441&id_root\[1\]=441_900](https://ehd.moscow/index.php?id_src=441&id_ind=900&id_tab=1&action=show_details_90open&show=inds&show_full=1&exist=1&source=9997&id_root[0]=441_441&id_root[1]=441_900) (дата обращения: 03.11.2023).

фотоизображений от различных органов государственной власти требует наличия законодательно урегулированных оснований, а также технической возможности хранения, обработки и пополнения данных, в том числе с учетом возможности обновления. Вынуждены констатировать, что данная проблематика имеет место во многих регионах и в каждом случае решается индивидуально.

В данном контексте резонно возникает вопрос о потенциальном нарушении прав человека и гражданина при сборе информации о нем, надежности хранения и обработки персональных данных. В эпоху производства так называемых дипфейков и возможностей подделки любой информации отождествление личности при помощи камер наружного видеонаблюдения, установленных не в рамках систем «Безопасный город» и подобных, требует более тщательного подхода к верификации исходных сведений. При наличии сомнений у любой из заинтересованных сторон полученные фото- и видеоматериалы могут быть проверены в рамках проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий или соответствующих следственных действий.

Считаем, что урегулировать описанные правоотношения возможно путем формирования централизованных учетов хранения информации. ПАО «Ростелеком» является оператором и разработчиком Единой биометрической системы (далее – ЕБС), созданной в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 22 февраля 2018 г.¹⁴, функционирующей в интересах банковского сектора. Оператор системы осуществляет не только обработку биометрических данных конкретных лиц, но и сбор и хранение таких данных в целях осуществления удаленной финансовой деятельности (открытие счетов, проведение денежных операций).

К особенностям формирования ЕБС относится процедура сбора данных, фотографирование человека согласно правилам фотосъемки, а также срок хранения информации – 50 лет. При этом идентификация возможна не позднее 3 лет после отбора персональных данных или

отказа клиента от обработки данных. Таким образом, система, в отличие от фотоизображений, используемых правоохранительными органами, обладает не только полной, но и релевантной информацией. Безусловно, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁵ регламентирует обязанность оператора ЕБС передавать сведения правоохранительным органам, однако это не решает фундаментальной задачи – опознания лица в режиме реального времени в превентивных целях или в целях раскрытия преступлений по горячим следам. Одним из потенциальных прообразов такой системы может стать упомянутая государственная автоматизированная система «Сфера».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, именно синергия всей биометрической информации о физических лицах, имеющейся у государственных органов, учреждений и организаций, позволит наиболее эффективно проводить идентификацию лиц в интересах правоохранительных органов. Отсутствие действенной интеграции единой централизованной системы хранения всех данных о физических особенностях граждан Российской Федерации и иностранных граждан в определенной мере усложняет процесс опознания лиц, что негативно сказывается на эффективности использования передовых методов и способов установления личности злоумышленников.

Представляется необходимым в первую очередь законодательно урегулировать вопросы взаимодействия различных ведомств. Например, искомое лицо находится в ином субъекте Российской Федерации, где фиксируется на камерах видеонаблюдения, однако его данные неизвестны ввиду наличия нерелевантного фотоизображения в базе данных или оно идентифицируется, однако отсутствуют сведения о его потенциальной причастности к противоправной деятельности. В настоящее

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 22.02.2018 № 293-р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

время правоохранительные органы ограничены в возможностях обмена сведениями, а для проверки фотоизображения по системам видеоаналитики необходимо направлять соответствующие запросы в органы местного самоуправления или территориальные органы внутренних дел. Данный порядок отрицательно влияет на скорость и качество проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Считаем, что рассмотренная проблематика обладает значительным потенци-

алом в использовании правоохранительными органами. Местные власти в тесном сотрудничестве с силовыми структурами и заинтересованными ведомствами проводят комплекс мероприятий по увеличению количества наружных камер видеонаблюдения, устанавливаемых в наиболее посещаемых общественных местах. Принимая во внимание особую террористическую угрозу в приграничных регионах, имеются основания полагать о скорой активизации работы в данном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Куликов А.В. Личность террориста: современные методики определения / А.В. Куликов, О.А. Шелег // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 4. – С. 27–33.
2. Эскархопуло А.А. К вопросу о сущности криминалистической идентификации / А.А. Эскархопуло, И.А. Макаренко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 2. – С. 12–19.
3. Кривогин М.С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных / М.С. Кривогин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 80–89.
4. Методы обработки и распознавания изображений лиц в задачах биометрии / Г.А. Кухарев, Е.И. Каменская, Ю.Н. Матвеев и др. ; под ред. М.В. Хитрова. – Санкт-Петербург : Политехника, 2013. – 388 с.
5. Частикова В.А. Аналитический обзор методов идентификации личности на основе биометрических характеристик / В.А. Частикова, А.А. Титова, Д.О. Войлова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Естественно-математические и технические науки. – 2022. – № 1 (296). – С. 92–112.
6. Фролова Е.Ю. Идентификация человека по биометрическим данным: обзор современных технологий / Е.Ю. Фролова, Ю.А. Кошлыкова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 3. – С. 167–174.
7. Шатов Д.В. Лицевая биометрия и нейронные сети в криминалистике: современные возможности и проблемы применения / Д.В. Шатов, С.С. Барсуков, И.Н. Шипанов // Юрист-правовед. – 2023. – № 1 (104). – С. 155–163.
8. Щеголева Н.Л. Применение методов лицевой биометрии в криминалистике / Н.Л. Щеголева // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее, взгляд в будущее : материалы ежегодной международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 331–335.
9. Булгаков Д.Ю. Особенности организации распределенных вычислений в облачной инфраструктуре ИСОМ МВД России / Д.Ю. Булгаков // Академическая мысль. – 2021. – № 1 (14). – С. 13–15.

REFERENCES

1. Kulikov A.V., Sheleg O.A. The identity of a terrorist: modern methods of determining. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2022, no. 4, pp. 27–33. (In Russian).
2. Eskarhpulo A.A., Makarenko I.A. On the essence of forensic identification. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Science*, 2019, no. 2, pp. 12–19. (In Russian).
3. Krivogin M.S. Peculiarities of legal regulating biometric personal data. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, no. 2, pp. 80–89. (In Russian).
4. Kukharev G.A., Kamenskaya E.I., Matveev Yu.N. et al.; M.V. Khitrov (ed.). *Methods of processing and recognition of facial images in biometric tasks*. Saint Petersburg, Politekhnik Publ., 2013. 388 p.
5. Chastikova V.A., Titova A.A., Voylova D.O. Analytical review of personal identification methods based on biometric characteristics. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki = Bulletin of the Adyghe State University. Series: Natural-Mathematical and Technical Sciences*, 2022, no. 1 (296), pp. 92–112. (In Russian).
6. Frolova E.Yu., Koshlykova Yu.A. Human identification based on biometric data: a review of modern technologies. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2022, no. 3, pp. 167–174. (In Russian).
7. Shatov D.V., Barsukov S.S., Shipanov I.N. Facial biometry and neural networks in forensic science: modern opportunities and problems of application. *Jurist-Pravoved = Lawyer-Jurist*, 2023, no. 1 (104), pp. 155–163. (In Russian).
8. Shchegoleva N.L. Application of facial biometrics methods in forensic science. *Forensic science and forensic examination: past, present, look into the future. Materials of the annual international scientific and practical conference*. Saint Petersburg, 2017, pp. 331–335. (In Russian).

10. Кузьмин Н.А. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве / Н.А. Кузьмин, А.Ю. Половинка // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 177–180.

9. Bulgakov D.Yu. Features of the distributed computing organization in the cloud Infrastructure of ISOD of the MIA of Russia. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2021, no. 1 (14), pp. 13–15. (In Russian).

10. Kuzmin N.A., Polovinka A.Yu. About some possibilities of using artificial intelligence in the agro-industrial complex «Safe city» in solving crimes in Moscow. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 5, pp. 177–180. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кутузов Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент базовой кафедры «Цифровая и традиционная криминалистика» Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kutuzov Alexei Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Basic Department «Digital and Traditional Criminalistics» of the Law Institute.

Статья поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.
The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 28.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 341.48
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.24

Original article

СКИРДА Максим Владимирович
Управление Министерства юстиции
Российской Федерации по Республике
Татарстан; Казанский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России),
Казань, Россия,
e-mail: skimax@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-4489-9521>

SKIRDA Maksim Vladimirovich
Department of the Ministry of Justice of the
Russian Federation for the Republic of Tatarstan;
Kazan Institute (Branch) of the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry of
Justice of Russia), Kazan, Russia.

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ТИПОВЫХ СТРАТЕГИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО СНИЖЕНИЮ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

ON THE IMPLEMENTATION OF THE UN MODEL STRATEGIES ON REDUCING
REOFFENDING IN NATIONAL LEGISLATION (CASE STUDY OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация. Одной из приоритетных задач мирового значения является снижение рецидива преступности. В статье рассматриваются вопросы разработки и имплементации в российскую правовую систему стандартов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в целом и типовых стратегий ООН по снижению рецидивизма в частности как универсальной модели, адаптированной к национальным условиям. Цель: выявление принципиальных особенностей стратегий ООН и их реализации в законодательстве России на современном этапе. Методологическую основу исследования составляют положения диалектического метода познания. Использовались также методы формально-юридического и логического анализа, дедукции и индукции. Исследование позволило выявить, что типовые стратегии главным условием снижения рецидивизма признают индивидуализацию на каждой стадии уголовного судопроизводства. Стратегии призывают к эффективной реализации мер, не связанных с лишением свободы, включая замену уголовной ответственности другими видами исправительного воздействия, предназначенными для исключения правонарушителей из системы уголовного правосудия и представляющими альтернативу заключению под стражу. Они рассматривают вопросы функциони-

Abstract. One of the priorities of global importance is to reduce reoffending. The article examines the issues of the development and implementation of the United Nations standards on crime prevention and criminal justice in the Russian legal system, in general, and the UN model strategies on reducing reoffending, in particular as a universal model adapted to national conditions. The purpose of the paper is to identify the fundamental features of the UN strategies and their implementation in Russian legislation at the present stage. The methodological basis of the research consists of the provisions of the dialectical method of cognition. The methods of formal legal and logical analysis, deduction and induction are also used. Results: the study reveals that the model strategies recognize individualization at each stage of criminal proceedings as the main condition for reducing reoffending. The strategies call for the effective implementation of non-custodial measures, including the replacement of criminal liability with other types of corrective measures designed to exclude offenders from the criminal justice system and provide an alternative to detention. The strategies address the functioning of rehabilitation programs aimed

рования реабилитационных программ, направленных на снижение рецидивизма, которые базируются на потребностях конкретных лиц. Автором сформулирован вывод о том, что темпы развития российского законодательства и правоприменительная практика соответствуют самым современным стандартам ООН в сфере предупреждения преступности.

Ключевые слова: ООН, рецидивизм, реформа пенитенциарной системы, международное сотрудничество по борьбе с преступностью, стратегия ООН по сокращению рецидивизма, программа ООН в области уголовного правосудия и предупреждения преступности.

Для цитирования: Скирда М.В. К вопросу об имплементации типовых стратегий Организации Объединенных Наций по снижению рецидива преступности в национальное законодательство (на примере Российской Федерации) / М.В. Скирда. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.24// Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 192–202.

at reducing reoffending, which are based on the needs of specific individuals. The author concludes that the pace of development of Russian legislation and law enforcement practice complies with the most up-to-date UN standards in the field of crime prevention.

Keywords: UN, reoffending, reform of the penitentiary system, international cooperation in the fight against crime, UN Strategy on Reducing Reoffending, UN Crime Prevention and Criminal Justice Program

For citation: Skirda M.V. On the implementation of the UN model strategies on reducing reoffending in national legislation (case study of the Russian Federation). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 192–202 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.24.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей задачей системы органов уголовного правосудия государств, как и специализированных международных органов, является снижение рецидива преступности. Результаты исследований в этой области приводят к мысли, что случаи совершения повторных преступлений можно уменьшить посредством содействия социальной реинтеграции и побуждения индивидов к отказу от совершения преступлений [1]. Безусловно, эта проблема не решается исключительно в рамках национальных систем. Необходимо обратиться к причинам преступного поведения, включая социальное неравенство, маргинализацию, дискриминацию, которые препятствуют интеграции правонарушителей в общество.

ТИПОВЫЕ СТРАТЕГИИ СНИЖЕНИЯ РЕЦИДИВИЗМА В КОНТЕКСТЕ СТАНДАРТОВ ООН В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Проекты типовых стратегий снижения рецидивизма, разработанных в соответствии с резолюцией 76/182 Генеральной Ассамблеи ООН, предлагают государствам комплексный подход к решению рассматриваемой зада-

чи. Отметим, что во многих развитых странах уровень рецидивизма после применения уголовных санкций составляет от 30 до 50 % [2]. Официальные дефиниции повторного совершения преступлений (или рецидивизма) отличаются в различных документах и даже в пределах одного контекста могут охватывать целую серию фактов – от повторных арестов до лишения свободы.

Представляется, что установление единого определения рассматриваемого явления важно как на национальном, так и на международном уровнях для оценки рецидивизма и разработки научно обоснованных методов его снижения. Отметим, что проекты типовых стратегий не предлагают универсального определения понятия «рецидивная преступность». В них рецидивизм позиционируется как совершение нового уголовного деяния лицом, ранее совершившим одно или несколько преступлений. Как и другие стандарты и нормы ООН в области уголовного правосудия и предупреждения преступности, проекты рассматриваемых типовых стратегий направлены на оказание государствам консультативной помощи в виде практических рекомендаций и не обладают императивным функционалом.

Полагаем, что государствам следует предпринять собственные усилия по разработке

национальных стратегий борьбы с рецидивизмом с учетом того, что уровни институциональной поддержки для реализации стратегий в разных государствах значительно отличаются. В связи с этим представляется необходимым предложить государствам адаптировать типовые меры противодействия в соответствии с национальными условиями. Отметим, что типовые стратегии главным условием снижения рецидивизма определяют индивидуализацию на каждой стадии уголовного судопроизводства. Содействие реинтеграции правонарушителей является сложной задачей, и воздействие конкретных мероприятий зачастую бывает трудно оценить [3]. Сокращение рецидивной преступности по-прежнему служит основным показателем эффективности программ социальной реинтеграции.

Необходимым компонентом обоснования каждого решения в отношении правонарушителя становится индивидуальная оценка его личности. Стратегии призывают к эффективной реализации мер, не связанных с лишением свободы, включая замену уголовной ответственности другими видами исправительного воздействия, предназначенными для исключения правонарушителей из системы уголовного правосудия, и представляющих альтернативу заключению под стражу. Кроме того, стратегии рассматривают вопросы функционирования реабилитационных программ и других мероприятий, направленных на снижение рецидивизма, базирующихся на потребностях конкретных лиц.

В случае применения лишения свободы стратегии направлены на создание в соответствующих пенитенциарных учреждениях условий, способствующих реабилитации, обеспечению процессов освобождения и реинтеграции, а также минимизации вреда. Подчеркивается важность межведомственного сотрудничества в области уголовного правосудия, представлены предложения по оценке мер по сокращению рецидивизма. Стратегии призваны дополнить существующий свод стандартов и норм ООН в области уголовного правосудия и предупреждения преступности. Их, безусловно, можно отнести к международным нормам «мягкого» права. В связи с этим данные документы следует рассматривать

в контексте других соответствующих стандартов и норм ООН, в частности Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), Правил ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила).

Вероятность положительных результатов реинтеграции выше в случае устранения факторов, способствующих совершению преступных деяний, а также всестороннего рассмотрения потребностей правонарушителей во время и после тюремного заключения [4, р. 5–8]. Например, вполне очевидно, что подготовка к возвращению в общество должна начаться до освобождения правонарушителя из мест лишения свободы.

Отметим, что в соответствии с резолюцией 78/223 Генеральной Ассамблеи ООН в 2026 г. в Объединенных Арабских Эмиратах пройдет Пятнадцатый конгресс по предупреждению преступности и уголовному правосудию на тему «Ускорение предотвращения преступности, уголовного правосудия и верховенства закона: защита людей и планеты и достижение Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в эпоху цифровых технологий». Важно, что основная программа работы конгресса содержит приоритетные вопросы, направленные на снижение рецидива преступности:

- поддержка инновационных и эмпирически обоснованных стратегий предупреждения преступности в интересах социального, экономического и экологического развития;

- содействие формированию социально ориентированных, инклюзивных и адаптивных систем уголовного правосудия в постоянно меняющемся мире;

- борьба с преступностью и противодействие ей, включая организованную преступность и терроризм во всех формах и проявлениях¹.

¹ Документ ООН E/CN.7/2023/2-E/CN.15/2023/2 18 January 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v23/001/79/pdf/v2300179.pdf?token=hr3XPFmTbEsxSIIxOx&fe=true> [дата обращения: 01.03.2024].

**СТАНДАРТЫ ООН
В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЙСКАЯ-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА**

Полагаем, что Российская Федерация поступательно решает задачи по развитию пенитенциарной системы и находится в авангарде реализации современных международных стандартов по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Деятельность Федеральной службы исполнения наказаний находится в спектре постоянного внимания Министерства юстиции РФ и является одним из приоритетных направлений деятельности всей системы органов российской юстиции. Министерством на данном этапе проведена большая работа по совершенствованию законодательной базы функционирования системы исполнения уголовных наказаний, направленная на ее гуманизацию, социализацию осужденных, предотвращение рецидивной преступности. Базисом Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, является гуманизация. Лица должны отбывать уголовное наказание в условиях, не ущемляющих их человеческое достоинство. Либерализация пенитенциарных норм способствует исправлению и перевоспитанию лиц, осужденных к лишению свободы. Минюстом России принята новая редакция правил внутреннего распорядка, внесено более 200 изменений, которые существенно трансформировали пребывание в исправительных учреждениях в контексте международных стандартов. Большая роль в процессе гармонизации правового положения осужденных отводится созданию сети исправительных центров.

В рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. в 2024 г. планируется увеличить количество мест в исправительных центрах до 80 тыс., а к 2030 г. полностью обеспечить такими местами всех граждан, которые имеют право на замену наказания в виде лишения свободы принудительными работами. Таким образом, реализация работы по созданию исправительных центров и их наполнению требует взаимодействия всех

причастных к ней сторон, постановки и решения проблемных вопросов как в плане создания исправительных центров, так и в части их функционирования и практики назначения и реализации исправительных работ.

Не менее важным новым направлением, которое потребует значительного внимания со стороны всех заинтересованных ведомств, является реализация Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Отметим, что закон регламентирует совокупность мер, в том числе ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, применяемых в отношении преступников, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Частично (в отношении осужденных и лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера) данный закон вступил в силу с 1 января 2024 г., а в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, он начнет действовать с 1 января 2025 г.

Пробация предполагает применение к лицу, в отношении которого она осуществляется, комплекса мер, который в зависимости от индивидуальной ситуации может включать восстановление и формирование социальных связей, консультирование по социальным и правовым вопросам, оказание психологической помощи, содействия в трудоустройстве, в получении образования, социальной и медицинской помощи, социальных услуг. Основные обязанности в этой части законом возлагаются на органы исполнения наказаний, в том числе на уголовно-исполнительные инспекции и администрации пенитенциарных учреждений. Вместе с тем полноценная реализация лежащих в основе пробации целей и задач возможна только при условии скоординированной работы всех заинтересованных служб и учреждений.

**НОВЫЕ СТАНДАРТЫ ООН
ПО СНИЖЕНИЮ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПНОСТИ**

Какие новации предлагают государствам разработанные в системе ООН проекты стратегий?

Индивидуальные подходы. Все решения, связанные с обращением с правонарушителями, должны приниматься с учетом их индивидуальных обстоятельств и базироваться на оценке рисков, потребностей, способностей и склонностей указанных лиц. В группу факторов, которые следует учитывать при проведении индивидуальной оценки, входят гендерная принадлежность и возраст правонарушителя, его семейное положение, обязанности по уходу за детьми, социально-экономический статус, образование и профессиональная подготовка или навыки, сведения о трудовой деятельности, жилищные и бытовые условия и состояние здоровья, в том числе уровень психического здоровья и любые расстройства на почве наркопотребления, предшествующие травмы, формы инвалидности. Наряду с этим важно учитывать другие факторы, имеющие отношение к преступному поведению: социальную изоляцию, различные психологические и когнитивные факторы, связанные с представлением о себе, самоидентификацией и отношением к совершению преступлений, и факторы устойчивости (сильные стороны правонарушителя, его способности и имеющиеся у него навыки решения проблем). Токийские правила 7.1, 8.1, 10.3 и Правила Нельсона Манделы 89–94 определяют, что правительствам необходимо избегать универсальности в решении проблемы рецидивизма и не рассматривать типы правонарушителей в качестве однородных группировок, всегда следует принимать во внимание конкретную ситуацию.

В отсутствие крайней необходимости следует избегать применения тюремного заключения, так как оно может усугубить факторы, влияющие на преступное поведение лица, а также увеличить имеющиеся проблемы в социальной интеграции лиц, преступивших закон. Стратегии рекомендуют отдавать предпочтение минимальным ограничительным мерам в условиях конкретной ситуации, используя тюремное заключение в качестве чрезвычайной меры. Согласно Токийскому правилу 1.4 важно установить некое равновесие между правами правонарушителей, жертв и защитой общества в целом, обеспечивая соразмерность ответных государственных действий тяжести, характеру и обстоятельствам совершения преступления. Условия тюрем-

ного содержания, в частности травмирующая среда, отсутствие общения с семьей, ограниченная возможность для получения образования и дохода, контакты с преступными элементами, могут не устранить, а повысить риски рецидива преступности.

Действительно, эффективное использование альтернатив тюремному заключению нередко способствует снижению рецидивизма, а меры по реабилитации успешнее реализуются в гражданской среде, нежели в тюрьме. Вместе с тем в условиях альтернативного наказания правонарушители по-прежнему несут ответственность за свои действия.

Стратегии рекомендуют государствам обеспечить эффективные альтернативы, не связанные с лишением свободы, на всех этапах уголовного судопроизводства. Кроме того, они предоставляют правонарушителям на любом этапе уголовного судопроизводства вплоть до вынесения приговора возможность участия в программах замены уголовной ответственности другими видами исправительного воздействия, которые обеспечивают способ реагирования на уголовные преступления и предупреждения рецидивизма без применения уголовных санкций. Преступившие закон с их согласия могут быть направлены в программы обучения, наставничества, реституционного правосудия, лечения или надзора без обязательного прохождения официальной процедуры уголовного разбирательства, что позволяет свести к минимуму их контакт с системой уголовного правосудия и уменьшить их социальную изоляцию. Прежде всего, этот метод предпочтителен для работы с криминальной молодежью. Необходимо отметить, что гендерная принадлежность – один из важных факторов, который следует учитывать при определении стратегий, способствующих успешному возвращению в общество [5, р. 76].

Минимизация предварительного заключения под стражу. Государствам необходимо разработать альтернативные предварительному заключению под стражу меры и уделить первоочередное внимание их использованию в качестве основной меры по борьбе с первичными или повторными правонарушениями, а также предлагать программы поддержки лицам, освобождающимся из заключения. Согласно Токийскому правилу 6.1 предвари-

тельное заключение под стражу, особенно на длительный срок, может создать или увеличить риски совершения правонарушения или рецидива и должно использоваться в судопроизводстве по уголовным делам как крайняя мера. Решения о содержании подозреваемых под стражей до суда должны быть строго ограничены ситуациями, когда это необходимо для устранения риска того, что отдельные правонарушители могут скрыться, совершить новые уголовные преступления или помешать отправлению правосудия [6, р. 3-7].

Необходимо разработать широкую линейку альтернатив предварительному заключению под стражу, таких как обязательства, поручительства, постановления о надзоре за отпущенными на поруки, под залог и мониторинг. При этом стратегии рекомендуют проявлять осторожность в отношении использования финансовых гарантий, которые на деле могут увеличить вероятность совершения преступления или рецидива либо создать дополнительные трудности для маргинализированных лиц. Кроме того, государствам следует рассмотреть вопрос об оказании необходимой поддержки лицам, ожидающим суда. Освобожденным следует оказывать помощь в реинтеграции, особенно если они находились в условиях предварительного заключения в течение длительного времени. Лицам, находящимся в предварительном заключении, необходимо предоставлять доступ к услугам правового характера с целью получения ими необходимых юридических консультаций, помощи по представительству их интересов в суде и обеспечению освобождения из-под стражи лиц, не представляющих опасности.

Вынесение приговора. При вынесении приговора следует предусматривать варианты, не связанные с лишением свободы, во всех случаях, когда это уместно, в том числе для рецидивистов. Государствам следует ограничить применение наказаний в виде тюремного заключения и требовать до вынесения приговора представления содержательных предварительных докладов о подсудимом. В этих документах необходимо отражать сведения о социальных программах, рекомендуемых правонарушителю, а также оценивать возможности конкретного лица по интеграции в обще-

ство и соблюдению условий или ограничений, которые могут быть наложены судом.

Предупреждение рецидивизма посредством реабилитации и социальной реинтеграции должно быть признано одной из официальных целей вынесения приговора наряду с защитой общества от преступности и защитой прав жертв. Политика и практика вынесения приговоров должны учитывать необходимость индивидуализации наказаний. Ограничивая соответствующие возможности судебной власти, обязательные по закону наказания обычно не способствуют реабилитации правонарушителей или предупреждению рецидивизма. Кроме того, государствам следует рассмотреть презумпцию недопустимости применения наказаний в виде краткосрочного лишения свободы, которые влекут серьезные финансовые и социальные издержки для правонарушителя и обеспечивают минимум возможностей для проведения реабилитационных мероприятий.

Политика и руководящие принципы вынесения приговоров должны способствовать применению мер, не связанных с лишением свободы, в том числе в отношении рецидивистов, и поддерживать принцип соразмерности. Закон должен предусматривать вариативность приговоров, предполагающих пребывание в общине, таких как судебный надзор, probation, условное наказание или наказание с отсрочкой исполнения, безусловное освобождение, постановление о выполнении общественно-полезных работ, обязательное прохождение программы лечения, возмещение ущерба и предоставление компенсации жертвам, поражение в гражданских правах и штрафы. При этом необходимы меры, не связанные с лишением свободы, при использовании которых учитываются гендерные аспекты, в частности меры, адаптированные к потребностям женщин (Бангкокское правило 57). Доклады до вынесения приговора или доклады о социальном обследовании крайне важны для вынесения судами объективных и обоснованных приговоров всем правонарушителям.

Конкретные руководящие указания и организация специальной подготовки для сотрудников служб probation и других лиц, ответственных за подготовку докладов до вынесения приговора, могут способствовать

обеспечению того, чтобы суды, выносящие приговоры, располагали информацией, необходимой для определения наказания, которое с наибольшей вероятностью побудит правонарушителей к отказу от противоправных действий и предотвратит повторное совершение преступлений.

В соответствии с Бангкокским правилом 61 государствам следует рассмотреть вопрос о введении обязательного требования представления специальных докладов до вынесения приговора при назначении наказаний женщинам, молодежи и представителям уязвимых или маргинализированных групп населения, включая правонарушителей с психическими расстройствами. В случае, когда речь идет о женщинах-правонарушителях, особенно важно предоставлять судебным органам соответствующую информацию об обстоятельствах, в которых они находятся на момент вынесения приговора, включая сведения об их семейных отношениях, обязанностях по уходу за детьми, потребности в психиатрической помощи. Аналогичным образом внимание следует уделять молодежи и обстоятельствам совершения ими противоправных действий.

Надзор на уровне социума (общины). Условия применения мер, не связанных с лишением свободы, должны определяться на индивидуальной основе, быть соразмерными и определенными. Государствам следует укреплять службы пробации и иные структуры, участвующие в применении мер, не связанных с лишением свободы. Надзор на уровне социума (общины) – задача, выходящая за рамки простого наблюдения за поведением правонарушителей. Этот надзор включает в себя управление риском, который представляют правонарушители, и реализацию программ гуманного воздействия. Надзор на уровне социума (общины) предполагает поддержание гуманных отношений с правонарушителями с целью побудить их к отказу от совершения преступлений, закрепить позитивное поведение и обеспечить наказание за негативные действия.

Судебные приказы о направлении на пробацию, постановления о выполнении общественно полезных работ, условное наказание и наказание с отсрочкой исполнения, тюремные отпуска, условно-досрочное освобожде-

ние, условное освобождение из тюрьмы и другие меры, не связанные с лишением свободы, могут сопровождаться применением различных условий, которые правонарушители должны соблюдать под надзором помимо воздержания от повторного совершения преступлений. Такие условия должны быть соразмерными и учитывать индивидуальные обстоятельства правонарушителей, например, график их работы и семейные обязанности. Они также должны иметь четкую формулировку и не допускать двусмысленного толкования.

Целесообразно предусмотреть возможность коррекции условий надзора с учетом изменений жизненных обстоятельств правонарушителей и достигнутого прогресса. Отмена предписания о надзоре на уровне социума должна быть крайней мерой, принимаемой, согласно положениям Токийских правил 14.2–14.6, после всестороннего изучения данного вопроса судом или другим компетентным органом.

Следует акцентировать внимание на том, что применение электронных средств мониторинга правонарушителей является скорее вспомогательным способом надзора, нежели самим надзором, их использование без достаточной профессиональной поддержки специалистов не может изменить поведение правонарушителей.

Устранение причин совершения преступлений. Программы реабилитации и другие мероприятия, направленные на предупреждение рецидивизма, должны учитывать факторы, побуждающие правонарушителей к совершению преступлений. Меры, не устраняющие конкретные причины противоправного поведения лица, могут не снизить, а даже повысить вероятность повторного совершения преступлений. Программы реабилитации должны соответствовать выводам и рекомендациям, сформулированным по итогам индивидуальной оценки. Государствам следует разработать широкий спектр программ реабилитации, которые, в частности, могут предусматривать обучение, профессиональную подготовку, охрану здоровья, религиозные программы и лечение расстройств на почве употребления психоактивных веществ.

Реституционное правосудие. Программы реституционного правосудия должны быть

доступны в качестве альтернативы традиционным мерам уголовного правосудия или в сочетании с ними. Возможность участия в программе реституционного правосудия может быть предоставлена правонарушителям на любом этапе отправления уголовного правосудия, в том числе на стадии вынесения приговора или в период тюремного заключения. В случае применения реституционного подхода в соответствии с процессуальными гарантиями прав правонарушителей и потерпевших можно снизить вероятность того, что правонарушитель вновь совершит преступление [7].

Сведения о судимости. Для осужденных правонарушителей, которые впоследствии воздержались от совершения преступлений и успешно реинтегрировались в общество, должна существовать возможность снятия или погашения судимости, в частности в связи с проверкой биографических данных потенциальными работодателями, а государствам следует рассмотреть вопрос о законодательном регулировании этого процесса. Особое внимание следует уделить вопросу о судимости молодых совершеннолетних лиц в целях недопущения их дальнейшей стигматизации и оказания им помощи в реинтеграции.

Условия, способствующие реабилитации в местах лишения свободы. Предотвращение повторного совершения преступлений бывшими заключенными зависит не только от соответствующих программ реабилитации, но и от обеспечения безопасных, надежных и гуманных условий в местах лишения свободы и тщательно организованных процессов реинтеграции. Цели тюремного заключения – защита общества от преступности и сокращение случаев рецидивизма – могут быть достигнуты только в том случае, если срок пребывания в тюрьме используется для обеспечения возможности реинтеграции заключенных в общество после их освобождения, с тем чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни (Правило Нельсона Манделы 4.1.). Эффективные программы реабилитации должны осуществляться в общей тюремной среде, обеспечивающей безопасные и достойные условия и гуманное обращение с заключенными со стороны квалифицированного персонала в соответствии с применяемыми минимальными стандартами.

Условия содержания в тюрьмах. Руководству пенитенциарных учреждений следует активизировать усилия по соблюдению Правил Нельсона Манделы и других соответствующих стандартов для снижения вероятности повторного совершения преступлений после освобождения. Правила Нельсона Манделы и Бангкокские правила составляют основу для предотвращения повторного совершения преступлений бывшими заключенными. Выполнение этих и других стандартов в данной области является необходимым условием обеспечения значимости и эффективности программ реабилитации в условиях пенитенциарных учреждений, в связи с чем им следует уделять приоритетное внимание и финансировать соответствующую деятельность в первоочередном порядке.

Согласно Правилу Нельсона Манделы 5 необходимо стремиться к соблюдению принципа «нормальности», согласно которому условия в местах лишения свободы должны быть максимально приближены к условиям жизни в обществе для создания в тюрьмах среды, способствующей реабилитации. В тюрьмах индивидуальные оценки должны обеспечивать администрации возможность получить точное представление о различных потребностях заключенных, касающихся безопасности, условий содержания под стражей и реабилитации, и классифицировать их соответствующим образом.

Возможно, государствам целесообразно разработать специализированные подходы для конкретных видов преступлений, таких как сексуальные преступления или преступления, связанные с насильственным экстремизмом. Правовой статус правонарушителя, вид совершенного преступления и срок наказания не должны быть единственными факторами, используемыми для классификации правонарушителей, которая должна пересматриваться на регулярной основе. Заключенных, представляющих меньшую опасность, следует переводить в учреждения с менее строгим режимом содержания, в которых они подвергаются меньшим ограничениям и имеют обязанности и возможности для взаимодействия с обществом, чтобы эффективно подготовить их к реинтеграции после освобождения.

Контакты с семьей. Поддержание контактов с семьей и друзьями во время пребывания в тюрьме имеет большое значение для успешной реинтеграции заключенных, в связи с чем идея о важности поддержания и укрепления семейных отношений должна быть четко сформулирована и отражена в тюремной политике и правилах.

Следует прилагать усилия к тому, чтобы заключенные помещались в учреждения, находящиеся недалеко от их дома. Передача заключенных-иностранцев в их родные страны при наличии их согласия может повысить их шансы на реинтеграцию за счет увеличения частоты контактов с семьей и проведения реабилитационных мероприятий с учетом особенностей соответствующей культуры. Посещения членами семьи должны по умолчанию предусматривать возможность непосредственного контакта; наряду с этим должна существовать презумпция против запрета на посещение детьми.

Следует также проявлять гибкость при организации посещений и предоставлении прав на телефонные и видеозвонки, чтобы учесть потребности семьи, в частности в случаях, когда родственники живут далеко или не могут навестить заключенного. Необходимо разработать политику в отношении лиц, не являющихся членами семьи, но оказывающих положительное воздействие на правонарушителя; следует консультироваться с заключенными по поводу того, кому может быть разрешено их посещать, и предоставить им право отказывать в посещении определенным лицам, предусмотрев меры по недопущению взаимных обвинений. Наряду с этим следует оказывать поддержку членам семей заключенных, чтобы помочь им справиться с практически, эмоциональными и межличностными проблемами, связанными с освобождением правонарушителей из тюрьмы, в том числе путем реализации инициатив по оказанию помощи родственникам заключенных.

Программы, реализуемые в условиях пенитенциарных учреждений. Программы, направленные на устранение причин противоправных действий, должны быть доступны для всех правонарушителей; программы, предлагаемые в пенитенциарных учреждениях, также должны быть направлены на повыше-

ние вероятности социальной реинтеграции заключенных после их освобождения, не допуская при этом возможности эксплуатации. Доступ к аккредитованным образовательным программам, курсам профессионального обучения и к программам трудовой деятельности может быть полезен для укрепления позитивной самоидентификации заключенных, расширения возможностей их трудоустройства после освобождения и поддержания позитивных связей с общиной. Это не отменяет тот факт, что повторное совершение преступлений теми или иными лицами зачастую может быть обусловлено более сложными причинами, нежели элементарное отсутствие денежных средств.

В соответствии с Бангкокским правилом 29 необходимо организовать надлежащее исследование по изучению навыков, востребованных на рынке труда; провести оценку компаний-партнеров на уровне общин с целью удостовериться в том, что они обеспечивают справедливую оплату труда и обучение; установить строгие гарантии, позволяющие избежать эксплуатации или иных причиняющих страдания способов организации труда заключенных, и обеспечить справедливое вознаграждение за выполняемую работу; выдавать аттестаты установленного образца, аналогичные обычным аттестатам, в целях расширения возможностей трудоустройства; предоставлять возможности для обучения и работы, не следуя существующим гендерным стереотипам.

Важно, чтобы государственные органы и организации гражданского общества участвовали в реализации программ, предназначенных для пенитенциарных учреждений, по подготовке правонарушителей к социальной реинтеграции после освобождения, в том числе путем разработки прагматичных планов возвращения в общество.

Освобождение и реинтеграция. Государствам предлагается гарантировать беспрепятственный переход правонарушителей из мест лишения свободы в общество, в том числе посредством предоставления им поддержки в таких сферах, как поиск жилья, трудоустройство, здравоохранение и социальное обеспечение. Следует организовать подготовку к реинтеграции с момента поступления правонарушителя в место лишения свободы и продолжать

оказание мер поддержки после освобождения или завершения периода надзора на уровне социума до тех пор, пока они будут необходимы. Системы условно-досрочного или условного освобождения, обеспечивающие возможность освобождения правонарушителей под надзор, также играют важную роль в деле содействия успешной реинтеграции. Места для проживания под надзором для заключенных, которые в ближайшее время выйдут на свободу, необходимы для того, чтобы помочь им осуществить запланированный переход к жизни в социуме, позволяют содержательно взаимодействовать с внешним миром. При освобождении заключенного первоочередное внимание следует уделить оказанию поддержки в вопросах жилья и трудоустройства.

Партнерства и сотрудничество. Мероприятия по снижению рецидивизма требуют тесного сотрудничества различных органов уголовного правосудия. Например, межведомственная координация является необходимым условием для вынесения справедливых и соразмерных приговоров судебными органами, которые опираются на информацию, предоставляемую специалистами из различных структур. Необходимо тесное сотрудничество между такими службами и тюремной администрацией. Полиция, прокуратура и суды должны с пониманием относиться к мерам по замене уголовной ответственности альтернативными видами исправительного воздействия и поддерживать их, а применение мер, не связанных с лишением свободы, может предполагать участие нескольких правоохранительных институтов. Согласно Токийским правилам 1.2, 17.1 и 18.4 целесообразно согласовать протоколы сотрудничества, в том числе в отношении обмена соответствующей информацией, при соблюдении принципов неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государствам следует пересмотреть действующую нормативно-правовую базу и разработать национальные стратегии и планы действий, направленные на снижение рецидивизма. Устойчивый стратегический подход к разработке эффективной политики и программ реабилитации и реинтеграции правонарушителей требует проведения детального

анализа существующих законов, нормативных актов и политики. Цель такого обзора должна состоять в выявлении и устранении любых пробелов в правовой политике и других нормативных препятствий, блокирующих или затрудняющих нормальную работу органов уголовного правосудия, в соответствии с международными минимальными стандартами и принятие таких мер, как выведение из системы уголовного правосудия и альтернатива тюремному заключению.

Следует пересмотреть политику вынесения приговоров, в том числе в отношении обязательных и краткосрочных наказаний, а также политику в отношении предварительного заключения под стражу. Целесообразно предусмотреть действенные системы условно-досрочного или условного освобождения из мест лишения свободы с ясными механизмами эффективного надзора и оказания помощи в социуме. Наиболее эффективными в борьбе с преступностью являются меры, обеспечивающие привлечение правонарушителей к ответственности за свое поведение таким образом, чтобы реинтегрировать их в общество, а не усугублять возникающее у них ощущение изолированности и стигматизации. Цель состоит в том, чтобы помочь правонарушителям осознать последствия своих действий и наладить отношения с другими людьми в общине, в том числе с потерпевшими [8, р. 298]. К примеру, электронный мониторинг наиболее эффективен в случае его применения в сочетании с мерами опосредованного воздействия, уже доказавшими свою результативность [9, р. 236]. В зависимости от вида используемой технологии GPS-мониторинг в отношении правонарушителя может осуществляться практически в режиме реального времени. Этот инструмент может быть эффективным при более строгом надзоре за правонарушителями с высоким потенциалом рецидива без создания препятствий для их реинтеграции в общество [10, р. 489].

Для обеспечения долгосрочного подхода к снижению рецидивизма, предполагающего участие всех государственных структур и всего общества, рекомендуется, чтобы каждое государство, в том числе Российская Федерация, разработало национальную стратегию по снижению рецидивизма и связанный с ней план действий. Национальная страте-

гия должна содержать информацию о целях, которые должны быть достигнуты, о функциях и обязанности заинтересованных сторон, о механизмах реализации соответствующих программ. Полагаем, что национальная

стратегия может мобилизовать ресурсы, способствовать развитию межведомственного сотрудничества и поддерживать постоянную политическую направленность усилий страны на снижение рецидивизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов Л.В. Международный опыт превенции рецидива правоохранительными структурами / Л.В. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 144–152.
2. Armstrong S. Reducing Reoffending: Review of Selected Countries, Research Report No. 04 / S. Armstrong, F. McNeill ; Scottish Centre for Crime and Justice Research. – Glasgow, 2012. – 55 p.
3. Griffiths C.T. The Social Reintegration of Offenders and Crime Prevention / C.T. Griffiths, Y. Dandurand, D. Murdoch ; National Crime Prevention Centre. – Ottawa, 2007. – 128 p.
4. Travis J. From Prison to Home: The Dimensions and Consequences of Prisoner Reentry / J. Travis, A.L. Solomon, M. Waul ; Urban Institute ; Justice Policy Center. – Washington, 2001. – 64 p.
5. Spjeldnes S. Gender differences in jail populations: factors to consider in reentry strategies / S. Spjeldnes, H. Jung, H. Yamatani // Journal of Offender Rehabilitation. – 2014. – Vol. 53, № 2. – P. 75–94.
6. Van Zyl Smit D. Incorporating the Nelson Mandela Rules into National Prison Legislation: A Model Prison Act and Related Commentary. Criminal Justice Handbook Series / D. Van Zyl Smit. – Vienna : UNODC, 2022. – 105 p.
7. Shapland J. et al. Does Restorative Justice Affect Reconviction? The Fourth Report from the Evaluation of Three Schemes, Ministry of Justice Research Series no. 10/08 / J. Shapland et al. ; University of Sheffield ; Centre for Criminological Research. – Sheffield, 2008. – 89 p.
8. Dandurand Y. Alternative approaches to preventing recidivism: restorative justice and the social reintegration of offenders // Women and Children as Victims and Offenders: Background, Prevention, Reintegration: Suggestions for Succeeding Generations / Y. Dandurand ; eds. by H. Kury, E. Shea. – Zurich : Springer International Publishing, 2016. – Vol. 2. – P. 283–299.
9. Renzema M. Can electronic monitoring reduce crime for moderate to high-risk offenders? / M. Renzema, E. Mayo-Wilson // Journal of Experimental Criminology. – 2005. – Vol. 1, № 2. – P. 215–237.
10. Nellis M. Understanding the electronic monitoring of offenders in Europe: expansion, regulation and prospects / M. Nellis // Crime, Law and Social Change. – 2014. – Vol. 62, № 4. – P. 489–510.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скирда Максим Владимирович – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, начальник Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skirda Maksim Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Assistant Professor of the Chair of State Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 14.05.2024. The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 14.05.2024.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.25

Original article

ДЕХЕРТ Андрей Андреевич
Волгоградский государственный
университет, Волгоград, Россия,
e-mail: dekhert@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2871-2213>

DEKHERT Andrey Andreevich
Volgograd State University, Volgograd, Russia.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕЖЕК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА**

COMPARATIVE LAW ANALYSIS OF THE REGULATION OF PROCEDURAL COSTS UNDER THE
LEGISLATION OF RUSSIA, BELARUS AND KAZAKHSTAN

Аннотация. *Институт процессуальных издержек в России со времен принятия УПК РФ подвергался незначительным изменениям, что может свидетельствовать либо о его совершенстве, либо о том, что законодатель забыл о нем. Между тем некоторые вопросы, периодически возникающие у сотрудников правоохранительных органов (например, о взыскании процессуальных издержек с наследника умершего обвиняемого), остаются без необходимого внимания со стороны законодателя или высшего судебного органа. Учитывая, что решение о распределении процессуальных издержек является обязательным в резолютивной части любого приговора, внимание институту процессуальных издержек должно отводиться особое. Цель: проследить тенденции развития норм о процессуальных издержках в законодательстве не только Российской Федерации, но и зарубежных стран со схожей правовой системой. На основе анализа законодательства Республики Беларусь и Республики Казахстан сформулировать предложения по совершенствованию отечественного законодательства. Методологической базой исследования послужил сравнительно-правовой метод. Применялись также методы анализа, юридической интерпретации и логико-юридический. Проведенное исследование позволило выявить различия в подходах к решению общих вопросов правовой регламентации процессуальных издержек в законодательстве России, Беларуси и Казахстана, а использование сравнительно-правового метода при изучении теоретических и практических аспектов института процессуальных издержек*

Abstract. *The institution of procedural costs in Russia since the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation has been subject to minor changes, which may indicate either that it is perfect or the legislator has forgotten about it. In the meantime, some issues that arise periodically for law enforcement officials (for example, the recovery of procedural costs from the heir of a deceased accused) remain without the necessary attention of the legislator or the highest judicial authority. Given that the decision on the distribution of procedural costs is mandatory in the operative part of any judgement, special attention should be paid to the institution of procedural costs. Purpose: to review trends in the development of norms on procedural costs in the legislation not only of the Russian Federation, but also of foreign countries with similar legal systems. The paper aims to formulate proposals to improve the national legislation on the basis of the analysis of the legislation of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The methodological basis of the study is the comparative law method. General scientific methods of analysis are used, as well as the methods of legal interpretation and logical-legal. Results: the conducted research allows to identify differences in approaches to solving general issues of legal regulation of procedural costs in the legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan. The use of the comparative law method in studying the theoretical and practical aspects of the institution of procedural costs in the legislation*

жек в законодательстве разных стран позволило сделать вывод о необходимости закрепления конкретных положений, посвященных процессуальным издержкам, возникающим в результате преодоления противодействия уголовному преследованию, а также о решении судьбы процессуальных издержек при принятии наследства наследниками умершего обвиняемого.

Ключевые слова: процессуальные издержки, расходы, уголовное судопроизводство, уголовное преследование, наследство

Для цитирования: Дехерт А.А. Сравнительно-правовой анализ регламентации процессуальных издержек по законодательству России, Беларуси и Казахстана / А.А. Дехерт. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.25 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 203–208.

of different countries leads to the conclusion that specific provisions on procedural costs should be established, resulting from overcoming the opposition to criminal prosecution, as well as the decision on the fate of procedural costs in accepting the inheritance by heirs of a deceased accused.

Keywords: procedural costs, expenses, criminal proceedings, criminal prosecution, inheritance

For citation: Dekhert A.A. Comparative law analysis of the regulation of procedural costs under the legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 203–208 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.25.

ВВЕДЕНИЕ

В российском уголовно-процессуальном законодательстве процессуальные издержки определены как расходы, связанные с производством по уголовному делу, подлежащие взысканию за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 131 УПК РФ). Данная дефиниция не только дает общее представление об определяемых расходах, но и четко очерчивает субъектный состав лиц и источников, за счет которых такие расходы могут возмещаться.

Объем законодательной регламентации процессуальных издержек в УПК РФ невелик: основные вопросы регламентируются в двух статьях Кодекса – ст. 131 и 132. Лаконичность законодателя, а также традиционно невысокий интерес ученых-процессуалистов к проблематике процессуальных издержек заставляют при исследовании данного института принять во внимание зарубежный опыт, прежде всего тех стран, законодательство которых имеет с российским общие корни.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ БЕЛАРУСИ

В отличие от российского уголовно-процессуального законодательства в УПК Респу-

блики Беларусь (далее – УПК РБ)¹ отсутствует легальное определение процессуальных издержек. Вместо этого в ст. 162 УПК РБ приводится открытый перечень расходов, относимых к процессуальным издержкам.

Пункты 1–7, 9.1 ч. 1 ст. 162 УПК РБ практически идентичны нормам, закрепленным в п. 1–6, 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Однако больший интерес представляют положения уголовно-процессуального законодательства, аналогов которых в российском законодательстве нет. Так, например, п. 8 и 8.1 ч. 1 ст. 162 УПК РБ разграничивают процессуальные издержки, связанные с производством судебной экспертизы, в зависимости от того, в каком – государственном или негосударственном – судебно-экспертном учреждении она была проведена. Разница в регламентации выражается в том, что к процессуальным расходам, связанным с производством судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях, отнесены только суммы, затраченные на приобретение расходных материалов, использовавшихся для проведения экспертизы, и текущий ремонт экспертного (специального) оборудования. В случае же производства судебных экспертиз в негосударственных учреждениях расходы возмещаются полностью. Очевидно, что различие в регламентации

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 [Электронный ресурс] // Доступ из информ. системы «Континент».

объясняется тем, что оплата труда экспертов, работающих в государственных судебно-экспертных учреждениях, в состав процессуальных расходов не включается.

Обращает на себя внимание норма, закрепленная в п. 9 ч. 1 ст. 162 УПК РБ, которая предусматривает возмещение сумм, израсходованных в связи с розыском обвиняемого, скрывшегося от органа уголовного преследования или суда. Отметим, что подобный опыт некоторыми исследователями предлагается внедрить и в отечественное законодательство. В частности, А.В. Чуркин предложил дополнить ч. 2 ст. 131 УПК РФ пунктом: «суммы, израсходованные в связи с розыском подозреваемого и (или) обвиняемого, скрывшегося от органа уголовного преследования и (или) суда, а равно понесенные при приводе лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 113 УПК РФ» [1, с. 74]. Думается, подобная инициатива не утратила своей актуальности, а опыт Республики Беларусь является веским аргументом, чтобы отнестись к высказанному предложению со всей внимательностью. Примечательно, что в юридической науке Республики Беларусь соответствующий вид процессуальных издержек предлагается расширить, включив в него «суммы, израсходованные на нейтрализацию противодействия производству по уголовному делу, в том числе в связи с розыском обвиняемого, скрывшегося от органа уголовного преследования и суда» [2, с. 15]. Обоснованность такого предложения может показаться спорной ввиду того, что весьма затруднительно представить себе, какие еще расходы, кроме связанных с розыском, могут быть понесены государством для нейтрализации противодействия, оказываемого уголовному преследованию. Однако такие расходы возможны, и они, как будет показано далее, прямо указаны в законодательстве Республики Казахстан.

Согласно п. 3.1 ст. 162 УПК РБ к процессуальным издержкам отнесены суммы, которые выплачиваются лицам, оказывающим содействие в проведении следственного действия, в качестве возмещения расходов, понесенных ими в связи с проведением такого следственного действия. По своей сути данное положение аналогично содержащемуся в п. 4 ст. 131 УПК РФ. Однако в юридической литературе обоснованно отмечается, что в ходе производ-

ства следственных действий могут возникать и другие издержки, компенсация которых должна быть предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством. Так, Н.А. Суховенко пишет, что в ряде случаев собирание доказательств сопровождается нанесением ущерба исследуемым объектам, которые могут принадлежать на праве собственности тем или иным лицам, в том числе потерпевшим. В этой связи представляется обоснованным предложение отнести к процессуальным издержкам стоимость испорченного или уничтоженного в ходе производства следственного действия имущества [3]. Примечательно, что в российской теории уголовного процесса соответствующее предложение высказывалось еще в 2008 г. К.Н. Емельяновым [4, с. 163].

УПК РБ предусматривает возможность компенсации потерпевшему только тех сумм, которые затрачены в связи с явкой к месту производства процессуальных действий, проживанием там, либо связаны с отвлечением его от обычных занятий или недополучением заработной платы. Как видно, в этом перечне отсутствуют расходы потерпевшего, понесенные в связи с оплатой услуг представителя, пользоваться помощью которого потерпевший вправе в силу п. 21 ч. 1 ст. 50 УПК РБ. В этой связи белорусскими учеными предлагается расширить приведенный в ст. 162 УПК РБ перечень процессуальных издержек, включив в него «суммы, выплаченные потерпевшим, гражданским истцом в счет возмещения расходов, затраченных на оказание им юридической помощи» [5, с. 240]. В данном случае в качестве образца выступает уже российское уголовно-процессуальное законодательство, которое еще в 2013 г. было дополнено положением, причислившим к процессуальным издержкам «суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего» (п. 1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 163 УПК РБ процессуальные издержки подлежат взысканию с осужденного, обвиняемого или подозреваемого, а также могут быть приняты на счет государства. Вместе с тем в ч. 9 ст. 163 УПК РБ прямо закреплено, что «при оправдании обвиняемого по делу частного обвинения суд взыскивает процессуальные издержки полностью или ча-

стично с лица, по заявлению которого было начато производство по уголовному делу». Следовательно, обязанность по возмещению процессуальных издержек возлагается и на заявителя, хотя это лицо не указано в ч. 1 ст. 163 УПК РБ в числе субъектов, с которых допустимо взыскивать процессуальные издержки. В этом отношении регламентация вопроса о субъектах, за счет средств которых могут возмещаться судебные издержки, содержащаяся в ч. 1 ст. 131 УПК РФ, представляется более предпочтительной: российский законодатель говорит об «участниках уголовного судопроизводства».

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАЗАХСТАНА

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан², как и в белорусском, отсутствует легальное определение процессуальных издержек – в ст. 177 УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК) приводится лишь перечень расходов, из которых они складываются. Однако такую дефиницию можно обнаружить в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2018 г. № 10 «О взыскании процессуальных издержек по уголовным делам»³.

В уголовно-процессуальной теории высказаны различные мнения о том, как следует определять процессуальные издержки. В частности, М.Ч. Когамов понимает под ними «денежные затраты государства, понесенные при производстве по уголовному делу...»⁴. Другие авторы предлагают считать процессуальными издержками «связанные с производством по уголовному делу затраты, которые возмещаются за счет средств республиканского бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства», отмечая при этом необ-

ходимость закрепления такого определения в ст. 7 или 177 УПК РК [6, с. 95–96].

В отличие от российского и белорусского законодательства УПК РК развернуто регламентирует вопросы, связанные с процессуальными издержками, которым посвящены сразу две главы Кодекса. Глава 21 УПК РК посвящена оплате труда и возмещению расходов, понесенных в ходе производства по уголовному делу, а гл. 22 – непосредственно процессуальным издержкам. Такая регламентация стала для казахстанского законодателя традиционной, унаследованной из УПК РК от 13 декабря 1997 г.⁵ При этом положения указанных глав УПК РК тесно взаимосвязаны. Так, например, в тексте п. 1 ст. 177 УПК РК, относящего к процессуальным издержкам суммы, выплачиваемые свидетелям, потерпевшим и их представителям, экспертам, специалистам, переводчикам, понятым, есть ссылка на находящиеся в предыдущей главе Кодекса ст. 174 и 175, устанавливающие структуру расходов и порядок их возмещения.

Общим для уголовно-процессуального законодательства России, Беларуси и Казахстана является открытый перечень процессуальных издержек, возможность возмещения «иных», не указанных в законе расходов. К числу таковых Верховный Суд Республики Казахстан в уже упоминавшемся нормативном постановлении отнес расходы, понесенные правоохранительными органами при производстве по делу, расходы, вызванные порчей имущества во время проведения следственных действий, а также расходы на эксгумацию и захоронение. При этом высший судебный орган Казахстана подчеркивает недопустимость отнесения к процессуальным издержкам расходов, связанных с производством специальных оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, как и белорусское, относит к числу процессуальных издержек расходы, понесенные государством в связи с розыском скрывающегося от правосудия лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. При этом в п. 9 ч. 1

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V [Электронный ресурс] // Доступ из информ. системы «Континент».

³ О взыскании процессуальных издержек по уголовным делам : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29.06.2018 № 10 [Электронный ресурс] // Доступ из информ.-правовой системы НПА РК «Адилет».

⁴ Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 2014 года. Т. 1. Общая часть. Алматы : Жеті Жарғы, 2015. С. 212.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Алматы : Юрист, 2002. 207 с.

ст. 177 УПК РК говорится о суммах, израсходованных в связи с розыском не только подозреваемого или обвиняемого, но также и подсудимого. Выше уже отмечалась необходимость обсуждения вопроса о закреплении аналогичного положения в российском законодательстве, однако надо иметь в виду, что указание на подсудимого в УПК РФ было бы излишним, поскольку по смыслу ч. 2 ст. 47 УПК РФ термин «обвиняемый» включает в себя как подсудимого, так и осужденного.

В контексте проблематики возмещения расходов, связанных с преодолением противодействия уголовному преследованию, особый интерес вызывает п. 10 ст. 177 УПК РК, который относит к процессуальным издержкам суммы, израсходованные в связи с приводом подозреваемого, обвиняемого, подсудимого к следователю или в суд в случае неявки их без уважительной причины, а также в связи с отложением судебного разбирательства из-за неявки подсудимого без уважительной причины либо явки его в суд в состоянии опьянения. Думается, именно такие ситуации и имелись в виду Н.А. Марцынкевич, предложившей весьма широкую, но при этом емкую и содержательную формулировку: «суммы, израсходованные на нейтрализацию противодействия производству по уголовному делу...» [2, с. 5].

Считая идею возмещения в качестве процессуальных издержек сумм, израсходованных в связи с осуществлением привода или розыска обвиняемого, весьма разумной, приходится вместе с тем констатировать, что практическая ее реализация может столкнуться

с рядом трудностей, ключевой из которых является определение методики расчета. Вариантов решения этой задачи много, некоторые предложены казахстанскими учеными. Например, Е.А. Омаров предлагает использовать для этого формулу [7, с. 73]:

$$t \times P \times X + Y + Z,$$

где t – время, затраченное сотрудником (часы, минуты);

P – стоимость одной минуты рабочего времени;

X – количество сотрудников;

Y – расходы на канцелярские принадлежности;

Z – расходы на топливо для автотранспорта.

При всей кажущейся простоте этой формулы, воспользоваться ею на практике довольно сложно, поскольку точное определение рабочего времени, затраченного на привод или розыск, как и учет израсходованного топлива, – задача, практически неразрешимая. Пока эти вопросы не будут сняты, пока не будет выработана методика, обеспечивающая точный учет произведенных затрат, высказывать предложения о придании расходам, связанным с преодолением противодействия уголовному преследованию, статуса процессуальных издержек в российском уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, преждевременно.

Однако есть среди положений зарубежного уголовно-процессуального законодательства и такие, заимствовать которые целесообразно уже сейчас.

В соответствии с ч. 10 ст. 178 УПК РК «в случае смерти подозреваемого, обвиняемого их наследники не несут ответственности по обязательствам, связанным с процессуальными издержками». Уголовно-процессуальное законодательство России такого положения не содержит, хотя вопрос о взыскании процессуальных издержек с наследников лица, на которое приговором суда возложено возмещение процессуальных издержек, весьма актуален. Современная регламентация этого вопроса в отечественном уголовном процессе является прямо противоположной той, которая предусмотрена в законодательстве Казахстана. Согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя. Применение данного положения в ситуации, когда наследование происходит уже после взыскания процессуальных издержек с наследодателя, сложностей не вызывает. Но на практике возможны случаи, когда производство по уголовному делу продолжается в отношении умершего обвиняемого, вследствие чего вопрос о взыскании процессуальных издержек будет решаться судом уже после вступления в наследство. В этом случае ответ на вопрос о том, на кого должна возлагаться обязанность возмещения процессуальных издержек в случае вынесения обвинительного приговора, уже не так очевиден. Думается, по примеру УПК РК порядок возмещения процессуальных издержек после смерти обвиняемого целесообразно

но предусмотреть и в уголовно-процессуальном законодательстве России.

Выводы

Даже беглое ознакомление с регламентацией института процессуальных издержек в уголовно-процессуальном законодательстве наших ближайших соседей – Беларуси и Казахстана – показало, насколько различные подходы используются при решении целого ряда общих вопросов. Вместе с тем нельзя не замечать

и общих черт регламентации, свойственных законодательству наших стран. Если говорить о перспективах совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства с учетом зарубежного опыта, то, наверное, в первую очередь необходимо изучить возможность закрепления в законе процессуальных издержек, возникающих в связи с преодолением противодействия уголовному преследованию, а также регламентировать вопросы, связанные с возмещением процессуальных издержек наследниками умершего обвиняемого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чуркин А.В. Процессуальные издержки как стимул для добросовестного пользования процессуальными правами / А.В. Чуркин // *Lex Russica*. – 2017. – № 4 (125). – С. 74–88.
2. Марцынкевич Н.А. Процессуальные издержки в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Марцынкевич. – Минск, 2018. – 25 с.
3. Суховенко Н.А. О расширении перечня процессуальных издержек / Н.А. Суховенко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тезисы докладов международной научно-практической конференции (Минск, 3 апр. 2015 г.) / отв. ред. А.В. Яскевич. – Минск, 2015. – С. 229–230.
4. Емельянов К.Н. Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.Н. Емельянов. – Тюмень, 2008. – 188 с.
5. Суховенко Н.А. О возможности отнесения к процессуальным издержкам расходов потерпевшего, гражданского истца на юридическую помощь / Н.А. Суховенко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2013. – № 6. – С. 233–240.
6. Карипова А.Т. Процессуальные издержки в уголовном процессе: понятие и признаки / А.Т. Карипова, Е.А. Омарова, А.Ж. Акишов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2019. – № 2. – С. 91–99.
7. Omarov Ye.A. Methodology for calculating certain types of procedural costs of criminal proceedings / Ye.A. Omarov // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2020. – № 2. – С. 68–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дехерт Андрей Андреевич – аспирант кафедры процессуального права и криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dekhert Andrey Andreevich – Postgraduate student of the Department of Procedural Law and Criminalistics Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 21.03.2024. The article was submitted 19.02.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 21.03.2024.

REFERENCES

1. Churkin A.V. Procedural costs as an incentive to faithful enjoyment of procedural rights. *Lex Russica*, 2017, no. 4 (125), pp. 74–88. (In Russian).
2. Martsinkevich N.A. Procedural costs in criminal proceedings. *Cand. Diss.* Minsk, 2018. 25 p.
3. Sukhovenko N.A. On expanding the list of procedural costs. In Yaskevich A.V. (ed.). *Problems of fighting crime and training personnel for law enforcement agencies*. Abstracts of reports of the international scientific and practical conference (Minsk, April 3, 2015). Minsk, 2015, pp. 229–230. (In Russian).
4. Emelyanov K.N. Procedural costs in Russian criminal proceedings. *Cand. Diss.* Tyumen, 2008. 188 p.
5. Sukhovenko N.A. On the possibility of including the expenses of the victim, civil plaintiff for legal assistance as procedural costs. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii = Problems of Strengthening Law and Order: Science, Practice, Trends*, 2013, no. 6, pp. 233–240. (In Russian).
6. Karipova A.T., Omarov Y.A., Akishov A.J. Legal fees in criminal procedure: the concept and features. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2019, no. 2, pp. 91–99. (In Russian).
7. Omarov Ye.A. Methodology for calculating certain types of procedural costs of criminal proceedings. *Vestnik Akademii pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan*, 2020, no. 2, pp. 68–75. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.26

Original article

УШАКОВА Виктория Викторовна
Академия управления МВД России,
Москва, Россия,
e-mail: ushakovavika1999@yandex.ru

USHAKOVA Victoria Victorovna
Academy of Management of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

ФОРМЫ И ПРИЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЕМ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

FORMS AND METHODS OF INTERACTION BETWEEN PRELIMINARY INVESTIGATION
BODIES AND THE JUVENILE AFFAIRS UNIT

Аннотация. В последние годы наблюдается увеличение уровня преступности среди несовершеннолетних; данные обстоятельства вызывают серьезные опасения и требуют большого внимания. Качественное расследование преступлений, совершенных подростками, – ключевой аспект современной правоохранительной деятельности. Взаимодействие органов предварительного следствия с подразделениями по делам несовершеннолетних является актуальной проблемой на сегодняшний день. Сотрудникам необходимо анализировать особенности взаимодействия, преимущества и недостатки различных подходов. На основе анализа практического опыта автором предлагаются рекомендации по оптимизации этого процесса с целью обеспечения защиты прав несовершеннолетних и эффективной борьбы с преступностью среди этой категории населения. Цель: анализ проблем взаимодействия следователя с подразделением по делам несовершеннолетних, оптимизация и развитие совместной работы субъектов по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними. Методы: частнонаучные (беседа и интервью, анкетирование, сравнительно-правовой анализ); эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики, аналогии, анализа, обобщения, классификации; психологические методы. Исследование позволило выявить и рассмотреть один из самых проблемных вопросов взаимодействия следователя с подразделением по делам несовершеннолетних – отсутствие четко определенных приемов совместной работы, базирующихся на формах взаимодействия. Предложена классификация специальных частных приемов, выстраивающихся с учетом возраста подозреваемого и его поведения (отношения к процессу расследования).

Abstract. In recent years, there has been an increase in the level of crime among minors; these circumstances raise serious concerns and require great attention. High-quality investigation of crimes committed by adolescents is a key aspect of modern law enforcement. The interaction of preliminary investigation bodies with juvenile affairs units is a pressing problem today. Officers need to analyze the characteristics of interaction, the advantages and disadvantages of different approaches. Based on the analysis of practical experience, the author offers practical recommendations for optimizing this process in order to ensure the protection of the rights of minors and the effective fight against crime among this category of population. Purpose: to analyze the problems of interaction between the investigator and the juvenile affairs unit, optimizing and developing joint work of subjects to investigate crimes committed by minors. Methods: specific scientific methods (conversation and interviews, questionnaires, comparative legal analysis); empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic, analogy, analysis, generalization, classification; psychological methods. Results: the study makes it possible to identify and consider one of the most problematic issues of interaction between the investigator and the juvenile affairs unit, that is the lack of clearly defined techniques of joint work based on the forms of interaction. The author gives a classification of special private techniques, taking into account the age of the suspect and his behavior (attitude to the investigation process).

Ключевые слова: несовершеннолетнее лицо, формы взаимодействия, приемы взаимодействия, следователь, подразделение по делам несовершеннолетних, предварительное расследование, информация

Для цитирования: Ушакова В.В. Формы и приемы взаимодействия органов предварительного следствия с подразделением по делам несовершеннолетних / В.В. Ушакова. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.26 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 209–215.

Keywords: minor, forms of interaction, methods of interaction, investigator, juvenile affairs unit, preliminary investigation, information

For citation: Ushakova V.V. Forms and methods of interaction between preliminary investigation bodies and the juvenile affairs unit. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 209–215 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.26.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из существенных сторон успешного расследования совершенных преступлений является оперативное и всестороннее реагирование на него правоохранительных органов. Для обеспечения такого реагирования необходима профессионально налаженная работа по взаимодействию.

Решение проблемы преступности несовершеннолетних всегда является актуальным в рамках развития правового социального государства; необходимо понимать, что подростки, вовлеченные в криминальную среду, став взрослыми, могут «развивать» преступные группы [1, с. 21]. В этой связи существует постоянная потребность в совершенствовании форм и приемов взаимодействия сотрудников, занимающихся расследованием подростковой преступности, реализация которых служит не только снижению преступности среди несовершеннолетних, но и установлению здорового социально-психологического микроклимата в обществе. Такая необходимость в совершенствовании форм и приемов взаимодействия сотрудников обусловлена изменениями в характере преступлений среди подростков и их отношения к общественным нормам, стремлением к более глубокому пониманию психологических и социальных аспектов этой проблемы.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2019 г. было осуждено 16 858 несовершеннолетних, что составляет 3 % от всех осужденных за данный период времени. В последующие годы количество осужденных моложе восемнадцати лет значительно уменьшилось, однако в последние три года этот показатель остается примерно на одном уровне. Так, в 2020 г. осуждено 14 702 подрост-

ка, в 2021 г. – 14 863, в 2022 г. – 14 214. Данная тенденция указывает на то, что проблема преступности среди несовершеннолетних продолжительное время остается актуальной. За первое полугодие 2023 г. было осуждено 6503 подростка, данный показатель составляет 2,4 % от всех осужденных за указанный период¹. Установлено, что из числа несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, около 15 % подростков уже имеют опыт криминальной деятельности.

Несмотря на то что на борьбу с подростковой преступностью направлены профессиональные силы многих ведомств, приведенные данные говорят о недостаточности организованной работе в этом направлении. Одной из основных проблем выступает слабая организация взаимодействия органов предварительного следствия с подразделениями по делам несовершеннолетних.

ПОНЯТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В действующем УПК РФ нет определения термина «взаимодействие». Некоторые вопросы, связанные с организацией, формой, порядком взаимодействия, регламентируются отдельными ведомственными нормативно-правовыми актами.

В теории криминалистики взаимодействие определяется как «основанная на законе и подзаконных нормативных актах совместная или согласованная деятельность следователей с работниками оперативно-розыскных служб, а также экспертно-криминалистических подразделений и других служб

¹ Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: электронный ресурс <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 29.02.2024).

органов внутренних дел, осуществляемая в целях успешного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений» [2, с. 232].

А.И. Бастрыкин под взаимодействием понимает «согласованную деятельность следователя, оперативного органа (органа дознания), экспертно-криминалистического подразделения и других субъектов доказывания, предполагающую рациональное сочетание при расследовании преступления процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями и в пределах предоставленных законом полномочий, с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств с целью наиболее успешного и эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства» [3, с. 32].

По мнению И.Ф. Герасимова, под взаимодействием следует понимать «основанное на законе и общности задач в уголовном судопроизводстве правильное сочетание и эффективное использование полномочий, методов и форм деятельности, присущих каждому из указанных органов, направленное на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений» [4, с. 30–31].

Рассмотрев различные варианты определений понятия «взаимодействие», можно сделать вывод о том, что основными субъектами взаимодействия выступают сотрудники уголовного розыска и экспертно-криминалистических подразделений. Считаем проблемным моментом факт того, что среди субъектов взаимодействия не выделяется подразделение по делам несовершеннолетних.

Принципы взаимодействия

Выстроенная на законе и подзаконных нормативно-правовых актах совместная профессиональная деятельность следователя и инспектора подразделения по делам несовершеннолетних проявляется в наиболее качественном и оперативном сочетании процессуальных действий, направленных на расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами.

Содействие в профессиональной деятельности данных субъектов заключается в том,

что каждый субъект обладает набором специальных профессиональных, свойственных только ему средств, приемов и методов раскрытия преступлений. В связи с этим важно, чтобы возможности каждого отдельного субъекта взаимодействия использовались комплексно. Комплексный подход позволяет объединить навыки и опыт каждого субъекта, тем самым создается более широкий и глубокий аналитический и оперативный потенциал для успешного разрешения уголовного дела. Регулярный обмен информацией между субъектами позволяет оптимизировать использование профессиональных ресурсов и максимально эффективно противостоять преступности. Однако необходимо обратить внимание на то, что положительных результатов такого рода сотрудничества можно достичь только с учетом рационального сочетания профессиональных средств, приемов и методов, присущих субъектам взаимодействия, а также четкого разграничения прав и обязанностей между следователем и инспектором подразделения по делам несовершеннолетних.

Сотрудничество следователя и подразделения по делам несовершеннолетних может дать положительный результат, если оно будет выстраиваться с соблюдением следующих принципов: 1) законности; 2) руководящей роли следователя; 3) общей цели взаимодействия; 4) согласованности взаимодействия; 5) открытости и прозрачности информационного обмена; 6) взаимного уважения и понимания ролей и функций каждого участника; 7) гибкости и адаптивности в работе с различными уголовными делами; 8) эффективного обмена опытом и знаниями; 9) совместного поиска наиболее эффективных решений и мер по предупреждению подростковой преступности.

ФОРМЫ И ПРИЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В науке нет единого мнения о формах взаимодействия следователя с иными правоохранительными органами. Некоторые авторы к видам форм взаимодействия относят разного рода контакты между субъектами. И.Ф. Пантелеев и Н.А. Селиванов выделяют такую форму, как «совместный выезд следователя и оперативных сотрудников на место происшествия» [5, с. 76–78], А.В. Богусла-

вский – «совместное определение тактики и методов проведения проверки имеющейся информации» [6, с. 4], А.Н. Васильева – передачу «органом дознания следователю материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [7, с. 373], С.Д. Оспанов – обсуждение вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела, совместную деятельность следователя и органа дознания при возбуждении последним уголовного дела и проведении неотложных следственных действий [8, с. 13].

Анализ мнений ученых показал, что выделяются различные формы сотрудничества между следователем и другими участниками уголовного процесса. Авторы сходятся во мнении о важности совместного выезда на место преступления, что способствует более полному и точному сбору необходимой информации и совместному определению тактики и методов проверки информации, что, безусловно, повысит эффективность расследования. В целом анализ мнений ученых указывает на то, что сотрудничество и совместная деятельность различных участников уголовного процесса играет ключевую роль в успешном расследовании преступлений, обеспечивая более полное и эффективное использование ресурсов и опыта каждого участника.

В практической деятельности осуществляются различные формы и приемы взаимодействия следователя и сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних. Квалификация преступления, установленная следственная ситуация, выдвинутые криминалистические версии, многоэпизодность уголовного дела, личность несовершеннолетнего подозреваемого – от этого зависит выбор определенной формы взаимодействия субъектов. Инспектор подразделения по делам несовершеннолетних может оказать помощь в установлении личности несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, так как проводит работу с криминально активными подростками и знает каждого из них.

Инспектор имеет возможность в рамках профессионального поля предоставить информацию об интересах конкретного подростка, заподозренного в совершении преступления, его социальном окружении, возможных каналах сбыта украденного имущества и другие данные, необходимые для проведения рас-

следования. Но сотруднику не стоит забывать о соблюдении принципов конфиденциальности и защиты личных данных несовершеннолетних; необходимый объем информации о подростке должен использоваться исключительно в рамках расследуемого уголовного дела и не должен стать доступным третьим лицам без соответствующего разрешения или приказа компетентных органов власти.

Необходимо подчеркнуть значимость сотрудничества следователя с подразделениями, специализирующимися на расследовании преступлений несовершеннолетних, при расследовании серийных преступлений, преступлений, совершенных в различных населенных пунктах или на транспорте. Инспекторы могут оперативно получать информацию о таких преступлениях, они обладают ресурсами, которые могут существенно помочь в выявлении обстоятельств и разрешении сложных случаев, особенно когда несовершеннолетний преступник перемещается на большие расстояния для совершения нового преступления.

Проанализировав практический опыт и мнения ученых, можно выделить следующие формы взаимодействия органов предварительного следствия с подразделением по делам несовершеннолетних:

- 1) совместное планирование мероприятий и производство следственных действий;
- 2) взаимодействие на основании поручений следователя;
- 3) коммуникация (обмен информацией).

Представленные формы взаимодействия включают в себя набор приемов, которые отвечают содержанию каждой конкретной формы. Рассмотрим приемы взаимодействия более подробно.

Первая форма взаимодействия – совместное планирование мероприятий при расследовании преступлений – заключается в установленной координации усилий по определенным планам, распределении ресурсов субъектов взаимодействия. Также к данной форме взаимодействия относится совместная организация и проведение следственных действий. Как верно отмечено А.М. Багметом, «планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий обеспечивает достижение высоких результатов в раскрытии и расследовании преступлений,

поскольку все необходимые мероприятия по уголовному делу удастся провести оперативно и более качественно» [9, с. 340]. Данная форма может быть реализована с помощью следующих приемов:

1) организация специализированной следственной группы, в состав которой в обязательном порядке входит представитель органов предварительного следствия и инспектор подразделения по делам несовершеннолетних;

2) проведение проверки в окрестностях места совершения преступления ближайших спортивных секций, молодежных клубов и других центров для несовершеннолетних;

3) установление потерпевших и поиск свидетелей;

4) проведение проверки среди несовершеннолетних и взрослых лиц, недавно вышедших из мест лишения свободы, осужденных за преступления против собственности, для выяснения их возможного участия в расследуемом преступлении;

5) определение роли каждого участника и их связи (если преступление совершено в группе);

6) установление связей между группами подростков и преступными группами, в которые входят взрослые;

7) проверка причастности несовершеннолетних к совершению других преступлений;

8) организация беседы с законными представителями о подростке, его интересах, круге общения, особенностях поведения и др.;

9) организация консультаций психолога и (или) социального педагога с родителями подростка, ведущего асоциальный образ жизни, и с самим подростком;

10) анализ интересов ребенка, в том числе анализ социальных сетей (групп, сообществ, контента блогеров, за которыми следит подросток) на наличие неприемлемой для несовершеннолетнего информации;

11) совместное производство необходимых следственных действий:

– осмотр места происшествия, осмотр места жительства несовершеннолетнего лица;

– установление мест нахождения (сбыта или хранения) похищенных вещей и их изъятие;

– освидетельствование несовершеннолетнего подозреваемого;

– производство следственного эксперимента с участием подростка;

– проведение допроса, проверки показаний на месте и очной ставки несовершеннолетнего лица с участием законных представителей, педагога (психолога) и адвоката, а также проведение данных следственных действий с другими участниками уголовного процесса;

– получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

– организация и проведение опознания с участием несовершеннолетнего подозреваемого и статистов;

– производство судебной экспертизы (судебно-психологической, дактилоскопической, трасологических экспертиз следов орудий и инструментов, следов ног и обуви, запирающих механизмов и сигнальных устройств и др.).

Вторая форма – взаимодействие, которое осуществляется по указаниям и поручениям следователя. Данная форма предполагает реагирование инспекторами по делам несовершеннолетних на конкретные указания, данные следователем, структурированные для сбора конкретной информации о преступлении и криминальном поведении несовершеннолетнего лица. Данная форма реализуется посредством следующих приемов:

1) поручения о производстве следственных действий;

2) истребование справок и характеристик о личности несовершеннолетнего обвиняемого;

3) поручения для проведения бесед с сотрудниками учебного заведения и обучающимися в целях предупреждения преступлений среди подростков;

4) запрос характеристик законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого;

5) поручение об исполнении постановления о задержании несовершеннолетнего лица;

6) обследование местожительства несовершеннолетнего лица (условий проживания).

Третья форма взаимодействия – обмен всей имеющейся информацией о несовершеннолетнем лице между следователем и подразделением по делам несовершеннолетних. Это может быть информация о самом подростке (приметы, образ жизни, окружение и т. д.),

о совершенном преступлении (место, время, способ и др.), сведения о потенциально криминальных сборах групп несовершеннолетних в определенных местах и другая информация, касающаяся подростковой преступности. Данная форма взаимодействия предусматривает следующие приемы:

1) регулярные совещания (обсуждение информации о криминальной обстановке среди несовершеннолетних на определенной территории, обсуждение проблемных моментов, касающихся несовершеннолетних);

2) совместный выезд на место преступления по делам, где в качестве подозреваемого выступает несовершеннолетнее лицо;

3) получение информации из баз данных;

4) прием обратной связи (оценка действий следователя сотрудниками подразделения по делам несовершеннолетних с точки зрения понимания подростковой психологии и дача рекомендаций);

5) изучение личного дела несовершеннолетнего.

Реализация рассмотренных приемов взаимодействия следователя с подразделением по делам несовершеннолетних обеспечит всестороннее рассмотрение и расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними. Важно отметить, что применение всех приемов в комплексе повышает не только уровень расследования дел данной категории, но и затрагивает вопросы предупреждения и профилактики подростковой преступности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день отсутствует четкая система приемов и форм взаимодействия следователя с подразделением по делам несовершеннолетних. Данный факт приводит к неэффективному использованию профессиональных ресурсов и недостаточной защите интересов несовершеннолетних в процессе расследования. В свя-

зи с этим считаем необходимым разработать и внедрить специальные частные приемы, которые будут отвечать реализации взаимодействия следователей с подразделениями по делам несовершеннолетних с учетом особенностей возраста подозреваемого и его поведения (отношения к процессу расследования). Представляется, что предлагаемые приемы взаимодействия будут способствовать объективности и всесторонности расследования преступлений, совершенных подростками. Объективности проводимого расследования будет способствовать комплексная работа указанных служб, что позволит получить наиболее полную информацию о подростке и его социальных связях. Формирование совместной работы должно строиться на системных приемах, основанных на уже устоявшихся и хорошо реализуемых формах и приемах взаимодействия. Необходимо отметить, что сотрудничество следователя и подразделения по делам несовершеннолетних должно выстраиваться на основании закона, с учетом разграничения отдельных полномочий, которые по служебным возможностям может выполнять только один из субъектов; это необходимо, чтобы деловой контакт не подменялся незаконной передачей полномочий. Такое сотрудничество обеспечивает тщательное рассмотрение каждого уголовного дела, по которому в качестве подозреваемого выступает несовершеннолетнее лицо, гарантируя при этом обеспечение соблюдения прав и законных интересов подростка. Только таким образом можно обеспечить более эффективную, организованную и сплоченную совместную работу органов предварительного следствия с подразделением по делам несовершеннолетних. Реализация новых методов и форм взаимодействия способствует не только более эффективному расследованию преступлений несовершеннолетних, но и созданию условий для формирования здоровой социальной среды для развития подростков и благополучия всех членов общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурлака С.А. Цели принудительных мер воспитательного воздействия / С.А. Бурлака // Российский следователь. – 2013. – № 5. – С. 25–28.
2. Криминалистика : учебник / под ред. А.Г. Филиппова. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 352 с.

REFERENCES

1. Burlaka S.A. Goals of compulsory measures of educational influence. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 5, pp. 25–28. (In Russian).
2. Filippov A.G. (ed.). *Criminalistics*. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 2000. 352 p.

3. Криминалистика : учебник : в 3 т. / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва, 2014. – Т. 2. – 559 с.
4. Герасимов И.Ф. Теоретические проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. – Москва, 1979. – 45 с.
5. Криминалистика / под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – Москва, 1988. – 670 с.
6. Богуславский А.В. Понятие, формы и субъекты взаимодействия при раскрытии и расследовании наркопреступлений в уголовно-исполнительной системе / А.В. Богуславский // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 4. – С. 3–10.
7. Криминалистика / под ред. А.Н. Васильева. – Москва, 1980. – 462 с.
8. Оспанов С.Д. Взаимодействие следователя с органами дознания : учебное пособие / С.Д. Оспанов. – Караганда, 1992. – 88 с.
9. Багмет А.М. Планирование как одна из форм непроцессуального взаимодействия следователей с органами дознания при раскрытии и расследовании массовых беспорядков / А.М. Багмет // Российский следователь. – 2012. – № 6. – С. 336–342.
3. Bastrykin A.I. (ed.). Criminalistics: textbook. Moscow, 2014. Vol. 2. 559 p.
4. Gerasimov I.F. Theoretical problems of solving crimes. Moscow, 1979. 45 p.
5. Panteleev I.F., Selivanov N.A. (eds.). Criminalistics. Moscow, 1988. 670 p.
6. Boguslavsky A.V. Concept, forms and subjects of interaction in the detection and investigation of drug crimes in the penal system. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2012, no. 4, pp. 3–10. (In Russian).
7. Vasilyev A.N. (ed.). Criminalistics. Moscow, 1980. 462 p.
8. Ospanov S.D. Interaction of the investigator with the bodies of inquiry. Karaganda, 1992. 88 p.
9. Bagmet A.M. Planning as one of the forms of non-procedural interaction between investigators and bodies of inquiry during the disclosure and investigation of mass riots. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 6, pp. 336–342. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ушакова Виктория Викторовна – адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ushakova Victoria Victorovna – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel.

Статья поступила в редакцию 10.03.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 10.03.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2024

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 2 (76) 2024.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 24.06.2024 г. Вышел в свет 28.06.2024 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 24,95. Уч. изд. л. 21,46. Тираж 65. Заказ 44.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12

